

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
5 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2015**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Немцы с русской душой	5
Эрика Гуммель-Медведева. «Жизнь как жизнь»	7
Светлана Шлыкова. «Александр Миллер: «Слышу музыку дзюдо»	13
Эльдар Гизатуллин. «Александр Миллер: «Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарён человек от природы»	16
Из биографии Ирины Штаух (урожд. Шифердекер)	17
Альбина Золотухина. «Я же всем чужая была. Две недели ко мне в кабинет вообще никто не заходил. Это сейчас приемная полна народу...»	21
Татьяна Стефанив. «Счастье, когда слышу детский смех»	24
Лидия Садникова. «Владимир Веккер: «Для германских музыкантов я – соперник»	28
Татьяна Синецкая. «Веккер Владимир Павлович»	30
Румия Бульхина. «Александр Фриш, заслуженный артист России: «Я рад, что сел в поезд, который привез меня к мечте»	36
Марина Морозова. «Знаменитый клоун навестил город детства»	39
Татьяна Марьина. «Фридрих Липс - баянист, покоривший мир, помнит родной Еманжелинск.	40
А. М. Стороженко. «Мастер-класс Фридриха Липса»	44
Александр Ведерников. «Пою в свое удовольствие...»	48
Мы пойдем по пути Шварцнеггера	49
С опорой на трудовой коллектив.	52
Виктор Чигинцев. «Бременский музыкант»	53
Ludmilla Ponomarjowa. «Direktor Maxim Klein – Menschals Legende»	55
Станислава Сазонова. «Мечи и лики. Уроженка Косихи Нина Лохтачева возрождает златоустовскую гравюру.	57
Slatouster Gravuren oder die Kunst des Versch?nerns Kunsthandwerk.	59
Юлия Калинина. «Константин Тротт, начальник управления образования Центрального района Челябинска: «Элиту мы выучили в 70-80-х годах, сейчас мы учим всех»	60
Виктор Чигинцев. «Трилогия судьбы».	64
Виктор Рискин. «Родное гнездо Отто Горста»	66
Светлана Долгушева. «Виктор Гринимаер, руководитель магнитогорской городской общественной организации «Общество немецкой культуры»: «Две мировые войны XX века подорвали братские отношения между русскими и немцами, которые существовали веками»	68
«Владимир Гинтер»	72
Виктор Чигинцев. «Подарки» Палеозоя».	73
Боос Виктор Яковлевич	75
Лидия Ивина. «Живая история»	75
Ирина Лейнонен. «Кто я ?» Биография»	77
Елена Щапова. «Сто лет Фишера. Житель Потанино охранял Сталина и Молотова»	82
Ирина Патрикеева. «О тех, кто рядом»	83
Александр Миллер. «Давайте начистоту»	85
Александр Миллер. «Может, хватит плакаться?»	86
Новита Закатова. «Профессору ЮУрГУ В. Клейману - 80 лет»	87
Юрия Фоос. «Повесть в несколько слов»	90
Лев Рохлис. «Детали радости скупые...»	90
Артур Кабаневский. «Евгений Гафнер: «Ушёл из полиции из-за коррупции ноябрьских чиновников»	92
«Этот человек принадлежит государству»	96
Э. Китаева. «Крылья для «Бурана»	97
Сергей Белковский. «Челябинскую школу посетил космонавт Максим Сураев»	98
Т. Ю. Адукова. «Геолог Павел Иванович Отто»	98
«Первооткрыватели»	99
Н. В. Гусева. «Фидлер Владимир Федорович»	103
А. Джапаков. «Соль земли»	105
Владимир Тихомиров. «Дело было на Урале».	109
Сергей Любчанский. «Бакал: прошлое, настоящее, будущее».	111
«Бергер Франц Христианович»	112
«Риб Эвальд Карлович. Биография»	113
Валентина Косолапова. «Из Копейска — в космос!»	116

Виктор Чигинцев. «Шахтерский характер»	120
Валентина Косолапова. «Немцы Копейска – Герои Социалистического труда».	122
Валентина Косолапова. «Взгляд на мир через объектив фотоаппарата».	124
Виктор Чигинцев. «Христофор, потомок крестоносцев».	126
Виктор Чигинцев. «Жизнь и судьба копейчанина Христофора Балько»	126
Христофор Балько. «Народ казахский, с юности родной»	129
Надежда Емельянова. «Писатель с немецкими корнями и русской судьбой»	130
Рафаэль Соколовский. «О пользе иностранных языков»	131
Борис Титов. «Мечта? Олимпийские игры!»	137
Надежда Рудых, Татьяна Резницкая. «Коллекция Струве-Оттена» культурно-художественный объект»	138
Сергей Бородин. «Путем свершений и побед»	142
Игорь Винк. «Непростые судьбы простых копейских немцев»	143
Александр Александрович Менг. «Биографическая справка»	146
Алла Дерновая. «Ариец, характер нордический...».	146
Лидия Садчикова. «Ростислав Гепп: «О юбилеях не мечтаем»	149
Научная школа профессора А. Ф. Аменда	151
Беляков? Нет, Зиберт!	154
Виктор Чигинцев. «Мост в Сибирь»	159
Анна Богданова. «Женщина в «русском стиле» даст хулиганам отпор»	160
Юбилей: и нет ему покоя...	163
Сергей Бородин. «Путем свершений и побед»	164
Виктор Чигинцев. «Особняк как альтернатива бараку»	166
Адольф Людвигович Нидеккер	167
Немецкий порядок	168
Aus dem Leben von Heinrich Grigorjew – Epp	169
В. Вачаева. «Их пригласила императрица Екатерина, а посадил генералиссимус Сталин	170
Больгер Фридрих Давидович.	172
Виктор Чигинцев. «Строка рабкора».	175
Георгий Боровлев. «Наставник по жизни»	176
Виктор Чигинцев. «Памяти дяди Саши»	178
Поликультурное пространство.	180
Елизавета Воробьёва. «Немецкие традиции металлургов»	181
Лидия Панфилова. «Понаехали тут!»	184
Послесловие	187
Приложение.	188

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

НЕМЦЫ С РУССКОЮ ДУШОЙ

Уральские немцы много сделали и сейчас делают для процветания родного края. Имена многих знают не только в России, но и далеко за ее пределами. Судьба каждого героя публикации уникальна. Поразительно, но их объединяет одно – они не только с немецкими корнями, но они никогда не забывали свои национальные корни. Судьба народа, к которому их отнесла судьба, потребовала от них удесятисенных усилий для достижения заветной цели.

Статьи публиковались в течении последних 20 лет. В них чувствуется дух времени: период жизни в СССР и строительство новой России. Это придает материалам особый колорит и ценность.

Эрика Гуммель-Медведева

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ **(о моей матери и не о ней одной)**

«...Чтобы тень по стене не бродила –
Уровняли те стены с землей,
И тянулись крестами могилы
К небу вверх над деревней моей».

Из цикла «Родина»

Между датами 1912 и 1988 стоит черточка. Эти даты рождения и смерти моей матери, Эрны Фридриховны Гуммель, уроженки села Динкель, кантон Куккус, Саратовской области, бывшей АССР немцев Поволжья, спецпоселенки села Пресновка, Северный Казахстан, по духу россиянки. Последний пункт в документах не значит, о чем можно только пожалеть. В черточку между датами вместились то, что она была художником, поэтом, учителем, дояркой, завфермой, лесорубом, преподавателем зарубежной литературы Тюменского университета, матерью, бабушкой и прабабушкой. И совсем недолго и не так ужасно – женой. Вот эту-то черточку и все, что ЗА ней, надо вписать в узкую газетную полосу.

Старшему поколению немцев имя Эрны Гуммель говорит немало. Ее нежные, лирические стихи очень часто мелькали на страницах немецких газет «Freundschaft» и «Neues Leben». В этом году ей исполнилось бы 80 лет. Она умерла от рака и не только от него. Сложись ее жизнь иначе, из-под ее пера вышло бы немало хороших стихов, а из-под ее кисти

тонких неповторимых пейзажей. Но вся ее жизнь – это повтор судеб тех немцев, которые и так уж ПО СЛУЧАЮ остались живы, так что речи о каком-то ИНАЧЕ быть не могло. ПРОФЕССИОНАЛЬНО написать о творчестве Эрны Гуммель – это задача, выходящая за пределы моих возможностей. Поэтому я опускаю подробности и даю даю несколько чисто личных зарисовок – в память о моей матери.

В светлую ее память.

Бывают роковые дни, а бывают и роковые месяцы. И хотя мама родилась 14 июня, а я – так и вовсе в День смеха 1 апреля, все важнейшие события нашей жизни так или иначе связаны с августом. Наши предки приехали в Россию в августе 1764 года осваивать пустоши Волги. Они пополнили собой ряды учителей, а их потомки ряды тех, кого 37-й отправил в места достаточно отдаленные. А 28 августа 1941 года нас объявили врагами народа и повезли этапом в ссылку.

Помните мои односельчане?

Дорога шла через опустевшие села. Над караваном скорби стоял стон. Люди шли в

неизвестность, и их, непривыкших бунтовать, сердца тянулись к единственно оставшейся надежде – к Богу. Они пели псалмы вперемежку со скорбной песней изгнанников: «Nun? Ade? Mein liebes Vaterland, lieb Wolgaland, ade !..» Даже мужчины плакали.

В кустах по краям дороги стояли пулеметы. Люди в военных одеждах негромко переговаривались между собой, слышалось: «Диверсанты, диверсанты». И тогда вид пулеметов в кустах производил на них успокаивающее впечатление. Блаженны те, что не ведают...

На рассвете 14 сентября нас привезли к месту назначения и остановили у озера Питное, на окраине села Пресновка, Северный Казахстан. Восходящее солнце золотило и без того яркие листья берез и осин. Природа была добра, добрее людей. Еще вчера в наш караван летели камни отнюдь не в переносном смысле, кричали вслед «фашисты», «гитлеры». А сегодня покой новорожденного дня, водная гладь озера и степь. Мы ожидали сибирские холода, а оказались в раздолье бабьего лета.

Степь пахла полынью, оставленной позади родины и детством. Проводник, которого мы не могли называть конвоиром, видел эту красоту уже в сотый раз. Для него она не была редкостью. Но он умел радоваться чужой радостью и смягчить чужую боль. Его сердце было умнее должности и мудрее газетных призывов. «Ничего-ничего, - скороговоркой произносил он ставшие уже знакомыми слова, - Ничего-ничего» - пробивался он через языковой и психологический барьер...

Привезли лопаты. Крестьянские крепкие руки моих односельчан быстро освоились с нехитрым делом, и к вечеру этого же дня на окраине села Пресновка родилась новая улица, немецкие землянки из дерна. Позже на этих местах вырастут дома Амалии и Генриха Шеффер, дома Анны Шмидт, дома Кребсов, Геллеров, Руди, Веберов – аккуратные немецкие дома с ухоженными огородами. Но я забежала на несколько лет вперед. А сегодня – голод, неустроенность, языковой барьер – и трудармия, лицемерное название концлагерей для российских немцев.

Весна сорок второго. Поток крови хлынул у отца из горла. Это прорвалась скрытая болезнь. Ему оставалось жить три месяца и три дня. Предыдущие 29 лет были потрачены на то, чтобы найти себя – сперва это заслуженный учитель истории, затем бухгалтер, который в свободное от цифр время грузит мешки с зерном. Отнюдь не добровольно и без скидки та только что перенесенную операцию. Отец бы выдержал, не выдержал шов. Я стояла рядом и все видела. Отец молчал в ответ на ругань приставленного к нам – нет, к нему человека. Он как-то неловко все клонился и клонился вправо, словно именно оттуда из него уходил мощный запас жизни... Затем начался кашель.

Память выхватывает последние дни папы.

Мы жили тогда на квартире у Малихиных, добрых и милых людей. Как и сегодня, деньги тогда не имели цены, за квартиру платили вещами. Шелковое платье за прожитый месяц – и обе стороны почти что довольны. Но когда месяц спустя хозяйке пришла похоронка, она, почернев лицом, изошлась в крике. Она прижала к груди трехлетнего Мишку, Стешка и Груша цеплялись за ее руки ...«Уходите! Уходи-и-и-ите!» Она не могла больше видеть нас – НЕМЦЕВ.

В землянке, куда мы ушли за два дня до смерти папы, жило еще три семьи.

Отец умер в августе сорок третьего. Его смерть была ПЕРВОЙ смертью среди спецпоселенцев. (За ней последуют сотни и сотни, но это уже потом). «Учитель умер, - пронеслось в народе, - учитель умер...»

Притихшие люди сбивались стайкой возле нашей землянки, заполнили Немецкую улицу, из окрестных деревень шли все новые. А уже действовал указ о невыезде из «приписанного» села дальше двух километров. Удивленные жители села Пресновка впервые услышали пение надгробных псалмов – это шли веберы, шеферы, масты, шли гофманы, геллеры, шмидты, шла длинная процессия отверженных по пыльной, жаркой улице Береговой, и над этим скорбным шествием неслась зауспокаивающая песня моих предков. И, надеюсь, потомков. Они пели, не зная, что поют последний раз, что им будет запрещено собираться вместе и петь. Но это была чисто местная бдительность.

В этот день 26 августа пришли арестовывать моего отца, как врага народа. А мама пополнила собой ряды вдов.

Внешне мама смотрелась нежной и беззащитной, словно ботичеллевская женщина. А гремевший над нами шквал требовал в сибирском тылу бойцовских качеств. На ней лежало все: лесозаготовки, жилье, еда, уход за матерью, за умирающим мужем. И где-то на обочине ее жизни – я, неухоженное неприсмотренное дитя военного времени. Этой неухоженностью и неприсмотренностью я разделила судьбу ВСЕХ детей ВСЕХ матерей нашего села независимо от национальной принадлежности. Конечно, не считая детей начальства. Они были от нас столь далеки, как коммунизм от того, что мы всем скопом строили столько лет. И поэтому будто и не существовали...

Я уже писала о трудармиях Челябинска, Севера, Караганды. Сегодня мой очерк о самых что ни есть счастливицах – тех кого этот ад миновал.

Хрупкая снаружи мама была танком внутри. Или бронетранспортером. Сорок второй год унес отца и принес неожиданный поворот судьбы: маме была предложена должность учителя в школе. И на много лет вперед – комендатура, «отметки» в самом что ни есть неурочное время. Грустный опыт унижения – когда нас стали поднимать задолго до рассвета, в любую погоду. Мы стояли в этой

очереди и прятали глаза. Мимо нас шли мои ровесники, они знали ЧТО это за очередь. У каждого свои счеты с жизнью. Вероятно, мои одноклассники считали, что здесь действует высший закон справедливости: око за око, немец за немца.

Шли годы.

Мама никогда не была бессловесным агнцем и могла за себя постоять. И не за себя одну. Она умела, когда надо, бить наотмашь, забывая начисто о несправедливости спецпоселенки.

В учительской школы, где работала мама и училась я, атмосфера была накалена до предела. Яркая молодая учительница из прошлых увела из семьи другой учительницы мужа и теперь упивалась безнаказанностью своих действий. Случай сам по себе знаменательный: горожанка долгое время была якобы лучшей подругой семьи. Надо знать, КАК реагирует село: такого почти не случалось. А в учительском тесном коллективе и подавно. Здесь каждый член этого злосчастного классического треугольника был приговорен работать бок-о-бок друг с другом.

Брошенная сидела у стола. Ее иконный лик был непроницаем. Юная победительница стояла у окна и зябко кутала изящные плечи в ажурную шаль, рука на плече отвоеванного яблочка раздора. Жест собственницы. «Ваша Эрика, - небрежно обронила она матери, опять сегодня локоны распустила». Малышка явно чувствовала, что спецпоселенка – второго сорта человек, и любой выпад против нее встретит понимания. Это была явная неосторожность. Мать спокойно: «Вы совершенно правы. Я оказалась не очень хорошим воспитателем своей взрослой дочери. Но одно я втолковала ей крепко: НЕ ЛЕЗЬ в чужую семью».

После этого случая первоначальный ледок в голове ее коллег растаял окончательно. Мужество моей матери, прямота и цельность ее характера вызвали безусловное восхищение.

«Эрика всегда врет», - это Волга, впадающая в Каспийское море.

Меня всегда интересовали чужие жизни, но не в плане сплетни – кто с кем – а сама неповторимость судеб. Я коллекционировала судьбы и раскладывала их по одной мне видимым полочкам. Люди-судьбы тихо лежали и ждали своего часа. Вернее, МОЕГО часа. Если я не угадаю час, человек-судьба получается неясным и расплывчатым, как снимок начинающего фотографа. Повторы были для меня скукой, и в пересказах я бойко жонглировала фактами.

Мама не терпела лжи. И не солгала ни разу в жизни.

У многих людей лож порождена трусостью. Боязнь не понравиться другому. Ложь, порожденная комплексом неполноценности. Я же лгала легко и вдохновенно, везде был подтекст: а ТАКОЙ вариант этой жизни – ведь тоже возможен? Я проживала таким образом не одну, а десятки жизней на заданную тему. И

это приводило мою правдивую мать в отчаяние, легко переходящее в ярость. Не имея времени на педагогические тонкости, мать пользовалась домашним способом воспитания – прутотом. В нашем доме не было мужчин, следовательно, и ремня. К слову сказать, мама наказывала прутотом меня одну. Остальные дети росли послушными ангелочками, но всех унесли голод, неустроенность и их попутчики – болезни. И только я с упорством звереныша цеплялась за мне дарованную жизнь.

Родственную душу в смысле фантазирования я встречала только раз и то во вражеском стане.

У учительницы географии были рост и фигура подростка, а лицо старушки. Она не была ни тем, ни другим. Не имея ничего, чем жить, она жила идеями. Или тем, что она за них принимала. Немцев она терпеть не могла и между любым немцем и фашистом ставила знак равенства. Это был тот случай, когда к высшему образованию не добавилось хотя бы среднего образования. Свою нелюбовь к немцам **ВООБЩЕ** она переносила в повседневность и на уроках в лучшем случае смотрела сквозь меня. Но для этого ей надо было уж очень устать. С мамой ее связывала своеобразная терпимость-неприязнь: эти две женщины жили в **ОДНОЙ** – школьной – квартире, даже в одной комнате, разделенной фанерной перегородкой на два лагеря. Наши и немцы. И в том, в другом лагере было жутко голодно. Часто в доме по 2-3 дня не было ни крошки съедобного: лебеда и крапива давно уже стали большой редкостью.

В нашем доме, поделенном на два лагеря, в воздухе трещали невидимые миру искры. Не день, не два. Годы. При этом иногда велась почти светская беседа.

- У меня был жених. Летчик. Только он сгорел, - Серафима Алексеевна проговаривала эту страшную вещь (они иногда обсуждали чисто женские проблемы) голосом будничным и безинтонационным, таким, каким по утрам говорят, какое небо голубое. Я сидела на полу и играла с котенком. Мы с географичкой встретились глазами, и я поняла, что она сейчас тоже примеривает жизнь с чужого плеча, и что жизнь эта скроена не по ее выкройке. И еще я поняла, что она поняла, что я поняла... Я переменялась к ней с тех пор, когда поняла, что за вызывающей фразой «Вот когда я ездила...» - и дальше шло любое географическое название, разве что только не Африка! – стояло ее горячее желание быть там. Мало того! Вы, Серафима Алексеевна, **ВЕРИЛИ** в то, Вы там **БЫЛИ**, во всяком случае, Вы могли там быть, а это ведь почти одно и то же! В отличие от нее, спецпоселенцев, которые не имели права уходить дальше уже упомянутых пресловутых двух километров, даже за лебедой. **Бес-срочно!** А раз бессрочно – значит, вечно.

За вину надо платить. И чаще плата больше, чем вина.

Тебя уже нет, равно как и Вас, Серафима Алексеевна. Кончились наши варианты не-

прожитых жизней, от которых я бы теперь с удовольствием отказалась. Человек никогда не бывает достаточно взрослым, чтобы быть готовым потерять мать. Остается уповать на обещание доктора Моуди – что ты придешь за мной в час моего ухода. Может быть, даже с папой. Хотя ты ушла в семьдесят пять, а папа в неполные тридцать. Так что папа придет за мной и будет моложе моего сына, как будто не папа вовсе.

Зима сорок шестого пришла непосредственно после жаркого лета и засыпала глубоким снегом поля с неубранным картофелем. Позже, зимой сорок седьмого, мы по колено в талой воде, будем добывать из-под снежной кашицы перезимовавший картофель и печь из него черные лепешки. Долго это будет единственным нашим спасением. Оттуда я в дальнейшую жизнь привнесла суставной ревматизм и жаркую нелюбовь к картофельным лепешкам. Пока же еще только Октябрьские праздники, снег, праздничный митинг, и рядом с невыкапанной картошкой поля неубранной колхозной свеклы.

Митинг был обязательным для всех. Зорко высматривались те, кто был недостаточно празднично настроен или кто не явился бы вообще. Неявившихся не было.

Я воровала как маленькая крыса. Мои голубые глаза зорко высматривали очередную добычу. Я никак не могла оставить без внимания это – сегодня ничейное – поле со свеклой. Постоянный голод внес коррективы в строгое домашнее воспитание. Мы с подружкой Валькой Нуждиной носились угорелыми кошками мимо этого вождя этого места, то и дело хватая свеклину и засовывая ее себе за пазуху: сооружали бюст. Мы ничем не рисковали: село целомудренно. Можно схлопотать подзатыльник, но никогда – вольный жест по отношению к детям.

Мама говорила со мной сухо и бесцветно. Видно, весь запас эмоций у нее был израсходован на борьбу за дело Ленина-Сталина и на меня второго запаса уже не осталось. Я по опыту знала, что в такие минуты мне ничего не грозит, мама просто выключила меня из своего активного сознания и нуждается только в слушателе. До того момента, когда она почерпнет энергию из неведомого энергоисточника. Поэтому она выкладывала свои праздничные митинговые новости, а я воровала свеклу.

Кроме прочего, мама прекрасно рисовала. Особенно удавались ей пейзажи. Сегодня ее пейзажи окружают меня, их много, мама щедро одаривала ими своих и моих друзей и, как всякий от души дарящий, была этим прежде всего счастлива сама. Она настолько поклонялась Красоте, что додумывала к ней то, чего не было. Но по закону гармонии должно было быть.

Мой затянувшийся период Гадкого Утенка не завершился традиционным Лебедем. Я не могла вдохновить перо и кисть мамы, равно

как и моя подруга Валька, взаимоотношения с которой состояли из неразрывной цепи драк и примирений.

Вальку я любила, а красавице Тоньке завидовала. Дом Нуждиных стоял напротив дома Тоньки Приходько. Мать восторгалась Тонькиной красотой и упорно не замечала ее недостатков. А Тонька постоянно говорила не своим голосом и садилась не в свою позу. Это был ее способ привлекать к себе внимания. Она готовилась к своей роли Красавицы как к призванию. Тонька вызывала удивление с первого взгляда и скуку со второго. Это не мешало моей маме набрасывать Тонькины фасы и профили до тех пор, пока мы с верной Валькой однажды не сожгли их все в печке. Но Тонька продолжала жить в творчестве мамы, сама того не ведая: теперь мама посвятила ей несколько стихотворений. Они написаны на немецком языке, а у Тоньке с иностранными равно как и с родным языком стабильное взаимонепонимание.

К слову, о манере мамы писать – так называемая творческая кухня. Написав цикл стихов, мама вроде бы теряла к нему всякий интерес. И ходила по дому опустошенная. Через несколько дней достает написанное, читает, подчеркивает, переписывает. Начинается черновая работа. Но окончательным остается ПЕРВЫЙ вариант – тот, который написан на одном дыхании.

Стихи мамы почти не переведены на русский язык. В «Антологию советских немецких писателей» творчеству Эрны Гуммель уделено достаточно большое внимание, но и там приведены далеко не лучшие из ее стихов (Алма-Ата, Казахстан, 1982, т. 2, стр. 88-92). В 1967 году в самиздате по России прошли стихи о родном языке. Этот цикл стихов был опубликован после ее смерти через неделю. До сих пор я получаю письма от друзей из Америки, Германии, России с просьбой прислать текст этого цикла.

Немцы жили и выживали как могли. Те, кого не унесла трудармия, поспешили отмежеваться от самих себя. Их пятимиллионной немецкой прослойки в России при одной из последних переписей населения в пятой графе три миллиона указало любую другую национальность, только не немец. Носители языка упорно общались друг с другом на русском языке, рождая диалоги типа: «Наша Эльза самуш вилель». – «Са кому?» - «Са Федька-бультозер».

Не их вина, их беда.

Два оставшиеся миллиона слились с остальным населением бывшего Союза, и только сегодня началось повальное и не столь уж почетное бегство в Германию, они снова разбухли до семи миллионов. Надо полагать, этого никакая Германия не ожидала и никакая Политика Гостеприимства не выдержит. А моя страна теряет хороших работающих людей, и от этого массового отъезда российских немцев в Германию выигрывает не Россия.

Снова забежала вперед.

Мой ровесник Андрей Реклинг был одной со мной крови. Мы учились в параллельных классах. От Андрея Реклинга я не услышала ни одного немецкого слова. Как, впрочем, и он от меня. Мы не сговаривались, сговори-лась сама жизнь, обстановка. По ходу жизни Андрей потерял у своей фамилии конечное «г» как ящерица прищемленный хвостик. Фамилия зазвучала совсем по-русски: Реклин. Рек-лин. Мимикрия, порождение системы. Теперь же, когда все немцы и полунемцы,

Мама в юности мечтала стать балериной или знаменитой певицей. Вместо этого ей при-шлось стать стойким оловянным солдатиком. Неизвестно, кем бы еще стала моя мама в той, будто и не существовавшей жизни, когда она пела, а папа Павлик сопровождал ее пение игрой на фортепиано. Дуэт мамы распался в уже упомянутом августе сорок первого, когда в нашей жизни не стало не только фортепиано, но и крыши над головой, не говоря уже поводе для песен, а их сознательная жизнь еще какое-то время длилась. До следующего августа. Потом не стало Павлика.

Мой сын унаследовал музыкальный слух своего юного деда и его внешность, так что Павлик прыгнул через поколение в мое сегодня. А моя внучка Эрика носит мое имя и смотрит в мир глазами Павлика удивитель-ной промытой синевы. Но это уже о других судьбах.

У меня отличная память на цифры и абсо-лютно никакой на имена и фамилии. По сей день помню, что моя подруга жила в доме № 17 и родилась 13 мая. А дружили мы с ней 50 лет тому назад. Зато я никак не могу вспомнить фамилию четы врачей, приехавших в Пресновку сразу же после войны. Я сломала ногу, и они потребовали с моей неимущей мамы огромную взятку за то, наложить на ногу гипс: «А то у Вашей дочери будет пятка на боку». Их фамилия напрочь исчезла из моей памяти, тем более, что она была вовсе не их собственной фамилией, а принадлежала отправленным ими в фашистский крематорий врачам. Их позже разоблачили и увезли в не-известность, а ногу мне сложила медсестра Валентина, которая имела на фронте богатый опыт по этой линии: она собирала из остатков живой человеческий материал и не требовала вознаграждения.

Я листаю в памяти год за годом. Не хочу писать о немецких трудовых лагерях, где в одном только Челябинске было уничтожено около 20 тысяч якобы врагов народа. 17 мая этого года в их память открыт памятник на том поле, где 31 января 1943 года полуживые должны были ломами разбивать кучу смерз-шихся тел – около пятисот трупов. Упомяну лишь, что мысленно стою на коленях перед теми сильными людьми, которые смогли все это организовать, начиная от открытия само-го памятника и кончая Богослужением: перед Гердой Факанкиной, Густавом Гофманом, Иваном Фастом, Александром Леонгардтом,

перед бывшими трудармейцами и узниками тюрем, среди которых был Герхард Цейтлер – и тысяч, тысяч, тысяч других. Я горжусь честью быть с ними знакомой. Обо всем этом будет еще написано – в другое время и в другом месте. Сегодня же я возвраща-юсь в свое нищее детство для того, чтобы увидеть ту яркую, талантливую женщину, которая посреди войны, ссылки, унижения, бесправия, лесоповала, голода НИКОГДА трусливо не отказывалась от своей нации, от своего языка, которая пела, рисовала, писала стихи, учила детей – да простится мне этот расхожий штамп – добру и справедливости. Она не пряталась и открыто говорила:

*О мой язык, причина унижений,
Потери крова, горя и лишений!
И в час отчаянья и беспросветной лжи
ты силы дал мне, чтобы дальше жить.
(Перевод Андрея Ободчука)*

Для матери смыслом и содержанием ее жизни стала ее поэзия «для письменного стола и ее участи в самодеятельности сель-ского клуба.

«Белой акации гроздь душистые...» Песня расколола зал на до и после звучания. До – были поиски места, смешки, переговоры со знакомыми, пожимания рук. После – остава-лись только душистые гроздь белая акации и стройная женщина в крепдешинном платье цвета ранних сумерек. Ей долго хлопали и прощали за эту песню и то, что она немка, и то, что она такая стройная, и даже то, что на ней платье из крепдешина с чайной розой на плече. Впрочем, платье было единствен-ное, не считая рабочего костюма, оно было ТОЛЬКО для этой сцены и в повседневности приравнивалась к пуле: село было всегда в курсе, у кого сколько перемен.

Полина Петровна, сестра писателя Ивана Петровича Шухова, наш школьный завуч, тоже пела с этой сцены. У нее был классический репертуар, сопрано и вишневый бархатный костюм. Тоже ТОЛЬКО для сцены и ТОЛЬКО для исполнения классических романсов. И мама, и Полина Петровна принимали участие в постановке пьесы от «Платона Кречета» до «Коварства и любви». Эта их жизнь называ-лась второй, но еще неизвестно, которая из жизней для них была главнее. Так как они стояли на очень разных ступенях обще-ственной лестницы, о соперничестве речи не могло быть. Полина Петровна как человек воспитанный, умело держала дистанцию как актриса паузу, и ее выразительные черные глаза смотрели холодно.

У моей никогда не болевшей мамы об-наружили рак. От операции она отказалась наотрез. Прячась от страха, она дни и ночи провела в лихорадочном творчестве. Я переехала к ней на Волгу и поделила с ней ее страхи перед завтрашним днем.

Мне всегда хотелось заглянуть судьбе за

угол. Поэтому мои карты всегда затрепаны, как моя собственная судьба. Не заИГРАНЫ, а заГАДАНЫ. Пасьянс упорно не сходится, я упорно не отступаю. Главное – поверить! И я укрепились в вере в возможное чудо. Я ежедневно раскладываю пасьянс для мамы, и заряжала ее верой в то, что сегодня ей будет лучше. Или что сегодня хотя бы не будет кровотечения. Пока я вдруг с ужасом поняла, что мама уже внутренне – сдалась, что мама ждет – именно КРОВОТЕЧЕНИЕ. Что она таким образом уже выбрала для себя – более легкую смерть. Что она панически боялась того, что связано с КОНЦОМ: непереносимой боли, наркотиков, неподвижности, беспомощности. Мой оловянный солдатик – мама терял свою стойкость с каждым часом, и я всегдашняя втора и слабышка, должна стать сильной...

Кровь шла шесть дней. Затем наступил необратимый процесс. Она умирала мучительно долго, но в гробу лежала такой, какой была всю жизнь: цветущая, неподвластная возрасту

женщина с лицом покойным и ясным. Я всегда думала, что слова «словно спит в гробу» являются художественным украшением. Пока не увидела такой мою мать.

Если доктор Моуди прав, что наша душа бродит среди живых, покинув свою физическую оболочку, то душа мамы должна была сильно удивиться: я не плакала. Не менее самой мамы я боялась ее мучительного конца. Теперь страх выходил из меня, а взамен ничего не входило. Со страхом надо было бороться, а попробуй бороться с пустотой. Я перевела взгляд с огромной толпы людей, провожающих маму, на ее лицо. Снег перестал идти, ветер сдул с ее лица несколько приставших звездочек. Теперь снег пойдет не скоро, а для мамы больше никогда.

Мама похоронена там, где родилась: на берегу Волги. Другой родины для себя она не мыслила. Я ее дочь.

Челябинск, апрель-май 1992 года.

ЭРНА ГУММЕЛЬ (1914-1988)

РОДНОЙ ЯЗЫК

Из-за тебя потерял дом родной.
Из-за тебя унижена судьбой...
Он был всегда, твой ласковый мотив,
в моей душе на струнах грусти жив.
Из-за тебя смеялись надо мной,
из-за тебя бывала я немой...
Но если выбивалась я из сил,
ты был со мной, и ты меня хранил.
Из-за тебя трудяги шли в рабы,
могилы рылись, грудились гробы,
но ты был мой, и ты был мной любим,
как очага родного сладкий дым.
Когда же трижды прокляли тебя,
я шла с тобой, твои слова любя.
Когда друзья мою забыли дверь,
ты был моей отрадой, уж поверь!
Я виноватой стала без вины,
но ты входил в мои больные сны,
и я всегда впадала в нервный плач,
когда твои слова кромсал палач.
Ты говорил: «Давай-ка без обид!
Все правда высветит, и победит.
Кто был ко мне порой несправедлив,
разучит мой доверчивый мотив».
Я верила тебе, язык родной,
и снова обретая свой покой,
я из тебя пила, и твой поток опять
мне сердце оживить помог.
Ведь если выбивалась я из сил,
ты был со мной, и ты меня хранил,
а что из-за тебя теряла вдруг,
в общении с тобой найду, мой друг!

ЗАВЕЩАНИЕ

Конечно, будешь плакать ты,
я знаю,
когда исчезну я.
Но все уходит, таковы, родная,
суровые законы бытия.

Но ты же знаешь:
Поросль младая
покроет все могильные холмы
и время лечит...
а за суетою я ухожу -
ущедших редко вспоминаем мы.

Измениться ли что в большом иль малом!
прервут часы
одной лишь жизни ход.
Что мы зовем Концом или Началом,
то для Природы
только эпизод

Сдержи рыдания, если разорвется
меня с тобой связующая нить.
Пусть боль утраты
силой обернется
Ты
продолжаешь жить.

В ВОЛГОГРАДЕ

Здесь, на Мамаевом Кургане,
седая женщина стоит
и помертвевшими глазами
на символ Родины глядит.
Кто не вернулся с этой битвы?
Чей прах взывает к небесам?
Ее беззвучная молитва
от сердца хлынула к глазам...
Я призываю к нетерпению!
К тому, чтоб силы все отдать, -
Чтоб не стояла тихой тенью
в глубокой скорби чья-то мать.

Светлана Шлыкова

АЛЕКСАНДР МИЛЛЕР: «СЛЫШУ МУЗЫКУ ДЗЮДО»

Многие, наверное, знают известный анекдот:

«В день рождения своего тренера хоккеисты потерпели поражение в матче. Все их упрекают: мол, как же так, наставнику не смогли сделать подарок. А спортсмены отвечают, что уже галстук имениннику подарили...»

Так вот, государственному тренеру Челябинской области по дзюдо, старшему тренеру УрФО Александру Миллеру галстуки не дарят. О том, какие презенты делают воспитанники, отчего после схваток у них болят руки, для чего важно уметь делать шаг назад и о многом другом Александр Евгеньевич рассказал «Вечёрке». Несмотря на загруженность на работе, он нашёл время ответить на вопросы своей любимой газеты.

Из досье «Вечернего Челябинска»

Александр МИЛЛЕР

- Государственный тренер Челябинской области по дзюдо, старший тренер УрФО, заслуженный тренер России по дзюдо.

- Трудовую деятельность начал в 1968 году, став учителем физической культуры общеобразовательной школы. После окончания Челябинского государственного института физической культуры работал руководителем физического воспитания среднего профессионально-технического училища № 101, на базе которого был создан один из лучших спортивных центров в системе профессионально-технического образования области, в результате чего дзюдо стало развиваться в 25 училищах Южного Урала.

- С приходом в Челябинский областной совет спортивного общества «Динамо» продолжил работу по дальнейшему развитию дзюдо в области. Многие его ученики стали членами сборных команд России, чемпионами и призёрами первенств и чемпионатов Европы и мира. В сентябре 2000 года его воспитанники Виталий Макаров, Дмитрий Морозов участвовали в Олимпийских играх в Сиднее, а Юрий Стёпкин стал бронзовым призёром. В 2004 году Виталий Макаров стал серебряным призёром Олимпийских игр в Афинах.

- В течение пятнадцати лет Александр Миллер входит в десятку лучших тренеров области. В 1998 — 2000 и 2004 годах был признан лучшим тренером России по дзюдо. В 2000 году был награждён почётным знаком «За заслуги в развитии физической культуры и спорта». По итогам работы года признан человеком года Челябинска в номинации «Физическая культура и спорт». С 2000 года — старший тренер президентского клуба «Явара-Нева» (г. Санкт-Петербург). За это время клуб пять раз становился чемпионом Европы, два раза серебряным и один раз бронзовым, заработав репутацию лучшего клуба Европы.

- В 2002 году Миллеру было присвоено почётное звание «Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации». В 2003 году он награждён медалью «За вклад в развитие олимпийского движения в России». В 2004 году — золотой медалью президента РФ «За достижения на Олимпийских играх в Афинах». В 2005 году — медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. При личном активном участии Александра Евгеньевича в Челябинской области в 2004 году был построен лучший и единственный в России Центр олимпийской подготовки по дзюдо.

- За большой вклад в развитие большого спорта Челябинской области и России, прославление Челябинской области на европейских и мировых аренах, организаторский талант, высокий профессионализм, упорство и волю в достижении цели Миллер награждён знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью».

Занятие

для нормального парня

— **Александр Евгеньевич, вы и дзюдо — как близнецы-братья. Когда в Челябинске говорят про дзюдо, думают про вас. Произносят фамилию Миллер — подразумевают дзюдо. Ваша жизнь с этим видом спорта связана навек. Когда впервые увлеклись борьбой?**

— В шестнадцать лет. Жил в совхозе «Солнечный» и ездил на тренировки в Металлургический район Челябинска. Занимался греко-римской борьбой — секций дзюдо тогда ещё просто не было — в спорткомплексе «Металлург» у Александра Ивановича Алемасова, затем моим наставником был Дерябин.

На тренировку и дорогу тратил каждый день по шесть часов. Сначала приходилось пять километров идти пешком до аэропорта, затем на автобусе № 41 добираться до города. Уезжал из дома сразу после школы, возвращался около десяти вечера.

— **Ради чего такие жертвы?**

— Просто все нормальные парни стараются заниматься единоборствами для того, чтобы быть сильными и как-то проявить себя...

— **Однако деревенские пареньки и так все сильные! Кстати, родители без проблем отпускали в Челябинск? Не требовали вместо спорта по хозяйству помогать?**

— По хозяйству я и так помогал. В сельской местности иначе нельзя. Поэтому родители моему увлечению спортом не противились, а, наоборот, поддержали его.

Тяга совершенствовать других

— **Вы кандидат в мастера спорта и по греко-римской борьбе, и по самбо, и по дзюдо...**

— Борьбой продолжил заниматься в армии, а самбо и дзюдо увлёкся во время учёбы в Челябинском институте физической культуры. Со спортом решил связать жизнь. Но с самого

начала понимал, что, выступая сам, не добьюсь больших успехов.

Чувствовал, что как тренер сделаю намного больше. У меня была внутренняя тяга заниматься именно наставнической работой. Хотелось творчески подходить к делу и доводить спортсменов до совершенства. Официально тренером я начал работать в 1975 году.

Но ещё раньше, после окончания школы, открыл секцию борьбы в «Солнечном». Трое ребят из неё стали даже чемпионами города.

— **Жизнь подтвердила, что вы тренер от Бога. В чём ваш секрет?**

— Я обладаю терпением и выдержкой — качествами, тренеру просто необходимыми. В спорте нужно уметь ждать той победы, которую формируешь, куёшь. В работе порывы не нужны — так результата не добиться.

Я и во время выступлений всегда настраиваю воспитанников на то, чтобы высоту брали по ступенькам. К примеру, спортсмену, чтобы попасть в финал, надо провести несколько схваток.

И когда он готовится к первой, о победе в целом в соревнованиях думать рано. Всё внимание нужно уделить только конкретному поединку, конкретному сопернику.

Кто настраивается сразу на первое место, того ждут неожиданные провалы... В чём ещё, спрашиваете, мой секрет как тренера? Наверное, в умении видеть потенциал спортсмена.

— **Как его разглядеть?**

— Не объяснить. Это как в музыке: кому-то дано быть в ней одарённым, кому-то — нет...

Три тысячи рукопожатий

— **Имена ваших воспитанников сейчас известны всему миру. Когда спортсмены добиваются победы, что чувствуете вы?**

— Радуюсь так же, как и дзюдоисты. Правда, не сразу, а спустя некоторое время, когда начинаю осознавать, чего мы добились. После большой победы и спортсмен, и его тренер

испытывают чувство опустошённости.

А ещё усталость: дзюдоист — физическую, тренер — эмоциональную. Я, например, после поединков, которые проводят мои воспитанники, как выжатый лимон. Потому что эмоционально в схватках участвую.

Смотреть со стороны всегда сложнее. Когда спортсмен выходит на татами и начинает работать, ему некогда переживать. А тренеру — самое время. Адреналин скачет так, что сердце из груди выскакивает.

— Назовите победу, которая вам запомнилась больше всего?

— Много таких. Например, когда в 2001 году в Мюнхене Виталий Макаров стал чемпионом мира. Это была, может быть, самая яркая победа всего российского дзюдо, потому что челябинец в шести схватках продемонстрировал филигранную технику.

Данный чемпионат можно считать гроссмейстерским и для спортсмена, и для тренера. Помню и первую олимпийскую медаль в Сиднее Юрия Стёпкина. Та «бронза» была на вес золота.

— В футболе крупные победы отмечают, раскрывая после матча шампанское. А как в дзюдо?

— Шампанское пьём очень редко, в особо торжественных случаях. Так, например, друзья и спонсоры организовали в честь победы Виталия Макарова на чемпионате мира торжественное застолье в ресторане.

Отпраздновали достойно. Но самое главное: Виталия поздравили тысячи три зрителей. Каждый подходил и жал руку. И мне, тренеру, тоже. Тогда на высоком уровне боролись несколько моих учеников. Все выглядели достойно.

Галстуки не дарят

— Ученики делают вам подарки? Можете назвать самый оригинальный?

— У нас принято делать подарки на соревнованиях. Хорошее выступление — вот главный.

— То есть галстуки, как в хоккее, тренеру не дарят?

— Нет, галстуки не дарят, — смеётся. — Особенно за границей, где челябинцев прекрасно знают. Хотя бы даже по выступлениям за президентский клуб «Явара-Нева».

Двенадцать южноуральцев в разное время были в его составе, вместе с клубом пять раз выигрывали «золото», дважды «серебро» и один раз «бронзу». В нашей области дзюдо было хорошо развито задолго до того, как этот вид спорта стали называть путинским. Именно поэтому мы и Владимиру Владимировичу стали интересны.

— Как, к слову, к российским дзюдоистам за границей относятся?

— В разное время относились по-разному. Когда СССР был сильной державой, то с уважением и даже боязнью. Когда Союз распался, а Россия первое время не могла обрести былую мощь, то относились как к слабым.

Недоброжелательность чувствовалась. Всё правильно: сильных уважают за силу, государственный комплекс переходит на спорт. Что бы ни говорили, но отношения между людьми определяют политики.

— Однако Владимир Путин, сам дзюдоист, многое сделал, чтобы изменилось отношение не только к дзюдо, но и к нашей стране в целом...

— И в этом ему помогло, между прочим, само дзюдо, которое очень многое человеку даёт. По крайней мере, философия восточных единоборств предполагает, что надо уметь сделать шаг назад, чтобы потом двигаться вперёд. Это такой гибкий путь к победе. Дзюдо совершенствует человека.

С президентом — на брудершафт

— В вашем кабинете на стене висят, как и положено, две фотографии — Дмитрия Медведева и Владимира Путина. Но если нынешний президент серьёзен и снят на фоне государственного флага, то снимок премьера озорной — Владимир Владимирович хитро улыбается...

— Специально такой выбрал. Потому что Владимир Путин — человек с хорошим чувством юмора.

— ...Вы это знаете, потому что несколько раз встречались с ним. Расскажите об этом подробнее.

— Раз десять мы встречались. И всегда по поводу хорошо проделанной нашей работы. Встречи проходили в разных местах. Однажды довелось отужинать с Путиным в известной всем Жуковке.

— Ну и как? Что подавали на стол?

— Было всё, что нужно. Но никто из спортсменов не обращал внимания на еду. Важнее оказалось неофициальное, неформальное общение с Владимиром Путиным. Ведь помимо чувства юмора он обладает быстрой реакцией и высочайшим интеллектом. С ним так интересно! Он нас расспрашивал о многом, делал какие-то умозаключения.

— Владимир Путин тоже ничего за ужином не попробовал?

— Он как раз поел, потому что проголодался. Это нам было не до лакомств.

Жизнь в разъездах

— Александр Евгеньевич, как и нынешний премьер, вы на татами выходите, чтобы спортивную форму поддержать?

— На сборах стараюсь это делать. В Челябинске времени нет — захватывает вал текущей работы.

— Что-то в последнее время в Челябинске вы редко бываете.

— Сейчас мы начали подготовку к Олимпийским играм в Лондоне. Наша область в мужской национальной сборной страны представлена девятью дзюдоистами. Это очень солидно. Поэтому мы практически всё время проводим

на сборах в Сочи.

— **Семья как ко всему этому относится?**

— Жена Ольга понимает, что это моя любимая работа. Но я, если есть возможность, беру супругу и маленькую дочку с собой на сборы. Катеньке пятый год.

Родилась она 12 ноября 2004 года во время чемпионата России по дзюдо, который проходил в Челябинске. И я очень рад, что она появилась. Мне есть ради чего жить...

— **Дочка станет дзюдоисткой?**

— Пока она будет заниматься художественной гимнастикой. А потом посмотрим.

— **Если вы находитесь в Челябинске, то кроме дзюдо на что-то ещё остаётся время?**

— Только на редкие встречи с друзьями.

— **Со своими воспитанниками, которые сейчас уже не выступают, поддерживаете отношения?**

— Конечно. С Виталием Макаровым вместе работаем в сборной. С Юрием Стёпкиным, министром спорта Челябинской области, иногда удаётся посидеть, попить чаю и поговорить по душам. Но, повторюсь, времени на это всё-таки мало. Надо работать.

Недаром ведь говорят: «Старая слава новую любит». Старые победы моих воспитанников в

прошлом. С молодёжью работаем над новыми. Сейчас я занимаюсь с Мансуром Исаевым, Максимом Бряновым, Сосланным Бостановым, Ренатом Саидовым, Сергеем Седых. Хорошие ребята!

Студенческая привязанность

— **Есть ли у вас способ хорошо расслабиться после работы?**

— Таких два. Одним пользуюсь очень редко. Когда сильно устаю, всё бросаю, еду в лесопарковую зону и там часа два просто гуляю. Это самое лучшее расслабление. Второй способ для отдыха — чтение газет.

— **«Вечёрка» есть в их числе?**

— У меня с вашей газетой давняя дружба! К «Вечёрке» любовь со студенческих лет. Это действительно наше городское издание, интересное, разнообразное. На всех этапах жизни газета была со мной.

Поэтому не читаю «Вечерний Челябинск», только когда меня нет в Челябинске. Но, вернувшись из командировки, просматриваю все вышедшие номера. Если не успеваю прочитать новые выпуски каждый день, то набираю с собой в поездки.

Эльдар Гизатуллин

АЛЕКСАНДР МИЛЛЕР: «Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарён человек от природы»

В мире российского дзюдо имя челябинца Александра Миллера известно не менее, чем имена его воспитанников, добившихся чемпионских титулов. Он знает, как воспитать настоящих лидеров и победителей.

70 учеников на юбилее

— **Спортсмены куда более известны, чем их тренеры. Быть немного в тени воспитанника не обидно ли для тренера?**

— В тени воспитанника обычно находятся начинающие тренеры. Но вообще для меня, хоть я далеко не начинающий, нет никакого комплекса, чтобы быть немного в стороне. Надо отдать должное спортсмену, который сейчас на подъёме. Ведь для спортсмена нет второй жизни, она, эта профессиональная жизнь, для него достаточно короткая. У тренеров иные рамки. Я, скажем, тренирую уже 37 лет, подготовил 12 мастеров спорта международного класса и 4 заслуженных мастера спорта. На юбилей у меня было 70 учеников.

— **Вы общаетесь с самыми первыми своими учениками?**

— Конечно, со всеми общаюсь. И кстати, более дружен даже не с теми, кто взлетел на самый верх, а с теми, кто, возможно,

меньшего добился в спорте, но всё же состоялся как личность. Например, директор Челябинского завода тяжёлого машиностроения Олег Парыгин.

— **Почему так получается? Зазнаются более именитые?**

— Не совсем. Большого результата можно добиться, проявляя разумный эгоизм, поэтому люди, которые достигли успеха, более эгоистичны, в хорошем смысле слова, и в какой-то мере склонны преуменьшать роль тренера.

— **Вы начинали как борец?**

— Был довольно рядовым борцом, и уже в 15 лет понял, что мой путь — путь тренера.

— **Тренер ведь сродни педагогу. Вас привлекала именно эта составляющая?**

— Тут сложнее. Многие ошибочно описывают меня как тренера-менеджера. Они просто не понимают сути этой работы. Тренер — многогранная личность. Он и психолог, и спортивный врач, и дипломат, и финансист, и организатор. Те, кто считает, что тренер — это просто

человек в зале, никогда не достигнут вершин. Такой подход особенно опасен в российских условиях, где если сам не сделаешь, то и никто не сделает. Например, в ГДР тренер только обучал, для остальных были прочие люди.

Я считаю, что хороший тренер - всегда высокообразованный человек. Он должен знать и физиологию, и анатомию, и фармакологию, и биохимию. Именно такими были мои кумиры - Александр Гомельский, Анатолий Тарасов, Владлен Андреев и, конечно, мой учитель Харис Юсупов.

- Вы сказали, что тренер должен быть психологом. Вероятно, чтобы нащупать сильные стороны каждого ученика, не только физические?

- Конечно. Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарён человек от природы. У каждого тренера своя пирамида восхождения для конкретного человека. Вот, например, олимпийский чемпион Мансур Исаев. Он импровизатор, подвижный как ртуть, прибегает к нестандартным решениям. Я ему говорил: «Ты должен быть ловок и быстр, как барс, но при этом непримирим, как волк!» Борьба - это же поединок характеров. Тренер не имеет права подходить ко всем с одинаковой меркой.

- Как вы относитесь к тренерам, которые делают ставку на злость, намеренно выводят воспитанников из равновесия?

- Я так не работаю. Это опасно, может быть психологический срыв у спортсмена. Хорошо настраивал себя, заводил перед поединком Виталий Макаров. В подобном отношении он был близок к идеалу, особенно это касалось главных стартов: чемпионатов мира и Олимпийских игр. Он всегда знал, чего хочет добиться в соревнованиях, и настраивался на максимум. Об этом говорят «золото», «серебро» и «бронза» с чемпионатов мира, «серебро» с Олимпиады в Афинах.

- А позволяет ли спортсмену спорить с тренером?

- С тренером не только можно, но и нужно спорить - при условии, что у тебя есть доказательства, аргументы. Настоящий боец не ждёт, как кукушонок, когда ему всё в рот

положат.

- Есть ли у спортсменов из определённых стран свои особенности? Например, насколько опасны японцы?

- Есть азиатская классическая школа, в которой работают те же японцы, корейцы. Они отличаются тем, что доводят до автоматизма технические действия. В каких-то ситуациях это преимущество, в каких-то - нет. Японцев можно просчитать, тогда как, например, Исаев непредсказуем.

- Какой главный плюс от прошедшего в Челябинске чемпионата Европы по дзюдо?

- Челябинск лучше узнали за рубежом. А ещё хотелось бы отметить вице-президента Федерации дзюдо России Дмитрия Черных, который сумел всех убедить, что проведение чемпионата в городе возможно. Благодаря ему в олимпийских видах спорта начали платить достойные гонорары. Это стало примером и для других регионов, и для иных видов спорта. Все привыкли, что большие деньги обычно платят в игровых видах, а это несправедливо: в том же дзюдо для достижения результатов прикладываются невероятные усилия! И когда говорят про миллион, врученный Исаеву, не надо забывать: в дзюдо не исключено, что это случится только однажды.

- Спорт оставляет место для чего-то другого?

- Я ценю общение с интересными людьми, у кого можно чему-то поучиться. К сожалению, не хватает времени на то, чтобы прочитать сто книг, обязательных для любого культурного человека. Впрочем, 60% из этого списка я прочёл.

- В семье ваши тренерские навыки пригодились?

- У нас в семье целых три лидера. Кроме меня, настоящий лидер - моя первая жена Алевтина. Во многом благодаря ей, да и мне, наверное, наша дочь Ольга тоже продемонстрировала настоящие бойцовские качества. В этом году вошла в рейтинг топ-менеджеров России, возглавляя одну из крупных транспортных компаний.

ИЗ БИОГРАФИИ ИРИНЫ ШТАУХ (УРОЖД. ШИФЕРДЕКЕР)

Родилась 5 декабря 1930 года в селе Марино Днепропетровской области. Семья состояла из родителей и пятерых детей. Отец был кузнецом, мать периодически работала в детском садике и поваром на разных работах в колхозе, а в основном воспитывала пятерых детей.

В семье часто звучала музыка, так как и со стороны отца и со стороны матери все были музыкальны и играли на разных инструментах. У нас в семье отец играл на гармошке, мама и старшая сестра на гитаре, брат на

мандолине. Я в основном неплохо танцевала и мне пророчили в будущем стать хорошей танцовщицей. Любовь к танцам сохранилась у меня и до сих пор. Вечерами, когда наша семья была в сборе, в нашем доме начиналось веселье, часто звучали песни, которые больше всех пела моя средняя сестра Катя. Она была певунья, любила петь и танцевать. Пели в семье в основном на два-три голоса. А мы с братом в основном импровизировали - была полная свобода. Кроме того, семья

мамы пела в церковном хоре на три голоса, когда это еще было возможно (пока церкви не закрыли). А вообще могу сказать, что все наше село было музыкальное.

Но тут война... Мы оказались в числе многих таких же семей в эвакуации. Вот тут я и прошла суровую и жестокую трудовую школу, школу мужества и испытания на прочность.

В конце 1943 года, когда начали отступать немецкие войска, со стороны немецких властей было приказано, чтобы все семьи советских немцев собрались в течение 24 часов и погрузились на телеги с конной упряжью и начали двигаться под охраной местных полицейских в сторону запада (вопроса, хочешь ты этого или нет, - не стояло, наоборот).

И так мы обозом двигались около двух месяцев, практически день и ночь мучительная дорога. В городе Винница у нас на очереди уже стояла погрузка в вагоны для отправки в Польшу. В начале 1944 года мы прибыли в Польшу в город Spatenfeld около Kalisch. Там сначала попали в лагерь, а потом нас разместили по квартирам местных жителей. Но это длилось недолго. При дальнейшем отступлении немецкой армии нам снова предстояло кочевать уже дальше в Германию. Эти тяжелые муки дороги стоили жизни многим. В 1945 году мы прибыли в город Eisleben и там несколько месяцев работали у помещика на полевых работах до прихода сначала американских, а потом и советских войск. В августе этого же 1945 года был издан приказ: всех советских людей вернуть на свою Родину. Вот тут и прошли мы суровую жестокую школу.

Нас погрузили как скотов в товарные вагоны и до границы мы передвигались еще куда ни шло, но как только мы пересекли границу с Советским Союзом, так тут же по отношению к нам «забылось» все, что нам перед этим обещалось. Нас опять везли два с лишним месяца в жутких условиях и наконец выгрузили в Соликамске. Поселили в бараке в Березняках, а потом уже распределяли – кого куда. Нас отправили в Пермскую область (которая тогда еще называлась Молотовская) на лесозаготовки в Лысмановский леспромхоз. Выгрузили нас в лесу, где стоял барак. Был мороз в 30 градусов. Немецких семей было при этом мало, в основном были греки, болгары, чечены, татары... – всех обвиняли в измене Родине. Условия были жуткие...

Здесь мы начали осваивать профессию лесоруба, а для того, чтобы выжить, очень старались – пока были на это силы! – выполнять норму, чтобы получить для этого выживания соответствующую оплату, а также как дополнительную надбавку ткань или пару обуви, которые можно было обменять у местных жителей на картошку, капусту и прочие продукты, и с помощью этой поддержки-добавки питания продержаться до весны, пока в лесу не появятся крапива, ягоды и грибы. Так оно и было. Мы даже выбились в «стахановцы». Начальство было довольное нами. Вот тут-то, на лесоповале, я и устраивала переключки

«йодлем» – здорово помогало! Но я никак не могла смириться с нашим положением и никак не желала пустить на этом свою судьбу на самопроизвол.

Мы с моей мамой все чаще «закидывали удочки» перед начальством леспромхоза насчет моей дальнейшей учебы. Он нам только разъяснял, что мне это все равно ничего не даст в дальнейшем, потому что дальше седьмого класса меня не пустят – просто не позволят учиться дальше. А сама семилетняя школа находилась в селе Троица в трех километрах от нашего леспромхоза. Отлучаться от места жительства дальше трех километров нам было нельзя – это было наказуемо двадцатью годами тюрьмы. Мое желание учиться было настолько велико, что я говорила: если не разрешите учиться, то я убегу (хотя сама не знала – куда?!)

Моя мама всегда говорила, что наше положение временно, что власти разберутся и мы опять будем свободными. Она взялась за мой вопрос и продолжала умолять отпустить меня, ну хотя бы закончить семилетку. И под давлением жены начальника леспромхоза комендант дал устное согласие: «Делайте, что хотите, я ничего не знаю».

И мы пошли на это. Я обратилась к директору Троицкой семилетней школы Тюлюпо, он мне категорически отказал (он сам был участником войны), но я не сразу вышла из кабинета, я чего-то ждала, мне не верилось, что мое большое и почти безнадежное желание (для седьмого класса я была уже переростком, да к тому же немкой с оговоренными условиями) все же останется неосуществимым. Но как это часто всегда бывает, что помогает людская доброта, так произошло и со мной. Парторг Мария Николаевна сказала мне: «Девочка, выйди и подожди в коридоре». За дверью я услышала, как она доказывала директору школы, что всю ответственность она возьмет на себя. А так как она считалась сильнейшим пропагандистом области, то он сдался. Так я начала посещать Троицкую семилетнюю школу, которую и закончила в 1948 году.

В том же году я решила пробиваться дальше и стала писать просьбы в Пермь-Сергиенский район и областную комендатуру разрешить мне учиться в Перми. Разрешение пришло только в сентябре, когда уже все вступительные экзамены во все учебные заведения были завершены. Видно, на это и рассчитывали. Но мне опять помог случай. К нам в Лысмановский леспромхоз приехали по направлению девчата из города Пермь на временную работу. И одна добрая и симпатичная девушка влюбилась в моего брата. Тем самым и я познакомилась с ней. И когда я рассказала, что очень хочу учиться и жду разрешения на выезд в город Пермь, но его все нет и нет, а время уже поджидает, то она предложила мне поехать туда самой – нелегально для моего положения ссыльной немки – вместе с ней, чтобы найти и использовать последнюю возможность поступить в какое-нибудь учебное заведение,

лишь бы не упустить последний шанс, т.е. не потерять еще один год – а там видно будет. Так мы и сделали. Последний срок приема в 1948 году в городе Пермь был в в горно-машиностроительном техникуме, который только что тогда открылся. Разыскав его адрес, я не задумываясь пошла туда с моими ненадежными документами – свидетельством об окончании Троицкой семилетней школы и справочкой, что нахожусь на спецпоселении.

Я с трудом нашла временное тогда помещение техникума и обратилась к помощнику, затем зашла в кабинет директора. Но в это время там находилась завуч Надежда Михайловна – и когда я показала ей свои бумажечки и она посмотрела на них и на меня, вернула мне мои бумаги и резко сказала: «Мы не принимаем неблагонадежных». Когда я услышала эти убийственные слова, сказанные ею, то, видимо, я уже была внутренне подготовлена к отношению к нам, потому что я тут же вступила в бой. Я задала ей вопрос: пусть она мне ответит, в чем конкретно заключается моя и вообще наша неблагонадежность и тут же параллельно стала ей что-то доказывать. И мои последние слова были: «Если Вы не примете мои документы (бумажки), то я пешком до Москвы дойду и докажу, что моей вины в том, что произошло, нет».

В это время зашел директор Тихонов и услышал мою горячую речь. Он внимательно на меня посмотрел и приказал принять мои документы на сдачу экзаменов. И уже от него я опять услышала те же самые слова, которые слышала однажды от парторга Троицкой семилетней школы: «Ответственность я возьму на себя».

Но осадок к этой женщине, завучу горно-машиностроительного техникума, остался у меня по сей день. Хотя она вела в техникуме математику и считалась грамотным преподавателем, тем не менее каждый ее урок был для меня самым тяжелым именно с моральной стороны. Но все четыре года я старалась оправдать своей хорошей учебой свое желание к знаниям, хотя далеко нелегко было мне учиться без фундамента знаний шестого класса, которого я не посещала по вине войны.

Учиться надо было только на «4» и «5», иначе не давали стипендию, а без стипендии и я бы не имела возможности учиться, так как наша семья жила в 1948 году еще в очень трудных условиях, и я старалась раз в месяц «зайцем» (без билета) приехать домой и на сэкономленные от моей стипендии деньги купить и привезти им еще кулечек муки или сахара.

Да, разрешение от комендатуры на учебу я все же получила, хотя с опозданием, но я уже была готова к экзаменам и сдала их на «4» и «5», тем самым обеспечив себе стипендию. Правда, большая моральная поддержка опять была у меня: в первый же день сдачи экзаменов я перед аудиторией встретила с очень симпатичной и скромной девушкой и решила ее спросить, как она чувствует себя перед

сдачей «диктанта» (на русском языке). Она ответила: неплохо. Она действительно была хорошо подготовлена. Я ей честно ответила, что не очень, но что экзамены мне обязательно надо сдать и не ниже, чем на «4», иначе я не буду иметь возможности учиться – не будет стипендии. Я, видно, ей понравилась, и она сказала, что давай сядем за одну парту (хотя варианты сдачи были разные) и если я замечу у тебя ошибку, я тихонько подсказу. Это придало мне смелости и я действительно написала на «4». Одну или две запятые она мне подсказала. На все остальные предметы я шла уже увереннее.

Эту девушку звали Нина Мартемьяновна – и с ней мы подружались на всю жизнь. Все годы учебы мы поддерживали друг друга, после окончания техникума взяли назначение на один и тот же машиностроительный завод по выпуску горно-шахтного оборудования и комбайнов для добычи угля в город Копейск, Челябинской области. Жили вместе в общежитии, работали вместе в техбюро. Это здорово иметь подругу, дорогого человека на всю жизнь. Сейчас она проживает в городе Тольятти.

На этом машиностроительном заводе имени С.М. Кирова я и проработала с сентября 1952 по апрель 1992 года 13 лет: с 1952 по 1963 год как инженер-технолог в цехе, а с 1964 года – 27 лет – инженером-конструктором в отделе главного технолога.

В 1956 году я вышла замуж. Родила сына, потом дочь и в настоящее время мы имеем двух внуков и двух внучек.

В общей сложности я проработала на заводе 40 лет. Завод и свою работу я любила и, конечно, людей. Работа была не в тягость (мне на заводе было хорошо), а отдых был в радость. Я чувствовала себя на заводе прекрасно и всю жизнь шла очень охотно на работу. С первого дня я включилась в общественную и спортивную жизнь завода. Более 35 лет параллельно работе преподавала специальные предметы в УКК (учебном комбинате) по приказу директора; сама часто ездила на курсы повышения квалификации, что мне много давало, чтобы чувствовать себя специалистом.

Спорт тоже для меня был важен, и я многие годы защищала честь завода по разным видам спорта (легкая атлетика, волейбол, лыжи, коньки, стрельба) в общем многоборье и даже занимала призовые места.

В самодеятельность, которая тоже была нужна, я тоже записалась одной из первых – в хор. Через несколько лет хор инженерного корпуса получил название «народный». Время шло. Музыка сопровождала меня всю жизнь – и в трудные, и в веселые времена.

Наверное, моя активность объяснялась тем, что мое детство было испорчено войной и долгие годы после войны, а всегда было желание как можно больше знать и делать и поэтому я успевала хотя бы «крылом задеть» все это, как поется в песне. Что еще возможно было наверстать, я пыталась делать, и во всем, что мне удалось еще «догнать» и «нагнать», я по-

лучала большую радость и удовлетворение.

Я даже не могла после достижения пенсионного возраста решиться уйти с завода. И только когда мое увлечение петь в ансамбле «Кристалл» стало большим и появилась возможность немного увидеть мир за счет наших концертов, куда нас приглашали (а приглашений было немало), я достаточно легко рассталась с работой и заводом. Мое новое увлечение, частые встречи с новыми и интересными людьми дополнили и расширили мои интересы. Я увлеклась новой и притом тоже интересной жизнью – пением. Спасибо судьбе и всем, кто мне в этом помогал.

В ансамбль народной немецкой музыки «Кристалл» я попала по приглашению его руководителя Альберта Ивановича Бернса. Его задумка создать немецкий ансамбль началась с возрождением национальных культур и с наступлением потепления по отношению к советским немцам в 1987 году. С большим трудом удалось страстному пропагандисту немецкого фольклора Альберту Ивановичу собрать энтузиастов самодеятельной сцены, умеющих играть на различных инструментах, а также по крупицам подбирать репертуар. И все же ансамбль был создан. Первое его выступление было в 1987 году в деревне Добринка Саратовской области, которую 225 лет назад заселили первые Поволжские немцы. Жители Поволжья тепло встречали самодеятельных артистов. Это было выступление вместе с артистами немецкого драмтеатра.

Название ансамбля «Кристалл» было дано, как показатель различных граней национального творчества.

После гастролей Альберт Иванович продолжал собирать по крупицам немецкий фольклор. Ему помогали пенсионер Иван Иванович Менгель, Роберт Иванович Шнейдер, Александр Александр Шрейдер и другие. Они были музыканты, но требовались еще солисты, знающие немецкий язык и имеющие желание петь. Первый солист был Менгель. И тут-то Бернс вышел на меня, так как наш хор инженерного корпуса был уже известен под именем «народный». Это известие-приглашение участвовать в немецком ансамбле мне принес мой сын, который занимался у А.И. Бернса в эстрадном ансамбле. Я думала над этим предложением две недели, а сыну сказала: «Сынок, поздно уже в моем возрасте выходить на сцену. Поезд ушел. Сцена для молодых». Он второй раз напомнил мне об этом предложении. И я решила пойти послушать ансамбль. Музыка мне понравилась, но что им нужны солисты для исполнения немецких народных песен – это тоже было ясно.

В действительности ребята как раз готовились к поездке в Алма-Ату в конце февраля 1990 года, куда их пригласил коллектив немецкого драмтеатра для участия в большом фестивале, посвященном 10-летию воссоздания Театра. И Альберт Иванович упросил меня съездить с ними, но для этого надо было подготовить некоторые песни. Это мы совместно и сде-

ляли.

Ансамбль был маленький, но прочный и слаженный. Репертуар составлялся всеми.

И вот я решилась выйти на сцену с микрофоном – до этого я пела только в хоре. Мои руки так дрожали, но уже после первой песни «Morgen will mein Schatz verreisen» я стала успокаиваться, потому что публика была отличная – и я решилась еще и на тирольские песни. Это было воспринято на «бис!». И без ложной скромности можно сказать, что наш «Кристалл» был признан одним из лучших коллективов на этом фестивале немецкого драмтеатра. После выступления в Алма-Ате и окружающих селах в конце февраля 1990 года мы стали получать больше и больше приглашений. Последующие выступления были на всех Фестивалях Немецкой Культуры, начиная от Второго Фестиваля самодеятельного немецкого творчества в октябре того же 1990 года.

За небольшой срок работы ансамбль «Кристалл» добился поразительных результатов. Об этом ярко свидетельствовали восторженные заметки поклонников немецкого фольклора в газетах «Фройндшафт», «Нойес Лебен» и местных копеечных газет.

В начале июня 1992 года мы съездили на гастроли в Германию – нас пригласило Землячество российских немцев-переселенцев на свою раз в два года проводящуюся встречу в Штутгарте. Но затем в 1992-1993 гг. наш ансамбль распался по причине того, что некоторые из его членов получили вызовы на постоянное проживание в Германии и покинули нас. Кстати, в настоящее время все до одного члены нашего бывшего ансамбля «Кристалл» проживают в Германии. Но и с 1993 по 1996 год включительно я продолжала работать, т.е. давала концерты во многих городах (Калининград, Ленинград, Микачево) и селах России и СНГ при поддержке и опеке Международного союза немецкой культуры города Москвы, которым руководил и руководит Генрих Мартенс. За это время мне аккомпанировали разные музыканты. Особенно запомнился и часто вспоминается подмосковный духовой оркестр под руководством дирижера Владимира Каутера.

Имела счастье побывать с гастролями в Дании и Словакии. Прием был отличный. Мой последний концерт перед переездом в Германию состоялся 25-го декабря 1996 года – это был Рождественский концерт, а 29-го я была уже в Берлине. Первые пару месяцев были напряженными, приходилось много заниматься бумагами, а уже в марте 1997 года я познакомилась с существующим коллективом переселенцев INA.

А дело было так: я уже не рассчитывала продолжать петь, но, побывав одно время в лагере и постепенно познакомившись с жизнью в Германии, я почувствовала, что меня снова тянет к музыке. И когда мне подсказали, куда можно пойти, где встречаются друг с другом люди, приехавшие из России и СНГ, из своего вечного любопытства я и пошла по названному адресу «Boxhagener Stra?e, 18» (ансамбль

INA), где и встретила людей, которые уже знали меня по моим выступлениям в России. И я поняла, что мне снова надо включаться, что песни и музыка помогут нашим людям легче вживаться в новое общество и мне это не помешает.

Итак, первый коллектив, который называется INA, был и останется первым звеном моего увлечения музыкой в Германии. Я по-прежнему пою, где в этом бывает нужда, где меня принимают и где мы взаимно вместе с нашей публикой получаем удовольствие.

INA - это хор и инструментальная группа из четырех человек:

Артур Беккер – домбра,
Валерий Игнатенко – аккордеон,
Александр Гартман – альт-балалайка,
Роман Карастан – бас-балалайка.

В год хор и ансамбль дают примерно 70-80 концертов. Мы облегчаем интегрирование переселенцев, мы вспоминаем те песни и ту часть немецкой культуры, которая и тут уже частично забыта. Но мы поем и русские песни, потому что и немцы их любят. Мы постоянно обновляем свой репертуар и всегда имеем много приглашений.

Прошло уже более десяти лет с той поры, как я вышла на сцену. Но я по-прежнему ищу и готовлю новый репертуар, т.е. расширяю

возможности того, что я могу «выдать». Кроме народных песен я с большим удовольствием пою шлягеры и притом чувствую, что сама получаю от этого большое удовольствие и слушатели принимают их хорошо.

Меня часто спрашивают, где и как можно приобрести аудиокассеты или CD. На этот вопрос я отвечаю прямо: такой возможности у меня не было и нет – нет ни одной подготовленной аудиокассеты и ни одного выпущенного CD. Я только могу давать душевные концерты – как с музыкальным сопровождением, так и без него. Видно, это моя дорога и я по ней иду и так и живу. Общение со зрителями – это моя жизнь. Я могу быть довольна, что мне еще удалось хотя бы крылом коснуться музыки и искусства.

В душе еще столько не выданного, а годы пролетают молниеносно. А я все равно рвусь в бой. Я просто люблю хорошую музыку и песни независимо от того, на каком языке они поются. Что касается тирольских песен, то они доставляют мне удовольствие еще и тем, что я могу «jodeln» и притом с разной импровизацией и чувствовать при этом полную свободу.

P.S.: К сожалению, Ирины Штаух уже нет с нами.

Альбина Золотухина

«Я ЖЕ ВСЕМ ЧУЖАЯ БЫЛА. ДВЕ НЕДЕЛИ КО МНЕ В КАБИНЕТ ВООООЩЕ НИКТО НЕ ЗАХОДИЛ. ЭТО СЕЙЧАС ПРИЕМНАЯ ПОЛНА НАРОДУ...»

Министр социальных отношений Челябинской области Ирина Гехт - о немецких корнях, первых днях работы на госслужбе, о том, что ее не устраивает в собственном ведомстве.

Чуть меньше года назад губернатор Михаил Юревич подписал постановление о назначении Ирины Гехт первым заместителем регионального министра социальных отношений. Это решение удивило многих. Уже хотя бы потому, что Гехт не была замечена в кругах, близких к команде Юревича, не участвовала в партийных мероприятиях «Единой России». Но люди знающие понимали, что данное назначение губернатора - это не реверанс эсерам, а ставка на молодость, личные и профессиональные качества. По наблюдениям «URA.Ru», Ирина Гехт, вопреки слухам, которые о ней распускают недруги, искренний, порядочный и чрезвычайно ответственный человек. Один из руководителей областного правительства полусерьезно назвал ее «ненормальной с горящими глазами», и этот же руководитель предложил ей работу в министерстве. При этом всем, конечно же, было понятно, что через непродолжительное время Гехт станет министром, сменив свою предшественницу, достигшую пенсионного возраста. Так и произошло. Что из этого вышло – в интервью министра «URA.Ru».

- Ирина Альфредовна, ваше отчество, фамилия – все это наводит на мысль о немецких корнях. Таковые присутствуют?

- У меня наполовину немецкая кровь. Папа из саратовских немцев. Бабушка и дедушка преподавали там в университете. Причем бабушка – дворянских кровей. А дедушка вырос в немецком селе и до 23 лет вообще

не говорил по-русски. Заговорил уже тогда, когда учился в университете, закончил вуз с отличием, остался в нем работать и там же познакомился с бабушкой. А потом началась война и немцев стали выселять. 8 сентября 41-го родился мой отец.

Семье, из-за рождения ребенка, дали на сборы не один день, как остальным, а целых

три! Бабушку с папой отправили в Казахстан, а дедушка оказался в Челябинске, в трудармии. Семья воссоединилась в Бердяуше, в спецпоселении. Бабушка с дедушкой работали учителями. Потом как-то оказались на учительской конференции в Челябинске, и там их заприметил директор 96-й школы с углубленным изучением немецкого языка. Он сделал все, чтобы перетащить бабушку с дедушкой в областной центр. Так они и попали в Челябинск и уже до старости преподавали в 96-й школе.

- Вспоминали о войне, о высылке?

- Конечно. Но жалели не об оставленном в Саратове жилье, хотя по тем меркам квартира была хорошая, не о даче, не о работе в университете, а о безвозвратно утерянной библиотеке. Там, к примеру, были редкие, не только на сегодня, но для того времени старые тома Шиллера на немецком языке.

- Любили немецких поэтов?

- Очень. Уже в старости бабушка с дедушкой уехали в Германию, там поселились в квартале для пожилых. Это совсем непохоже на наши дома для престарелых. Там старики живут каждый в своей квартире, в квартале социальная инфраструктура – с врачами, столовой, моленной, магазином, прачечной, химчисткой. Жители любят собираться во дворе, общаться. И мой дедушка читал местным, которые родились и всю жизнь прожили в Германии, того же Шиллера наизусть! Кстати, когда он жил в Советском Союзе, переписывался с известной немецкой писательницей Анной Зегерс. А когда приехал в Германию, ему предлагали продать переписку, но он отказался.

- А вас немецким языком загружали?

- Конечно! Я когда училась в университете, жила у бабушки с дедушкой. И каждое утро, когда я просыпалась, чтобы собраться на учебу, меня уже поджидала бабушка с карточками, на которых были выписаны немецкие слова. Даже сейчас вполне могу объясниться на немецком. И детям своим говорю: «Вот если бы меня не только во время учебы в университете напрягали и если бы я проявляла побольше рвения, каких бы высот достигла!»

- А у вас не было желания уехать в Германию на постоянное место жительства? И, кстати, какая национальность стояла в советском паспорте?

- По паспорту я была русской. Отец посоветовал, потому что натерпелся в свое время. Да и мне доставалось – фашисткой не раз обзывали. Бывало так – мне вручат путевку в Артек, при всех. А на следующий день отберут: видимо, где-то наверху отсоветовали – и отдавали путевку девочке с истинно русской фамилией. Так что запись в паспорте, при фамилии Гехт, значения не имела. Желание уехать было – для этого и оставила добрачную фамилию. Между прочим, ее носят и мои дети, и им она очень нравится. А потом я побывала в Германии и поняла, что хочу остаться в России. Потому что там, с моим образованием, для меня

перспектив нет.

- Тогда почему вы выбрали именно ЧелГУ, историческую специальность? Почему не иняз?

- Мне нравилась история. И, как это ни забавно сейчас звучит, специализировалась на истории КПСС, практически экстерном сдала экзамены в аспирантуру и защитилась на немецком языке. Уже потом меня заинтересовала история Оренбургского казачьего войска, собрала много интересных материалов, готовила докторскую. Но так и не сложилось.

- Политика заинтересовала?

- Не столько политика, сколько работа с людьми. Если я министр, это не значит, что сижу безвылазно в кабинете. Вот были в Верхнем Уфалее, в детском доме...

- Проблемная территория - безработица высокая, а уровень зарплат, наоборот, ниже, чем хотелось бы населению.

- Мне все так говорили. И действительно, чувствовалось, что там очень сложно. Даже по тому настрою, с которым нас встретили местные жители. Но потом оказалось, что им просто нужны ответы на их вопросы. Внятные ответы, а не отговорки – с ними чиновник такого ранга, как я, никогда не встречался. Мы говорили почти полтора часа. И расстались почти друзьями.

Или, помню, в декабре я ездила в Екатеринбург, на встречу полпреда с матерями солдат, погибших в локальных конфликтах. Вот вроде бы аппаратное совещание, а я с этими матерями два дня прожила. До сих пор комок в горле, как вспоминаю их истории, – как одна женщина два года искала сына в Чечне. Как сама попала в плен. Как они, потеряв своих сыновей, находят в себе силы помогать другим матерям, чьи сыновья еще живы, но их надо найти. Чиновников надо почаще выводить на такое общение, может, тогда на федеральном уровне быстрее примут закон о ежемесячных выплатах этим матерям. Они же получают рядовую пенсию по потере кормильца! Так ведь кормильцев своих, сыновей, они отдали государству. Это из-за государства они сыновей лишились. Неужели матери не имеют права на нормальные выплаты? Ну, это отдельная история...

- А в министерстве вас приняли хорошо?

- Честно?

- Конечно!

- Ну как ко мне могли отнестись? Как к чужой. Две недели ко мне в кабинет вообще никто не заходил. Это сейчас у меня приемная полна народу. А тогда мне просто не верили. Хотя особо расстраиваться было некогда. На мне сразу оказался важный блок – монетизация льгот по ЖКХ. А это большой «головняк». Скучать и переживать, что меня за свою не приняли, не приходилось. А потом и взаимоотношения наладились. Мне нравится моя работа, наши руководители управления на местах, коллектив министерства, темы, которыми я занимаюсь. И самое главное, мне нравится, что я могу

что-то изменить, особенно когда речь идет о помощи старикам.

- Это после того, как в Германии у дедушки с бабушкой побывали?

- В том числе. Хотя сейчас я чуть-чуть отклонюсь от темы... Дедушка, будучи учителем, писал заметки для газеты «Нойес Лебен», была такая советская газета на немецком языке. Так вот, он был ее собкором. Получал гонорары, ухитрялся мне, студентке, деньги подсовывать. И даже уехав в Германию, рассылал свои заметки по местным газетам. Это ему уже, конечно, не из-за денег надо было, а потому что не любил сидеть без дела. И как же нам было жаль, что его первая публикация в Германии появилась буквально перед его смертью, он даже узнать о ней не успел.

- Ну, не все же старики как ваш дедушка...

- Это точно. Пожилым-то надо помогать. Деньги, что они получают ко Дню пожилого человека, – пусть это немного, но им сам факт заботы важен. И ничего здесь менять не следует.

Но ведь есть и те, кто полны сил, но ничего не хотят сделать, чтобы улучшить свое материальное состояние. Думают, что им все вокруг должны помогать. На днях ко мне пришла женщина, просит через министерство о материальной помощи. С хорошей прической, тщательно покрашена, прилично одета. И вот показывает мне квитанции по кредитам, по коммуналке. Говорит, что живет одна, помогать ей некому, из-за этих кредитов чуть ли не в нищете живет. Зачем тогда берет кредиты, зачем покупает дорогую бытовую технику? Я у нее спрашиваю: «Какая у вас квартира? Есть кому завещать? Или вы одна живете?» Я, как ты понимаешь, безо всяких задних мыслей спросила. Она насторожилась: «Квартира трехкомнатная, завещать некому». Я ей искренне, не как чиновник, а как обыватель, говорю: «Так сменяйте ее на меньшую и живите на доплату! Или разменяйте на две квартиры, в одной живите, а другую сдавайте. Будет у вас дополнительный доход, и за коммуналку придется поменьше платить!»

- Представляю, какой крик в ответ поднялся! Вас, поди, обвинили в том, что вы лично на эту квартиру покушаетесь?

- Разумеется. Во всех грехах я оказалась виновата. Но самое интересное, когда она успокоилась, то стала понимать разумность моих доводов. И даже сказала, что подумает, но риелторов найдет сама. А чтобы ее не обманули, она попросит помощи у наших юристов, чтобы те посмотрели договоры. Это я ей пообещала. Но история, в общем-то, не про то, а о том, что люди, в большинстве своем, потребители в худшем смысле слова. Ждут элементарных подачек, ничего для себя делать не желают.

- Не все же такие! Кто-то и рад бы работать, да работы нет.

- Вот здесь точно без помощи государства не обойтись. Когда Юревич в своем послании

к Законодательному собранию области сказал о том, что в области слишком много льготников, что лучше обеспечивать людей работой и достойной зарплатой, кто-то его просто не понял. Посыпались упреки, что губернатор хочет сокращать социальный блок. Но ведь он прав! Вот сейчас мы занимаемся челябинской фабрикой «Радуга», где работали инвалиды по слуху. Хорошая была фабрика, и строили ее специально в местах компактного проживания глухонемых. Между прочим, она до сих пор остается в областной собственности. Работали здесь 700 человек, для которых фабричная зарплата была основным источником дохода, а пенсия по инвалидности – дополнительным. А сейчас там трудятся только 30 инвалидов. Что остается остальным? Жить на одну пенсию, потому что трудоустроиться на обычную работу инвалиду почти невозможно. Так что будем сейчас этой фабрикой заниматься очень серьезно.

- Вижу, что работа вам нравится, а сама система социальной помощи – нет...

- Вообще-то, лучше сказать, что устраивает не все. Что-то очень хорошо отлажено. Звонит мне недавно заместитель министра социальных отношений Башкортостана и сообщает: «Нам прислали письмо ветераны Сибая». Просят у своего, башкирского министерства такую же поддержку, какая оказывается у нас. До Сибая от Магнитки, к примеру, чуть больше часа езды, то есть тамошние жители знают, что у нас в области происходит. Так вот, замминистра спрашивает меня: «Это правда, что вы взяли на себя расходы по бесплатному проезду федеральных льготников на общественном транспорте? И правда, что для ветеранов труда бесплатное протезирование зубов? И правда, что у вас на одного ветерана в месяц 1 тысячу рублей из областного бюджета тратят? А у нас только 600 рублей в год. А правда, что у вас есть выплаты ко Дню пожилого человека и ко Дню Победы?». Отвечаю: «Все правда». Очень мой коллега удивился. И я удивилась. Лично мне казалось, что в Башкортостане бюджет больше, чем у нас, и они в силах потянуть такую нагрузку.

- А что менять необходимо?

- Мне кажется, что система соцподдержки должна быть более гибкой. Не надо бояться менять ее с учетом обстоятельств. Вот у нас есть так называемые центры дневного пребывания для пожилых. Приходит дедушка или бабушка в такой центр на весь день – поспят, врачи там их осмотрят. Вроде бы хорошее дело. Но, наверное, было бы лучше, если бы к старику домой врачи пришли – провели обследование, лечение, устроили бы санаторий на дому.

- Весьма радикальная идея. Не все вас поймут.

- А чего не понять? Летом сады, пенсионеры едут на свои огороды, в центры идти не хотят. Да и зимой не каждый старик придет, если центр на другом конце города находится. Холодно, скользко, гриппбушует. Ему лучше

дома отсидеться. Центры при этом пустуют, а на их содержание деньги идут. Я не говорю, что все такие центры закрыть надо, я говорю о том, что система должна быть гибкой.

Есть, к примеру, одна тема, которая тоже относится к нашему ведомству, – реабилитация бывших наркозависимых. Никто, если говорить откровенно, ими сейчас не занимается. Точнее, нет четкой схемы. Есть какие-то старые нормативы, которые уже неактуальны... Зато мы занимаемся вопросами газификации домов ветеранов, вопросами строительства жилья для них. Но ведь есть ведомства, которые делают

это более профессионально. Мы-то почему за это отвечаем? Много надо менять...

- Получится?

- Надеюсь.

- При вашей загрузке еще хватает сил на преподавание в университете. Это-то вам зачем?

- А мне нравится работать со студентами. Расслабиться и зачерстветь не дают. К тому же я к этой работе отношусь как к возможности находить новые кадры. Очень способные ребята попадают.

Ирина Альфредовна Гехт. Справка

Родилась 30 ноября 1969 года в г. Щучье Курганской области. В 1987 году с медалью окончила среднюю школу г. Радужный Тюменской области. В 1992 году - исторический факультет Челябинского государственного университета, а в 1998-м - аспирантуру. Доцент кафедры «Социальная работа» ЧелГУ, кандидат педагогических наук. В 2001 году прошла курсы повышения квалификации по направлению «государственное и муниципальное управление». Действительный государственный советник Челябинской области 3 класса.

С 2003 года - член общественного совета при комитете по социальной политике Законодательного собрания Челябинской области. В 2006 году избрана в Общественную палату Челябинской области, в 2008-м единогласно переизбрана в ее второй состав, с 2009 года - заместитель председателя Общественной палаты Челябинской области. С 28 апреля 2010 года - первый заместитель министра социальных отношений Челябинской области, с 1 февраля 2011 года - министр социальных отношений Челябинской области. Замужем, двое детей, с января 2012 - заместитель Губернатора Челябинской области, с мая 2013 года - заместитель председателя Правительства Челябинской области, с 2014 года - сенатор Совета Федерации РФ.

Татьяна Стефанив

«СЧАСТЬЕ, КОГДА СЛЫШУ ДЕТСКИЙ СМЕХ»

Женщина-министр. Подобные персоналии на самом деле в России достаточно редки. Может, поэтому, когда речь заходит о представительницах прекрасного пола, добившихся высоких постов, многие непременно рисуют себе в воображении персонаж, который — и коня на скаку, и в горящую избу, и мужиков во фронт... А тут — обаятельная миниатюрная женщина просто и непринужденно рассказывает о себе, о жизни, о России.

О корнях

— Ирина Альфредовна, судя по фамилии и отчеству, у вас немецкие корни?

— У меня наполовину немецкая кровь. Папа из саратовских немцев. Бабушка и дедушка преподавали там в университете. Причем бабушка — дворянских кровей. А дедушка вырос в немецком селе и до 23 лет вообще не говорил по-русски...

Когда началась война, бабушку с папой отправили в Казахстан, а дедушка оказался в Челябинске, в трудармии. Позже семья воссоединилась на спецпоселении в Бердяуше. В Челябинск переехали, когда бабушку с дедушкой пригласил работать учителями директор 96-й школы с углубленным изучением немецкого языка. Они преподавали в этой

школе до старости.

В детстве я застала тот период, когда национальность вызывала не всегда доброжелательное отношение со стороны сверстников. Сейчас, к счастью, такого уже нет. Мои дети носят мою фамилию, и ни один ребенок, их сверстник, ничего плохого не сказал, кроме «какая у вас интересная фамилия».

Об интуиции

— Учитывая значение вашей фамилии и то, что вы родились в городе Щучье, совпадение весьма любопытное... Вас интересовали подобные вещи?

— Немецкий язык я начала учить поздно, уже будучи студенткой университета. Я тогда жила у бабушки с дедушкой, и они постара-

Министр соцотношений Ирина Гехт — о жизни, о России, о себе

лись знание языка в меня заложить. Их усилия возымели действие, даже сейчас вполне смогу объясниться на немецком. Словом, от них я узнала, что наша фамилия по-немецки означает «щука». Помню, у меня даже мурашки пошли по коже: и родилась в Щучьем, и по фамилии «щука»... Что это, ирония судьбы или какой-то знак? Не могу сказать, что я суеверный человек, однако, обращаю внимание на такие вещи. Например, также трепетно отношусь к цифре девять. Не знаю почему. Нравится. И получается, что в какие-то знаковые периоды жизни эта цифра в моей судьбе появляется. В принципе я всегда стараюсь своей интуиции доверять. Прислушиваюсь к внутреннему голосу и многие решения принимаю, исходя из этого: есть ощущение тревоги или нет. Пока интуиция ни разу меня не обманула.

О концепциях

— Вы преподавали в ЧелГУ такой любопытный предмет, как феминология. В

этой связи вспоминается самая известная феминистка, первая в мире женщина-министр Александра Коллонтай, нарком государственного призрения, с ее концепцией новой женщины. Вы тоже возглавляете министерство социальных отношений и тоже в свое время написали концепцию улучшения положения женщин в Челябинской области. Невольно приходят мысли о неких параллелях...

— С Александрой Коллонтай, при всем моем уважении к ней как к политическому деятелю, у меня на самом деле мало общего. Более того, много вопросов как к государственному деятелю. Я понимаю, что в рамках той действительности, в тех условиях она вряд ли могла действовать по-другому, но тем не менее. В тот исторический период многие пролетарские авторы писали о том, что отношение к женщине должно быть, как к стакану воды: выпил и пошел дальше. И Коллонтай это тоже поддерживала. Она утверждала, что при

коммунизме не должно быть семьи, что это пережитки буржуазного строя, что все дети должны воспитываться коммуной, и отношение к женщине тоже должно быть достаточно легким. Поэтому здесь, в этом смысле, расхождение между нами максимальное.

Если говорить о концепции улучшения положения женщин Челябинской области, которую мы готовили в Общественной палате, то она была направлена на сбор информации в первую очередь с территорий области, от тех женских организаций, которые там работают. И концепция эта совершенно другая. Она писалась не «сверху», а «снизу». И та проблематика, с которой нам пришлось столкнуться в процессе сбора этой информации, оказалась достаточно серьезной. Это и женский алкоголизм, о котором мы практически не говорим, и жестокость в отношении к детям, причем, это нам выдал один из закрытых городов. Это были вещи, которые заставили серьезно задуматься. Но чем больше я с этой темой работала, тем больше приходила к выводу, что нельзя выделять женскую тему в какую-то отдельную концепцию. Как только мы начинаем дистанцироваться, выделять женщин в отдельную категорию, говорить о женщине, как о некоем специфическом предмете...

— **Что «женщина тоже человек»...**

— Да, именно! Тем больше мы проигрываем. Только говоря о каких-то общих проблемах, которые касаются абсолютно всех, женщина начинает иметь поддержку и перспективы. Это показывает вся история России с девяностых годов прошлого столетия. Чисто женская тема в обществе не поддерживается.

О власти

— **Президент Дмитрий Медведев неоднократно высказывался, что необходимо увеличивать количество женщин во власти. Однако, в российском правительстве сейчас всего три женщины-министра — Скрынник, Голикова и Набиуллина, а в нашем, региональном — только две: вы и Елена Мурзина...**

— Думаю, это нормальная практика, когда государством управляет мужчина. В России это и культурно, и исторически сложилось. До сих пор многочисленные социологические исследования говорят, что половина населения России ни при каких обстоятельствах не проголосовала бы за женщину-президента.

— **Иными словами, кухарка не может управлять государством?**

— Управление — это все-таки мужская функция. Скорее, женщины сами не рискуют брать на себя мужскую роль и мужскую ответственность. Ведь, в принципе, в сфере управления приходится играть по мужским правилам: порой достаточно жестко. Но иначе невозможно. Поэтому, думаю, не стоит отнимать у мужчин то, что им изначально предписано природой.

Более того, исследователи и ученые говорят, что все современные проблемы, с

которыми общество сталкивается, связаны в первую очередь с тем, что женщина уходит от традиционных занятий и функций, предписанных ей природой. Давайте вспомним, например, о проблеме бесплодия, которая раньше не была настолько массовой. Зачастую корни этой проблемы лежат не столько в плане здоровья, сколько в психологических установках. Сегодняшние молодые женщины сначала ставят задачу самореализации, откладывая создание семьи и рождение детей на потом. А «потом», к сожалению, бывает поздно. Прогрессирующий рост онкологии среди женщин, в первую очередь, рак молочной железы, рак шейки матки — это тоже результат ухода женщины от традиционных занятий. Поэтому, считаю, если у женщины есть возможность заниматься семьей и детьми и чувствовать себя в этом комфортно, — это здорово.

О наградах

— **Прежде, чем получить пост министра, вы много занимались общественной и законотворческой работой, за что неоднократно были отмечены Государственной Думой. Но помимо этого в копилке ваших наград есть и грамота от Русской Православной Церкви...**

— Да, это грамота Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи. Вручили ее за то, что мы много лет реализовывали такой проект, как фестиваль детского творчества «Роза ветров». Многие дети, которые прошли через наш фестиваль, учатся в Гнесинке, живут в Москве и поют в «Непоседах» и других известных ансамблях. Для детей из глубинки это социальный лифт, шаг в другой мир.

Несколько лет назад мы привозили к нам в область Любовь Яковлевну Жук, это заведующая кафедрой гуслей в Гнесинке. Она пропагандирует гусли как инструмент, который сохраняет генетическую память народа, и работает с патриархией. С ее помощью мы провели несколько мастер-классов и концертов (она приезжала с ансамблем «Купина»). Для детей это было открытием. Они начали совершенно иначе относиться к патристическим вещам. Вот после этих фестивалей, после работы с Любовью Яковлевной такую грамоту мне дали.

О болевых темах

— **Давайте поговорим о болевых темах. В России смертность превышает рождаемость. Может, стоит запретить аборт?**

— Понимаете, когда мы о чем-то говорим, я всегда за то, чтобы на проблему смотреть в целом. Да, аборт — это плохо. Но проблема, на мой взгляд, совершенно в другом. Только вдумайтесь: в России в 2011 году основным методом планирования рождаемости остается аборт. Поэтому в ситуации, когда огромная масса людей решает вопрос с планированием только этим способом, считаю, запреты при-

ведут лишь к криминализации этой сферы. И не будем забывать, что любой запрет всегда отталкивает очень многих людей. Сейчас даже католическая церковь пересматривает свое отношение к этой проблеме, потому что поняли, что если оставаться на ортодоксальных позициях, молодежь уйдет. России необходима более эффективная просветительская работа, профилактика, работа с детьми, чтобы уже со среднего школьного возраста девочка понимала, что аборт — это недопустимо. Тогда и проблемы как таковой не будет.

— **Другой болевой вопрос: надо ли в России разрешить эвтаназию, как это существует в ряде европейских стран?**

— Честно говоря, у меня нет однозначного решения. Я много думала на эту тему, рассуждала... С одной стороны, когда видишь безнадежно больных в онкологических больницах, которые горят желанием бороться за жизнь, хотя все вокруг понимают, что им от силы осталось месяц-два... Это одно. Но бывают совершенно другие случаи.

— **Например, когда обгоревшая женщина попросила сына выключить аппарат искусственного дыхания. Сын за это получил реальный уголовный срок, как за убийство.**

— Я и говорю: ситуации разные бывают. Поэтому, если у человека есть осознанное решение, то, наверное, его стоит принять. Если мы считаем, что в каких-то случаях у человека есть право выбора, к примеру, на тот же аборт, то почему в других случаях мы в этом выборе человеку отказываем? В России есть определенная доля населения, которая считает, это у человека должно быть такое право.

О реформе

— **Вы не раз выступали с предложением реформировать систему соцпомощи. О чем конкретно речь?**

— Речь шла о том, что материальная составляющая, раздача каких-то льгот сегодня уже не столь принципиальны, сколько создание социальной инфраструктуры, к которой человек в любой момент может обратиться и получить поддержку.

У нас получение социальных услуг ограничено определенными категориями и понятием «трудная жизненная ситуация», хотя в социальных услугах нуждается гораздо большее количество вполне обеспеченных людей. Месяц назад правительство приняло перечень этих дополнительных платных услуг. В министерстве вокруг этого вопроса шел достаточно долгий спор, но социологический опрос в Челябинске, который мы провели, показал, что 80 процентов граждан готовы и будут платить за дополнительные социальные услуги. Речь о том, чтобы обеспечить уход за престарелыми родителями на время отпуска, посидеть с больным ребенком, чтобы пришла медсестра сделать укол, или помочь человеку с уборкой, когда он плохо себя чувствует.

Второй момент, над которым мы сейчас думаем, обсуждаем его, — это оказание социальных услуг, таких, как надомное, социально-медицинское обслуживание через некоммерческие организации. На мой взгляд, это приведет и к экономии бюджетных средств и более качественному оказанию услуг. В следующем году мы первые шаги в этом направлении осуществим.

На базе имеющихся социальных учреждений будем развивать другие формы работы. Вот сегодня открылись школы для реабилитации детей-инвалидов. Родители могут там обмениваться опытом и методиками, получить психологическую поддержку. Раньше они просто не имели такой возможности. Для того, чтобы эти дети были адаптированы в общество, реабилитация должна стать образом жизни. А это возможно только с нашим участием.

О себе

— **Поделитесь секретом: как удается сохранить баланс, золотую середину между семьей и работой?**

— Наверное, есть какая-то внутренняя гармония, которая позволяет достичь баланса. Поэтому и на работе, и с детьми все успеваем: и уроки сделать, и сочинение написать, и на тренировки сходить, и выходной вместе провести. И по дому я тоже все делаю сама, у меня нет домработницы. Как-то хватает времени на все.

— **То есть, никогда не бывает трудных ситуаций?**

— Я считаю, нет безвыходных ситуаций. Если что-то происходит, всегда говорю себе: с любой проблемой надо дотерпеть до утра, утром решение придет. Скоропалительные, вызванные эмоциями решения ни к чему хорошему не приводят. Я привыкла, что мне с детства все не так легко давалось, привыкла к самостоятельности. С одиннадцати лет, с пятого класса я у тети в деревне уже зарабатывала карманные деньги. Когда ты с этого начинал, говорить, что тебе в чем-то трудно...

— **Маленький блиц, самые простые вопросы: что люблю, что категорически не приемлю?**

— Люблю больше всего своих детей. Считаю, что смысл жизни в том, чтобы они стали успешными. Я обожаю, когда они смеются, особенно младшая. Слышу детский смех и все: наступает счастье. Люблю работу. Я на самом деле очень люблю свою работу. Прихожу всегда с удовольствием и ухожу несмотря на усталость с чувством удовлетворения. Наверное, это и помогает соблюсти тот самый баланс. Что не приемлю? Лесть и ложь. Это чувствуешь спинным мозгом. Поэтому и трудно иной раз в этой должности, когда встречаешься с тем, что отношение не к тебе, а к этой самой должности. Это очень неприятно. А все остальное... Это жизнь!

**«Южноуральская панорама»,
13.12.2011**

Лидия Садчикова

ВЛАДИМИР ВЕККЕР: «ДЛЯ ГЕРМАНСКИХ МУЗЫКАНТОВ Я – СОПЕРНИК» **(Германия - Челябинск)**

Владимир Павлович Веккер – уроженец города Копейска Челябинской области. Закончил Челябинское музыкальное училище, потом композиторское отделение Уральской государственной филармонии. Преподавал в Челябинском институте культуры. Одним из направлений его композиторской деятельности стала легкая музыка. Сочинил немало эстрадных композиций. Южно-Уральское книжное издательство выпустило сборник его песен, в их числе – известный и по сей день вальс «Челябинск, ты моя любовь». Много лет руководил созданным им эстрадным ансамблем «Катерина». За цикл песен о комсомоле был удостоен звания лауреата областной комсомольской премии «Орленок». Однако основой творчества Веккера всегда была симфоническая музыка. В его «багаже» – несколько симфоний, музыка к балету «Тезей» и опере «Аносов», сочинения в других жанрах. Семь лет назад Владимир Веккер с женой Людмилой, дочерью Инной и сыном Олегом перебрались на новое место жительства, выбрав им свою историческую родину – Германию. Теперь они имеют двойное гражданство.

Мое первое интервью с Веккером было опубликовано в «Челябинском рабочем» ровно 15 лет назад. Собравшись в октябре в Германию, я намеревалась увидеться с Владимиром. Интересно же расспросить о переменах в жизни и делах. Однако страна не так мала, как кажется на карте. От места моего пребывания до его жилья в Роттенбурге оказалось более полутысячи километров. Ладно, решила я, дождусь его приезда в Челябинск. Он уже не раз приезжал на Урал к своим родственникам, слушателям и исполнителям.

И все же мы встретились на германской земле. По возвращении домой в аэропорту Ганновера я столкнулась с Владимиром и его дочерью Инной. Они летели в гости. Володя почти не изменился: так же моложав, такой же добродушный и обаятельный, как прежде. А Инна теперь совсем взрослая. Живет отдельно от родителей, имеет хорошую работу (она пианистка по образованию). В ожидании самолета мы коротали время за беседой.

— Знаешь, – сказал Владимир, – хотя я гражданин и России, и Германии, но, ей-богу, в большей степени чувствую себя россиянином. Челябинск – огромная часть моей жизни. Я уехал, а моя музыка осталась. Во-первых, она сохранена на пленках благодаря редактору челябинского радио Вере Сергеевне Филипповой. Во-вторых, она «живьем» звучит в сольных программах пианистов, скрипачей, кларнетистов. Все баянисты кафедры народных инструментов

института культуры, где я работал, играют мою музыку, на кафедре фортепиано ее используют в качестве учебного материала. Три года назад, когда я отмечал пятидесятилетие, областное отделение Союза композиторов России организовало в Челябинске три моих концерта – целый фестиваль, в котором участвовали замечательный оркестр «Малахит» под управлением прекрасного дирижера Виктора Лебедева, блестящие исполнители Вячеслав Быков, Борис Потеряев, Николай Грехов, Николай Малыгин, Владимир Герасимов. Я счастлив, что моя музыка играет.

В Германии я живу другой жизнью. Там я пока чужой в мире искусства. Хотя мои произведения уже издавались, их играет камерный оркестр города Штутгарта. Как-то был мой авторский концерт в Роттенбурге с довольно солидной программой: фортепианная, скрипичная, кларнетная музыка. Принималась она хорошо, зал был полон, что меня даже удивило. Выступали и учащиеся музыкальных школ, и профессионалы. Из русских – я с Инной и дуэт «Гусли звончатые и баян». Это муж с женой, тоже выходцы из России. Я специально для них сочинил несколько вещей.

Сейчас я много и с огромным удовольствием пишу для детей. Казалось бы, детской музыки в избытке – хоть немецкой, хоть русской. Но подчас она стереотипна. Ярких, эмоциональных, запоминающихся мелодий не так уж много. Я это ощутил, давая уроки на фортепиано – маловат «детский» репертуар. Пришлось самому сочинять. Не хочу хвастаться, но эта музыка, когда ее Инна играет или мои ученики, всем нравится.

— Чем же она отличается от «взрослой»?

— Скажу коротко: ее надо писать более четко и талантливо. Это довольно долгий поиск образных, характерных звуков, которые ребенок сможет воспринимать ассоциативно. Важно держать интонации современной музыки, той, которая идет из эфира и постоянно «на слуху». Не хочу сказать, что я копирую эти интонации, но композитор, связанный с эстрадой и джазом, как я когда-то, «в себе» их имеет. Когда их приносишь в небольшие пьесы, миниатюры для детей, они хорошо исполняются и воспринимаются.

— А чем можно заинтересовать взрослого слушателя?

— Откровенно скажу: на данном этапе моей жизни в Германии я за серьезную музыку не берусь. Хорошо «идет» легкая музыка, потому что есть исполнители. Как тут не вспомнишь золотые времена 70-80-х годов! Моя симфо-

ническая музыка была востребована, меня просили: «Пишите, еще пишите». Помню, художественный руководитель Челябинской филармонии Валерий Стрельцов звонил мне и говорил: «В следующем сезоне включаем тебя в абонемент»... Ты понимаешь, что такое на Западе «включить в абонемент» симфоническое произведение? Это почти невозможная вещь! Впрочем, как-то по программе Европейского канала исполняли мою сюиту к балету «Тезей». В принципе, чтобы в Германии «добраться» до симфонических оркестров, надо сначала «добраться» до дирижеров. А они там нанимающиеся, они выполняют волю заказчика, которые сами решают судьбу программы. К сожалению, в Германии у меня таких контактов нет. Более того, для германских музыкантов я соперник на музыкальном рынке. Там же всюду конкуренция! К тому же я еще «не созрел» для хорошего общения – не очень-то легко мне дается немецкий язык.

— **Не слишком оптимистично. Извини, но, может, существует риск возрастного ограничения?**

— Только не для творческого человека. Просто много сил и времени у меня ушло на борьбу за выживание. Надо зарабатывать деньги. Они в Германии не сыплются с неба. Платят хорошо, но зарабатывать трудно. Тяжело дается вращение в законы, обычаи, традиции. Что собой представляют немцы? Вроде бы они всегда улыбаются, в отличие от русских. Но... Улыбка не есть знак открытости и дружелюбия. Германия такая страна, где деньги делаются на всем, там это главное.

— **А тебе удалось соединить зарабатывание денег с творческими устремлениями?**

— Думаю, через несколько лет это будет сочетаться. Произведения начинают издаваться, покупаться, принося мне какие-то деньги. Ну, и «черновая» работа... В принципе на Западе даже именитые композиторы имеют доход не только от сочинений. Они берутся за любую подработку, будь то преподавание или игра в церкви. На гонорар, особенно в начальной стадии, просто не прожить. Собственно, музыку я сочиняю там, но концерты планирую с расчетом на российских музыкантов.

— **Что было с твоей музыкой в период «борьбы за выживание»?**

— Писал, но мало. В основном миниатюры для фортепиано. И, конечно, такую музыку, которую любят в Германии. Зарабатываю, играя польки, фокстроты, вальсы. Людям это нравится, меня приглашают и платят. В среднем за концерт 200 марок – это хорошие деньги. А серьезная музыка – это уже моя внутренняя потребность. Ведь я композитор, работающий в крупных жанрах – симфониях, операх и балетах. Я задался целью – сделать три концерта для баяна. Он имеет колоссальные возможности. Но профессионалы-композиторы редко к нему обращаются. Хочу баян возвысить до скрипки, до флейты, до кларнета. Чтоб его не воспринимали как некий скомороший

инструмент. В Челябинске и России вообще есть много хороших баянистов. Они задыхаются без музыки, которая бы отличалась виртуозностью, глубиной мысли, драматургией.

— **Не осталось ли у тебя некой обиды на Россию, на Челябинск, если иметь в виду оперу «Аносов», которая так и не дошла до слушателя?**

— Я ее называю «Вызов на дуэль». Дуэль двух людей и двух сил. Опера не увидела свет, и это не моя беда. Но и никого другого не хочу винить. Повторяю: свою судьбу в Челябинске без колебаний называю счастливой. А опера не поставлена из-за «системной», так сказать, причины. В российских оперных театрах почти нигде современная опера не ставится. Недавно слушал «Евгения Онегина» в постановке Большого театра – все это мило, но... несовременно. В репертуаре российских оперных театров – все те же «Травиата», «Аида», «Евгений Онегин». Почти нет новаторских спектаклей. Их некому ставить. Нет крупных режиссеров, дирижеров, постановщиков. Уехали. Потому что на Западе платят не так, как в России. И к оперному искусству там относятся с большим почтением. Мы с Инной недавно ездили в Штутгарт, чтобы посмотреть мюзикл «Мисс Сайгон». В принципе это чистейшая опера, правда, сделанная современными средствами. Билеты мы взяли «дешевые» – по 100 марок, а хорошие билеты стоят по 150-200 марок. (К слову, курс немецкой марки в России: 12 рублей – Л.С.). Но дело не в этом. Спектакль идет, кроме понедельника, каждый день, в течение двух лет, и билетов не достать. Около шести миллионов зрителей его посетили. Альфред Шнитке свою оперу «Идиот» поставил не в Москве или Петербурге, а в Гамбурге. Я смотрел телевизионную версию – это что-то гениальное. Слушатели всегда идут на новое, необычное.

— **В этом ключе ты замыслил свой балет «Тезей», взяв сюжет из древнегреческой мифологии. Какова его судьба?**

— Музыка масштабная, она хорошо принималась слушателями в исполнении Свердловского оркестра. Что будет с «Тезеем» дальше, пока не знаю.

— **В Германии же много бывших россиян и среди них немало музыкантов. Есть с ними контакты? Общая судьба переселенцев, наверное, объединяет?**

— Здесь вообще люди довольно разобщены. Коренные немцы близко к себе никого не подпускают. А нас, русских немцев (мы зовемся «русаками»), Германия не только не объединяет, но даже разделяет. Большинство живет материальными интересами, стремясь заработать, обзавестись дорогой машиной, престижным жильем. К своим соотечественникам относятся ревностно, опасаясь, что они могут их как-то «обойти». Каждый бьется в одиночку, надеясь только на себя. Совсем не так, как в России, по крайней мере, той, из которой я уехал семь лет назад. Да и сейчас, я знаю, мои музыкальные собратья готовы меня

поддержать. А в Германии: Я познакомился как-то с блестящим баянистом Петером Гертером, лауреатом международного конкурса. Он родом из Владивостока, раньше нас перебрался в Германию, раньше и адаптировался. Живет в городе Ульм, куда мы с Инной к нему однажды поехали. Поговорили, я послушал его записи, он – мои. Я надеялся на творческую дружбу, ведь у меня столько баянной музыки. Но... В общем, пока контакт не сложился. Встречался еще с одним баянистом – бывшим москвичом, чисто русским человеком Сергеем Рязановым. Жена его играет на гуслях. Они уже тоже освоились в Германии, имеют отличный дом с красивым парком. Хорошо нас приняли. И только. Но я не теряю надежды на то, что встречу, наконец, и в Германии «своих» исполнителей.

— **Как устроились твои жена и дети?**

— Инна преподает в музыкальной школе. Еще руководит самостоятельными музыкальными коллективами, устраивает с ними любительские концерты, которые немцы просто обожают. Поют, слушают, потом все вместе устраивают за-столья. Пьют пиво, снова поют. В Германии любимый инструмент – аккордеон. Там три с половиной тысячи самостоятельных оркестров. В каждом даже малюсеньком населенном пункте есть свой духовой оркестр. Сын Олег учится в гимназии – это нечто вроде российского техникума. Он хочет стать звукорежиссером. Его комната напоминает студию звукозаписи, там полно всякой аппаратуры. Знаешь, что он сейчас изучает? Колебания струны. Жена Людмила работает медсестрой в больнице. Это очень тяжелый труд! Ни секунды не посидишь. Ей, как всем бывшим российским медработникам, для подтверждения диплома

пришлось полгода поработать практически бесплатно (врачи на таких условиях работают по году). Люда так уставала – едва до дома доходила. Однако справилась. И стала высокооплачиваемым работником. Первые годы финансовая база семьи держалась исключительно на ее плечах. Я, разумеется, комплексовал по этому поводу. Сейчас ситуация изменилась, у меня тоже есть работа и заработок. Хотя жену я так и не обогнал. Честно говоря, не люблю вспоминать период акклиматизации. Во второй раз этот путь я ни за что не согласился бы пройти. Но сейчас я чувствую себя уверенно. И во многом благодаря тому, что не порвал связей с Родиной.

P.S.: Две недели спустя, перед отъездом из Челябинска, Владимир позвонил мне, чтобы попрощаться. Чувствовалось, что он в отличном настроении. Еще бы! Я была на его концерте в академии культуры – все было о'кей. Кроме того, успешно завершилось его двухгодичное сотрудничество с челябинским звукорежиссером Сергеем Спиридоновым. Результатом стала запись лазерного диска, на нем – лучшие баянные произведения Веккера в исполнении лучших челябинских баянистов. Сигнальный экземпляр Владимир увез в Германию. Там его растиражирует, а альбом для диска придется изготовить в двух вариантах – на немецком и русском языках. Побывал композитор и в Екатеринбурге – нынче исполнилось 25 лет, как он окончил Свердловскую консерваторию. Его преподаватели еще в те далекие годы говорили: «Веккера ни с кем не спутаешь – у его музыки особое «лицо».

(«Челябинский рабочий», 10.11.2000)

Татьяна Синецкая

ВЕККЕР ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

Композитор

60 лет со дня рождения

Творчество В. П. Веккера – одна из самобытных страниц отечественной музыкальной культуры. Многочисленными нитями его композиторская, педагогическая и исполнительская деятельность связана с Уралом. Вместе с тем, он никогда специально не культивировал уральскую тему, считая, что это неизбежно ограничит его возможности как композитора. Основные направления его творческой деятельности – это симфоническая, камерно-инструментальная, народно-инструментальная музыка, вокальный жанр, представленный многочисленными песнями и романсами.

Владимир Павлович Веккер родился в шахтерском г. Копейске. В семье существовали прочные и своеобразные музыкальные традиции. Бабушка Владимира была известной в округе гармонисткой; с гармонью-двухрядкой

она неизменно появлялась на праздниках, гуляньях, свадьбах. Талантливым музыкантом-самоучкой был отец, который прекрасно играл на гармонии и баяне по слуху, выучил нотную грамоту, переписывал понравившиеся произведения, пытался сочинять и стремился приобщить к музыке своих детей.

В выборе Владимиром будущей специальности определенную роль сыграла встреча с преподавателем музыки общеобразовательной школы, хорошим баянистом. Первое же творческое задание – разучивание «Марша веселых ребят» И. Дунаевского – показалось увлекательным и вполне доступным. Однако в музыкальную школу поступать было уже поздно. Оставалась возможность занятий в кружке городского Дворца культуры. За год Владимир подготовил программу, позволившую ему поступить сразу во второй класс музыкальной

школы, которую он окончил за три года вместо положенных пяти.

Это был период и первых композиторских опытов. Юному музыканту особенно нравилось сочинять вальсы, которые он записывал в специальную тетрадь. Большую роль в стимулировании этой деятельности сыграл педагог детской музыкальной школы Н. П. Козиненко. У Владимира возникает потребность в пополнении музыкальных знаний. Он выписывает специальные музыкальные журналы, приобретает учебники по гармонии и инструментовке.

Одновременно у будущего композитора активизировалась исполнительская деятельность. Он увлекся эстрадной музыкой. В короткий срок во Дворце культуры был освоен кларнет, пользующийся в те годы большой популярностью у молодежи. Под руководством 14-летнего музыканта начал работать школьный эстрадный ансамбль, репертуар которого формировался на основе популярных эстрадных мелодий. На выпускном экзамене по специальности в музыкальной школе прозвучало авторское сочинение юного музыканта – «Вальс» для баяна.

Успешно выдержав конкурс, Владимир поступил на народное отделение Челябинского музыкального училища им. П. И. Чайковского в класс баяна П. М. Анохина (1963-1967). Существенное влияние в этот период оказала на него встреча с композитором М. Д. Смирновым, ставшим его наставником и консультантом по сочинению. На заключительном экзамене в музыкальном училище он дирижировал своим произведением - «Концертной пьесой» для баяна с оркестром русских народных инструментов.

Все, казалось, вело к тому, чтобы завершить музыкальное образование в вузе на исполнительском факультете, однако Веккеру на время пришлось оставить это намерение. Судьба рассудила иначе. Сам композитор вспоминает: «Я странным образом попал на композиторский факультет. После армии я поступал как баянист на заочное отделение Уральской консерватории, куда в 1970 году был очень большой конкурс: 12 человек на место. Абитуриенты были очень сильные, а баян был необычайно престижным инструментом в отличие от сегодняшнего дня. Программу сыграл неважно, я это чувствовал, - сказался перерыв в занятиях. Но когда почувствовал, что в консерваторию могу вообще не попасть, решил воспользоваться рекомендацией М. Д. Смирнова и показать свои сочинения прошлых лет профессору консерватории, композитору Л. Б. Никольской. Эта встреча, по существу, изменила все планы. Через полгода, сдав экзамен по композиции, уже курсовой, я окончательно перевелся на композиторский факультет.

Годы учебы в консерватории (1970-1975) - это период широкого знакомства творческой молодежи с достижениями отечественной и зарубежной музыки. В классе по специальности Владимир старался идти своим путем. Не всегда выполняя программу «в мелочах»,

брался сразу за крупную форму. Так, одним из первых его консерваторских сочинений стала «Соната для фортепиано», судьба которой сложилась весьма удачно.

С 1975 по 1994 г.г. композитор жил и работал в Челябинске. По окончании консерватории он был направлен на работу в Челябинский государственный институт культуры (ныне академия культуры и искусств) на кафедру народных инструментов. Ему удается гармонично сочетать педагогическую и творческую деятельность. Результатом успешной педагогической и научно-методической работы стало присуждение Владимиру Павловичу в 1991 г. ученого звания доцента. Самостоятельная творческая работа способствовала более полной и разносторонней реализации композиторского таланта.

В 1981 г. он стал членом Союза композиторов СССР. Веккер активно включился в общественно-творческую жизнь: участвовал в работе областных и городских жюри смотров художественной самодеятельности вузов, производственных коллективов, Домов и Дворцов культуры; проводил консультации и семинары с самодеятельными композиторами, организовал собственный творческий коллектив - вокально-инструментальный ансамбль «Катерина»; участвовал в творческих поездках по Восточно-Казахстанскому пограничному округу, БАМу в составе агитпоезда газеты «Комсомольская правда»; с ансамблем «Катерина» представлял творческую молодежь в Свердловске, Тюмени, Алма-Ате. Композиторская деятельность В. Веккера не остается незамеченной. В 1982 г. за Вторую симфонию и цикл песен ему присуждена областная молодежная премия «Орленок».

Композитор последовательно обращается к симфонической музыке. Для него она становится жанром, позволяющим с наибольшей полнотой воплотить сложные проблемы современного бытия. В 1976 г. состоялась премьера его Первой симфонии.

В феврале 1978 г. Владимир Павлович завершил работу над новым симфоническим сочинением под названием «Каприччио в стиле бит», в котором был, по сути, продолжен и углублен эксперимент: поиск синтеза классического стиля в области симфонической музыки и художественных особенностей бита (первое исполнение «Каприччио» состоялось в апреле 1978 г. в г. Челябинске под управлением В. Васильева, главного дирижера Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки).

Весной 1979 г. в программе фестиваля «Уральские зори» состоялась премьера Второй симфонии (дирижер А. Фридлендер, солистка Г. Зайцева). Произведение обратило на себя внимание новизной музыкального языка, неожиданным по колориту интонационным строем, близким музыке негритянских и латиноамериканских народов. Несмотря на то, что композитор не объявлял программу симфонии, яркая образность, его национальная окраска позволяют предполагать наличие

конкретного замысла, связанного с судьбой народов, живущих в самых «болевых» точках нашей планеты.

Начало 1980-х гг. отмечено возросшим интересом В. Веккера к классической традиции. В это время созданы такие произведения, как Третья симфония, Сюита-ретро, четыре песни в стиле русского романса на стихи А. Фета.

К концу этого десятилетия в программы симфонических концертов челябинских композиторов вошли две симфонические сюиты из балета по древнегреческим мифам «Тезей», завоевавшие симпатии слушателей красочной, выразительной, ярко театральной музыкой, сочной, колоритной оркестровкой.

1989 г. ознаменован завершением одной из самых значительных работ композитора - оперы «Аносов» по пьесе К. Скворцова «Отечество мы не меняем». Этот сюжет воплощает уникальные и значительные страницы истории Урала, связанные с открытием секретов плавки знаменитой уральской булатной стали. Любовь к Родине, готовность к самопожертвованию во имя ее независимости, прославление человека-творца - в центре этого сочинения. Многие его фрагменты прозвучали в радио- и телепередачах, концертных программах. Однако сценического воплощения опера, к сожалению, пока не получила.

Необычайно плодотворна композиторская деятельность В. Веккера в области создания сочинений для русских народных инструментов. Здесь представлены все жанры - от миниатюры до концерта с оркестром. Среди челябинских композиторов именно Владимиру Веккеру принадлежит приоритет в создании произведений для баяна - более десяти произведений. Им написаны два концерта для баяна и камерного оркестра, три сонаты для баяна, две сюиты и отдельные пьесы для этого инструмента, «Скерцо», «Хорал и fuga», программная концертная сюита «Русские мотивы», «Уральская фантазия» и др.

«Уральская фантазия», написанная В. Веккером в 1988 г., представляет собой иное в сравнении с сонатой направление в исполнительском баянном искусстве. Если соната в значительной мере обращена к интеллекту, то фантазия - классический образец виртуозной концертной музыки.

Композитор сочинил два концерта для баяна с оркестром. Несмотря на то, что оба произведения написаны сравнительно недавно, их путь к слушателю уже начался, и весьма успешно. Первый концерт для баяна и симфонического оркестра имеет две даты рождения: 1977 и 2001 г.г. Вскоре после окончания консерватории молодой композитор обращается к жанру концерта, считая своей важнейшей задачей пополнение концертного репертуара баянистов современной музыкальной литературой. После 20-летнего перерыва музыкант решил вновь вернуться к этой музыке, в корне ее переработав. При этом принципиальные моменты формы были сохранены, однако инструментовка, регистровка, в значительной мере, -

партия солиста, состав оркестра (камерный) - все это подверглось коренной переработке. Таким образом, сочинение практически было написано заново.

Немало интересных сочинений композитор создал для балалайки: три пьесы-соло, Соната, Детская сюита, Интермеццо. Безусловно, особое место в этом ряду занимает Концерт для балалайки с оркестром русских народных инструментов, премьера которого состоялась в декабре 1991 г.

Оркестровая музыка В. Веккера для народных инструментов связана целиком с танцевальными жанрами, которые являются для него средством воссоздания определенной эпохи, конкретных национальных характеров. Органично вошла в исполнительскую практику «Ретро-сюита» № 1, написанная в 1984 г. В 1990-е гг. композитором созданы «Ретро-сюиты» № 2 и № 3, в которые включены танцевальные жанры, широко распространенные в 1950-х гг., годах детства композитора.

В творческом активе композитора - около 100 песен, хотя сочинять вокальную музыку он начал уже после окончания консерватории, в 1975 г.

Первый песенный период приходится на время создания им в 1975 г. вокально-инструментального ансамбля «Катерина», который явился своеобразной творческой лабораторией. Именно в этом коллективе сложился исполнительский стиль, отмеченный строгой требовательностью к чистоте интонирования, характеризующийся ровностью ансамблевого строя, корректностью эстрадной манеры, высокой культурой инструментального исполнения. Он не стал, как многие ансамбли в те годы, однодневкой, просуществовал более 10 лет. Его первые участники ушли в профессиональное искусство (Н. Солодовник - орган, вокал; Н. Моисеева - гитара-бас, вокал; Е. Зоткина - ударные, вокал; Т. Кислова - орган, вокал; Л. Бойкова - гитара, вокал).

Для В. Веккера работа с «Катериной» стала школой, позволившей приобрести опыт и мастерство в вокальном жанре. Именно в этом ансамбле родились ставшие для многих любимыми песни «Все от России», «Летняя песня иволги», «Зимушка-зима», определившие характерные черты песенного стиля композитора: естественность и непринужденность мелодического движения, стремление к индивидуальному прочтению поэтического текста, преобладание мягкой лирической интонации, высокая гуманистическая направленность содержания. Невероятную, повсеместную популярность приобрела песня «Челябинск, ты - моя любовь» (стихи А. Куницына и В. Веккера).

В поисках литературного материала для песен музыкант нередко обращается к поэзии своих земляков, поэтов-уральцев. Среди этих авторов: Л. Кузнецов, М. Шанбатуев, А. Куницын, И. Грицай, В. Лебедев, В. Сляднев, Л. Чернышов. Большую группу образуют песни на стихи Л. Татьяничевой: «Песня об Урале», «Магнита», «Пою о России моей», «Молодые

города», «Мне бы только успеть» и другие.

Осенью 1994 г. Владимир Павлович с семьей переехал на жительство в Германию, оставшись членом Челябинского отделения Союза композиторов России. Нелегкое время освоения другой страны практически не отразилось на его творческой продуктивности. За время пребывания в Германии он написал более 30 произведений для фортепиано, включающих сонатную форму и миниатюры.

Ежегодно композитор приезжает в Россию, знакомит своих коллег с новыми работами, встречается с исполнителями, выступает с концертными программами. Одно из наиболее крупных событий связано с участием В. Веккера в традиционном международном фестивале «Баян-аккордеон», прошедшем в г. Челябинске с 4 по 11 ноября 2002 г. Интересной и запоминающейся стала творческая встреча композитора с музыкальной общественностью г. Челябинска, которая прошла 5 ноября в камерном зале Академии культуры и искусств. Можно было увидеть результаты той деятельности, которую Владимир Веккер ведет

в Германии: с одной стороны - академическая научная работа, сотрудничество с издательствами и фирмами звукозаписи по внедрению своих крупных сочинений в музыкальную жизнь Германии и Европы; с другой - практическая деятельность по созданию демократичной, востребованной широким слушателем музыки в жанре «фолк». В 2003 г. в Германии издан теоретический труд композитора – «Новая система ладотональностей». В 2004 г. ему присуждена премия за укрепление российско-германских связей в области культуры.

16 мая 2005 г. композитор вновь «отчитался» перед челябинцами - состоялся его авторский концерт с участием государственного русского народного оркестра «Малахит», инструментального дуэта «Маэстро аккордеон», детского хора «Гармония».

Важно, что уральский композитор, органично войдя в музыкальный мир другой страны, остается представителем нашей, российской культуры, осуществляет благотворные акции взаимодействия двух государств в сфере музыкального искусства.

Роберт Франк

ПРЕМИЯ ПО КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

28 февраля 2005 г. на торжественном собрании в Белом зале Нового Замка в Штутгарте была вручена Премия по культуре российских немцев. Вручил ее Уполномоченный земли Баден-Вюртемберг по делам изгнанных, беженцев и переселенцев, министр внутренних дел Земли Баден-Вюртемберг Гериберт Рех.

На этот раз премию получали музыканты. «Каждый из лауреатов добился значительных успехов в своей области и внес достойный вклад в культурную традицию немцев из России», - сказал министр в своей речи.

Главная премия (Hauptpreis) - 5.000 Евро была вручена народному артисту РСФСР, профессору Рудольфу Кереру. Рудольф Рихардович Керер родился в Тбилиси 10 июля 1923 в семье инструментального мастера и настройщика фортепиано. Обучался в группе одаренных детей при Тбилисской консерватории, затем в 1938-1941 в консерватории. В самом начале войны, как немец был депортирован с семьей в Среднюю Азию. Вынужденный прекратить занятия музыкой, Керер поступил в Чимкентский педагогический институт на физико-математический факультет, по окончании которого преподавал математику. В 1954 он вновь вернулся к музыкальным занятиям и поступил на 3-й курс Ташкентской консерватории. По окончании консерватории начал преподавать там же. В 1961 завоевал 1-ю премию на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в Москве, после чего стал преподавателем Московской

консерватории, солистом Московской филармонии и начал активную гастрольную деятельность: выступал в разных городах СССР, в ряде бывших социалистических стран (ГДР, ПНР, ЧССР и др.). Но из-за записи в «пятой графе» он до 1980 года не имел права ездить на гастроли в западные страны, что и явилось главной причиной того, что на Западе он стал известен сравнительно поздно. Игре Керера свойственна редкостная самобытность, его интерпретации отличаются строгой логичностью и монументальностью. Керер - один из лучших исполнителей музыки Бетховена;

его обширный репертуар включает также сочинения Листа, Чайковского, Прокофьева, Шостаковича и многих других композиторов. В 1990 году Керер был приглашен в качестве профессора в Венскую консерваторию и занимал эту должность до 1998 года.

Профессору Кереру была предопределена типичная для российских немцев судьба, под ударами которой он, однако, смог выстоять как художник, - сказал министр Рех. После получения премии Рудольф Керер исполнил фортепьянные произведения Рахманинова и Прокофьева.

Пощирительную премию (Förderpreis) - 2.500 Евро была вручена юной пианистке Ольге Голлей. Она родилась в 1983 году в Павлодаре. Начала учиться музыке с пяти лет. После переезда в 1993 в Германию Ольга Голлей училась музыке в Высших музыкальных училищах в Лейпциге, Вюрцбурге, с 2002 года она учится в Веймарской консерватории. Наряду с первой Премией на конкурсе пианистов в Нюрнберге она отмечена и другими премиями на различных германских музыкальных конкурсах. Концентрировалась во многих странах Европы и Южной Америки.

Почетная премия (Ehrengabe) была вручена композитору Владимиру Веккеру. Композитор родился в 1947 году в Копейске под Челябинском. Музыкальное образование он получил в музыкальном училище Копейска и в Уральской консерватории в Свердловске, где изучал музыкальную теорию и композицию. С 1975 года он в качестве доцента преподает в Челябинской консерватории, становится профессиональным композитором, членом Российского союза композиторов. Владимир Веккер - автор нескольких симфоний, многих произведений камерного характера, написал ряд песен. Композитором написаны многие работы по теории музыки.

Переселившись в 1994 году в Германию, Веккер продолжает работать над многими из них и издает в 2003 году в Германии свою книгу «Neue Musiktheorie», высоко оцененную немецкими музыковедами.

После вручения премии Владимиру Веккеру Ольга Голлей с большим успехом исполнила фортепьянную сонатину композитора.

В своей речи министр Рех подчеркнул, что значение профессиональной и социальной интеграции российских немцев трудно переоценить. Культура является неперенным условием становления личности, а верность собственному культурному наследию и стремление к сохранению собственной культуры является немаловажным фактором на пути к успешной интеграции.

Мы гордимся достижениями наших земляков из России, успехи которых в области культуры наряду с их трудолюбием и творческим вдохновением могут служить примером для всех немцев из России, - подчеркнул министр.

Исключительно важной по содержанию на присуждении была речь председателя жюри Вальдемара Вебера, подчеркнувшего, что премия была вручена за высокий профессионализм, не нуждающийся в помощи трудной судьбы или социально-политического ангажмента. Тем не менее, большую часть речи Вальдемар Вебер посвятил истории судеб российско-немецких деятелей искусства и попытался дать новое определение понятию российско-немецкой культуры в современных условиях. Этот момент в речи Вальдемар Вебера, как потом отмечали многие немецкие журналисты, задал тон всей дальнейшей процедуре вручения премии. Вальдемар Вебер подчеркнул, что, несмотря на все пережитое в России, российские немцы осознают тот факт, что они выходцы из страны великой культуры и что русская культура стала частью их самих:

«Und was ist das Kulturgut der Russlanddeutschen? Jede Epoche bringt eigene Definitionen. Ich würde es so definieren: Unser Kulturgut ist unsere heutige Identität, das von uns Durchlebte, unsere Erfahrung des Leidens und der Nächstenliebe in unserer russischen Heimat wie auch trotz allem dort Erлittenen - unsere Erkenntnis, dass wir, Deutsche aus Russland, nach Deutschland aus dem Land einer großen Kultur zurückkehren und dass diese Kultur ein Teil unser selbst geworden ist.

Nicht zufällig spielt heute Rudolf Kehrер Werke der großen russischen Musiker, nicht zufällig kann man aus der Musik von Wladimir Wecker russische Einflüsse heraushören, was auch dem Ansinnen dieses Preises entspricht, der auch die Werke auszeichnet, die die

Wechselwirkungen zwischen den Russlanddeutschen und ihren Nachbarn repräsentieren».

Вручение премии сопровождалось выступлениями молодых музыкантов - российских немцев: великолепного квартета под руководством Александра Райтенбаха и виртуозного трио в составе Татьяны Нойфельд, Роберта Корна и Андреаса Нойфельда (последние два скрипача играют в двух ведущих немецких оркестрах).

В заключении хотелось бы привести цитату из приветственной речи (Laudatio) в честь Рудольфа Керера, произнесенной известным немецким режиссером документального кино российской немкой Иреной Лангеманн, автором документального фильма о Рудольфе Керере:

«Конечно же, он знает, что он большой музыкант. Но это для него вторично. Первично для него была и есть - сама музыка. Одно интервью с ним мне особенно запомнилось. Вы тогда сказали, господин Керер, что невозможно описать, что такое музыка. Музыка начинается там, где кончаются слова. - Natürlich ist es ihm bewusst, dass er ein großer Meister ist. Aber das ist sekundär. Primär war und ist für ihn die Musik. Ein Interview ist mir bis heute in Erinnerung geblieben. Da sagten Sie, Herr Kehler, man könne es nicht beschreiben, was Musik ist. Musik fängt dort an, wo die Wörter enden».

17 июнь 2014 г.

<http://www.zeitung-heimat.de/integration/in05.html>

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ФРИШ

Лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады и цирка, клоун Московского цирка на Цветном бульваре. Русский с немецкими корнями. Парижанин родом из Еманжелинска. Выпускник Челябинской академии (а тогда еще института) культуры и искусства. Ученик Юрия Никулина. Хороший друг Олега Попова и Вячеслава Полунина. Был такой номер: выезжал человек на моноцикле, на одном колесе, с огромным барабаном на голове и собирал кирпичи. Он был в майке с цифрой 16, там было 16 кирпичей, он жонглировал этими 16 кирпичами.

Александр Фриш: «Цирк - это же искусство трагичное. Потому что цирк - он длится как Новый год. Ведь этот праздник длится, только пока бьют куранты. И цирк - он живет только пока идет представление. И когда гаснут прожекторы, ramпы, когда выключается последняя лампочка на конюшне - цирк умирает. До следующего представления.

Мой маленький город на Урале. У моих мамы с папой не было телефона в доме на нашей маленькой Горной улице, они стояли в очереди лет двадцать пять... А потом - один звонок Юрия Владимировича Никулина, и буквально за пятнадцать минут насчет телефона для моих родителей все решено. Вот это тоже великий талант - уметь влиять на наших непробиваемых чиновников талантом, улыбкой, смехом.

Наш Солнечный Клоун - Олег Попов. Я недавно был на юбилее у Олега Константиновича, 75 лет ему исполнилось, и я увидел клоуна, которому хорошо. У него есть своя маленькая планета. Домик на горе - клоунский дом построен, у него карликовые пони живут вокруг, у него веселая жена - она занимается этими пони. А он по-прежнему реквизит пилит. Говорит мне: «Саша, привези мне из Москвы струны для балалайки, я решил научиться играть». А играет он только одну песню: «Светит месяц, светит ясный». Вот... светит месяц - у солнечного клоуна...

Есть клоуны сладкие, кислые, кисло-сладкие, солнечные... А например, Слава Полунин - он клоун-минималист. Есть клоуны с осенью в сердце, как Леонид Ингибаров. А я клоун... негромкий. Визуально это можно представить так: вот вы держите маленький бенгальский огонь, вот вы его поджигаете... и время, пока горит этот бенгальский огонь, - это я. Я вот такой клоун - искрящийся... но не «блестящий»!

Я, объехав с цирком земной шар три раза, понял: в каждом уголке Земли есть своя прелесть. И Китай мне интересен. Я безумно люблю Париж. И безумно ценю мой маленький город Еманжелинск, куда я сегодня должен был поехать помогать брату выкапывать картошку.

Мой папа, когда покупал 150 цыплят в деревне Еманжелинка, то он на второй день, когда давал цыпленку кушать, он играл ему на гармошке губной «Августин, мой Августин». Их там было 200, 150. И так продолжалось месяц. И когда они подрастали, все соседи своих курей мазали краской крылья, отрезали хвосты - чтобы узнать. Мой папа ничего не делал. Он выпускал их, и когда нужно было к

Румия Бульхина

АЛЕКСАНДР ФРИШ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОССИИ: «Я РАД, ЧТО СЕЛ В ПОЕЗД, КОТОРЫЙ ПРИВЕЗ МЕНЯ К МЕЧТЕ»

Накануне вечером договаривалась о встрече с известным клоуном, заслуженным артистом России Александром Фришем. «Приходите, – сказал он, – и приносите на завтрак маленькую баночку вишневого варенья». К восьми часам утра я поехала в общежитие Академии искусства и культуры. Без варенья, но с фирменной кружкой 74.ru – в подарок.

По коридору разливалась музыка, на этот звук я и пошла. В номере Александра Владимировича за столом сидели студенты. Все молчали, набрав в рот жидкости. «Вы, наверное, во что-то играете?» – поинтересовалась я. Фриш, с закрытым ртом и раздутыми щеками, показал мне на бутылку с маслом и жестами начал что-то объяснять. После мне рассказали, что каждое утро студенты ЧГАКИ (а Александр Фриш – выпускник Челябинского института культуры) несколько минут держат во рту подсолнечное масло – попадая в желудок, оно прекрасно смягчает его стенки – а потом приступают к традиционному завтраку: геркулесовой каше. Своим рецептом поделился

столу, он играл на губной гармошке. Летели очумелые двести курей. И вместе с ними – соседские. И вот «Августин, мой Августин», такой был ланч-тайм.

Наш маленький Еманжелинск, откуда я родом, был разделен на зонки: зона татар, зона немцев и так далее. Моя бабушка Эдельтруда Эрнестовна Штельцер приехала сюда из Германии через Швецию по работе в Москву. Началась война.

Бабушку в Казахстан, а папу моего – ее сына – на Урал, в шахты. Она жила в маленькой квартирке с соседями. Спала на раскладушке, обливалась холодной водой, а утром шла на кухню и варила кофе. Запах жареного кофе – это запах нашего детства. А кашу она посыпала корицей. У них все забрали во время войны. Она только и смогла сохранить баночку корицы и пишущую машинку с немецким шрифтом. Бабушка моя говорила на родном немецком языке, не забыла французский и английский. До своих 89 лет занималась переводами книг о балете, искусстве с этих языков на русский. Так что мы узнали о Дягилеве, о Джордже Баланчине, о великой Павловой, Нижинском еще тогда, когда о них никто не хотел говорить и вспоминать. Мой отец был уникальным клоуном, танцовщиком – он закончил школу стэпа в Швеции. Он был клоуном нашего города. По сути, я выполнил мечту своего отца. Папа хотел стать артистом цирка, но ему помешала война. Артистом цирка стал я»

(Из интервью Александра Фриша).

наш знаменитый земляк.

– Нужно промыть овес холодной водой. Подождать 35 секунд, чтобы неочищенные шкурки овса всплыли вверх. Затем вы сливаете эту воду, а в это время у вас на плите закипает вода. Овес – в кастрюлю. Только закипело, вы туда масла. Только закипело, вы туда – сгущенку, мед и в конце – изюм. В это время под подушкой ваших соседей еще осталось тепло после сна, вы эту кашу – под подушку. Зубная щетка уже наготове. Пока чистите зубы, каша пухнет.

– А вишневое варенье зачем?

– Мы бы налили его по краю тарелки, постепенно варенье стекало бы в кашу. Очень вкусно! Вариации разные есть. Когда мы были бедными, у нас был только овес и вода. С утра геркулесовая каша очень полезна. Она делает эластичными мышцы. В цирке геркулесовой кашей кормят животных. Так вот, когда мы стали побогаче, добавили в кашу масло подсолнечное. Когда совсем разбогатеет, возьмем большую тарелку каши и вокруг –

йогурт немецкий, французский. Он ложится на края и медленно-медленно стекает к каше. Это уже поэзия.

Под аккомпанемент французских мелодий мы завтракали. Потом студенты ушли на занятия. А у нас с Александром Владимировичем осталось полтора часа до начала его мастер-классов.

– **Что такое «Ателье Александра Фриша»?**

– Это праздник каждый день. Утром вот праздник каши геркулесовой был. Вчера, например, у нас было джинсовое дефиле. Студенты сделали второе рождение своим старым джинсам, которые они уже забросили на антресоли. Одна говорит: «Ой, я джинсами мою пол!» Я ей отвечаю: «Так это жздорово! Выстирай их, высуши!» Она сделала заплатки, оригинальную вышивку, аппликации. Получилось очень красиво. Дефиле – это парад!

Мы попытались поговорить с ребятами о разном, но все равно говорили об одном: как важно развивать свое воображение, фантазию. Как важно каждый день придумывать праздник: праздник тыквы, рыбы, например. Праздник пива – какая дурь! Мы сделали праздник морковного сока, в нем есть важное качество жизнерадостности. Нужно делать все самому, а не ждать, когда приедет цирк. Цирк – это праздник, который приезжает, «искусство трагичное», как сказал Марк Шагал.

– **Кстати, о цирке, Александр Владимирович. Помню, в 80-е годы в цирк ходили все.**

– Сегодня вся ракета «Госцирк» больная. Мы растеряли ее на орбите. Цирк в целом сегодня находится на перепаде: как самолет попадает в воздушную яму. Это неплохо. Просто у каждого в жизни есть этап перепада.

– **То есть цирк может возродиться?**

– Это слово «возродиться» я вообще не люблю! Цирк никогда не умрет! Потому что это дети. А дети – это лучший бизнес. Куда их деть в воскресенье? Их поведут в цирк.

Почему у нас в центре города казино? Это же разгул, разврат, убийства! А цирк не работает!

– **Но сегодняшние дети не хотят в цирк! Приезжает шапито, они не идут. Дети смотрят сериалы, они ходят в кино с попкорном, в досуговые центры, где устраиваются специальные мероприятия со знаменитостями. Им не нужен цирк.**

– Цирк должен быть нужен государству, как и балет, и театр. Нужны агенты, чтобы искать талантливых артистов по России, помощь администрации. Аллè! Мы же теряем детство! Нужно фестивали из Москвы перетаскивать в другие города. Организовать в Челябинске детский праздник, пригласить гостей из разных стран. Фестиваль жонглеров, например. У нас есть великий жонглер Сергей Игнатов, его имя занесено в Книгу Гиннеса, его именем названы школы в Калифорнии и в Европе. А я его встретил в Лондоне, он там работает, потому что русский цирк всегда интересовал

зарубежных артистов. В Канаде есть французский цирк Дюсалея. Дети русских родителей, которые там работают, спрашивают, что же такое русский цирк? Они приезжают сюда и привозят совсем другой цирк: без животных, с другой эстетикой. Но я за старый наш цирк, с именами Никулин, Карандаш, Попов. Олег Попов, кстати, живет сейчас в Германии и, наверное, приехал бы, если б его пригласили. Нужны люди, которые организовывали бы большие, яркие цирковые мероприятия. Но в России не хотят этим заниматься и всему находят оправдание.

– **Вы считаете, цирк интересен челябинской молодежи?**

– Я провел «Ателье Фриша». Думал, будет желающих человек 25-30, а набралось около ста. Мы проводили мастер-класс в здании цирка. Животных нет, цирк пустой. Мы помыли манеж, я рассказал ребятам об этом уникальном здании в центре города. И они загорелись: мы можем карнавал устроить, и еще то и это! Нужно внедрять новое. Не надо пытаться вытянуть цирк на старом. Молодежь – это новая сила, новые эмоции.

– **После Челябинска, небось, снова в путь?**

– Завтра я улетаю в Швейцарию на фестиваль географии, который проходит в маленьком городе Сан-Дени-Девож. В течение 27 лет там на три дня собираются географы со всей планеты. Каждый год они выбирают страну. В этот раз выбрана Америка. Первый день – это история страны. Второй – кухня: собираются повара из разных стран. И третий – будущее страны.

Случайно в самолете я познакомился в внуками русских, которые живут в Париже и организовали ассоциацию «Франция-Урал». Они так бережно относятся к уральской земле, природе, красной рябине. Я с ними дружу, и они мне предложили участвовать в фестивале, поскольку я три раза объехал земной шарик с цирком и много чего повидал. Тема моего выступления «От Аляски – до Брайтон-Бич». То есть я должен проследить путь: как мы открыли Аляску, через 128 лет продали за семь миллионов 200 тысяч долларов золотом и так далее. Я буду рассказывать о великой русской нации, о русских людях и обо всем интересном, что узнал сам. В Сан-Франциско, например, есть местечко – первое поселение русских с 1812 года – называется Форт-Росс. Там течет русская речка – Russian River. Я знаю маленький город Санкт-Петербург во Флориде, основал который русский. Человек приехал в Америку без копейки, заработал, построил железную дорогу во Флориде, основал город, который назвал Санкт-Петербург. Ему сейчас поставили памятник.

– **Вы много повидали. Какой город вам больше понравился?**

– О каком городе сказал Хемингуэй: «Праздник, который всегда с тобой»? Париж! Там люди все в себе, никто не лезет с вопросами, поучениями. Там прекрасно!

– **Вы работали с Юрием Никулиным. Какие требования у него были к коллегам, артистам?**

– У него было одно требование – не предавать! Он доверял нам, за это мы его любили. Он помог поставить моим родителям телефон в Еманжелинске, помог купить мне квартиру и получить прописку в Москве. Не мне одному. Принцип Никулина был – помогать людям. Его правилом было: если хочешь жить для себя – живи для других.

– **Сколько языков вы знаете?**

– Никогда второй язык ты не будешь знать, как родной. Ты можешь выучить какой-то раздел. Мои друзья акробаты выучили на английском раздел акробатики. Я рассказываю о том, как делать папье-маше, о дороге, о чемоданах – на французском, на английском, на японском, на китайском. Кстати, в Китае мне больше всего нравится их тост. Они говорят один тост один раз в году: «Я желаю тебе больше денег». И обмениваются конвертами. Нет денег, тоже не беда! Они выпускают к Новому году шоколадные деньги и обмениваются ими.

Так вот, мой родной язык – русский, но прежде других языков, мы выучили на нашей зоне татарский.

– **Почему вы говорите «зона»?**

– Наш маленький Еманжелинск, откуда я родом, был разделен на зонки: зона татар, зона немцев и так далее. Моя бабушка Эдельтруда Эрнестовна Штельцер приехала сюда из Германии через Швецию по работе в Москву. Началась война. Бабушку в Казахстан, а папу моего – ее сына – на Урал, в шахты. Она жила в маленькой квартирке с соседями. Спала на раскладушке, обливалась холодной водой, а утром шла на кухню и варила кофе. Запах жареного кофе – это запах нашего детства. А кашу она посыпала корицей. У них все забрали во время войны. Она только и смогла сохранить баночку корицы и пишущую машинку с немецким шрифтом. Бабушка моя говорила на родном немецком языке, не забыла французский и английский. До своих 89 лет занималась переводами книг о балете, искусстве с этих языков на русский. Так что мы узнали о Дягилеве, о Джордже Баланчине, о великой Павловой, Нижинском еще тогда, когда о них никто не хотел говорить и вспоминать.

– **Вы пошли по стопам отца?**

– Мой отец был уникальным клоуном, танцовщиком – он закончил школу стэпа в Швеции. Он был клоуном нашего города. По сути, я выполнил мечту своего отца. Папа хотел стать артистом цирка, но ему помешала война. Артистом цирка стал я.

– **Счастливы?**

– Когда мне задают этот вопрос, отвечаю: «Счастлив, что прозвонил вовремя будильник». Мы его ставили в ведро, чтобы не проспять. Мой брат кормил свиней, сестра занималась курами, а я доил корову. Я так счастлив, что не ударил по голове этот будильник, который сам же вечером заводишь, а потом раз – по башке ему! И думаешь: ну посплю еще пять

минут, ну еще немножко. И все! Просыпаешь поезд, остаешься на перроне с чемоданом и опаздываешь к своей мечте. Поэтому я рад, что сел в поезд, который привез меня к этой мечте. Мама хотела, чтоб дети ее не были алкоголиками. И нам – мне, сестре и брату – это удалось.

– **Чем ваши брат и сестра сейчас занимаются?**

– Татьяна живет в США, приехала в гости ко мне и вошла в эту страну, как домой к себе. У нее там ресторан «Сибирский пельмень». Потом мы узнали, что пельмени на самом деле придумали китайцы. Сейчас ей надоело лепить пельмени, закончила курсы визажиста, открыла свой салон. Всех же причесывать надо! Брат Евгений вот коз «причесывает» в Еманжелинске. (Смеется.) Живет в родительском доме, у него там хорошее хозяйство. Мы часто встречаемся.

– **А ваши дети нашли свое призвание?**

– У меня два сына. Один учится на адвоката, а второй – работал в цирке гимнастом, устал немножко. И сейчас решил попробовать себя в шоу-бизнесе: вроде организатора шоу-программ.

– **Я смотрю, у вас в руках барабан.**

– Мой папа любил раскрашивать жизнь. Однажды он попросил меня привезти барабаны. Я спросил: для чего? Он говорит: «Вези, потом посмотрим». Я вез из Америки через Австралию большие красные барабаны на подставке. Папа попросил, почему не привезти? Ему ведь ни

джинсов, ни жвачки не надо было, только барабаны. Представьте, утро, барабаны стоят перед домом, лавочка. Издалека идет табун, мой одноклассник Витька гонит коров. Папа начинает (Стучит ладонями по барабану.) играть на барабане. Одновременно появляется навоз: шмяк, шмяк. Папа любил играть и на губной гармошке, чтобы петухам было весело. Потом он купил тромбон. И коровам весело, и удой молока повысился, и папе хорошо: он медитирует утром на лавочке. Как-то раз соседка говорит маме: «Анастасия Ивановна, что это ваш Фриш не пьяный, а веселый с утра?» Мама взяла и пошутила: «Да у него не все дома!» А соседи, они же сплетники! Новость сразу облетела всех, и стало легче жить: не все дома, и ладно.

Мой папа один из немногих немцев, который не уехал из России. Он говорил: «Все немцы уехали, я не уеду! Мы выжили! Нас Сталин поселил в землянки и в шахты, чтобы мы умерли, но мы выжили!» Папе приснился сон в 44-ом году, что в поле лежит хлеб. Он проснулся, вышел в майке в сорокаградусный мороз, смотрит: в поле холмики лежат. Набрал в майку хлеба, принес домой, и с соседями выжили.

Тем временем мы переместились на кафедре в ЧГАКИ, и снова налили чаю. Александр Владимирович отжал свой пакетик и аккуратно отложил в блюдце:

– Пакетики чайные мы собираем в течение дня, а утром пьем второй завар. Ты же за завтраком пила чай из вчерашних отжатых пакетиков.

– **Какой смысл заваривать пакетик чая еще раз?**

– Во-первых, есть люди, желудок которых не принимает крепкий чай. Во-вторых, вдруг чая нет дома, а у тебя есть второй завар! Это как кусок хозяйственного мыла про запас. Мой папа, когда нашел в поле хлеб, не мог ложиться спать, если в доме нет куска хлеба. Даже когда он приезжал к нам в Москву, жил у нас, спрашивал, есть ли хлеб. Нет? Бежал ночью в маленькую хлебопекарню на Садовом кольце, покупал булку черного или серого хлеба, а потом спокойно ложился спать.

– **Есть ли фраза, которой вы могли бы охарактеризовать свое отношение к жизни, саму жизнь?**

– Есть! По-французски она звучит так: *colorier la vie*. Это значит «раскрась свою жизнь». Делай многоцветным утро своей жене, каждый день дари праздник зрителям, соседям. (Смеется.)

– **Похоже, вам всегда везло с соседями.**

– Да. Потому что нужно начинать с уборки улицы, а не своей квартиры. Наши соседи в Москве поддержали нас: нужно сделать сначала

ремонт подъезда – это же увертюра твоей квартиры! Доставляйте радость себе и окружающим! Вот у моего друга Славы Полунина мельница под Парижем. Мы там раскрашиваем жизнь. Четырехэтажная мельница стоит на реке, с дизайном, с комнатами. Там есть даже моя спальня. Это его школа клоунская, мы там стартуем.

– **Вы живете сейчас в Москве?**

– У нас с женой квартира в центре Москвы, на Цветном бульваре. Мы привезли табуретки из Вологды, купили шкафы крашенные, как на Руси раньше были, – так обставили наш дом.

У меня жена француженка – Валери. Мы с ней живем уже всю жизнь. В Советский период она окончила университет в нашей стране. Журналистка по образованию. Когда ей исполнилось 10 лет – в то время она жила в Марселе – проснулась и сказала маме: «Я хочу изучать русский язык». Сама начала учить, познакомилась с русскими, заинтересовалась русской культурой. Потрясающая, смешная, любит Россию. Мы живем в Москве, в Париже и в Нью-Йорке. А осенью – в Еманжелинске. Как у Набокова: «Мечтаю открыть окно и увидеть уральскую осень». Это хорошо, когда у тебя есть несколько мест, где стоят чемоданы. Когда надоест в чемоданах жизнь возить, где-то определимся.

Марина Морозова

ЗНАМЕНИТЫЙ КЛОУН НАВЕСТИЛ ГОРОД ДЕТСТВА

Визит известного клоуна и продюсера Александра Фриша в город детства был коротким и очень насыщенным. Своего земляка и актеров из «Снежного шоу» взрослые и дети вышли встречать заранее. На въезде в Еманжелинск гостей пересаживали в празднично украшенный автобус.

После небольшой экскурсии в центральном сквере стартовал парад смеха, которым маэстро командовал с высокого крыльца школы искусств. Тут никто не ходил строем, зато было море импровизаций, улыбок, сюрпризов.

Для мастер-класса по жонглированию Александр Фриш, как и многие из его юных учеников, выбрал апельсины. Оранжевые плоды мелькали в воздухе, а Фриш весело рассказывал о важности равновесия на сцене и в жизни, вспоминал мудрые слова своей бабушки. Дети, как зачарованные, смотрели и слушали, забывая жонглировать.

Следующим номером стало открытие памятника детству – дощатой скамейки в сквере. Из шляпы фокусника извлекли гвоздь, вручили Александру Фришу и попросили похулиганить. Артист процарапал роспись на свежеекрашенной зеленой скамейке и взобрался на нее, превратив в сцену.

Он дирижировал, вместе со всеми пел, запускал в небо шары. Вскоре инициативу перехватили дети, окружив Фриша, они тянули

дневники, апельсины, собственные ладошки и клоунские колпачки для автографа. На этот раз маэстро расписывался маркером.

После жизнерадостного и сумбурного парада всемирно известный артист от души поговорил с еманжелинцами. Со старыми, добрыми знакомыми он здоровался и раскланивался.

– Как дружно мы жили на улице Горной! А какие концерты нам устраивал дядя Володя, отец Александра! Он и танцевал, и частушки пел, и анекдоты рассказывал, – вспоминает соседка Валентина Власова-Муравейникова, пришедшая повидать Сашу.

А через час во дворце культуры имени Пушкина начался концерт «Земляки – землякам. Фриш 5+». Однако до него в помещении ЗАГСа (он занимает крыло дворца) объявили пресс-конференцию. Когда все чинно расселись по местам, вдруг дверь распахнулась, появилась свадебная процессия.

Ой, а у нас тут регистрация! – очень натурально удивился кто-то со стороны жениха.

- Ребята, что, в самом деле, свадьба? А я думал розыгрыш! – парировал Александр Фриш. Впрочем, ему пришлось расписать «женых» и «невесту» (впоследствии выяснилось, что они уже год женаты). После «шутовской свадьбы» пресс-конференция была переименована в дружескую встречу и завершилась общим фото на память.

Буквально через несколько минут Александр Фриш вышел на сцену, где дебютировал когда-то в детстве, а сейчас впервые вывел труппу «Снежного шоу». Обстановка в зале была очень непосредственной, даже домашней. Рядом

с клоунами всемирно известного шоу пели и танцевали еманжелинские дети, никто не комплексовал.

В Еманжелинск Александр Фриш приехал сразу после своего дня рождения, по этому случаю земляки вручили ему шкатулку с фотографиями и тыкву, выращенную в своем экологически чистом районе. Теперь Александр Владимирович приглашен на карнавальное шествие, которое проходит в Еманжелинске раз в пять лет. Фриш не отказался, так что уже начинаем ждать его на веселый карнавал.

2014 год

Татьяна Марьина

ФРИДРИХ ЛИПС - БАЯНИСТ, ПОКОРИВШИЙ МИР, ПОМНИТ РОДНОЙ ЕМАНЖЕЛИНСК

Фридрих Робертович Липс родился в г. Еманжелинске в обрусевшей немецкой семье. В 1967г. окончил Магнитогорское музыкальное училище им. Глинки (класс баяна Е.А. Кудинова), в 1972г. - ГМПИ им. Гнесиных, в 1974г. ассистентура-стажировку при институте (руководитель С.М. Колобков). С 1970г. - солист Москонцерта, с 1971г. - преподаватель по классу баяна, с 1976г. - ст. преподаватель, с 1982г. - доцент, с 1989г. - профессор в ГМПИ им. Гнесиных (ныне РАМ им. Гнесиных). С 1996г. Ф.Р.Липс руководит кафедрой народных инструментов РАМ им. Гнесиных. Ф.Липс выступал в крупнейших концертных залах мира (БЗК-Москва, Сантори-холл – Токио, Линкольн-центр – Нью-Йорк, Джон Кеннеди-центр – Вашингтон, Концертгебау – Амстердам) со многими выдающимися музыкантами: Г. Рождественским, В. Спиваковым, Г. Кремером, Ю. Башметом, В. Гергиевым, Р. Кофманом, Йо-Йо Ма и др.

Липс является первым исполнителем более 50 произведений для баяна, в том числе Концертов и Сонат крупных композиторов современности, среди которых

С. Губайдулина, Э. Денисов, А.Холминов, Вл. Золотарёв, К. Волков, Р. Леденёв, С. Беринский, Е. Подгайц, М. Броннер, Т. Сергеева, А. Журбин и многие другие. Среди воспитанников класса профессора Ф.Р. Липса более 30 лауреатов международных и национальных конкурсов.

Липс – автор двух книг: «Искусство игры на баяне» и «Об искусстве баянной транскрипции», а также многочисленных статей по проблемам баянного искусства. Книги и статьи изданы в России и за рубежом в переводе на немецкий и английский языки.

Баянист Фридрих Липс – один из самых известных и авторитетных музыкантов России, получивший также широкое международное признание. Многогранная творческая деятельность Народного артиста России, профессора Российской академии музыки им.Гнесиных во многом определяет пути развития академического баяна на современном этапе.

Лауреат Первых премий Всероссийского конкурса (1967) и Международного в Клингентале (Германия, 1969).

В 1972 году окончил Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных в Москве (ныне Российская Академия музыки), а затем ассистентуру-стажировку (класс баяна С.М. Колобкова).

С 1970 года – солист Москонцерта, с 1971 – преподаватель кафедры народных инструментов ГМПИ им. Гнесиных, с 1989 – профессор и с 1996 – зав.кафедрой. Среди воспитанников Ф.Р. Липса – более 30 лауреатов престижных международных конкурсов из многих стран мира.

Фридрих Липс гастролирует с сольными концертами в США, Канаде, Германии, Франции, Испании, Италии, Дании, Голландии, Англии, Японии, выступая в крупнейших залах мира: БЗК (Москва), Концертгебау (Амстердам), Сантори-холл, Линкольн-центр (Нью-Йорк), Дж. Кеннеди-центр (Вашингтон).

Принимает участие в работе многих международных конкурсов баянистов (в качестве члена жюри), международных семинаров и летних мастер-классов, фестивалях баянной и современной камерной музыки.

Выступает в камерных концертах в ансамбле с известнейшими музыкантами: Г. Кремером (скрипка), Вл. Иголинским (скрипка), Йо-Йо МА (виолончель), В. Тонха (виолончель), М.Пекарским (ударные); с дирижерами Г.Рожественским, В.Спиваковым, В.Понькиным, В.Гергиевым, Ю.Башметом, Д. Лиссом, Ю.Николаевским, Т. Мынбаевым, Л.Пфаффом (Швейцария), Ю. Такахаша (Япония), Л. Маркизом (Голландия) и др. Ему посвящают свои сочинения Вл.Золотарев, С.Губайдулина, Э.Денисов, А.Журбин, К.Волков, В.Рябов, Т.Сергеева, М.Броннер и др.

Впечатляет обширная дискография артиста. Более 100 произведений записаны для фонда Московского радио. Музыкант выпустил около 30 компакт-дисков, которые вышли в России, Австрии, Германии, США, Японии, Швеции. Компакт-диск с записью Партиты С. Губайдулиной «Семь слов» получил в Париже премию журнала «Золотой диапазон» и был признан лучшим диском 1991 года.

Ф. Липс – автор многих книг и статей, посвященных баянному исполнительству, многочисленных переложений и транскрипций для баяна; инициатор и редактор-составитель многотомной «Антологии литературы для баяна».

Награды:

*** 1993 – Серебряный диск международного фестиваля «Баян и баянисты» в Москве.**

*** 1994 – Присуждено звание «Народный артист России».**

*** 2001 – Награжден Орденом Дружбы.**

*** В 2002 году газетой «Музыкальное обозрение» Ф.Липс был назван «Музыкантом года».**

*** В 2005 году Детской школе искусств №1 г.Еманжелинска было присвоено имя ее первого выпускника Фридриха Липса.**

*** В 2006 году Ф.Липс удостоен звания «Почетный гражданин Еманжелинского муниципального района Челябинской области».**

*** В 2008 – удостоен премии «Светлое прошлое» Фонда О.Митяева и Правительства Челябинской области.**

*** В 2008 году к XXX-летию фестиваля «Московская осень» награжден Золотой медалью СК Москвы .**

*** В 2009 – Фондом «Русское исполнительское искусство награжден Дипломом «Золотой талант России».**

*** В 2010 Ф.Липс был избран почетным профессором Лондонской академии музыки (Великобритания).**

*** В 2011 – Лауреат Премии Москвы.**

*** В 2012 году Почта Китая выпустила Почтовую марку с портретом музыканта.**

К баяну люди относятся по-разному. Одни превозносят до фанатизма, не интересуясь прочими видами исполнительского творчества. Другие, в том числе музыканты, не скрывают своего пренебрежения. Создается впечатление, что серьезная музыка и баян не связаны между собой. Чем вызвано это противостояние? Почему бесспорное лидерство русской баянной школы и, в частности, успех челябинских исполнителей часто остаются предметом гордости лишь самих музыкантов-народников? Мой собеседник - народный артист России, лауреат международных конкурсов, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных Фридрих Липс.

Гражданин мира и Еманжелинска

Это культовая личность в баянном искусстве. Фридрих Робертович Липс стоял у истоков российской баянной школы. Он виртуоз-интеллектуал, для которого пишут музыку крупнейшие композиторы, музыкант с мировым именем, планирующий свои концертно-фестивальные маршруты на год вперед, автор книг и статей, посвященных искусству игры на баяне. Самое приятное, что этот талантливый человек - наш земляк. Он родился и вырос в Еманжелинске, учился в Магнитогорске. В Москве живет давно, но связей с Южным Уралом не теряет. Недавно Фридрих Робертович приезжал в Челябинск - выступал на открытии VIII международного фестиваля баянистов-аккордеонистов, руководил работой жюри III международного конкурса молодых исполнителей, названного в его честь «Кубок Фридриха Липса». Несмотря на плотный график конкурсных прослушиваний, ему даже удалось вырваться на несколько часов в Еманжелинск.

- Мэр города вручил мне медаль и удостоверение «Почетный гражданин города Еманжелинска», - сказал Фридрих Робертович. - Если начинаются ордена и награды, наверное, возраст подходит основательный.

- Как вы отнеслись к новому названию конкурса – «Кубок Фридриха Липса»?

- Первым инициативу проявил мой родной город Еманжелинск. Там сделали конкурс для юных музыкантов малых городов. Я не стал ломаться. Позже выяснилось, что челябинскому конкурсу тоже хотели дать мое имя. Когда полгода назад мне позвонили из Челябинска и спросили разрешение, я согласился. Я понимаю, что это придумано не для меня - для молодых ребят-музыкантов, которые видят перспективу: такой, как мы, когда-то бегал во дворе, играл в футбол, и каким стал. Искусство игры на баяне молодо, своих лидеров у нас мало, а тут земляк получил признание не только в стране - в мире. Если бы здесь родился Бетховен, наверное, конкурс Бетховена был бы уже сто лет назад. Думаю, время все расставит на свои места. Если конкурс будет жить, бренд установится,

то можно, наверное, будет сказать, что идея была удачной.

Путь к музыке

- Как получилось, что в шахтерской семье вырос музыкант?

- Я бы не сказал, что наша семья была немusыкальной. Мама играла на гитаре, отец - в духовом оркестре. В доме были баян, мандолина, гитара, скрипка, труба. Потом отец сконструировал цимбалы, на досуге сделал виолончель, балалаечный контрабас. Он с шахты приходил и играл на баяне. Помню, мне пять лет было: сидит он на диване, с баяном, играет «Коробочку». Руки шахтерские, рабочие. Я к нему: «Пап, покажи мне «Коробочку». Он сыграл одну фразу и говорит. «Теперь давай ты». Я тут же за ним ее повторил, следующую фразу он - и так до конца. Так что мое музыкальное образование началось в семье. А недавно узнал, что в генеалогическом древе Баха есть фамилия Липс. Мне музыкальный словарь Гроува на диске, еще какие-то книги. Оказалось, что род Бахов идет от двух фамилий - Файт и Липс. Потом нить, связанная с родословной Липсов, где-то прерывается. Может, они в Россию уехали, а может, это другие Липсы - не знаю. Интересно бы разобраться, но не знаю, как это сделать.

- Путь из Еманжелинска в Москву был трудным?

- Я досрочно окончил музыкальную школу в Еманжелинске, училище в Магнитогорске. В Москве учился в институте имени Гнесиных. После института меня оставили работать на кафедре, я стал выезжать на гастроли по стране, за рубеж.

- Почему не поехали дальше, на Запад?

- Тогда не стоял вопрос, ехать на Запад или нет. Люди начали уезжать позже - в 80-е, 90-е годы. А что там - лучше? Наверное, материально лучше. Профессор в Европе получает семь тысяч евро в месяц. Разве это можно сравнить с нашими зарплатами? Но в творческом плане в Москве всегда было интересно.

«Полет шмеля» за полминуты

- Можно ли судить об исполнительском уровне баянистов-аккордеонистов, послушав выступления лауреатов международного конкурса в Челябинске?

- Конечно. Это раньше был один международный конкурс - имени Чайковского в Москве. Теперь неважно, где проходит конкурс. Если в Челябинске, то с Востока и Запада сюда приедут лучшие. Слава богу, у нас в стране все потихонечку выравнивается. Выравнивается соотношение между периферией и центром, ощущение причастности к современному уровню жизни. Колбасу, бытовую технику, автомобили можно приобрести в любых городах - больших и малых. Если есть средства, вы купите «Мерседес» и в Челя-

бинске, и в Москве, и в Германии. В музыке то же самое. Уровень музыкальной, художественной, театральной культуры выравнивается. Раньше я думал: почему в Германии, в маленькой «деревушке» Троссинген, где живет всего 15 тысяч народу, есть высшая школа музыки (по-нашему консерватория). Высшие учебные заведения рассредоточены по всей Германии, поэтому люди в провинции не чувствуют себя обделенными. А у нас нет. Учиться надо в Москве - в консерватории или институте имени Гнесиных, в Петербургской консерватории. А все остальное - так себе. Но ситуация понемногу меняется.

- Когда слушаешь баянистов, кажется, что на сцене - одни виртуозы. В чем тут дело?

- Раньше «Полет шмеля» Римского-Корсакова баянисты не слушали, а смотрели, засекая на часах время: больше минуты или меньше. Если меньше, то хорошо. Да, в музыке нет метров, сантиметров и граммов, чтобы измерить исполнительский уровень. Очевидно, единственный критерий - трогает она душу или нет, насколько тебе надо это художественное впечатление как слушателю. Технология значительно продвинулась - это факт. Есть даже анекдот на эту тему. «Чем отличается японский пианист от компьютера? Японский пианист играет быстрее компьютера. Но компьютер играет эмоциональнее». В сочетании быстроты и эмоций должен быть баланс. Конечно, публике нравится, когда быстро. Но мы должны играть разную музыку.

- По-моему, раньше так и было, бравурность и скорость не утомляли.

- В последнее время мы растеряли хорошую публику. Почему? Пропала система Росконцерта, Госконцерта, которые осуществляли гастроли молодых лауреатов. Сегодня на них нет необходимого спроса. Хотя слушателей в России хватит на несколько Европ. И исполнителей-то немало. Но им не дают сыграть, потому что денег на культуру не хватает. Ведь исполнитель должен приехать, оплатить гостиницу, получить гонорар. Ну, пригласят пианиста Мацуева, он даст один концерт в Челябинске. А играть надо не только в Челябинске, но и в Коркино, Еманжелинске, Златоусте. Когда я раньше приезжал в Челябинск с Третьей сонатой Золотарева, ее слушали на ура, на бис принимали! А ведь это 23 минуты сложнейшей музыки, сплошной авангард. Сейчас трудно играть такую музыку. Всем нужны сиюминутные аплодисменты. Вышел на сцену - аплодисменты. Чем только не берут: играют одно и то же, самую популярную музыку.

- Чем это объяснить?

- Мы выросли из народного любительского музицирования - гармоника, баян. Корни наши - из народа. Чем удобен баян? В нем есть и мелодия, и аккомпанемент. У скрипки или духовых инструментов - только мелодия. У фортепиано вроде есть и мелодия, и аккомпанемент, но он не транспортабелен. Его нельзя

переносить по свадьбам. Вот баян можно. Поэтому он и появился в народе.

Когда Губайдуллина стала сочинять для баяна

- Много ли пишут композиторы для баяна?

- Теперь да. Но лет сорок назад крупные композиторы для баяна не сочиняли. Сами баянисты, которые обладали импровизационным даром, стали брать народные темы и делать к ним вариации. Один из таких самородков - Иван Яковлевич Паницкий из Саратова, столетие которого мы отметили в 2006 году. Он написал замечательные вариации на темы русских народных песен, сделал обработку «Жаворонка» Глинки, и пошло. Затем появились композиторы-народники, профессионалы - Чайкин, Холминов, Шишаков. Наши баянисты играли и Шостаковичу, и Холминову, но баян не производил на них впечатления. Мы все мечтали: «Нам бы выбраться туда, в элиту». С помощью Третьей сонаты Золотарева мне удалось вырваться. Для меня начали писать Александр Холминов, Эдисон Денисов, Александр Журбин, Кирилл Волков. Когда уж и Губайдуллина стала сочинять для баяна, восторнулись и другие композиторы. Баян утвердился. Композиторы используют его и соло, и в ансамбле. Образно говоря, раньше мы просили написать для баяна, теперь композиторы нас просят играть новые сочинения. Но что интересно. Выйдя на такой уровень, мы, баянисты (я имею в виду и педагогов, и слушателей, и студентов, и любителей), вдруг растерялись. А куда ли мы зашли? Меня давно уже упрекают: Липс баян не туда завел. Получается как в том анекдоте. Шли к высокому, свернули в переулок - пивка чуть-чуть попьем. Такое ощущение, что испугались. Поэтому публике теперь надо только быстрое и веселое.

- Вы говорите, баян молод. Что это значит?

- Середина прошлого столетия - это примерный отсчет появления профессиональной школы в России, когда баян, аккордеон стали частью образовательного процесса в средних и высших учебных заведениях. По-моему, в 1948 году открылся факультет народных инструментов в институте имени Гнесиных, потом в других вузах. Сейчас, кроме Московской консерватории имени Чайковского, баян есть везде.

- Русская баянная школа и западная отличаются?

- Разность есть всегда. Чайковского лучше играют русские симфонические оркестры, Бетховена - наверное, немецкие, Штрауса - венские. Тут никуда не денешься. Так и у нас. Нашу школу уважают, боятся на конкурсах. Потому что мы лидеры. Мы все время даем стабильные результаты. А в Европе конкуренция: то из Франции кто-то «выстрелит», то из Италии, из Финляндии. Наша школа - техни-

чески более оснащенная, может быть, более эмоциональная. Иногда нам ставят в упрек, что слишком романтично играем Баха, надо бы строже играть. Это правильно, потому что славянская душа прорывается даже в музыке барокко. С другой стороны, у меня тоже есть претензии к западной школе. Там слишком все прагматично. Тем не менее в Москву едут учиться отовсюду, ряд ведущих российских баянистов активно давал мастер-классы за рубежом. Четко можно сказать: европейцы многому у нас научились и теперь сами репродуцируют товар высокого класса. Сейчас искусству игры на баяне хотят научиться китайцы.

Ученики - всегда лауреаты

- В класс профессора Липса трудно попасть?

- У нас демократия. Люди приезжают, пишут заявление, у какого педагога хотели бы учиться. Я могу выбрать из тех, кто захотел учиться у меня.

- Ваши ученики всегда побеждают на конкурсах?

- В основном да. Но дело не в этом. Раньше было два международных конкурса в год, и к ним еще всесоюзный отбор. Выйти на международную арену было очень трудно. Когда в 1969 году я получил первую премию в Клингентале, после конкурса нас принимала министр культуры Фурцева. Слева сидели лауреаты-вокалисты - Ирина Архипова, Владислав Пьявко, Тамара Синявская. Справа - баянисты. Теперь ни министр культуры, ни Швыдкой у поезда не стоят. Конкурсов много, участие принимают те, у кого есть средства приехать, оплатить взнос, гостиницу. Звание лауреата несколько девальвировалось. Это жаль.

- Говорят, молодежь теперь другая, более образованная. Вы согласны?

- Думаю, молодые люди больше подготовлены к нынешней жизни, более прагматичны. Они ощущают необходимость найти свою нишу в жизни, творчестве. Теперь выпускнику никто не предлагает готовое место. Каждый должен устраиваться сам.

Жизнь в самолете

- Вы спокойны, обстоятельны, никуда не торопитесь. Это и есть размеренная

профессорская жизнь?

- Размеренная, спокойная? Что вы. Моя жизнь - вечный стресс. Можно судить даже по географии. В Америке и Норвегии были концерты и запись. Вскоре после возвращения из Челябинска предстоит концерт в Москве, посвященный Софье Губайдуллиной. Потом в Саратове играем Пяццоллу с моим квинтетом, два отделения. После возвращения в Москву на следующий день еду в Казань - играем два отделения Губайдуллиной. Это ее город, у нее юбилей - 75 лет. 10 декабря - российская премьера, со струнным квинтетом имени Глинки будем играть Квинтет для баяна Подгайца. Дальше концерт в Ростове - «Липс с симфоническим оркестром», фестиваль Губайдуллиной в Торонто, мой сольный концерт в Москве... Я подсчитал: более шести часов разной музыки мне надо держать в пальцах, чтобы быть готовым сыграть сегодня одно, завтра - другое.

- Вы хотя бы газеты читаете?

- Газеты я читаю все время - в метро, самолете, поезде. К сожалению, все газеты у меня старые, потому что в Москве прочесть не успеваю. В Челябинск привез газеты двухнедельной давности. И книжки читаю. Недавно прочел, наконец, Довлатова, «Москва-Петушки» Венички Ерофеева. Сейчас читаю нашумевшую книжку Дэна Брауна «Код да Винчи». Не потому, что модно. Просто очень многое мне кажется интересным - не могу оторваться. Жаль, времени свободного мало. Я и в Челябинске продолжаю работать: редактирую свой очередной сборник, который выходит в печать в декабре. Сегодня с утра, например, в гостинице проигрывал два сочинения оттуда, корректировал.

Буквально две недели назад в Вильнюсе играли со скрипачом Гидоном Кремером «Семь слов» Софьи Губайдуллиной на фестивале «Кремерата-Балтика». Знакомы мы давно, перезваниваемся. Летом не мог ему позволить, поэтому спросил: «Гидон, ты все еще живешь в Париже?» Он ответил: «Да, я все время живу в Париже. Но меня все время там не бывает». И я подумал: такая занятость, когда постоянно находишься в разъездах, делах, в состоянии стресса, - это есть, очевидно, и мой стиль жизни.

А. М. Стороженко,
заслуженный работник культуры России,
зав. кафедрой народных инструментов СГАКИ,
кандидат педагогических наук, профессор.

МАСТЕР-КЛАСС ФРИДРИХА ЛИПСА (Педагогическая импровизация в Самаре)

«Идеал исполнителя - быть достойным посредником между духом великого художественного произведения и публикой».

П.И. Чайковский

Музыкант от Бога. Баянист тончайшего тембрального слуха, живого воображения, блестящей техники. Его исполнение пронизано искренним и самобытным поэтическим чувством, большой импровизационной свободой. Именитый гость Самары - Фридрих Липс. Это он создал репутацию баяна как инструмента с неограниченными техническими и звуковыми возможностями. Этому Мастеру удалось, используя специфику звукообразования, выявить такие таинства «души» инструмента, которые иначе, чем фантастикой, не назовешь.

Создавая уникальную ауру звуков, баян Фридриха Липса рождает особую притягательную силу, пленяющую слушателей и превращающую их в поклонников этого жанра. Для композиторов, пишущих и баянную музыку, - это творческий импульс, благословляющий на новые полотна и даже инструментальные концерты для Маэстро...

Автор многочисленных переложений и транскрипций для баяна, статей по теории баянного исполнительства, инициатор и редактор-составитель многотомной «Антологии литературы для баяна», книги «Искусство игры на баяне», которая переведена на немецкий язык и издана в Германии.

Творческое кредо Фридриха Липса – «открывать неведомое и творить красоту» - снискало ему славу большого Мастера. Если собрать все публикации о Липсе - исполнителе (а это следует сделать!), получилась бы многотомная исповедь рецензентов, посвященная многолетнему творчеству, артистической свободе, интерпретаторскому искусству, восторженному преклонению и всему, что рождается от единения яркого таланта и упорного труда.

Огромная сила - искусство музыкальной интерпретации. Оно приводит человеческую душу в соприкосновение с творчеством гениев музыкальной мысли, запечатлевших в своих творениях яркие мгновения эпохи.

Попытки распознать, в чем магия привлекательности музыки, созданной руками Липса, и какую роль при этом играет синтез *homo sapiens* (человек думающий), *homofaber* (человек действующий) и *homocreator* (человек творящий), приводят к убеждению в правоте великого Микеланджело, утверждавшего величие кисти, повинующейся интеллекту. В своё время известный западный культуролог Авраам Мольт («Социодинамика культуры») считал, что игра есть искусство звуков, завораживающая манипуляция ими. Фридрих Липс тоже завораживает, но иным способом - властью музыкального интеллекта. Его исполнение музыки - это раздумья мудреца, который не просто повествует звуками о некогда происшедшем событии. Безупречное чувство стиля и углублённость проникновения в мир исполняемой им музыки помогает слушателю стать и свидетелем события той эпохи, и единомышленником Музыканта. Слушая Фридриха Липса, слышишь самобытно мыслящего и образно творящего художника, раскрывающего и вечную новизну музыкальной классики, и свою

душевную неповторимость, словом, личность артистически гармоничную.

...И вот Маэстро Липс на Волге. Фридрих Робертович дал согласие провести мастер-классы. Самарскому любителю баянного искусства представилась возможность войти в творческую лабораторию знаменитости, приобщиться к процессу оживления художественных идей, зашифрованных в загадочных нотных знаках, и наблюдать удивительное преобразование многообразия вертикалей и горизонталей музыкального текста в живые чарующие звуки.

Встречи с Липсом - Педагогом проходили в концертном зале музыкального училища, где событие объединило преподавателей академии культуры и искусств, педуниверситета, музыкальных школ и училища, многочисленных студентов.

...В ожидании притихла взволнованная публика. Поклоны, приветствия, общая приподнятость настроения.... Вдруг зал разразился аплодисментами. Легко вообразить, что творилось в душе студентов II курса академии культуры и искусств Дмитрия Кузьмина и V курса педуниверситета Ивана Мельникова, которым выпала честь участвовать в педагогическом диалоге с Мастером.

Позже они выразят удивление - как быстро он помог прийти в себя и включиться в действие памятного для них «спектакля», который, возможно, больше никогда не повторится....

При четко продуманной режиссуре занятия, его целей, задач, структуры не покидало ощущение сплошной педагогической импровизации, сиюминутности рождения действий Учителя.

Предстояла работа над пьесами Доменико Скарлатти и Антонио Вивальди. Одних имён композиторов достаточно, чтобы мысленно перенестись в эпоху великих титанов Возрождения, их шедевров в музыке, поэзии, скульптуре, архитектуре, живописи....

Об этом и заговорил Маэстро. Природа не поскупилась, одарив его и ораторским талантом. Зал внимал вдохновенному рассказу о Ренессансе, о пышном расцвете всех искусств, рождении новых музыкальных жанров, ярких стилей, в коем преуспели многие композиторы, в том числе Д. Скарлатти, чья клавишинная игра поражала воображение своей виртуозностью; А. Вивальди, волшебник-скрипач, сочинявший удивительную музыку и положивший начало не только жанру сольного инструментального, но и ансамблево-оркестрового концерта (концерто гротто).

...Погружение в великую эпоху предназначалось, прежде всего, ученику, который здесь и сейчас прикоснется к произведениям той поры. И произойдет это на глазах восхищенного рассказчика зала. Первые звуки, фразы, пассажи.... Дима Кузьмин, подогреваемый ободряющими похвальными словами «нормально», «лучше», «хорошо», «молодец», «замечательно», вышел, наконец, из состояния «предстартовой лихорадки». Маэстро окончательно раскрепо-

стиль и окрылил ученика.

Далее опять увлекательное повествование о стиле Д. Скарлатти, об исполнительских школах, об опыте и манере исполнения пьес композитора на баяне, о возможных интонациях, качестве звука. Тем временем зал, похоже, мысленно тоже поддался магии педагога и жил теми же музыкальными проблемами. Вызывало улыбку то, как некоторые из присутствующих, «упражнялись» на воображаемой баянной клавиатуре, используя подлокотники кресел и реагируя в ходе занятия на замечания, подсказки, советы педагога.

Стиль Ф. Липса - педагога приятно удивляет четкостью организации процесса обучения, лаконичностью, в которую включено множество приемов стимуляции творческих поисков обучаемого. Общение с ним легкое, ненавязчивое, фразы краткие, но емкие, оставляющие простор в креативном поле. Хотел ли того ученик, готов ли был, но оказался в ситуации неожиданного азарта от тактичных, но настойчивых заданий учителя: «подумай», «попробуй», «рискни», «создай» и т.п. Педагогам, присутствующим в зале, известна цена подобных «провокаций» на импровизацию. И студент оказался во власти педагогической импровизации самого Фридриха Липса.

Вдохновенно работая с учеником, Ф. Липс напоминал увлекшегося скульптора, который лепил что-то очень значительное, тщательно соизмеряя гармонию частей и целого. Он был безупречен, расставляя смысловые акценты на штрихах, приемах, нюансах, из которых в итоге создавалось единство смысла и чувства.

В импровизациях педагога не было ни случайности, ни стихийности. Скорее это была рассчитливая свобода и располагающая естественность, которые помогли Маэстро осуществить педагогические замыслы. И, что важно, не прекращалась стимуляция одухотворенности. Ученик все время ощущал творческую энергетику урока, при которой от него требовалась способность придать своей игре какую-то неповторимость, первозданность, что давалось не так просто.

Способность обходить вниманием незначительные огрехи, искусство создавать творческую динамику и четко держать главную идею - цель позволяли ученикам поверить в себя, почувствовать хотя бы на миг состояние музыканта «без ахиллесовой пяты». Без таких мгновений не совершаются прорывы в чудеса самопознания и самопроявления.

Педагогическая концепция Ф. Липса возникла не вдруг. Почти два десятилетия тому назад появилась известная теперь каждому музыканту книга «Искусство игры на баяне». Именно ею Маэстро подводит итог разногласиям и противоречиям в дискуссиях по поводу того, как обучать баяниста. Споры бушевали до восьмидесятых годов теперь уже прошлого столетия.

Вряд ли исчезнет из памяти тот накал страстей, когда представители баянной школы

ломали копы в Киеве на Всесоюзном семинаре под руководством М. Гелиса (1961 год), где довелось присутствовать автору этих строк. В стычки принимались многие нововведения: применение большого пальца правой руки, его место на клавиатуре, посадка, постановка, даже функция плечевых ремней и их использование в игре - одного или обоих. Было немало сторонников того и другого варианта. Вспоминается острая полемика и по поводу методических работ об основах обучения игре на баяне И.Алексеева, П. Говорушко, А. Полетаева, Н. Ризоля.

Столкновения между киевской и московской школами заметно поутихли после выхода сборников под редакцией Ю.Т. Акимова «Баян и баянисты», на страницах которых педагогическая элита получила возможность делиться своим теоретическим, методическим и практическим опытом, проверенным временем.

Эти эпизоды стали теперь фактами истории становления отечественной баянной школы, в которой несомненную роль сыграл Фридрих Липс. За рубежом нашей страны признаны теоретико-методические основы обучения баянной игре, равно как признано в мире исполнительское мастерство отечественных баянистов. Не оспаривается сегодня и пальма первенства баянной школы России. В Санкт-Петербурге весьма успешно действует международная школа аккордеона, руководитель профессор Н.А. Кравцов. Проводимые там мастер-классы отечественных и зарубежных баянистов ни в чем не уступают скрипачам или пианистам. Баянная методика выходит на новые профессиональные исполнительские цели и «высшие этажи» педагогического творчества, где признанным эталоном, безусловно, остается Ф. Липс.

...Вернемся опять к педагогической импровизации профессора в Самаре. Продолжая мастер-класс, Маэстро обратился к особенностям исполнения концерта «Времена года» Антонио Вивальди (Зима). Здесь свою роль сыграл фейерверк приемов, позволивших ученику прочувствовать каждую ноту «и умом и сердцем». Музыкальный анализ сопровождался, в одних случаях, игрой воображения, поиском ассоциаций, образных представлений, сравнений музыки с живописью, с литературными источниками; в других - возникла необходимость в чувственных ощущениях «холода», «зябкости». Музыкальная задача толкала на поиск согревательных движений и усилий, способных на этом холодном фоне создать тепло уюта и душевного комфорта. Эмоциональный «натиск» педагога, игра разбуженного воображения помогали ученику найти исполнительское решение.

В ходе мастер-класса была представлена еще одна модель урока, где Маэстро был совершенно другим, работая с пятикурсником Иваном Мельниковым над пьесой финского композитора П. Макконена «Полет над временем».

Изменились все исходные данные: другая

эпоха, другое музыкальное направление, другой стиль, жанр, другие традиции. Естественно, изменились педагогические цели и задачи. Неизменными оставались качество занятия, безупречный липсовский стиль общения со студентом, уважительное отношение к его индивидуальности.

После определения художественных ориентиров, особенностей музыкальной формы, выяснения исполнительских намерений и возможных при этом проблем возникла необходимость приподнять завесу над «кухней» музыкальной техники. При определенных условиях ей под силу творить настоящие чудеса.

Началось колдовство над звуком, который не сразу обретает эпитеты «ажурный», «чарующий», «пленительный», и не сразу превращается в образец изобразительного искусства. Но Мастер знает как направить творческие поиски студента на филигранное совершенствование технических приемов, не теряя при этом главную цель - раскрытие музыкально-художественного образа.

Заметим, очень не просто подобные уроки мастеров отнести к какому-то из традиционных видов, существующих в классификациях музыкальной педагогики: аналитическому, гармоническому, аппликатурному, техническому, художественно-исполнительскому и пр. Причин несколько:

во-первых, уроки, на которых задействованы все средства восприятия ученика – «думаю», «слышу», «вижу», «осязую», «действую», чаще всего не существуют в «чистом» виде, в них есть содержательные элементы и других типов занятий. Мастер вправе использовать их избирательно или совокупно, но строго дозируя и подчиняя методический выбор художественной задаче;

во-вторых, видовое деление уроков в значительной мере условно и предполагает соприкосновение и взаимовлияние исполнительских целей и задач. Это доказывают мастер-классы известных творческих педагогов;

в-третьих, Мастер - потому и Мастер, что горизонт его педагогики беспределен и зиждется на гармонии целого и частного, что открывает простор искусству педагогической импровизации и творчеству.

Мастер-класс Фридриха Липса убедительно проиллюстрировал непреложность двух аксиом:

а. чрезмерное внимание к технике игры (порочная практика «технизма») оборачивается потерями более высокого порядка - неадекватным или неполным восприятием идейно-образного содержания музыки;

б. техника игры не должна быть самоцелью, она есть средство создания музыкально-художественного образа. По Ф. Липсу, главное не пальцевая ловкость, а убедительная передача замысла композитора, что выполнимо при совершенной технике. Но на определенном этапе обучения технику стоит сделать целью, чтобы она могла достойно выполнять свои функции.

После мастер-класса началось общение, форма которого не поддается однозначному определению и могла быть названа и круглым столом, и дискуссией, и диалогом, хотя этот коллегиальный разговор по содержанию скорее напоминал рубрику о вузовских проблемах «В большой профессорской», которая не так давно существовала в центральной прессе.

В нашей импровизированной профессорской собрались педагоги разных уровней музыкального образования: организатор мастер-класса в рамках фестиваля «Виват, баян!», лауреат международных конкурсов доцент Войтенко С., пять профессоров из академии культуры и искусств - Грузинов Е.С., Лузанов Ю.Н., Максимов В.П., Стефаненко В.Ф., Стороженко А.М.; два профессора из педуниверситета - Кац А.М., Лакирев Е.М., доценты, ст. преподаватели вузов, преподаватели муз училища, школ. Присутствие столичного гостя Народного артиста России, профессора Ф.Р. Липса придавало особую значимость профессиональному диалогу коллег.

...Рукопожатия, слова искренней благодарности за Урок, который получили все, сидящие в зале студенты, и их педагоги. Публичная демонстрация мастерства - уже давно признанная форма повышения педагогической квалификации.

...Под одобрительные аплодисменты музыкант и поэт Борис Глошкин произнес поэтическое выражение нашей общей признательности и благодарности:

*Липс! Генерация идеи,
Задумок ярких ураган!
И брызжут новые затеи,
когда Вы здесь. Виват, баян!
Путь исполнительства коварен,
Но здесь мелодии... лились.
Самарский зритель благодарен
Вам, дорогой маэстро Липс!*

А когда эмоции улеглись, разговор о баянном искусстве и педагогике, школе игры и мастерах сразу обрел деловой характер. Оказалась объяснимой природа многих проблем: национальная баянная школа, по сравнению с другими, пребывает в юном возрасте. Между тем, так многого достигла, сумев воспользоваться мировым и отечественным опытом своих старших музыкальных «родственников» - мастеров скрипичного, фортепианного, органного искусства. Это позволяет строить смелые прогнозы.

Теряют перспективу мини-дискуссии о первичном и вторичном в музыкальной педагогике («кисть», существующая вне интеллекта, или интеллект, управляющий ею). Структурной частью каждого урока, помимо анализа исполнительских проблем и поисков варианта их решения, должно стать целенаправленное развитие творческого начала ученика, которого возможно раньше следует вывести из «бескрылого» состояния. И когда он ощутит в себе силы и стремление творить, для него перестанет существовать дилемма, хорошо или плохо подражать лучшим исполнительским

образцам. Подражание имеет право на существование лишь как исполнительский тренинг. В цене же всегда остается индивидуальная исполнительская манера...

Пока дискутировали педагоги, в углу концертного зала «заседала малая профессорская» - студенты бурно обменивались впечатлениями. Немного мешало волнение. Увереннее держались «герои дня». Ивана Мельникова, как сказал он, «поразила кропотливость отделки фраз, деталей и удивила память музыканта: он знал произведение до мельчайших подробностей!». И далее: «Очень тронула искренность стремления помочь мне обрести себя и исполнительскую уверенность».

Дмитрий Кузьмин благодарен Маэстро за

незабываемый урок, помощь в преодолении сценического волнения и быструю адаптацию. Другие говорили, как завораживающе действует сама обстановка в зале. И хотя замечания педагога обращены «не к тебе, а косвенно чувствуешь себя включенным в правила игры». Раздавались реплики «было просто интересно», «побольше бы таких «загрузок», «я усвоил для себя то, что хотел», «нашел ответы, которые искал»....

Не все смогли выразить нахлынувшие чувства и мысли. Но ясно было одно: Фридриху Липсу удалось очень сильно всколыхнуть молодежь, а такие интеллектуальные и эмоциональные встряски бесследно не проходят. Значит, цель мастер-класса достигнута.

Александр Ведерников

«ПОЮ В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ...»

(Отрывок из интервью народного артиста СССР, солиста Большого Театра, в котором он рассказывает о самом начале своего пути в большое искусство)

— Я знаю, что вы из вятской крестьянской семьи. Семья у вас была зажиточная, делали телеги, тарантасы, сбрую. А потом наступил период, о котором писал Василий Белов в книге «Год великого перелома»...

— Да, от раскулачивания семья разбежалась. Это случилось очень быстро. Все пять семей, пять сыновей разбежались в разные стороны. Мои родители поехали на Урал, под Челябинск, где в Копейске жила сестра моей мамы. Там фактически началась новая жизнь семьи. Отец получил образование, стал строителем. А мама, которая до этого была безграмотной, научилась читать и писать, окончила курсы медсестёр, стала специалистом, всю жизнь проработала в шахтах, в угольных посёлках — Коркино, Копейске, Еманжелинске. Там же они оба и умерли и похоронены. Моё детство, естественно, тоже проходило в этих посёлках, рабочих шахтёрских городках. Я окончил в двадцать лет коркинский горный техникум.

— Вы подростком пережили войну. Чем эти годы были для вас?

— Войну я встретил в посёлке Еманжелинск, сейчас это город. В первый же год отец ушёл на войну. И мы остались с матерью — я, мой младший брат и сестра. Я был старшим. Пришлось работать. После семи классов я работал и в столярке, и учеником токаря, потом поступил в горный техникум. Там платили стипендию. Почему ещё нужно было работать — потому что норма хлеба была выше, чем у иждивенца. Конечно, те годы были не сладкие. Они были очень трудные. Мы держали корову, которой нужно было накопить сена. Я сам сделал телегу, возил это сено на корове. Не

столько корова везла, сколько мы с матерью толкали, подталкивали. Но тогда все так делали. Лошадей, конечно, не было, машины тоже были все заняты на производстве. Жили за счёт того, что выращивали картошку — копали, сажали, убирали. Огород был небольшой, но и всякие другие овощи выращивали — капусту, морковь, огурцы. Но хлеба, конечно, не хватало. Я помню, как сам сделал весы, сам развешивал на четверых. Но главной опорой была корова, её молоко. Приработки были какие-то... Тяжёлое, тяжёлое время. По весне на колхозных полях копали старую подгнившую картошку, пропускали через мясорубку, делали «олябушки», парили овёс, если доставали. Несладкая была жизнь...

Но одновременно в военные и послевоенные годы в народе была очень большая тяга к искусству. Очень сильной была самодеятельность, её было много и везде. В каждой деревне, в каждом посёлке, я уж не говорю — в городе! Сколько было клубов, дворцов культуры! Естественно, там вызревало самое талантливое. И многие участники самодеятельности шли потом учиться в музыкальные училища, в театральные студии становились профессионалами.

В способных людях была потребность. Талант всегда был востребован. Если в нём было ещё упорство, упрямство — то, конечно, он и всплывал на поверхность, продолжал своё совершенствование. В конечном итоге он кем-то становился в области, которую избирал.

Я тоже пел в самодеятельности, в своем клубе «Горняк», в деревянном, из бревен сложённом посёлке Еманжелинск. Нам даже посчастливилось, что в наши края с началом войны были сосланы немцы Поволжья. Попались такие немцы, которые были очень

образованными. Я знал Данилу Даниловича Лидера, который кончил три курса художественной академии в Ленинграде, Владимира Карловича Гельда, музыканта, — он в клубе «Горняк» организовал симфонический оркестр. Представляете себе! Я у него занимался и в семнадцать лет разучил партию Мельника из «Русалки» Даргомыжского.

В нашем клубе был и очень хороший хор, тоже немец им руководил. Народное искусство

и классическое как-то перемежались, в один поток сливались. И я побеждал на Олимпиадах самодеятельного искусства — были такие. Однажды мне выдали отрез коричневого сукна, сшили костюм, я в нём щеголял и в нём поступал в Свердловское музыкальное училище. Кончил два курса училища и уехал в Московскую консерваторию, которую завершил в 1955-м году.

(2008)

МЫ ПОЙДЕМ ПО ПУТИ ШВАРЦНЕГГЕРА

**Челябинской федерации бодибилдинга стало тесновато
в прежних рамках**

17-19 октября в Челябинск съедутся самые именитые атлеты России и Европы. Здесь пройдет Открытый чемпионат по бодибилдингу и фитнесу памяти вице-губернатора Константина Бочкарева.

Эти соревнования должны стать открытыми уроками физкультуры для школьников. На состязания юниоров вход для школьников будет бесплатным. О причинах такого решения, а также о допинге, экспериментах и гармонии — председатель Совета федерации бодибилдинга и фитнеса Челябинской области Олег Леонгардт.

Олег Александрович Леонгардт

- Олег Александрович, как родилась идея проведения в Челябинске чемпионата России, посвященного памяти заместителя губернатора Константина Бочкарева?

- В сентябре исполнился год со дня смерти Константина Бочкарева. Всем известно, что Константин Николаевич поддерживал различные виды спорта, но особенно он был страстным поклонником бодибилдинга. Много знаю историй о том, что когда к нему обращались спортсмены просто даже поехать на чемпионат, он давал им собственные деньги. При этом всегда просил не афишировать это. Сделал дело и хорошо.

В 2000 году он стал первым президентом областной федерации и до последнего дня жизни руководил ей. С инициативой провести открытый кубок Восточной Европы именно в Челябинске мы вышли в Федерацию бодибилдинга и фитнеса России. С желанием принять у себя соревнования выступили несколько городов, в том числе соседние Ханты-Мансийск и Екатеринбург. В президиуме поддержали нашу идею, потому что Константин Николаевич не только очень много сделал для этого вида спорта на Южном Урале, но и пользовался огромным авторитетом в Москве. В проведении соревнований серьезную финансовую поддержку оказало правительство Челябинской области и лично губернатор. Все это позволит не только достойно принять спортсменов, но и организовать хороший призовой фонд.

Последний раз турнир, тогда еще российский, проходил в Челябинске восемь лет назад. Сегодня же он получил статус международного. Ведь в любом виде спорта, в том числе и в бодибилдинге, существуют квалификации, утвержденные Госкомспортом, по которым присваиваются и разряды, и звания. В этом статусе турнир дает спортсмену возможность не только получить очки, но и заявить о себе на мировом уровне.

Свое участие в чемпионате подтвердили более двухсот пятидесяти спортсменов из восьми стран СНГ и ближнего зарубежья: это сборные Латвии, Литвы, Эстонии. Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Конечно, традиционно, самой многочисленной станет российская команда.

Эти соревнования входят в серию турниров, проводимых под эгидой международной федерации бодибилдинга и фитнеса, которую возглавляет Рафаэль Сантоха. Его также пригласили в Челябинск, здесь постаралось руководство российской Федерации бодибилдинга и фитнеса. Хотя, если честно, то не слишком надеемся, что он сможет прилететь, ужслишком плотный график проведения международных турниров.

- Чемпионат такого уровня в Челябинске проводится впервые. Чем сможем удивить зрителей и гостей?

- Мы решили поэкспериментировать и несколько расширили рамки соревнований, пригласив к совместному участию в проекте наших стронгменов. В заключительный день они проведут свой чемпионат, а это, безусловно, вызовет еще больший интерес зрителей.

Кстати, известный турнир «Арнольд-классик», который проводит Арнольд Шварценеггер, тоже в свое время начинался только с бодибилдинга. Сегодня же он включает в себя более ста видов спорта, и это не только обязательные силовые состязания, но и, например, карате, гимнастика. Кроме того, на выставку, которая проводится параллельно, съезжается весь свет спортивной индустрии. Мы тоже решили пойти по этому пути и планируем провести в рамках нашего турнира не только соревнования стронгменов, но и выставку «Челябинск спортивный», на которую приглашаются не только спортивные секции, фитнес-клубы, но и производители, продавцы спортивной одежды, тренажеров, снарядов.

Это первый опыт не только для Челябинске, но и в целом для России и надеемся, что представители других видов спорта в скором времени к нам присоединятся. Пока мы объединили только два силовых направления, может быть, позже, к нам подключатся и представители пауэрлифтинга, армрестлинга, те же гиревики. Это хоть и не олимпийские пока виды спорта, но достаточно зрелищные и популярны среди зрителей.

- У каждого вида спорта есть философия. Если в нескольких тезисах, то в чем она заключается для Вас?

- Прежде всего, это красивый вид спорта.

Мы всегда обращаем внимание на хорошее спортивное тело. Но, конечно, важнее всего – гармония, все должно быть в разумных пределах. Всегда были разные представления о красоте, есть мифические герои – Аполлон и Геракл. Но фигура Аполлона – это, прежде всего, эстетика, а Геракла, это, скорее всего, представление о мощи и силы.

Все привыкли считать, что бодибилдеры – это некие монстры, а их главный принцип: чем больше мышечной массы, тем лучше. Конечно, как и в любом виде спорта, и в нашем виде, скажем прямо, существуют определенные переборы. Иной раз в погоне за результатом некоторые спортсмены забывают, что это должно быть, прежде всего, эстетично. Правда, многое здесь зависит от генетики. Можно быть гигантом двухметрового роста и иметь большую мышечную массу, но смотреться это будет красиво, а чуть при меньшем весе, с таким же размером бицепсов – это будет смотреться несколько уродливо. Поэтому оценивая атлетов, судьи в первую очередь смотрят на пропорции.

- Тогда, наверное, субъективизма судей не избежать...

- В какой-то мере да. Ведь здесь нет ни секунд, ни метров, ни голов, а значит, с одной стороны, некий субъективизм все-таки есть, но, с другой стороны, существуют определенные правила, в которых определено, что именно должно оцениваться в первую очередь, а за что оценки снижаются.

Взять пример женского бодибилдинга и фитнеса. При всей схожести этих видов спорта критерии разнятся. И победа в турнире по бодибилдингу совсем не значит, что спортсменка может оказаться в призерах на чемпионате по фитнесу.

Общее, наверное, только одно: как правило, и в тех, и в других соревнованиях три раунда.

Два первых – позирование и сравнение, а последний – произвольная программа. Как раз в бодибилдинге и фитнесе именно эти программы очень сильно отличаются. Сегодня фитнес – это некая смесь спортивной и художественной гимнастики и хореографии. Вы знаете, посмотрев на фитнес-спортсменов, на их произвольные программы, я могу сказать, что некоторые из них не уступают в мастерстве тем же гимнастам. Для выступления специально готовятся костюмы. И поэтому все это смотрится достаточно зрелищно. Кстати, многие фитнес-спортсмены – выходцы из спортивной и художественной гимнастики.

Наш вид спорта практически не имеет возрастных ограничений и позволяет спортсменкам, которые в 16-17 лет уже стали «ветеранами», например, в той же гимнастике, продлить свою спортивную карьеру. Когда ты более десяти лет все время находился в тонусе, это уже становится определенным наркотиком, и отказаться от нагрузок очень сложно. А при переходе в фитнес у человека появляется возможность проявить себя в но-

вом качестве.

- Бодибилдинг часто связывают с допинговыми скандалами. Как с ними бороться?

- Видя культуриста, обыватель, конечно, задается вопросом, как этого можно достичь без дополнительного стимулирования. Но в той же легкой атлетике применение различных препаратов не менее распространено, чем в бодибилдинге. Сегодня без фармакологии или химии, как мы это называем, в принципе невозможен ни один вид спорта. Дошло до того, что о допинге начали говорить даже в шахматах.

Где-то мы подошли к такому рубежу, когда не открыли резервы организма, а наука не дошла до такого уровня, чтобы сделать рывок и пойти по другому пути.

Я ни в коем случае не оправдываю применение запрещенных препаратов. Если сегодня допинг не ограничивать, это может привести к серьезным последствиям. Сколько уже спортсменов подорвали свое здоровье, сколько летальных случаев.

Но все же проблема больше кроется в другом. Наши федерации абсолютно не умеют защищать своих спортсменов. Взять те же Олимпийские игры, на которых мы стали свидетелями не одного допингового скандала. Но то, что делают китайцы, – за гранью возможного, видимо, им удалось разработать и применить нечто такое, что даже WADO (международное антидопинговое агентство) просто не способно установить. Даже несмотря на всю их дисциплину и работоспособность, вряд ли такие результаты были бы возможны без искусственного стимулирования.

В то же время, ни для кого не секрет, что большинство допинговых скандалов имеет политическую окраску. Сегодня WADO, основным спонсором которого являются США, просто пытается отработать свой бюджет. Сегодня агентство наделено такими полномочиями... Они могут заявиться к любому спортсмену домой, а если им не открыть, у них все полномочия дисквалифицировать спортсмена.

Или другой пример. До 2006 года кофеин значился в списке запрещенных препаратов. Сколько спортсменов пострадало от того, что у них в организме тесты показывали его наличие. Две чашки кофе перед стартом и все – дисквалификация. А сегодня WADO сняло эти ограничения. Представляете, каково тем спортсменам, которые два-три года назад были лишены медалей, званий, титулов. И таких препаратов немало в списке WADO.

Сейчас всерьез обсуждается вопрос, а не заменить ли пищевые и белковые добавки. Что значит – ограничить спортсмена в употреблении молока или, например, мяса! Ведь это абсурд. В том же бодибилдинге – это основной продукт, и если это сделать, то бодибилдинг как спорт просто умрет. Да и не только бодибилдинг – любой силовой вид спорта не возможен без двух составляющих: углеводов и белка. Для нас это просто форма, а для

штангистов, борцов – силовые показатели. Так что, не все действия международной организации оправданы.

- В России больше развит любительский бодибилдинг, и очень мало представлено профессионалов. С чем это связано, и надо ли развивать профессиональный спорт?

- Профессиональный бодибилдинг – это иной мир с более жесткими законами. И это соревнование не столько спортсменов, а прежде всего, тех структур, которые за ними стоят. Не секрет, что те же спонсоры давят на жюри в принятии решений, кто победитель, а кто нет. Все больше и больше соревнования начинают походить на шоу. И конечно, он привлекает внимание зрителей. В той же Америке бодибилдинг – это бизнес, поставленный на поток, который также стимулирует и производителей питания, фармакологии, а также одежды, тренажеров. Нам же пока не хватает инвесторов. В тех же в штатах, во многом это благодаря тому же Арнольду Шварценеггеру, всерьез работает программа по поддержке бодибилдинга и фитнеса. Ведь выйдя на экраны, он породил повальное увлечение этим видом спорта.

Тем не менее, наши спортсмены сегодня успешно выступают и на престижных турнирах и занимают достаточно высокие места.

- Возвращаясь к предстоящему чемпионату, как Вы оцениваете шансы южноуральских атлетов?

- Хороший фитнес-спортмен и бодибилдер – это все же штучный товар. За последние несколько лет я бы выделил трех южноуральских спортсменов: Сергея Цикункова (чемпион России, мира и Европы по бодибилдингу), Юлию Антонову (финалистка чемпионата мира и Европы) и Светлану Кочкину (чемпионка Европы и мира, победительница нескольких профессиональных турниров).

Конечно, у нас есть ребята помоложе, которые уже сегодня показывают хорошие результаты. Но, к сожалению, за последние несколько лет наши спортсмены немножечко потеряли позиции. Трудно оценить, почему это произошло, скорее всего, это вина и всего тренерского состава, что мы несколько упустили инициативу. Может быть в силу того, что в Челябинске за последнее время не проводилось ни одного серьезного турнира. А спортсмены должны выступать. Ведь выиграв на маленьких соревнованиях, они получают стимул расти дальше. Сегодня пытаемся возродить различные турниры и сделать их регулярными.

Кстати, что областная федерация бодибилдинга сегодня вышла с инициативой в управление по физической культуре Челябинска и министерство спорта и туризма области Челябинской области провести на этих соревнованиях открытые уроки физкультуры для школьников. И эта идея была поддержана.

Соревнования будут проходить три дня, и два из них, на время соревнований юниоров,

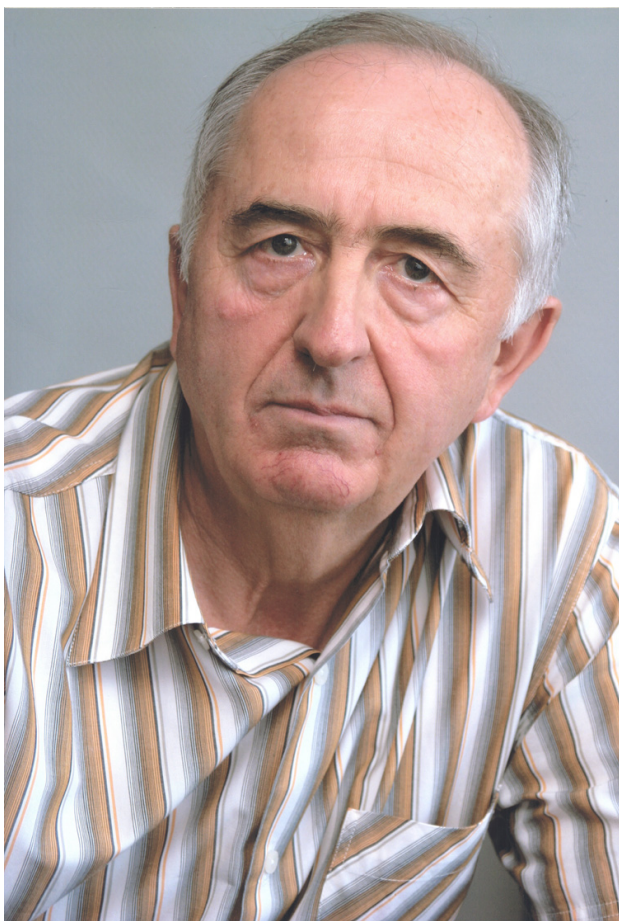
мы сделаем свободный вход учащихся. Думаю, дети с удовольствием приедут, особенно из отдаленных уголков области. А может быть, потом пусть из ста человек несколько придут в зал. Я не говорю даже, что будут заниматься

именно бодибилдингом, но сегодня без силовой подготовки не один вид спорта силовой не обходится. Но главное их приобщить, убрать из подворотен и улиц.

(2008)

С ОПОРОЙ НА ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ

**В ЗАО «Востокмонтажмеханизация» считают:
самая главная ценность предприятия — это кадры.**

Геннадий Викторович Розе

Много ли вы знаете компаний, где в социальный пакет входит не просто оплачиваемый отпуск и официальное трудоустройство, но и беспроцентные кредиты, бесплатное санаторно-курортное лечение работников, работающих с вредными и опасными условиями труда, дополнительное медицинское страхование работников, чей стаж работы на предприятии больше двух лет, тринадцатая зарплата? В нашем Калининском районе Челябинска есть такое — удивительный сплав капиталистических успехов и социалистического отношения к рабочему — это ЗАО «Востокмонтажмеханизация».

— У нас работают порядка 220 человек, —

рассказывает директор компании Геннадий Розе. — В новое время, когда вышли из состава большого треста союзного значения «Восток-металлургмонтаж», мы постарались сохранить все то лучшее, что было в советские времена. Между сотрудниками и администрацией заключен коллективный договор, в котором прописываются основные положения нашей кадровой политики. Хотя и нет профсоюза, но зато действует совет трудового коллектива, к мнению которого мы всегда прислушиваемся. Мой принцип таков: главное — чтобы людям здесь было комфортно работать и пребывать.

Все это не остается красивыми словами, сказанными на диктофон журналисту. Это беспристрастно подтверждается сухими цифрами. Например, средняя зарплата на предприятии в 2011 году составила 32 860 рублей. Рост по отношению к 2010 году составил 18,8 процента. Если приобретается новая техника — то последних экологических стандартов, где совсем другие условия работы для водителя и машиниста крана.

В итоге что такое текучка кадров, в ВММ не знают. Дело не просто в хорошей зарплате — дело в отношении.

— Если новый кран стоит два миллиона евро, то и машинист, который способен на нем работать, стоит столько же, — уверен Геннадий Викторович. — И он сам себя должен так ценить, и должен знать, что в коллективе его уважают.

Заслуженным — почет особый

Чем дольше и ответственнее ты работаешь на ВММ, тем больше всевозможных привилегий получаешь. Так, самым заслуженным сотрудникам вручается золотой значок с логотипом компании — только за высочайший профессионализм или вклад в развитие предприятия. Существует и звание «Заслуженный работник ВММ». Чтобы быть представленным к награде, нужно проработать здесь более четверти века и иметь положительные характеристики от коллег по работе. К заслуженным и отношение особое: к тринадцатой зарплате, которая за-

висит от финансовых успехов компании, они получают прибавку в десять процентов, а по выходу на пенсию — каждый Новый год приятный привет от коллектива в виде сладкого подарка и трех тысяч рублей.

Перспективные рабочие могут получить кредит на выгодных условиях от предприятия. А про подарки на Новый год, тринадцатую зарплату, оплачиваемый основной и дополнительный отпуска и говорить не приходится.

В 90-е годы ВММ пришлось пережить очень тяжелое время: самые ценные кадры, прошедшие стажировку на импортном оборудовании, немцы по национальности, уехали на историческую родину. Но предприятие выстояло, более того, никогда, с 94-года, когда компания перешла в режим «свободного плавания», не было массовых сокращений штата. Базовых работников смогли сохранить даже тогда, когда в удельном объеме выручки предприятия было только 13% «живых» денег, остальное — взаимозачеты. Но и тогда рабочие получали зарплату своевременно, а самая длительная задержка была у управленцев и составила 12 дней (зарплата выплачивалась по мере поступления средств).

Рабочих растят годами

Кадровая проблема для промышленных предприятий региона является одной из самых острых. Можно найти способы, чтобы приобрести современное оборудование, даже очень дорогое, но где взять человека, способного на нем работать? Дать объявление в газету? Но ведь специалист не придет из ниоткуда, его надо обучать на протяжении нескольких лет.

— Выход здесь один — готовить кадры самостоятельно, с учетом специфики предприятия, конкретно под себя, — рассказывает Геннадий Викторович.

Самых уважаемых и ценных рабочих растят чуть ли не со школьной скамьи. У ВММ сложились долгосрочные партнерские отношения с дорожно-строительным техникумом, которому компания передала часть учебных пособий,

включая пневмоколесный кран грузоподъемностью 25 тонн, ради того чтобы там по-прежнему готовили машинистов гусеничного и пневмоколесного крана — редкая на сегодня профессия. В рамках этих отношений в техникуме молодым людям по ускоренной программе дают теоретические знания, а затем они в течение трех месяцев проходят практику в ЗАО «ВММ», которое располагает намного более серьезной материально-технической базой, под началом опытного крановщика. Причем сами ребята приходят не со стороны — их примечают еще в военкомате, выбирают тех, кто в армии имел дело с механизмами. Пока идет обучение на вечерних курсах, они трудоустроены на ВММ в качестве слесарей, получают даже небольшую стипендию. Опыт показывает, что из десяти обученных приживаются шестеро, но эти ребята того стоят.

Впрочем, и у стажистов есть стимул постоянно повышать квалификацию — все это сказывается на заработной плате. Неудивительно, что, как только в коллективе проносятся слухи, что будут покупать новый кран, появляется очередь из желающих поработать на нем. Все знают: это и повышенная зарплата, и престиж.

— Геннадий Викторович, на днях «Востокмонтажмеханизации» исполнилось сорок лет. Что считаете главным достижением предприятия?

— Мы не потерялись в самое смутное время экономических преобразований, а вероятность этого была велика. 1998 год нас не свалил, более того — мы изыскивали возможности для развития. Еще недавно перевезти оборудование весом в сто тонн было для нас сложнейшей задачей. Такие заказы мы выполняли на низком организационном уровне и всегда с изрядной долей авантюризма. А сейчас мы можем перевезти 320 тонн на уникальном транспортном средстве, равного которому в регионе вообще нет.

2012 год

Виктор Чигинцев

БРЕМЕНСКИЙ МУЗЫКАНТ

Очевидно, многим читателям городской газеты «Копейский рабочий» памятна передача Челябинского государственного телевидения «Коммунист, борец, вождь», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося сына немецкого народа Эрнста Тельмана. На экранах наших телевизоров она транслировалась дважды — 16 и 30 апреля 1986 года. Одним из инициаторов телепередачи был копейчанин, горный инженер шахты «Центральная» Иван Иванович Менгель.

Со сцены Дворца культуры Челябинского металлургического комбината, где проходил митинг-концерт, Иван Иванович

выступил с взволнованной речью коммуниста-интернационалиста. На съемки телевизионной передачи он приехал не один, а с членами клуба интернациональной дружбы копейского Дворца пионеров, клуба интернациональной дружбы имени Э.Тельмана средней школы № 1. Миллионы телезрителей области познакомились тогда с человеком сложной, редкой, но счастливой судьбы...

Помнит он себя обыкновенным немецким мальчиком Иоганном Менгелем, сыном архитектора Иоганна и журналистки Маргариты. Ему было семь лет, когда семья переехала в Бремен, что неподалеку от Гамбурга. Шел

1933 год – черный год в истории Германии, сего мира, в биографии юного Иоганна. Никогда не забыть ему новоявленных «наци», марширующих по мощенным улицам Бремена в коричневых рубашках с паучьей свастикой. Потрясая дубинками, они горланили бра-вурные песни, выкрикивали гитлеровские лозунги, были витрины магазинов, жгли на кострах книги.

В том году Иоганн потерял отца. Он помнит, как это было. В комнату ворвались четверо мужчин, они ругались, кричали. Все перевернув в комнате, ушли вместе с отцом. Только через год, уже в Москве, дошла до жены и сына страшная весть: Иоганн Менгель-старший, немецкий коммунист-антифашист, погиб в застенках гамбургского гестапо.

Мать Иоганна владела несколькими языками, вела большую партийную работу по линии Коминтерна. Еще в Бремене рассказывала сыну о Ленине, о Советском Союзе, где народ строит новую, лучшую жизнь. В Москве, которую она знала и любила, Маргарита Менгель загрузила себя работой в немецкой секции Коминтерна, возглавляемой Вильгельмом Пиком. Активно сотрудничала с редакцией газеты «Дойче Централь-цейтунг».

Только в Москве Иоганн впервые почувствовал себя среди настоящих друзей. В их доме на Арбатской площади часто бывали гости – немцы, чехи, поляки. На стене висела карта сражающейся Испании, на которой Иоганн отмечал красными флажками линию фронта.

В школе при Коминтерне он довольно быстро освоил русский язык. На русском научился петь немецкие песни. Особенно любил «Песнь единого фронта», написанную на слова Бертольда Брехта. Спустя сорок с лишним лет, когда его пригласили в специализированную школу немецкого языка на вечер интернациональной дружбы, он легко вспомнил слова этой песни и спел ее вместе с ребятами на родном, немецком языке.

Иоганн хорошо помнит 1935 год. Как вместе с матерью стоял у Мавзолея Ленина на Красной площади и заворочено смотрел на первомайскую демонстрацию. Рядом играл духовой оркестр Коминтерна, и мальчика на всю жизнь очаровали звуки музыки.

Он хорошо помнит 1936 год, когда вся Москва торжественно отмечала принятие Конституции СССР. Он хорошо помнит и 1937 год: стал учиться в обычной русской школе. Хорошо помнит 1938 год: года он лишился матери...

...Детдом под Полтавой, детдом под Кременчугом. Фабрично-заводское училище в Кировограде. К тому времени Иоганн стал Иваном, а если по всей форме, то Иваном Ивановичем. Так написали в метрике, удостоверяющей личность тринадцатилетнего мальчишки. Окончив училище, работал в метизном цехе завода «Красная звезда». Здесь его застала весть о войне. Вместе с заводом эвакуировался в Ростов. В украинской степи на колонну беженцев навалились штурмовики. Безоружных, нагруженных домашним скарбом

людей расстреливали с бреющего полета. А поблизости – ни кусочка, ни канавки. Редкая пуля пролетала в том аду мимо живой человеческой мишени...

Наконец, Иван оказался на Южном Урале, в Копейске. К тому времени он научился ушить зажигательные бомбы, копать окопы, точить снаряды, ковать металл, валить лес, пахать землю, убирать хлеб. А еще – играть на музыкальных инструментах. В крепких, мозолистых руках Ивана удивительным образом оживали нежные струны домры, мандолины, скрипки. Но шла война, и надо было научиться добывать уголь.

Иван Иванович перечислил мне три десятка старых шахтерских профессий, названия которых канули в Лету: желобовой, каталь, болтокрут и т.д. Он прошел через все. И стал старшим механиком шахты по автоматике. Но прежде, в возрасте 25 лет, ему пришлось сесть за парту вечерней школы, а в 28 лет – поступить на дневное отделение горного техникума, заместителем директора которого позже, после окончания Свердловского горного института, он трудился четыре года. После себя он оставил ряд реконструированных кабинетов и лабораторий, горный полигон – своеобразную учебную мини-шахту, построенную в техникумовском дворе.

В 1961 году бывший бременский мальчишка, комсомолец стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

Жизнь шла своим чередом. В семье Ивана Ивановича росли дети. Но даже маленькой фотографии своих родителей не мог он и показать: когда отправляли в детдом, документов при нем не оказалось. В 1975 году по туристической путевке Иван Иванович посетил Германскую Демократическую Республику. Здесь с помощью ветеранов антифашистского Сопротивления ему удалось через 40 лет – на фотографии – увидеть мать.

В 1973 году в Копейск приехала группа работников Центрального телевидения. Тележурналисты заинтересовались судьбой Ивана Ивановича. Пятая по счету передача «От всей души» началась с того, что со сцены зазвучали музыкальные фрагменты из мультфильма «Бременские музыканты», и народная артистка СССР Валентина Леонтьева спросила зал: «А вы знаете, что в вашем городе есть настоящий бременский музыкант?». Так о Иване Ивановиче узнали миллионы советских людей.

Без музыки он не мыслит жизни. А началось это увлечение еще до войны. В одном из детских домов – в Новогеоргиевске, под Кременчугом – был маленький кружок. Там Иоганн научился играть на мандолине, скрипке, гитаре, аккордеоне, банджо, пианино.

И сейчас в квартире Менгелей более десятка инструментов. Хозяин дома играет на всех. Любит петь. Ему даже пришлось один год преподавать в музыкальной школе: нужно было открыть класс народных инструментов, а преподавателей не было.

Его дочь Марина – преподаватель городской

музыкальной школы, учит ребят играть на домре. На многих музыкальных инструментах играют сыновья – Александр и Николай.

Тогда на сцене во время передачи «От всей души» выступало семейное трио: отец, дочь и старший сын. Рассказав телезрителям об удивительной судьбе главы семейства, Валентина Леонтьева преподнесла ему подарок. Это была концертная домра, которую дирекция шахты «Центральная», где и сегодня трудится Иван Иванович, заказала специально для него московскому мастеру И.В. Емельянову.

- Это же лучший мастер в стране! – воскликнул шахтер-музыкант.

- Играйте на радость людям, - тепло пожелала ведущая передачи «От всей души».

Иван Иванович неторопливо расстегнул черный футляр, извлек из него изящный инструмент, тронул струны. И зазвучала волшебная мелодия Дмитрия Шостаковича. Играл бременский музыкант.

Удивительно дружны в этом человеке шахтер, музыкант и... строитель. В горном техникуме он строил учебный полигон-шахту, а сейчас руководит строительством уникального и пока единственного в городе и в объединении объекта – спортивно-оздоровительного комплекса с плавательным бассейном, любовно называемого горняками «СОКом».

Трудно переоценить значение этой уникальной стройки для каждого шахтера «Центральной», для нашего города в целом.

Один из шахтеров, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал мне: «Слов нет, современная шахта – высокотехнологизированное предприятие. Но и сейчас она в жаркие смены напоминает «соковыжималку». Интенсивный труд в забое отнимает немало физических сил. Вот и пусть наш «СОК» и восполняет потери».

Сам Иван Иванович никогда не курил и не увлекался спиртным. Недавно он отметил 45-летие работы в угольной промышленности, ему исполнился 61 год. Но по-прежнему бодр и энергичен наш уважаемый Иван Иванович.

«Бременский музыкант» неразлучен с музыкой. В спортивно-оздоровительном комплексе он собирается возродить шахтерский вокально-инструментальный ансамбль «Уголек». Горный инженер И.И. Менгель – желанный гость многих клубов интернациональной дружбы города и области. В неустанной пропаганде мира и дружбы между народами, интернациональной солидарности трудящихся видит свой долг коммунист, прекрасный человек Иван Иванович Менгель.

В 2004 году Ивана Ивановича не стало.

Ludmilla Ponomarjowa

DIREKTOR MAXIM KLEIN – MENSCH ALS LEGENDE

Wenn ich heute über den Friedhof in Tscheljabinsk ginge, hielte ich an seinem Grab inne. Ich spräche mit ihm. Mit einem Verstorbenen sprechen? Ja! Er wurde mir lebendiger als je zuvor, wenn ich versuchte – bunte Mosaiksteinchen vor seinem geistigen Auge, – persönliche Erfahrungen um ihn und mit ihm zu erinnern. Damit ein Steinchen in ein zu erstellendes Mosaik unserer Schulgeschichte Nr. 10 in Slatoust einzufügen.

Von 1961 bis 1971 war Maxim Maximowitsch Klein Direktor der Schule Nr.10 mit einer Reihe der Unterrichtsfächer in der deutschen Sprache. Segensreich gewirkt als Initiator und Mitgestalter dieser Schule. Er war einer unserer Lehrer, ein Magier, ein Künstler in seinem Fach. Aufregend, faszinierend wirkte er auf uns. Er traf uns jeden Schultag früh am Morgen an der Schultür, sehr nett, lächelnd, angenehme Stimme mit etwas deutschem Akzent, mit schönem Schnurrbart und mit ausgesprochen hoher Stirn. Er sah uns an, redete auf uns ein, fand immer was zu fragen.

Er strahlte Jugendlichkeit aus, Energie und Überzeugungskraft. Sein Temperament begeisterte uns, ebenso sein Geist, seine Willens- und Tatkraft und die damit verbundene Leidenschaft. Er «dirigierte» die Schule, als ob er ein Zauberer wäre. Der konnte unserem Schulleben tönenden Ausdruck verleihen, bewegte uns zum Mitschwingen und Mitmachen. Ein wahrer Zauberer in der Schule! Ein großer Mosaikstein! Ein Stein in Farben und Form eines Regenbogens, des

Symbols der Verbindung zwischen Lehrer und Schüler, als Brücke und Weg, Frieden und Heil bringend.

Maxim Maximowitsch leitete sowohl Lehrer als auch Schüler und ihre Eltern zielsicher genial. Derselbe nette und fröhliche Ton herrschte unter der Schülerschaft. Wir wurden von Lehrern mit Respekt wie Erwachsene behandelt. Rege Kulturtätigkeit: Schulorchester, Klub für Internationale Freundschaft namens Ernst Thälmann, Klub für Fröhliche und Findige, Rundfunkstudio, viele Schulfeste riefen wir, Schüler, selbst ins Leben. Mich faszinierte die Heimatkunde, ich vertrat im Jahre 1967 die Schulumuseumsleiterin Lidija Tomm, und hunderte Exkursionen in 2 Sprachen: Deutsch und Russisch, wurden von mir und meinen Mitschülerinnen Natalja Kowaljowa und Ludmilla Wdowina für Tausende Besucher und Schulgäste durchgeführt. Zahlreiche Ausflüge und Expeditionen auf den Spuren der 27. Schützendivision, Touristentreffen, Winterschiwanderungen hatten wir immer gern. Es war eine wundervolle Zeit! Sicher hätte ich eine begeisterte Museumsmitarbeiterin ausgebildet, hätte nicht die deutsche Sprache gelockt! Seit 1972 arbeite ich in der Schule Nr. 10 zuerst als Pionierleiterin, dann als Deutschlehrerin und Fachberaterin. Diese Jahre sind eine sehr anstrengende, arbeitsreiche Zeit, aber Segen bringend! Und Maxim Maximowitsch mit seinen nächsten Kollegen und Kolleginnen wie Nadeshda Prochorowna Kotschewa, Nikolaj Nikititsch Slowjagin, Ljubow Iwanowna Ignatjewa, Genrich Genrichowitsch

Grigorjew, Jelisaweta Iljinitchna Dawydowa, Faina Moisejewna Indenbaum haben wesentlich mein berufliches Leben geprägt. Ach wie viel, wie viel sind sie mir als einfach Lehrer wert!

Maxim Maximowitsch war für uns eine Respektperson, seine Erscheinung, sein Auftreten in und außerhalb der Schule, seine ganze Persönlichkeit drückten das einfach aus. Er hat von uns allgemeines Lob geerntet, wenn wir sogar von ihm bestraft wurden. Er verfügte über ein großes Wissen in Geschichte, Philologie, Sprachen. Er stellte an sich und seine Schüler stets hohe Anforderungen, achtete selbst immer auf Pünktlichkeit, Gewissenhaftigkeit und Pflichterfüllung. Man behauptete, er hätte eine einsame Sonderstellung unter einigen seiner Kollegen gehabt. Aber nie haben so was seine Schüler gespürt. Man konnte ihn in der Sporthalle beim Basketballwettkampf spielend sehen, man erkannte ihn an seiner Mütze unter den Wanderern auf den Taganai, man hörte seine ruhige Stimme, wenn er einen ungebändigten Jungen im Schulkorridor ansprach. Man sah ihn am Schreibtisch beim stundenlangen Briefeschreiben. Seinen Arbeitstag begann er mit der ersten Strassenbahn, mit der er etwa 40 Minuten bei jedem Wetter die Schule erreichte. Wir dachten, schläft unser Direktor oder schläft er gar nicht. Er wollte so viel Gutes in seinem Leben schaffen und dafür brauchte er diese Stunden. Mit großem Engagement hat er die Gründung des Heimatmuseums in der Schule, des Klubs der internationalen Freundschaft vorbereitet.

Maxim Maximowitsch Klein gehörte zu den absoluten größten Vertretern unter den Pädagogen in Russland. Und obwohl sein Leben die Bezugspunkte in der rumänischen Stadt Cernovizy hatte, war Maxim Klein in seiner Seele ein großer Patriot Russlands. Er war Deutschstämmiger. Auch ihn wie viele Russlanddeutsche erwartete ein Arbeitslager. Bis 1949 arbeitete er im Hüttenwerk in Slatoust. Viele Berufe sollte er ausüben, bis er endlich 1949 dem ihm am Herzen liegenden Beruf, dem Beruf des Deutschlehrers, eine Wendung in seinem Leben verleihen konnte.

Schon in den 70er Jahren des XX. Jahrhunderts dachte der Prophet aus Slatoust erstaunlicherweise über die Bedeutung der Fremdsprachen im globalen Zeitalter. Sein Traum war, die neu gegründete Schule Nr. 10 als Basis für internationale Beziehungen und Freundschaft zu machen, da sie half, einander kennen zu lernen und zu verstehen. Und das gelang Maxim Klein. Als «großartig» lobten die Besucher der Schule Nr. 10 die Leistungen der Schule bei jeder Verabschiedung von der Schule. Pfadfinderarbeit, Briefwechsel mit den bekannten deutschen Schriftstellern Eva und Erwin Strittmatter, mit den Helden des Romans «Nackt unter Wölfen», Seminare für Schulleiter und Deutschlehrer der Region Ural u.a. haben der Schule ihren verdienten Ruhm gebracht. Und dies war vor allem der Verdienst von Maxim Maximowitsch Klein, der die Schule 10 Jahre geleitet hatte. Tausende Schüler könnten heute ihm ihre Anerkennung für die Lehre im Leben aussprechen.

Neben seiner Tätigkeit als Schulleiter –seine Kollegen hielten ihn für einen der besten Schulrektoren im Ural- wirkte er auch noch auf zahlreichen anderen Feldern, besonders auf dem Gebiet für internationale Beziehungen zwischen den Lehrern im Westen und im Osten. Der erklärte uns die Tragweite der Begriffe «deutsche Sprache und ihre Rolle in der heutigen und

zukünftigen Entwicklung der Gesellschaft», «deutsche Geschichte gestern, heute und morgen», «deutsche Kultur als Welterbe» usw. Der baute die Freundschaft mit den Deutschen, ungeachtet auf viele Hindernisse. Der nahm an vielen Forumsveranstaltungen «Pädagogen für Frieden und gegenseitiges Verständnis» und an der Tätigkeit des Internationalen Verbandes der KZ-Häftlinge teil. Der verstand, ein Fenster zu Deutschland zu öffnen und echtes Deutschlandbild zu vermitteln. Die Beziehung von Maxim Klein zu Deutschland ging tiefer als das pädagogische Arbeiten an sich erforderte. Maxim Klein, Deutschland und Russland gehörten zusammen. In einer Vielzahl von Schriften und Vorträgen an verschiedenen Konferenzen, Treffen, Seminaren sowohl in Russland als auch im Ausland hat er seine Stellung über interkulturelle Kommunikation bezogen und seine Anmerkungen, Denkanstöße, Analysen und Darstellungen kundgetan. Die Themen waren vielfältig. Man kann einige hier nur andeuten: «Geschichte der Pädagogik», «Lehrerfortbildung», «Selbstverwaltungsorgane in der Schule», - auch heute noch aktuelle Themen.

In den 25 Jahren, die sich Maxim Maximowitsch Klein in der Stadt Slatoust geweiht hatte, fand er hier seine zweite Heimat. Er fühlte sich da wie zu Hause. Hier hat er Jewdokija geheiratet, hier waren sie über die Geburt ihrer Söhne Oleg und Igor sehr glücklich. Es schien, als wäre Direktor Maxim Klein nie wieder von der Schule Nr. 10 losgekommen. Er widmete sich dieser Schule inniglich, mit ganzer Herzlichkeit und Menschlichkeit. Nirgendwo sonst hätte er so viel menschlichen Beistand wie in Slatoust erfahren. Er blieb der Schule Nr. 10, als er schon in Tscheljabinsk arbeitete, weiterhin treu. Von Zeit zu Zeit gab es Wiedersehen mit seinem «Erstling», mit der Schule Nr. 10, und er war froh, dass dieses Kind von anderen Schulleiterinnen Margarita Alexandrowna Tichomirowa und Alexandra Danilowna Orchowaja gut gepflegt und zielsicher weiter geführt worden ist und geführt wird.

Auf publizistischer Ebene ist seine Tätigkeit als Schriftsteller des Buches «Die Lehre des Lebens» hervorzuheben, in dem er über sein Leben und Schaffen mitgeteilt hat.

Schließlich noch ein Wort über seine ehrenamtliche Tätigkeit. Bis 1993 hat er zahlreiche Ehrenämter bekleidet, mehreren Vorständen, Vereinen, Gremien angehört.

Für seine pädagogische Tätigkeit wurde Maxim Maximowitsch mit Medaillen «Für besondere Verdienste» von der DDR-Regierung, «Für Festigung des Friedens und der Freundschaft zwischen den Völkern», mit der Pestalozzi-Medaille ausgezeichnet. Ihm wurde der Ehrentitel «Der beste Lehrer in der Volksbildung in Russland» verliehen.

Ich bin meinem Schicksal dankbar dafür, dass ich in Maxim Maximowitsch Klein einen Direktor, einen Kollegen, einen Pädagogen-Magier, der uns auch menschlich nahe war, unser Leben bereichert hatte. Wir lernten, dass nicht Entweder - Oder, sondern Sowohl als Auch sinnvoll war. Damit hat er uns auf seine Weise befähigt, zuversichtlich unserem Lehrerberuf entgegen zu leben.

Das waren einige «Einblendungen» ins Leben und Wirken von «unserem» Maxim Maximowitsch. Meine Absicht war, ihn, unseren gewesenen Schulleiter, euch, liebe Leser und Leserinnen, ein wenig näher

Станислава Сазонова

МЕЧИ И ЛИКИ.

Уроженка Косихи Нина Лохтачева возрождает златоустовскую гравюру

– ...Я не воспринимаю оружие как орудие убийства. Просто не могу об этом думать. Для меня это полотно, на котором можно изобразить нечто прекрасное. Пытаюсь понять, чего хочет определенный предмет, разгадать его загадку. Иногда решение дается сложно, а иногда оказывается простым. Причем случается, что тщательно обдуманная идея уступает эмоциональным, – говорит заслуженный художник России Нина Лохтачева.

В стране и за ее пределами она прославилась в числе мастеров, давших легендарной златоустовской гравюре второе рождение. Нина Владимировна – соавтор таких шедевров декоративно-прикладного искусства, как «Щит и меч Победы» на Поклонной горе в Москве, мечей «Памяти и благодарности», врученных главам стран-участниц антигитлеровской коалиции, Дарохранительницы в храме Христа Спасителя и многих других. Немало за последние несколько лет художница сделала и для Алтая.

Родители Нины Владимировны – резчик по дереву Владимир Эгельман и живописец Эмма Лютцова – немцы Поволжья, сосланные в Сибирь в начале войны. Они познакомились и поженились в Косихе. Здесь же родилась и окончила первый класс будущая звезда Златоуста. Первые годы жизни ее прошли в бараке депортированных немцев на ул. Рабочей, 1.

Потом сразу после реабилитации немцев в 1956 году семья переехала в Казахстан. Следующее свидание Нины с малой родиной случилось только спустя 50 лет.

– О раннем детстве я помню не так много: дом, окрестности, школу, – вспоминает Нина Лохтачева. – После того как мы переехали в Казахстан, я редко вспоминала об Алтае. Знала, что мои земляки – Титов, с семьей которого, кстати, дружила моя тетька, и Рождественский... Я никогда не думала, что снова окажусь на родине. Но судьбе было угодно, чтобы я случайно вернулась сюда и привязалась теперь уже навсегда. Произошло это так. Мы с мужем ехали по делам в Кемерово и немного сбились с курса. Он посмотрел в карту и вдруг говорит: «Если мы сейчас дадим крюк 50 километров, окажемся в твоей Косихе». Эмоций не передать... Это были и шок, и радость, и слезы.

От местных жителей Нина Владимировна узнала, что барак, в котором прошли первые годы ее жизни, уже давно сгорел от удара молнии. А адрес дома: улица Рабочая, 1 – теперь присвоен библиотеке имени Рождественского. Здесь, в библиотеке, ныне носящей статус мемориального музея, художница познакомилась с Татьяной Авериной, председателем комитета по культуре Косихинского района. Так завязалась дружба с Алтаем.

– Я являюсь председателем творческого

объединения российских немцев Международного союза немцев России, и мне приятно, что при моем участии в Косихе открыли немецкий центр, где уже проходят различные мероприятия, – говорит Нина Владимировна. – По возможности каждый год я стараюсь приезжать на Рождественские чтения. Творчество поэта мне нравилось всегда, поэтому, когда встал вопрос о создании музея, я передала в фонд кое-какие имеющиеся материалы. В этом году Александр Иванович (А. И. Лохтачев – скульптор, гравер, заслуженный художник России, муж Нины Владимировны. – Прим. авт.) по моей просьбе сделал эскизный проект памятника Рождественскому. Будет памятник или нет, зависит уже не от нас, а макет мы подарили.

Пять лет назад сначала на родине, а после в Музее истории литературы, искусства и культуры Алтая Нина Владимировна устраивала выставку декоративных изделий златоустовских мастеров.

– В Косихе меня поразила одна пожилая учительница, заплакавшая, глядя на работы, – вспоминает художница. – Когда я подошла и спросила, что случилось, она сказала: «Я плачу от красоты». Это было одно из самых трогательных подтверждений тому, что мы делаем благородное дело.

Без права на слабость

– Школу я оканчивала в Казахстане, – продолжает воспоминания Нина Владимировна. – Тогда в Азии было сложно поступить в вуз, и мы с подружками махнули в Россию.

Так Нина Лохтачева оказалась в Челябинской области, где окончила художественно-графический факультет педагогического учили-

ща в Златоусте. На Урале она вышла замуж.

– Все как-то шло своим чередом, я пробова себя в разных сферах: в театре, педагогике... И в поиске призвания почти случайно нашла свою судьбу, – рассказывает художница. – После вуза я работала учительницей в селе Травники, а мужника не мог найти там работу. Мы оба очень хотели заниматься искусством, поэтому приняли решение переехать в Златоуст. В школу я возвращаться не захотела и устроилась в цех «белого оружия» на знаменитый завод им. Ленина (ныне «Булат». – Авт.). Это было большим везением.

Вскоре Нину Лохтачеву перевели в творческую группу, где она стала первой женщиной-гравером.

– Мне нравится быть во всем первой. Это интересно, – признается она. – Мужчины, как лидеры по своей природе, часто могут позволить себе много вольностей. Женщина, желающая добиться успеха, на слабость права не имеет. Приходится быть абсолютно дисциплинированной, чтобы доказать, что ты не хуже, а может, даже в чем-то и лучше коллег-мужчин.

Многостаночники

В 1990 году чета Лохтачевых с единомышленником Григорием Манушем организовали в Златоусте первую частную мастерскую. Вместе они возродили традиции златоустовской гравюры на металле.

– У нас появился заказ на изготовление герба СССР. Но когда мы окончили работу, страна уже распалась, – вспоминает Нина Лохтачева. – Александр в то время как раз обдумывал организацию своего дела, и скоро мы открыли первую в городе мастерскую современного искусства. Сейчас в Златоусте их больше 70.

Сегодня «Лик» называют визитной карточкой города. Здесь работает 120 художников, граверов и скульпторов, включая всю семью Лохтачевых: супругов и их обоих сыновей. Нина Владимировна как главный художник занимается украшением уже готовых изделий, вместе с мужем принимает участие в разработке эскизов.

– Украшение изделия в технике златоустовской гравюры требует строгого соблюдения технологий, – рассказывает Нина Владимировна. – Мы используем традиционные металлы: сталь, золото и серебро высшей пробы, бронзу, латунь и другие. Рисунок наносится на поверхность предмета кистью, гравировка – стальной иглой. Кроме того, я использую травление, гравировку резцом, никелирование, золочение. Иногда в изделие включаются драгоценные камни.

Работы Лохтачевых можно найти в музеях Лондона, Парижа и США. Творческая семья украшала храмы, памятники культуры, коллекционное холодное оружие... Вершиной своего мастерства и главной своей гордостью Нина Владимировна считает Дарохранительницу в храме Христа Спасителя. За ее изготовление

мастера «Ли́ка» взялись в 1997 году по благословению патриарха. Памятник декоративно-прикладного искусства приходилось воссоздавать, ориентируясь на кино- и фотоматериалы, а также немногие сохранившиеся архивные документы. Работа заняла почти три года: три месяца шли подготовительные конструкторские работы, пять месяцев создавалась модель, полгода шли доработки. Затем мастера изготовили Дарохранительницу в металле и только после этого семь с половиной месяцев переводили первоначальный образец в серебро. Нина Владимировна занималась декором: выполняла орнамент на металле в технике златоустовской гравюры. Подобная гравировка использовалась в XVI–XVII веках.

– Я не ограничиваюсь церковной тематикой. Говорят, надо на чем-то одном остановиться, занять свою нишу, но мне нравится быть многостаночником, – говорит художница. – Нужно постоянно перестраиваться. Сегодня ты делаешь икону, а завтра меч. И именно это в радость. А потом, когда смотришь на свою уже завершённую работу, испытываешь совершенно невероятные чувства: удивление и восторг одновременно. Неужели ты приложил к этому руку?

Справка

Златоустовское оружие XIX – начала XX веков в качестве ценных даров вручалось особо почитаемым и высоким гостям царствующей фамилии России. Среди заказчиков были члены царской семьи, столичная аристократия, гвардейские и армейские офицеры, офицеры флота, любители охоты. Коллекции и собрания златоустовского оружия хранятся в крупнейших музеях России и некоторых столиц европейских государств, частных коллекциях.

В 2012 г. на открытии Мемориального музея поэта Роберта Рождественского в селе Косиха Нина Лохтачева подарила музею икону с изображением Ангела Хранителя работы мастеров «Ли́ка».

Чем прославилась Нина Лохтачева

Нина Лохтачева – художник-прикладник, педагог, заслуженный художник России (с 1997 г.). Награждена орденом Русской православной церкви Святой равноапостольной великой княгини Ольги III степени, орденом «Франца Бирбаума» фонда Фаберже за выдающийся вклад в развитие ювелирного искусства.

Основные работы

* «Щит и меч Победы». Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, 1995 г.

* Мечи «Памяти и благодарности», врученные президентом Борисом Ельциным главам государств Великобритании, США, Франции, 1995 г.

* Призовые кубки для I Международного фестиваля национальных театров Греции, Великобритании, Чехии, Белоруссии и Рос-

сии, 1995 г.

* Памятные изделия к 175-летию Государственного академического Малого театра России, 1999 г.

* Дарохранительница для главного престола храма Христа Спасителя. Москва, 1999 г.

* Дарница «Муза» для народной певицы Людмилы Зыкиной, 2004 г.

* Щит для президента Туркменистана Сапармурата Ниязова.

* Дарница «Победа», посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

* Оклад на чудотворную икону Иверской Божьей Матери для мужского монастыря на Валдае.

SLATOUSTER GRAVUREN ODER DIE KUNST DES VERSCHÖNERNS KUNSTHANDWERK

2006 besuchten wir eine Ausstellung von Kunstgravuren in der Firma «LIK» in der Stadt Slatoust (Gebiet Tscheljabinsk), deren Mitbegründerin Nina Lochtatschowa uns die Exponate erläuterte. Sie sprach zunächst von ihren 150 Mitarbeitern, darunter Graveure, Steinmetze, Designer, Goldschmiede, Weber u.a., die alle ihren Beitrag zur Entstehung gelungener Kunstwerke leisten. Eines davon fiel sofort auf: das der Jesus-Erlöser-Kathedrale in Moskau geschenkte Tabernakel. Dieses große Kunstwerk wäre unvorstellbar ohne den Beitrag Wladimir Blinows, dessen Leben, Wesen und Karriere uns besonders beeindruckten, weil er sich unter schwierigsten Umständen aus eigener Kraft zu einem der bekanntesten Juweliere unseres Landes emporgearbeitet hat. Nina Lochtatschowa stellte uns ihren Mitarbeiter als Vorbild vor und meinte, es sei das Wichtigste im Leben, ein Ziel zu haben und diesem konsequent zuzustreben. Wir erfuhren Einiges aus der Geschichte der Firma, die 1990 auf Initiative von Alexander und Nina Lochtatschow und Grigorij Manusch gegründet wurde.

Ein Höhepunkt in der Geschichte dieser Firma war die Herstellung reich geschmückter Blankwaffen für die Vertreter der Antihitlerkoalition zum 50. Jahrestag des Sieges über den Faschismus. Ein Schwert als Meisterwerk der russischen Gravurkunst wurde den Präsidenten Clinton und Mitterand und dem Premierminister Meydsher überreicht und ein dazu passendes Schild ist heute im Moskauer Historischen Museum auf dem Poklonnaja-Berg zu bewundern. So konnte die Firma «LIK» (www.lik.ru) mithelfen, ein Jubiläum von welthistorischer Bedeutung feierlich zu begehen.

Nina Wladimirowna zeigte ihren Gästen die wertvollsten Gravurarbeiten, die schon früher bei gesamtrussischen und internationalen Ausstellungen zu sehen waren. Die Teilnahme an solchen Ausstellungen hilft den Firmenmitarbeitern sich selbst im Vergleich zu Konkurrenten richtig einzuschätzen. Besonders hohe Wertschätzung erfährt die Firma bei vielen Ausstellungen im Kreml, in russischen Museen und im Ausland. Dabei sind auch neueste Trends der Gravurkunst zu erkennen. Die Meister der Firma wenden sich mit großer Kompetenz und uneingeschränktem Interesse diesen neuen Stilrichtungen zu.

«Habt ihr einmal darüber nachgedacht, welche Bedeutung der geographische Ort, an dem wir leben, für unser Schaffen hat?» - fragte uns Nina Wladimirowna. «Wir leben an der Grenze Europas zu Asien und wollen nicht vergessen, dass nicht

nur unsere Berge, sondern auch unsere Kunst eine Brücke zwischen diesen Kontinenten schlagen. «Vor unseren Augen erscheint eine Galerie eigenartiger, in ihrer Gestaltung und Schönheit formvollendeter Dolche, z.B. Dshambijas als Symbole des Reichtums in orientalischen Ländern. «Trotz der grandiosen Möglichkeiten moderner Technik werden doch die unvergänglichen Meisterwerke auch heute noch mit der Hand geschaffen. Man kann mit dem Computer vieles machen, z.B. Ornamente, doch besteht die Gefahr, an die Stelle des manuellen Kunsthandwerks technisches Know-how zu setzen. Selbst in Japan, dem Land der technischen Perfektion, werden von Hand gestaltete Kunstwerke mehr geschätzt. So hat auch unsere Kunst eine sichere Zukunft. Auch die berühmten europäischen Manufakturen weisen auf Erzeugnisse hin, die manuell hergestellt worden», führt die Künstlerin aus.

Einige Gebrauchsartikel der Firma, wie Teller, Becher, Pokale, Besteck, sind von solcher Qualität, wie sie in Höfen von Zaren und Königen üblich war. Wir haben bei unserem Besuch auch jenes Service gesehen, das die Firma zum 300-jährigen Jubiläum Petersburgs angefertigt und dort ausgestellt hat. Nicht weniger Vergnügen bereitete uns der Anblick vom schön gestalteten Kirchengesäß, dem Eucharistie-Service, mit echten Diamanten verziertem Schreibgerät, einer Spendenschale, einer Schatulle mit Geheimfach, einer Schale aus Bergkristall, einem Teller mit einem Madonnenbild» - man kann gar nicht alles aufzählen, was uns veranlasst hat, diese Gravurkunst mit anderen Augen zu betrachten».

Immer mehr wird anstatt der traditionellen Messing- und Goldgravur Silber verwendet, obwohl es schwieriger ist, dieses Material zu bearbeiten. Auf jeden Fall wird echtes Silber einem vergoldeten Metall vorgezogen. Wichtiger als der Glanz des Goldes sind die Echtheit und der innere Wert dieser Kunstwerke. Nina Wladimirowna nannte uns die Namen der Meister, die ihrer Firma zu immer größerem Prestige verhelfen. In erster Linie würdigte sie die großen Verdienste ihres Ehemanns, der diese Firma gegründet hat und sie heute mit großer Kompetenz leitet. «Dieser außergewöhnliche Mensch ist mein bester Kritiker. Seine konstruktive Kritik hilft mir meine Ideen besser zu realisieren», - sagt Nina Lochtatschowa. In denen verschmelzen zwei Traditionen: die Stahlgravur ihrer deutschen Vorfahren und die Schaffenskraft unserer russischen Gravurmeister.

Im Jahre 1990 erschien es manchen als ein

abenteuerlicher Gedanke, doch inzwischen konnten die Gründer der Firma ökonomische Stabilität und allgemeine Anerkennung erkämpfen. Nina Wladimirowna scherzt: «Am Anfang unserer Tätigkeit haben wir nach Messingschüsseln für Konfitüre gesucht, die man in den Müll geworfen hat. Wer wusste damals, dass einmal solch ein einfacher Gebrauchsgegenstand durch Formgebung und Verzierung hoch geschätzt wird, aus dem ein kleines Kunstwerk entsteht. Vielleicht ist es eine Aufgabe der Kunst, Gewöhnlichkeit durch Schönheit zu ersetzen».

Von diesen ersten Erfolgen bis zur späteren Teilnahme an der EXPO-93 in Australien war es ein riesiger Schritt. 2003 wurde die Firma mit dem Nationalpreis «Olymp» ausgezeichnet und unter den besten im Rang «kleine und mittelgroße Unternehmen in Russland» genannt. Mit ebenso großer Freude und Genugtuung spricht Nina Wladimirowna von ihrer Familie, für die sie eine gleich große Verantwortung empfindet wie für ihre Arbeit. Viele Familienmitglieder erfüllen auch im Betrieb bestimmte Funktionen, und der Erfolg eines jeden ist der Erfolg aller. «Einer für alle

und alle für einen», lautet die Parole in ihrer Familie und in der Firma LIK.

Die Künstlerin erinnert sich an ihre ersten Arbeitsschritte im Dorf Trawniki, wo sie als Zeichenlehrerin in der Schule gearbeitet hat. «Ich erzählte den Schülern über Künstler, las ihnen Märchen vor und wollte damit ihre Phantasie anregen. Wir malten oft im Freien, beobachteten die Natur in ihrer Schönheit zu verschiedenen Jahreszeiten und dann entstanden unwiederholbare Kinderzeichnungen, die ich nur bewundern konnte. Die Schüler mochten solchen Unterricht. Und wenn ich heute meine ehemaligen Zöglinge treffe, höre ich noch viele». Heute setzt Nina Wladimirowna ihre pädagogische Tätigkeit fort, sie unterrichtet Gravurkunst, und es ist auch ihr Verdienst, dass in der Stadt Slatoust (<http://de.wikipedia.org/wiki/Slatoust>) viele junge Gravurmeister schon eigene kleine und mittelgroße Manufakturen gegründet haben.

Von Anna Hashipowa, Ksenia Belkina,
Galina Ponomarjowa
(Absolventinnen der Schule Nr. 10 in Slatoust)

Юлия Калинина

**КОНСТАНТИН ТРОТТ,
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКА:
«ЭЛИТУ МЫ ВЫУЧИЛИ В 70-80-Х ГОДАХ,
СЕЙЧАС МЫ УЧИМ ВСЕХ»**

«Я богатый человек», - говорит о себе Константин Тротт. В четвертый раз он стал отцом всего пять лет назад, но при этом уже четырежды дед. С нежностью, как и положено молодому отцу, рассказывает о младшем Генрихе и с гордостью – о старших детях. С немалым удовольствием делится успехами, которых удалось достичь на профессиональном поприще за четыре десятка лет. С упоением открывает секреты рыбалки и охоты.

С таким бесценным жизненным богатством подошел к своему 60-летию начальник управления образования Центрального района Челябинска. Мы беседуем в его кабинете накануне юбилея.

– Константин Генрихович, готовясь к нашей беседе, я поинтересовалась мнением коллег о вас. Вы знаете, не встретила ни одного негативного отзыва. Как вы думаете, за что вас люди уважают?

– Наверное, за то, что я очень плохой руководитель. Если следовать законам менеджмента, управленец должен уметь отказывать. Я не умею, это плохо. Когда человек ко мне обращается со своей проблемой, я не думаю, как ему отказать, а сразу пытаюсь помочь. Я себя уважаю за то, что мне не важно, есть у него регалии, погоны; техничка или директор передо мной, – человек идет ко мне за помощью, и я стараюсь помочь. Наверное, за это ко мне и такое отношение.

– А вам не мешает в работе то, что вы не умеете говорить «нет»?

– Мешает. Для того чтобы помочь каждому – даже просто выслушать, сделать какой-то звонок – всегда нужно время. То самое, чего всегда катастрофически не хватает. Хотя в ту же онлайн-приемную пишут не только челябинцы.

Из каких только областей не обращаются люди: и жители Кабардино-Балкарии, и республики Саха, городов и весей, потому что я всегда даю обстоятельные ответы.

– Ваши коллеги по-разному относятся к онлайн-приемным.

– Я в свою ни разу не получил ни одной гадости. Никогда. Всякое пишут: есть слова благодарности, жалобы, есть обращения с надрывом... Отвечаю всегда честно. Это правило руководителя – не обманывать. Если ты точно знаешь, что не можешь решить проблему, ты должен об этом сказать сразу. Иногда могу взять тайм-аут, дать промежуточный ответ, чтобы посоветоваться со специалистами, разобраться и потом уже ответить более обстоятельно.

Чаще это консультации, связанные с незнанием людьми нормативных документов, потому что их нормально не информируют, приходится объяснять. Но если раньше поступало 2–3 вопроса в день, то теперь до 4–5 страниц бывает. Например, сейчас жар-

кие дни по вопросу комплектования детских садов – приходят «пачки» обращений. Зато это снимает напряженность – не обязательно сидеть в очереди для личной беседы. Хотя я взял за правило: у меня люди записаны на конкретное время, и поэтому никогда никто не толпится. Хотя бывает, и по 20, и по 30 человек принимаем.

– **То есть вы сторонник четкой системы во всем?**

– Я немец в десятом поколении (смеется).

– **Откуда вы родом?**

– Мои корни – это автономная республика немцев Поволжья, которая существовала до войны. Моих предков Троттов с немецкой земли Гессен завезла на Волгу Екатерина II в 1763 году.

Родился я в Перми. Отец был мобилизован туда в трудармию – через нее проходили все поволжские немцы с 1941 года. Тяжелое было, конечно, время. В день моего рождения было сумасшедшее наводнение, мама меня рожала на крыше дома. И потом на моторной лодке нас отправили в поселковую больницу.

В 1956 году отменили комендатуру, т. е. обязанность всех репрессированных немцев ежемесячно отмечаться у коменданта. После этого многие из них, и моя семья, переселились в Казахстан. В северном, Южном Казахстане появились целые немецкие деревни.

– **Вы бывали в Германии?**

– Я уехал туда на постоянное место жительства в 1999 году. Хотя сначала не собирался, несмотря на то, что все мои близкие – родители, брат, две сестры – уже перебрались туда, а я остался здесь совсем один, и вызов у меня лежал с 1991 года. Но у дочери были очень серьезные проблемы со здоровьем, появился шанс, что там ее прооперируют, и мы приняли решение уехать.

– **И все-таки вы вернулись...**

– Два года испытаний, жуткой ностальгии. Туда нужно ехать или детям, или пенсионерам. Я приехал в 47 лет – это слишком поздно. Хотя даже в этом возрасте я поступил там в университет – бюро по трудоустройству в Германии ищет различные возможности для каждого человека. Но я очень люблю свою работу; дорожу людьми, которые меня окружают. И я вернулся обратно.

– **Вы давно в образовании?**

– 43 года. В самом начале моей карьеры была интересная история. Я приехал в Челябинск поступать в медакадемию. Первые два экзамена сдал на «пять». Прихожу на экзамен по химии. Преподаватель, женщина пенсионного возраста, задает мне единственный вопрос: почему, если я такой умный, я приехал поступать в Челябинск? Я объяснил, что моя старшая сестра закончила челябинский медицинский институт, но преподаватель приводит аргумент: «Вы же потом назад уедете, и мы потеряем специалиста». И ставит мне двойку. Я отнес документы в агроинженерный институт и поступил. Возвращаюсь домой, а директор сельской

школы говорит: «Посмотри на себя, какой ты агроном? У нас уволилась учитель математики, три пятых класса – 120 детей – остались без учителя. Вот тебе мел, и к доске!» Так сразу после окончания школы я стал учителем математики. Потом я уже не представлял себя кем-то другим: не мог без детей, без их глаз. Я испытывал кайф, когда чему-то научу детей, а они после моих объяснений выходят и что-то сами решают... Я понял, что из этой профессии никогда не уйду.

Наша школа в Казахстане была хоть и деревенская, но очень большая. Учителя – из высланных, репрессированных – потомки кулаков, казаков, греки, чеченцы, немцы... И не надо было говорить о каком-то национальном воспитании, все росли в дружбе и мире. Сейчас я смотрю на гардероб моего пятилетнего сына: мне кажется, у нас в то время на всю деревню одежды меньше было – сатиновые шаровары и кирзовые сапоги осенью и весной. Но с учителями мне повезло, они были очень сильными. Особенно учитель литературы Екатерина Семеновна АРГИРОПУЛО – преподаватель от Бога. Я слыл ее любимым учеником, играл в школьных спектаклях все главные роли. Она прочила мне будущее актера и не могла смириться, что я не пошел на актерский факультет. Именно она научила меня ценить поэзию, до сих пор очень люблю стихи, собрал большую библиотеку.

– **Ваш стаж почти 50 лет. Образование раньше и образование сейчас – сравните.**

– Сравнить достаточно просто. Конечно, и у советского образования были сильные стороны, и сегодня. Естественно, что само время диктует перемены.

Но самое главное, что мы потеряли после распада СССР, – это престиж рабочей профессии. То, к чему пришла сегодня финская система образования. То, к чему стремилась и пришла Германия. У нас этого престижа просто нет. О какой конкурентности нашей продукции, товаров мы можем говорить, если нет квалифицированных рабочих? Мы все потеряли, когда поголовно ринулись получать высшее образование. Раньше все было четко разделено: учишься хорошо – идешь в 9–10 класс. Если не успеваешь, идешь в добротное ПТУ, которые чаще всего были при крупных предприятиях. Я могу привести много примеров. Со мной учились парни, один из них стал токарем и победил в республиканском конкурсе токарей, получал великолепную зарплату, имел большую усадьбу, машину. Второй стал картофелеводом, добился рекордов, секретарь обкома партии вручил ему ключи от «Волги», хотя в школе мой одноклассник был двоечником, я ему помогал контрольные решать.

Второе отличие – престиж самой профессии учителя. Мы его потеряли, и это один из главных просчетов государственной политики. Сейчас прилагаются титанические усилия, чтобы вернуть утерянное. Если раньше с придыханием говорили: «Учитель идет!», его

уважали ученики, было потрясающее уважение со стороны родителей, то сейчас такое отношение нивелировалось. Не поднимемся мы никогда, если не сделаем шаги в этом направлении.

– **Сколько сегодня должен зарабатывать учитель?**

– После окончания института (правда, я сразу стал начальником) моей зарплаты и отпускных хватало, чтобы я слетал летом в отпуск в Сочи на 20 дней, набрался сил. Сегодня учитель на свою зарплату не может обратиться в здравницу даже на Южном Урале. Нищий учитель не может воспитать полноценную личность, потому что он все время внутренне неудовлетворен, раздражен. А учитель в класс должен заходить с улыбкой и хорошим настроением.

– **И сколько это в рублях?**

– Нигде в мире учителя не получают много. Но если судить по сегодняшней потребительской корзине, то это минимум 40 тысяч. В районе мы добились средней заработной платы под 20 тысяч. Но этого мало, потому что эти 20 тысяч он получает не на одну, а на полторы ставки и больше. Учитывая, что огромная масса учителей, чтобы прокормить семью, занимается репетиторством, где тогда взять время учителю на восстановление здоровья, на полноценный отдых? Ему надо готовиться: утром он должен прийти в класс и в течение 4–5 уроков быть интересным для своих учеников.

– **Что вы на уровне района можете сделать?**

– Мы многое делали и делаем. Мы первые в городе еще в начале 90-х годов стали доплачивать техническому персоналу школы 80 % от оклада; чтобы поднять престиж профессии руководителя, мы стали доплачивать директорам школ 50 %, а завучам – 40. Мы в те годы давали жилье учителям: построили дом для бюджетников, в котором получили сразу 25 квартир. Понятно, что сейчас мы ограничены в финансах, но стараемся учителей поддержать. Я лично ищу спонсорские средства, и накануне 8 марта мы вручаем премии и подарки на общую сумму до 200 тысяч рублей, бесценно на августовских конференциях – премиями на общую сумму 150–200 тысяч рублей. Наши педагоги получают грамоты Законодательного собрания, правительства, губернатора, главы города. Моральное стимулирование у нас на первом плане, мы стараемся никого не забывать. К сожалению, министерство образования Российской Федерации в этом плане плохо работает: за последние годы мы подаем документы на получение звания заслуженных учителей, но документы где-то теряются. А хотелось бы, чтобы те, кто заслуживают этого высокого звания, его получили.

– **Есть приток новых кадров?**

– Молодых специалистов приходит не так много, но немногие из них затем уходят. И хотя по показателям мы укомплектованы кадрами неплохо, сейчас очень востребованы учителя

начальных классов, английского языка.

Нормальный школьный коллектив – это когда есть молодые специалисты, сильное среднее звено и ветераны, у которых надо учиться. Когда этот баланс выдерживается, тогда это самый работоспособный и эффективный коллектив.

В начале 1990-х годов мы ежегодно в сентябре принимали более 100 специалистов, а сейчас два-три десятка, и в основном это воспитатели детских садов после педучилища.

Если выпускники будут приходить в таком темпе, то через 10 лет вообще некому будет работать. Поэтому сейчас на уровне регионального министерства образования разговор в основном ведется вокруг кадров. И уже с сегодняшнего дня нужно прикладывать серьезные усилия, чтобы выпускники школ шли в пединституты, а затем приходили в школы. В первую очередь нужно жилье. Решение проблемы есть, надо использовать известный всем западный опыт, когда строится жилье социального найма.

– **Сегодня государство стало вкладываться в образование. Но взамен требует нового качества. Учителя готовы к переменам?**

– Хотим мы этого или не хотим, но сегодня родители предъявляют серьезные требования. Они понимают: для того чтобы ребенку в нашей бурной жизни чего-то достичь, нужны хорошие знания. Родители повернулись лицом к школе, по своей инициативе активно участвуют в ее жизни. Я к этому отношусь очень положительно. Наверное, эта ситуация подталкивает учителя не стоять на месте, а постоянно пополнять свой багаж, расти. Никто из них не хочет быть на задворках, есть определенная гордость за свою профессию. Мы в районе сотрудничаем не только с ЧИППКРО, но и с другими учебными заведениями. Недавно наши учителя физики прошли переподготовку на базе ЮУрГУ, сейчас на очереди учителя математики и информатики. И педагогический университет с нами работает. Учителя имеют возможность самостоятельно сформировать программы, по которым они хотят получить что-то новое. Идут целенаправленно, за определенными знаниями, а потому им это интересно. Коллективы образовательных учреждений района стабильны: работают интересно, дают хорошие знания. Каждая школа интересна по-своему, и поэтому, несмотря на демографическую ситуацию, нет уменьшения числа учеников – учреждения работают в полные две смены.

– **Возможно, это обусловлено тем, что состоятельные люди стремятся жить в центре?**

– Когда мне задают вопрос о том, что мы учим элиту, я всегда отвечаю, что элиту мы выучили в 70–80-х годах, сейчас мы учим всех. И, как из года в год показывают результаты ЕГЭ, мы хорошо учим детей. Есть школы в центре, где 13–17 % детей – из микрорайона. Остальных везут со всего города. Школы все на слуху: 1-я, 10-я, 63-я, 67-я, 147-я, 153-я,

133-я прогимназия для одаренных детей, в которую отбоя нет... Я назвал половину школ, которые в элите образовательных учреждений Челябинска.

– **Недавно лицеи и гимназии были лишены права городского набора.**

– Я самый ярый противник этого решения. Весь цивилизованный мир живет по принципу разделения детей по уровню знаний. Возьмите ту же Финляндию, Германию, Францию. Сторонники нововведения приводят доводы о какой-то коррумпированной составляющей, но мне это смешно слышать. Когда еще не было типологии учебных заведений, мы отработывали новые типы на экспериментальных площадках. И создали уникальные учебные заведения. Сейчас части талантливых детей туда дорога будет закрыта, потому что есть микрорайон. Я только хотел бы задать вопрос родителям: как будут себя ощущать дети в гимназии, когда не смогут освоить гимназическую программу? Мы заведомо поставим детей в очень тяжелую психологическую ситуацию.

– **Возьмем другую сторону медали: должны ли дети, имеющие особенности здоровья, включаться в обычную школу?**

– Проблема очень тонкая. Для того чтобы не делить детей, общество должно достигнуть определенного уровня развития.

– **Он уже достигнут?**

– Нет, к сожалению. Я приведу ряд примеров. В Америке заходишь в школу, и там стоят коляски. Дети в инвалидных колясках учатся вместе со здоровыми детьми. Вы можете себе представить эту ситуацию у нас? Вот и я не могу. Я сам пережил очень тяжелую ситуацию в семье, со своей дочерью, поэтому для меня это не пустые слова. В первый же год моей работы был открыт детский сад № 181 для детей с ДЦП, который знают не только в России, но и далеко за рубежом. Его заведующая выступала в Государственной думе, на международном форуме ЮНЕСКО, где присутствовали представители 80 государств, и когда она показывала фильм о своих детях, весь зал Госдумы аплодировал стоя.

Мы создали этот уникальный детский сад, уникальные методики, когда детей приносят на руках, а в школу они уходят ногами. Пусть плохо, пусть на костылях, с тележками, но дети идут сами.

– **Есть в Центральном районе еще какие-то особые учебные заведения?**

– Да, наверное, я могу многое записать себе в актив. Как-то раз ко мне на прием приходят четыре женщины. Они рассказывают, что их дети слепые, но уже должны идти в 1-й класс, а ближайший интернат для слепых детей находится в Троицке. Мне даже в голову не могло прийти, что в Челябинске таким детям негде учиться. Я как представил, что мне бы пришлось своего ребенка-первоклассника, слепого, отправить в другой город, в интернат... Детские сады тогда были заполнены лишь наполовину, и мы закрыли один из них,

в течение двух месяцев сделали ремонт, и 1 сентября школа уже открылась. Мне повезло с директором: Тамара Николаевна Телелюева, которая работала в детском саду, позвонила мне и сказала: «Я слышала, вы открываете школу. Возьмите меня директором». Она пришла, мы поговорили, и в этот же день я подписал приказ о ее назначении, о чем не пожалел еще ни разу. Через 4 года из начальной школы для слабовидящих детей мы сделали 9-летнюю школу, еще через несколько лет – среднюю. Сегодня там учатся чемпионы Европы по конькам, легкой атлетике, там жизнь крутится. В прошлом году при содействии губернатора мы открыли новое здание с уникальным оборудованием.

У нас в районе есть школа-интернат для детей с ДЦП, в которой учатся дети со всей Челябинской области. Сегодня это целый комплекс, в котором детей не только учат, но и оказывают им профессиональную медицинскую помощь. Руководит этим учреждением Анатолий Степанович Захаренко – человек-легенда образовательной системы Челябинска.

Мы эффективно сотрудничаем с детскими поликлиниками. На основании их аналитической информации открываем группы в детских садах для детей с различными заболеваниями. Назовите мне любую патологию, я вам скажу, в какой детский сад мы отправим ребенка.

– **Вернемся к школе. Какими качествами должен обладать директор-профессионал?**

– Самое главное – он должен уметь работать с людьми. Учителя – это очень сложная категория людей, они очень ранимы. Директор должен быть и психологом, и политиком. И потом, надо понимать, что 96–97 % коллектива – это женщины. Создать психологический климат в коллективе – это для директора задача номер один. У школы должно быть свое лицо, и его определяет директор. И потому директор должен быть фигурой – авторитетной, профессиональной.

Еще одно немаловажное качество любого руководителя – это формулировка четких задач. Я всегда говорю директорам района: «Если вы не знаете, в каком состоянии ваша школа будет завтра, через год и через пять лет, вы ничего не добьетесь. Вы должны четко сами представлять, чего вы хотите, вы должны выработать грамотную стратегию и донести ее до своего коллектива. Коллектив вместе с вами будет знать, к чему он идет, и вы будете пошагово отслеживать и анализировать это движение».

– **Выбирали ли вы школы для старших детей? Сегодня вы бы хотели, чтобы ваш младший сын учился в Финляндии, например?**

– Нет. Он будет жить в России. Никто лучше родителей не знает своих собственных детей. И когда встает вопрос о том, какую профессию выбрать ребенку, родители должны принять самое непосредственное, активное участие в выборе. Я внимательно следил за успехами

старшего сына в школе и после 8-го класса настоял перейти в химико-биологический класс, а потом поступить в медицинскую академию. Он возмущался, не хотел. Приходилось настаивать, убеждать. Сейчас сын врач-анестезиолог-реаниматолог, живет и работает в Кёльне. Когда я приезжаю к нему в Германию, он всегда благодарит меня за мою настойчивость и много рассказывает о своей, теперь уже любимой, интересной работе.

Дочь гуманитарий, я ей сразу сказал: пойдешь на иняз, и мы стали предметно заниматься языками. Сейчас она владеет несколькими языками, тоже живет в Германии.

– **Вы, говорят, заядлый рыбак?**

– Рыбалка и охота – это хобби с давних пор. Ощущать все прелести рыбалки я предпочитаю на наших озерах, где водится карп,

окунь, карась. Охотиться мне интереснее на гуся, в отличие от утки, гусь – это хитрая птица, поведение которой непредсказуемо, что делает охоту более азартной. Также никогда не пропущу зимнюю охоту.

– **Как к вашим увлечениям относится семья?**

– Супруга принимает мои увлечения. Охота и рыбалка – это интересное, увлекательное занятие. Кроме того, у меня очень много друзей среди рыбаков и охотников, и, между прочим, это самые надежные люди. Я абсолютно убежден, что активный образ жизни, хобби, которое приводит к общению с интересными людьми, заряжает нас большой жизненной энергией.

«Вектор образования»

Виктор Чигинцев

ТРИЛОГИЯ СУДЬБЫ

Старик, прожив восемь десятков лет, однажды пробудился в раздумье: кто я, зачем топчу землю, ладно ли прожил? За эту его жизнь, потеряв первых четырех младенцев, истово молилась мать, искренне уверовав, что создатель услышал просьбы и оставил в живых пятого ее ребенка. Неожиданно для себя старик взял ученическую тетрадь в клетку и старательно вывел на обложке: «Книга I». Содержание трех школьных тетрадок, исписанных убористым почерком с «немецким акцентом», укрепило в мысли, что судьба любого, даже самого обыкновенного человека, копирует черты прошедшей эпохи. Поэт Михаил Лермонтов писал: «История души человеческой, хотя бы и самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа».

Жизнь обыкновенных людей драматична и поучительна. Взявшись за перо, лишь эту простую мысль пытался донести до потомков, своих внуков и правнуков, шахтер Александр Иванович Гробовский.

Книга 1

Немецкую колонию Новониколаевку, что под Новгородом Ленинградской области, разделяла на две половинки судоходная река Малое Волхово. В центре стояли церковь и школа, рядом лежало кладбище. Ниже по течению жили эстонцы, еще ниже финны. Жили дружно, а если и тужили, то по случаю войны, неурожая, смерти ближнего, уповая на милость божью. Занятия в школе шли на немецком языке, но в 1937-м, когда учителей обвинили в подрывной деятельности, репрессировали и частью расстреляли, стали обучать на русском.

Семья жила в просторном, на высоком фундаменте, доме. Держали скотину, садили огород. Отец работал председателем колхоза «Рот Фронт». Его мать по фамилии Эдгард, выйдя замуж за поляка, стала Гробовских, с ударением на втором слоге. До рождения Саши его родители работали паромщиками. Но работа была сезонной, и зимой, когда реку сковывал лед, отец с матерью занимались торговлей. Позже мать рассказывала, что после мобилизации отца на гражданскую войну

их, женщин, обложили «дровяным оброком». На своих лошадях ездили в лес, валили и крежевали деревья. После такой работы одежда женщин покрывалась ледяной коркой.

Автор рукописи пишет, как цыган их лошадь обменял на свою. Так одурачил отца, что уведя с подворья здоровую, крепкую лошадь, взамен оставил хромую. Пишет о том, как катались на коньках, и лучший друг Шурка соскользнул в полынью. Спасти его не удалось, потому как не умели делать искусственное дыхание. Увлеченно повествует, как в летнюю пору гоняли в ночное лошадей, и мальчишки были на седьмом небе от счастья. Помогая семьям, обдирали ивы по берегу реки, сушили корье и сдавали приемщику за гроши. Поздней осенью убирали картошку, зимой молотили хлеб. Приходило лето, и тогда купались в речке, собирали грибы, ягоды, воровали яблоки на хуторе Сметанинская Муза. Немецкая колония блистала чистотой и уютом, утопала в зелени садов, а тротуары по улицам мостились досками.

Упуская массу подробностей, перехожу к содержанию второй тетрадки.

Книга II

Впечатления отрочества и юности сотканы от пережитого «до» и «после» войны с фашистской Германией. На Новониколаевку безудержно

накатывал Волховский фронт. Однажды бомбежка застала в Новгороде, куда приехали за горючим для колхозной техники. Спрятались в подвале какого-то дома. Лошадь, испугавшись взрывов, сорвалась с привязи и убежала. Рядом с магазином у Федоровского ручья бомба попала в наспех построенное бомбоубежище, набитое людьми, как улей пчелами. Саша видел изуродованные тела, оторванные руки и ноги. Пришло новое большое горе, от плача стонала новгородская земля.

В один из дней, собирая в питомнике смородину, мальчишки увидели, как из подбитого зенитчиками самолета выбросился на парашюте летчик, приземлившись в посадках неподалеку. Услышав немецкую речь новониколаевских пацанов, он сам вышел из кустов. С летчиком разговаривал местный дед, не годный к службе по здоровью и возрасту. Подмигнув своему внуку, он «заговаривал зубы» немцу до тех пор, пока не подоспели красноармейцы. Автор рукописи вспоминал, как искренне обиделся летчик: «Я думал, что вы немцы».

От крупной спелой смородины обвисали кусты. Собирали ягоду ведрами. Колхоз «Рот фронт» держал пасеку. И ягоду, и мед сдавали в госпиталь. Фронт подошел совсем близко, бои шли уже в Новгороде, а колонисты-колхозники спешно молотили рожь. Так рано, в августе, ее не молотили никогда. Через реку переправлялись войска, а немцы бомбили переправы минами. В лесу за Новониколаевкой стояла артиллерийская часть, обрабатывая занятый немцами противоположный берег реки. Как-то вечером, еще не село солнце, наши солдатушки пошли на штурм вражеского берега. Пулеметы фрицев расстреливали их в упор. На фоне багрового заката река казалась красной от крови.

В такой обстановке прожили месяц. От взрывов и осколков гибли мирные люди. Саше осколком оцарапало висок, от случайного ранения в шею скончался соседский парень, на глазах убило девушку, перебежавшую улицу. Дядю Федю, жившего напротив, ранило в ногу и его увезли в поселок Савино, где размещался госпиталь. Его эвакуированная семья жила после войны в поселке Лазурном Краноармейского района. Но о дяде Феде больше ничего и никогда не слышал. Он пропал без вести.

Семье Грабовских повезло. Сумев вырваться из пекла войны, они эвакуировались на Урал. Отца привезли в трудармию. Сожалею, что нет возможности рассказать о всех мытарствах и приключениях, описанных во второй тетради. Дорога на захваченной врагом новгородчины до шахтерского Копейска была невообразимо трудной, а порой трагичной. Семья голодала и побиралась по башкирским деревням, когда в начале 1944 года пришел вызов от отца-трудармейца.

Книга III

По шпалам железной дороги, по обмяк-

шему мартовскому снегу шла изможденная голодом семья Гробовских – мать и трое ее детей. Они добровольно шли в охраняемую зону, за колючую проволоку, поскольку идти было больше некуда: повсюду преследовал жестокий голод.

Над землей, почти сливаясь с ней, торчала крыша барака. Топчаны в два ряда, печки, сушилка. Начальник барака Федор Шнайдер – добрый и мудрый человек, его помощник Яков Эпп – зверь, двое братьев Вальтеров – палачи. Они жестоко избивали нарушителей и «вольнодумцев», сажая их в погреб, прозванный гауптвахтой. Лагерь был обнесен «колючкой», но вооруженную охрану к концу уже сняли.

В зону пришли 19 марта, а 24-го Саша спустился в шахту. Было ему 16 лет. Сестренку Катю пристроили прачкой, маму – уборщицей, а отец, травмированный в шахте и угасающий на глазах, выполнял обязанности дневального по бараку. Маленькая сестра Лиля получала 300 гр. хлеба, сестра Катя и мама по 800 гр., а Саша – 1,2 кг. Не верилось, что наконец-то стали есть свой хлеб, а не нищенствовать по деревням.

Спускались в шахту и выходили на-гора по людскому ходу. Клеть выдавала уголь, породу, травмированных и погибших. Работал Александр по 8 часов, а когда освоил профессию слесаря, стал трудиться по 12 часов.

Здесь, в шахте, парню доверили самостоятельное дело, и он был счастлив. Угледобыча держалась на спецпереселенцах, репрессированных немцах, узбеках и русских из числа молодежи, прошедшей фабрично-заводское обучение. Но жили одной семьей, работали дружно. Промышленность тыла, ковавшего Победу, требовала большого угля.

Автор рукописи подробно описывает подземное обустройство шахты, рассказывает о коногонах, конюшнях, «меню» людей и лошадей. Животина в шахте была справной, питания требовала полноценного и, в отличие от людей, более восьми часов работать отказывалась. То есть, знала себе цену. Прицепят коногоны сверх нормы седьмую вагонетку вместо шести – ни за что не повезет. У людей иначе... кто больше вез, на того больше грузили.

«Вынесем все и широкую, ясную грудью дорогу проложим себе...» Не знал Александр Гробовских этих некрасовских строк, но «дорогу» прокладывал. Сменив дюжину ветхих и тесных жилищ, построил дом, посадил сад, а умершего сына-первенца ему заменили три дочери – Вера, Надежда, Любовь. Все получили высшее образование, радуют отца-шахтера внуками. Ходил Александр Иванович в стахановцах, передовиках производства, был победителем соцсоревнования, ударником советских пятилеток, награжден орденом Знак Почета. Во всех делах была ему помощницей и опорой жена Елена Петровна.

Тихо, спокойно, уютно в доме. Летом лучше, чем зимой, есть к чему приложить натруженные руки. И пусть часы жизни, фиксируя

неумолимый бег времени, отчитывают девятый десяток лет, Александр Гробовский твердо держит перо в руках. Работа над рукописью «трилогии» помогла ему лучше изучить древо

жизни, освежить память, упорядочить мысли, понять «вкус» прожитой жизни. Вкус этот – горькосолёный. Была ли чья-то иная жизнь сладкой?

Виктор Рискин

РОДНОЕ ГНЕЗДО ОТТО ГОРСТА

Он был трудармейцем и строителем «Маяка»

Упряжка от Черномырдина

В квартире Отто Фридриховича Горста мы увидели оригинальную резную композицию – каюр на собачьей упряжке. Выполнена из моржового бивня.

— Подарок Виктора Степановича, – как бы невзначай заметил хозяин квартиры, – того самого, Черномырдина. Тогда он еще не был премьером, а пребывал в должности начальника Газпрома. Наше Южно-Уральское строительное управление, в котором я работал заместителем начальника, поставляло железобетонные фундаменты на газопровод «Уренгой-Ужгород». Поставки были приличные. Однажды, где-то в восьмидесятых годах, я был по делам службы в Тюмени. Мне сообщили, что со мной хочет увидеться Черномырдин.

Главный «газовик» СССР встретил Горста очень приветливо. Такого приема посланец тогдашней «сороковки» явно не ожидал: о Черномырдине ходили слухи, что он жестковат. Подчиненные его побаивались.

— Мне нередко приходилось бывать в высокопоставленных кабинетах, – вспоминает Горст. – Обычно их обитатели даже не привставали навстречу посетителю. А Виктор Степанович встретил меня у двери, пригласил к приставному столу, а сам сел напротив. Говорили мы об увеличении поставок блоков, а потом он поинтересовался, нет ли у меня каких-либо просьб. Я к такому обороту не был готов, но без всякой надежды на успех попросил продолжать поддерживать нас цементом и арматурной сталью. В то время все это было строго лимитировано. Потом, расхрабрившись, намекнул: мол, не мешало бы подкинуть и экскаваторов, дефицит которых сильно сказывался на работе ЮУС. Он тут же распорядился подготовить экскаваторы к отправке. Заодно поинтересовался: «Может, вам и бульдозеры нужны?» Я подумал, что он надо мной подшучивает, а потому решил подыграть, попросив прибавить к списку и компрессоры. Короче говоря, не успел я приехать домой, как в наш адрес стали поступать эшелоны с цементом, арматурой, экскаваторами, бульдозерами и компрессорами. А вдогонку Черномырдин послал еще и автомашины.

— О Черномырдине сложилось прочное мнение, что человек он, мягко говоря, странно-ватый. Кажется недалеким, даже туповатым. А о его косноязычии уже анекдоты ходят. Каким он вам показался?

— Очень деловым, очень знающим, достаточно владеющим устной речью.

— Вы его теперь видите больше по телевизору. Вам не кажется, что тогда он был на своем месте, а в роли премьер-министра и тем более посла себя потерял?

— Он себя не потерял. По-моему, мы его потеряли. Если бы он по-прежнему возглавлял Газпром, дела бы шли куда как лучше.

Последнее танго

От подарка Черномырдина наш взгляд упал на стенку, где одиноко и сиротливо висела небольшая скрипочка.

— Полвека так висит, – покивал головой Горст, – а когда-то я на ней играл в студенческом джаз-оркестре. Сюда я приехал 19 февраля 1946 года. Мне ее выслали из Саратова, где я до войны жил и учился. Здесь еще немного поиграл и окончательно повесил на стенку. А знаете, что я на ней исполнял. Вы, наверное, будете смеяться: танго. Почему больше не беру в руки? Так некогда было. По 15 часов приходилось работать. А почему висит на стенке? Она для меня – реликвия, память моей юности: Несколько дней назад по радио была передача о танго. Так я прослушал от начала до конца.

Последнее танго для Отто Фридриховича прозвучало в 1941 году после драконовского приказа Сталина. «Отец всех народов» убоился, что немцы Поволжья поддержат Гитлера, если тот придет на Волгу. И вот, без всяких ссылок на возраст, положение, болезни, их гнали на станцию, грузили в товарняк и через Каспий – в Сибирь, Казахстан. Всех – молодых, пожилых, женщин, детей. Без еды и воды. По две-три недели. Доехали не все. Посреди поля состав останавливался, выгружали умерших, и поезд шел дальше на восток.

За Горстом пришли в выходной день. Он тогда работал инженером в Саратове, в «Сельэлектро», был на хорошем счету, подавал надежды. Но кого все это интересовало?! Людей делили не по профессиям и достоинствам, а по сортам. Руководили нами «селекционеры»-параноики.

В энциклопедии «Инженеры Урала» есть статья и о Горсте. Там сказано, что в 1941-1945 годах он работал прорабом, начальником участка в Саратовской, Семипалатинской, Молотовской, Куйбышевской областях. И ни намек, что был репрессирован, выслан по

этапу только за национальность. Что пять лет провел в лагерях, в так называемой трудовой армии! А ведь эта книга издана два года назад с весьма благой целью – назвать поименно подлинных инженеров, новаторов, трудяг, двигателей технического прогресса. Кстати, фамилия Горста в числе всего пяти первостроителей атомного комплекса. Неужто до сих пор мы стесняемся сказать правду? Не потому ли, что и по сей день живы люди, делящие россиян на чистых и нечистых, на своих и чужих?

Но это так, к слову. А тогда, в августе, два милиционера предупредили Отто о высылке. Его молодой жене извиняющимся тоном заявили: «Вы можете остаться». Но она, побледнев, ответила категорично: «Исключено. Куда он, туда и я!»

Мост над головой

Сначала молодую семью пригнали в деревню под Новосибирском. Но тут Отто нашло письмо его старшего брата Павла из Казахстана. Он тут же попросился поехать к нему, где и устроился работать техником ирригационных систем – по основной институтской специальности. Однако через год объявили набор в трудармию. Казахских и других немцев мобилизовали в Соликамск, где строился мощный пороховой завод. На большие должности трудармейцев не назначали, но и в чернорабочих инженеров не держали.

— Жили мы в больших бараках с двухэтажными нарами, – рассказывает Отто Фридрихович, – режим – лагерный. Но справедливости ради надо сказать, что обращались с нами довольно по-человечески: кормили по-армейски, хотя работать заставляли по девять-десять часов, без выходных. Все понимали, что идет война, у нас общий враг, и каждый на своем месте должен ковать победу. Поэтому ни у кого никаких обид не было, ни попытки саботажа.

Специалистов лагерное начальство ценило. Доверяло, выпускало за территорию лагеря. Охранники были, но держались поодаль. Начальство повыше поручало строить ответственные объекты. Например, мост через приток Камы. Прорабом стройки назначили Горста. Мост был из дерева, но отнюдь не пешеходный, а железнодорожный. Когда объект был готов, из Молотова приехали важные люди. Они объяснили трудармейцу Отто, что есть у русских инженеров такой обычай – первый состав пропускать над своей головой. Горст без колебаний спустился с насыпи и встал под настилом. Машинист с подручным на тихом ходу подогнали состав, выскочили из кабины и пробежали вперед. Паровоз, громяхая на стыках, преодолел 18-метровый участок. Ни одна шпала не прогнулась. Самый важный начальник прилюдно пожал трудармейцу Горсту руку.

Из трудармии – в «секретку»

Трудовая армия шла к своему финалу. К 1945-му году статус Горста повысился – он работал начальником строительного участка. Может, светила ему и куда большая командная должность, но победившая страна уже не нуждалась в профессионалах на правах заключенных. Она искала специалистов, чтобы назвать их свободными гражданами и загнать за куда более строгую «колючку», на строительство атомного объекта. Но об этом Отто Фридрихович даже не догадывался. После освобождения он поехал в пригород Москвы, где его ждала жена. И тут оказалось, что бывшему трудармейцу ни в столице, ни рядом с ней жить нельзя, а прописаться тем более. Как никак, а почти враг народа, пять лет провел в лагерях.

И тут последовал очередной алогизм сталинской власти. Горста направляют в распоряжение «Челябметаллургстроя», а уже оттуда командируют в «сороковку». Получается: к Москве ему приближаться никак нельзя, а вот секретней объект возводить – за милую душу.

Забыли мы спросить у Отто Фридриховича, сгодился ли ему в работе строителя-атомщика опыт трудармейца. Но в одном совершенно уверены: высокое начальство не проиграло, поставив именно Горста на высокую должность в управлении строительства. Пример с тем же Черномырдиным – лишнее тому свидетельство. Другое свидетельство – ордена и медали, которыми государство жаловало инженера, как бы извиняясь за прошлые обиды.

Сейчас Горсту 87 лет. Память его свежа, юмор присутствует. Вот разве ноги подвоят. Но это не повод, чтобы жаловаться на жизнь. Хотя оснований сколько угодно. Можно погрузиться, что не по своей воле покинул и никогда не вернулся в родное Поволжье, что на пять лет был разлучен с женой, что «пятая графа» долгое время сопровождала его, как проклятье. Что, наконец, было разрушено его родовое, родное гнездо (один из вариантов перевода фамилии Горст на русский язык – родное гнездо, другой вариант – возвышенность). Отто

Фридрихович восстановил разоренное гнездо. У него с женой двое детей, двое внуков и двое правнуков. И теперь с высоты своего возраста, своей мудрости он оценивает прошлое и прожитое как данность, которую не отменить, через которую не перешагнуть. Надо просто перечитать написанные страницы и смириться. Другого не было дано. А размышлять, что было бы, если бы: Это не для него. Не для человека, который был первостроителем «Маяка», конструктором железнодорожного деревянного моста, трудармейцем, а если еще дальше, то скрипачом, играющим танго. И мы надеемся, что Горст еще возьмет в руки скрипку. Вот только на смычок надо натянуть струны: прежние из конского волоса окончательно износились.

Светлана Долгушева

ВИКТОР ГРИНИМАЕР,
РУКОВОДИТЕЛЬ МАГНИТОГОРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «ОБЩЕСТВО НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»:
«ДВЕ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА ПОДОРВАЛИ
БРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ
И НЕМЦАМИ, КОТОРЫЕ СУЩЕСТВОВАЛИ ВЕКАМИ»

Виктор Александрович – автор нескольких литературных сборников, составитель и редактор еще нескольких сборников, в том числе – рассказов о войне и военном времени, и книги «Всему вопреки». Награжден медалями «За 10, 15 и 20 лет безупречной службы» (1976, 1981, 1986 гг.), «60 лет Вооруженных сил СССР» (1978г.), «70 лет Вооруженных сил СССР» (1988 г.), «Патриот России» (2007 г.).

Великая Отечественная... Что принесла она тем народам, которые проживали до ее начала на территории России? Кто такие российские немцы? Кто и почему не дал им возможности защищать свою Родину – Россию – в Великой Отечественной войне против фашизма? Кто такие трудармейцы? Сколько их пережило ту войну и как они теперь относятся к Германии?

Об этом – в нашем интервью.

– Виктор Александрович, когда я читала ваши рассказы, мне казалось, что вы пишете о себе. Такое впечатление, что вы воевали во время Великой Отечественной войны, хотя на самом деле родились два года спустя после Победы. Откуда вы так много знаете о войне, о жизни в тылу?

– О войне – в основном от людей, из их воспоминаний. А о жизни в тылу, о людях прошедших через трудармию – от родных и близких, от их знакомых. У многих возникает такое же впечатление, как у вас. Наверное, потому, что пишущий человек вкладывает себя в то, о чем пишет, проживает историю героев вместе с ними. Сказалось и то, что я кадровый военный. Как спецпереселенец, я не смог получить фундаментального военного образования, поэтому ушел в запас, а теперь и в отставку в звании майора. Тем не менее за время службы я хорошо узнал специфику военных взаимоотношений. Все эти составляющие помогают мне в написании книг.

– **Как вы, русский немец, относитесь к Великой Отечественной войне?**

– На мой взгляд, две мировые войны XX века подорвали братские отношения между двумя народами – русскими и немцами, которые существовали между ними веками. Если проследить историю вглубь веков, то можно это очень четко увидеть. Именно дружба между нашими народами привела в свое время на Русь очень многих немцев.

– **Когда, на ваш взгляд, начались эти взаимоотношения?**

– Еще со времен Киевской Руси – при князе Игоре, при князе Олеге, при великой княгине Ольге. У меня есть рассказ «Карл Ингелот». Это немец, который возглавлял одну из дружин князя Игоря.

– **Есть такое мнение, что в стародавние времена не только русские, белорусы и**

украинцы, но и немцы, и французы, и многие другие европейцы были одним народом. Как вы к этому относитесь?

– Вполне положительно. Я так говорю: «Казалось бы, русские, белорусы и украинцы – те, кто сейчас называется славянами, – должны быть между собой ближе, чем немцы, например, с англичанами. Но я лично убежден, что между русскими и немцами больше единства, чем между, казалось бы, более близкими для них народами.

– **В чем именно это проявляется?**

– В основательности характеров, в жизнестойкости. Как человек военный я обращаю, в первую очередь, внимание именно на это. Хотя есть, конечно, и какие-то различия, которые сложились позже, в ходе исторического развития: у немцев выработалась такая черта характера, как педантичность, а к русским перешла от азиатов такая черта, как вальяжность. Но в фундаментальных моментах я вижу абсолютное сходство. Иногда на встречах с молодежью ребята задают мне такой провокационный вопрос: «Как вы относитесь к выражению «Что русскому хорошо, то для немца смерть?» На что я отвечаю: «Конечно, когда современные германцы (а для меня немец и германец понятия совершенно разные) приезжают в Россию, они с большим трудом понимают наше поведение. Но верно ведь и обратное: русские люди вряд ли смогут быстро приспособиться к их законам».

– **А много русских немцев уехало за последние годы в Германию?**

– При том что в России до 90-х годов прошлого века проживало 2 миллиона русских немцев (там их, конечно, называют русскими), в Германию их уехало уже более трех миллионов. И здесь, в России, их почти не убавилось!

– **Почему так получилось?**

– Многие немцы в России давно живут в смешанных семьях. Долгое время многие боялись признаться в том, что они немцы и меняли свои фамилии на русские, а когда вышло разрешение на выезд в Германию, начали снова восстанавливать их.

– **Я читала ваш рассказ о рядовом Келлере, которому по ошибке в начале войны записали фамилию как Келлеров. Благодаря этому он смог защищать свою Родину – Россию – до конца войны, а когда в дни празднования Победы на радостях признался, что он немец, его, несмотря на медали и ордена, сослали на Урал.**

– И это далеко не случайность. Такое случилось в те годы очень часто. И даже срывали награды, если депортированный смел что-то возразить. У меня еще не написан рассказ об одном немце из Азербайджана, который, оказавшись в трудармии, сбежал оттуда, пробрался на фронт и стал воевать, взяв фамилию своего друга азербайджанца, который к тому времени уже погиб. Долгие годы жизни в Азербайджане сказались на его внешности – он стал смуглым, хорошо знал не только русский и немецкий, но и азербайджанский. К концу войны он стал Героем Советского Союза.

– **Почему вы считаете, что германец и немец – не одно и то же?**

– Потому что немцы – это выходцы из разных княжеств, графств и курфюрств Европы, поскольку Германии как государства во времена их переселения в Россию еще не существовало.

– **Виктор Александрович, расскажите о себе, о своей семье.**

– Я родился в спецпоселении Челябинской области в Еткульском районе. Мама моя была трудмобилизованной ссыльнопоселенкой.

– **А когда ваша семья впервые приехала в Россию?**

– Все мои предки приехали с различных территорий центральной Европы в Россию в 1765-67 годах по просьбе Екатерины. Тогда нужно было срочно заселить пустующие территории крестьянами из Европы, которые передали бы свой опыт соседям. Большинство из моих предков переехало тогда из княжества Изенбург возле Франкфурта-на-Майне в саратовское Поволжье, в местечко Голый Карамыш. Они образовали колонию, которую называли Бальцер по имени выбранного ими первого шульца (старосты) колонии – швейцарца Бальцера Бартули. К началу Октябрьской революции колония разрослась до города, который сегодня называется Красноармейск. Когда мама, отмечаясь у коменданта, говорила, что родилась в немецкой колонии Бальцер, она имела большие неприятности.

– **Откуда вы так подробно знаете об этом?**

– Когда я был в Энгельсе – бывшей столице республики немцев Поволжья, то нашел документы всех моих предков по материнской линии с момента их заселения и до револю-

ции. А дальнейшую историю семьи я знал уже из рассказов родственников. Кроме того, в русско-немецком доме в Москве есть книга, в которой я нашел списки всех немецких переселенцев, датированные 1768-м годом. В этой книге подробно описано, кто и откуда прибыл, каков был состав их семей и что они получили здесь от матушки Екатерины. Среди прочих фамилий я нашел там всех своих родственников. До 1941 года мои предки жили в Бальцере.

– **Вы часто в своих книгах говорите об Одессе. Почему?**

– Если не говорить о тех немцах, которые приезжали в Россию по приглашению Петра I и как специалисты жили в городах, то массовых переселений немцев в Россию того времени было два. Первое составляли поволжские немцы – Екатерининские, а второе – причерноморские, которые были приглашены Александром I. Тогда турецкая крепость была отвоевана у турок, и надо было ее осваивать, но людей не хватало. И началась новая вербовка. А сибирские и уральские немцы – это уже дочерние колонии немцев. Одесса, где до войны жили причерноморские немцы, – это пример территории, которая была захвачена фашистами, и на которой оставались советские немцы. Их не успели выселить. Эта территория была оккупирована румынами, которым германцы запретили заходить на немецкие территории. А когда наши войска начали их освобождать, то германцы решили депортировать русских немцев в Германию. Дело доходило до расстрелов: русские немцы не хотели покидать свою Родину.

– **Вы были в Одессе?**

– Да, мне повезло побывать на трех исторических семинарах. Один из них проходил в Одессе. А в 2007 году семинар проходил в Саратове и в Энгельсе. Я съездил в Красноармейск, постоял возле родительского дома. Он, конечно, очень запущен, но стоит под тем же номером, что и раньше. Чувства я испытывал, конечно, очень сильные: кроме меня из всех моих родственников побывать там после депортации удалось только двум моим дядям и старшему двоюродному брату. У меня есть рассказ, в котором я описываю, как его, семилетнего, подвесили за ноги к дереву и хотели выколотить из него признание, что он фашист. Нашего возвращения на малую Родину, конечно, никто никогда не ждал. И в 90-х годах я даже писал статью, в которой объяснял, что никто из нас не собирается забирать свои дома у тех, кто в них живет, и просил, чтобы нам разрешили хотя бы вернуться домой. Мы бы сами себе все заново построили. Но этот вопрос до сих пор не решен: мы можем поехать жить куда угодно, даже в Германию, но только не на малую Родину.

– **Каким вы помните свое детство? Что больше всего повлияло на ваше мировоззрение?**

– Несмотря на то, что мы были ссыльнопоселенцами, я помню свое детство прекрас-

ным. Мы босиком бегали по своему Лесному, которое до войны было отделением совхоза-гиганта. Население Лесного доходило до 1000 человек. Половину из них составляли наши трудармейцы, другую половину – раскулаченное коренное население с хуторов и заимок и военнопленные. Конечно, сейчас, когда я знаю, как можно жить, я могу сказать, что мое детство было очень бедным, но тогда мы были счастливы. Часто ходили по грибы, которых в округе было очень много, и работали. Нас с пеленок воспитывали в труде. Мама еще до войны выучилась в Москве на швею и работала в Бальцере на трикотажной фабрике. Она и в Челябинск попала как швея: ее привезли в него из Алтая, где она была в ссылке. А в Лесном она оказалась совершенно случайно: весной началась посадка картошки, и фабричных девчонок отправили на помощь селу. Потом началась прополка. Потом копка... И в середине этой эпопеи понадобилась телятница. Мама сказала, что умеет доить, и ее взяли ухаживать за телятами. А когда всех повезли обратно в Челябинск, управляющий совхозом не захотел отпускать маму: ужочень она хорошо работала. Его заставили написать акт о сдаче-приемке работника, и мама осталась в Лесном. Вот так запросто тогда распоряжались людскими судьбами. Мама постоянно работала, а рядом с ней и мы, дети, все время были в труде. Когда старший брат ушел в армию, мне было восемь лет, и я остался в доме за старшего мужика. Вдвоем с пятилетним братом мы заготавливали на зиму дрова. А в 12 лет я уже начал косить сено.

– **Кто-нибудь из ваших близких был на фронте?**

– Никто не успел. Добровольцы были, но с самого начала призыв был ограничен, и их не взяли. А потом всех сослали. Но в армии, на фронтах было около 40 тысяч российских немцев. Например, старшина Мейер, о котором у меня написан рассказ, погиб, защищая Брест. Среди защитников Бреста было 200 российских немцев, в том числе командир полка майор Дулькейт. Только из немецкой республики Поволжья на фронтах воевало 16 тысяч человек. Но мало кто из них дожил до конца войны: кому не «посчастливилось» погибнуть, тот вскоре оказался в трудармии, где люди гибли даже чаще, чем на фронте. По статистике, более 10 советских немцев стали Героями Советского Союза, в том числе московский немец Николай Гастелло. И даже был командующий армией – Волькинштейн. Но почти всех российских немцев осенью 1941 года из армии изъяли. Остались только те, за кого ходатайствовало высшее начальство, или те, кого не заметили в суматохе. Но изъятие продолжалось до конца войны и даже после нее.

– **Кому легче жилось в тылу – пленным германцам или русским немцам?**

– Если смотреть по внешним признакам, то военнопленных германцев охранял человек с ружьем, и трудоармеец тоже был за

ограждением. Разница состояла в том, что военнопленному – хоть советскому там, хоть германскому здесь – легче было потому, что они именно военнопленные. Их хоть как-то защищали международные законы. И они все-таки находились во вражеском плену. А тут люди безо всякой вины в плену у собственного государства! Им было морально тяжелее. Поэтому и смертность среди трудармейцев была значительно выше, чем среди военнопленных. Но труднее всех, на мой взгляд, было детям трудармейцев. Например, отца моего старшего брата забрали в 1942 году в феврале, а маму – в ноябре того же года, накануне шестилетия Волика. По постановлению, по которому забрали маму, Волик считался взрослым, так как ему было больше трех лет. Маму поставили в строй и увели, а его сдали в колхоз чужим людям. При этом у него не было ни одежды, ни средств к существованию. Таких, как Волик, было много, и все эти ребяташки пошли побираться. У нас в городе есть такие немцы, которые прошли через это. Волику повезло: его через пять лет нашел один из наших дядей. Но мой брат никому ничего так и не рассказал: не хотел беречь прошлое.

– **У вас не возникало озлобления по отношению к России и советскому правительству?**

– Нет. Я видел людей озлобленных и даже знал их, но им очень тяжело жилось на белом свете. Они культивируют в себе эту озлобленность. А в нашей семье все были жизнерадостными, жизнелюбивыми. Они даже о том, как умирали, всегда рассказывали с юмором. Но за счет этого и выжили! А те, кто допускал в себя озлобленность, – погибали. Если не от нервов, то от побоев: неволя – в ней у трудармейцев не было никаких прав. Осенью 1942 года возникла потребность расширить контингент призыва в трудовую армию: до этого времени руководство не очень рачительно относилось к «трудовому материалу». Здесь, в Магнитогорске, в трудармии оказались не только немцы, но и почему-то узбеки. В первый же год они все погибли, и к осени работать уже было некому.

– **Как вы относитесь к тому, что между собой воевали две ваши Родины – та, где живут ваши предки, и та, где родились вы?**

– Я всегда говорю, что моя Родина – Урал. Моя прародина – Поволжье. А моя прапрародина находится в Европе. И эта Прапрародина слишком далеко от меня – и в пространстве, и во времени. Наши предки, уехав оттуда, потеряли со своей Родиной всякие связи. У меня даже есть рассказ, который называется «Буш – в Америку, Буш – в Россию». Это два брата, которые не смогли договориться о том, куда же им ехать. В результате один из них поехал в Россию и оказался в Бальцере, а второй уехал в Америку. И теперь можно предположить, что потомок одного из Бушей стал президентом, а второй был закопан в каком-нибудь из

оврагов Сибири. XX век поставил две великие страны – Россию и Германию – друг против друга. И если в первую мы могли бы вообще не вступать, то что касается Отечественной войны... Плохие были ученики у Бисмарка – он жил в России, знал ее и предупреждал их: «Никогда не воюйте с Россией». Но война – это большая политика... Однажды мама отчитала военнопленного возчика, который работал с ней: «Зачем вы к нам пришли! Из-за вас мы в таком положении оказались!» На что он ей ответил: «Мы же подневольные – куда нас погнали, туда мы и пошли!»

– **Как вы стали магнитогорцем?**

– По долгу службы. У меня окончился очередной этап службы в Уфе, и меня перевели сюда.

– **Как вы относитесь к городу, в котором есть кварталы, построенные пленными немцами?**

– Хорошо отношусь. Их же надо было чем-то занять! И в то, что у нас здесь построено, ими вложен только их трудовой пот. Ну и, может быть, качество. А планировку-то делали не они! Это заслуга архитекторов.

– **Когда-то по всей России были разбросаны немецкие села. Сейчас в России почти не осталось этнических немцев. Как, по-вашему, почему они предпочли уехать?**

– Да, когда-то у русских немцев были прекрасные села, которые утопали в садах. Сейчас в них живут другие люди. Но то, что многие из немцев уехали, было их ошибкой. Многие из них осознали это и вернулись бы – да было бы куда! В Ульяновской области есть деревня, построенная по договору с Германией для немецких переселенцев из Азии. И там уже живут немецкие семьи, вернувшиеся из Германии. Но самую большую ошибку допустило наше государство, пустив это дело на самотек. Потери мы, я считаю, понесли колоссальные.

– **А у вас не было желания уехать?**

– Нет, никогда. Я и сам не хочу зачахнуть на чужбине, и своей жене не дам этого сделать. Она русский человек, не знает немецкого языка, и без общения не сможет там жить. Да и чем бы я там занимался? Меня спрашивают: «Ехать или не ехать?». И я говорю: «Езжайте! В гости!» Прежде чем уехать куда-то, надо посмотреть, куда ты едешь. Там чужой уклад, чужие законы. Да, социальная сторона жизни у них развита. Но не хлебом единым... Все наши переселенцы теряют в Германии свою квалификацию. Если здесь ты известный врач, то там – санитар, если в родном совхозе ты главный зоотехник, то там – упаковщик и т.д. А это то же унижение, что было здесь.

– **Когда вы начали писать свои книги?**

– Еще когда писать не умел. Но все это было в уме. Особенно долго меня мучил рассказ «Счастливая собачья жизнь» – пока я его не записал. А писать начал я уже здесь, в Магнитогорске, в восьмидесятые годы.

– **Когда вы хотели стать историком...**

– Меня до сих пор интересует все, что когда-то происходило. Я и краеведением занимаюсь, и историей своего народа, и историей своего Отечества, и мировой историй.

– **Всегда ли совпадает ваше мнение об истории с официальным мнением историков?**

– Нет, конечно. Один из знакомых сказал мне как-то: «История – наука точная». На что я ответил ему, что да, она настолько точна, что при каждом новом князе, при каждом новом генсеке она переписывается начисто. Поэтому более гибкой науки, чем история, я не знаю: она приспосабливается к любому правителю в любые времена.

– **Как много этнических немцев проживает сегодня в Магнитогорске?**

– Когда мы в 90-е годы создавали немецкое общество, насчитали их около двух тысяч, хотя по официальной версии переписи их было около 800 человек. Хотя здесь, как я уже говорил, разница в цифрах будет всегда.

– **Что, на ваш взгляд, меняется сегодня во взаимоотношениях между Россией и Германией? Что вас радует в них, а что нет?**

– Радует то, что тяга наших стран друг к другу была и остается. Но меня огорчило приглашение союзников на парад. Мне кажется, что это нехорошо. Этим мы приближаем одних и отталкиваем других. В том числе и германцев.

– **Вы наверняка дружили и дружите с теми, кто воевал в Великую Отечественную войну сам или является сыном ее участника. Бывают ли у вас споры по поводу взаимоотношений между Россией и Германией? О роли двух наших стран в развитии произошедших событий?**

– Нет. Да тут и не может быть споров. Если адекватно воспринимаешь то, что происходило и происходит, то и споров нет. Люди грамотные, толковые понимают, что мы – один народ: советский. И смотрим на все одинаково. Другое дело, что внутри нашей страны необходимо сохранять традиции каждого народа. И учиться друг у друга.

– **О чем вы мечтаете?**

– Если говорить о творчестве, то чтобы кто-то напечатал мои произведения. А если о взаимоотношениях, то чтобы не было таких глобальных противоречий между народами, которые приводили бы к великим трагедиям.

ВЛАДИМИР ГИНТЕР

Немного о себе

Я родился 6 августа 1958 года в городе Копейске Челябинской области в шахтерской семье Гинтер Отто Александровича и Натальи Ивановны.

Окончил среднюю школу в поселке Северный рудник. После службы в армии закончив Челябинский автотранспортный техникум, в 90-е годы ушел в предпринимательство.

Свои произведения я посвящаю российскому предпринимателю, его трудностям и казусам, разбавляя коммерческий быт популярными притчами, былями и анекдотами в своей интерпретации. Более краткой формой изложения моей мысли являются афоризмы, которые также представляю на ваш суд, уважаемый читатель.

И еще хотелось бы сказать, что какие бы я ни брал темы в изречениях своих, касаясь жанра бизнеса, будь то корпоративная культура, менеджмент, маркетинг, логика, продажи и десятки других для жизни и работы очень важных тем, все они элементарно подчинены науке, которую многие предприниматели игнорируют, тихо ожидая «медленного успеха».

Для тех же, кто решил для себя с успехом породниться, то прошу вас пожаловать в страну личной продуктивности, которая поможет, коль желание найдёте, жизнь вашу изменить.

С уважением, Владимир Гинтер

● ● ●

Человек рождён быть дважды:
Вначале в муках на свет божий.

А после:

знания-старания,
либо безделье и непонимание
в мир выводят личность благородную,
либо ничтожность чужеродную.

● ● ●

Что в ад, что в рай.
В успех и в неудачу
тропы отдельные ведут.
Тебе об этом думать,
тебе всё это выбирать.

● ● ●

С кем поведёшься,
от того и наберёшься.
С друзьями честными,
судьба сама становится честна.
Со сплетниками – интриганами,
заинтригованна и тяжко сплетена она.

● ● ●

Нас невозможно самоуважения лишать, конечно, если сами не готовы его легко отдать.

Именно готовность уступать, да и покорность в том, что с нами происходит, наносит нам ущерб, причем намного больший, чем сам процесс безропотного подчиненья, покорства или смирения.

● ● ●

История России – борьба дремучести с несправедностью.
И результат всегда один:

Чужой и свой народ почесывает руки, как на халаву у страны, казалось бы богатой, кусок

рвануть послаще и жирней.

Свой воровством страну разрушить помогает,
Чужой войною неустанной разъедает.

А вот построили социализм, но результат опять один:
На гербе серпимеется, на гербе молот есть.
Хочешь – жни, а хочешь – куй, все равно воюй-воруй.

● ● ●

Мало, все-таки, людей, кто в судьбе своей большую эффективность достигает.
Лишение широты мышления является препятствием того.

Цель эффективная изначально направлена на результат, а не на действие,
И определяет точку конечного пути.

К тому же эта цель данные всегда представит важные,
что сможет вам помочь добраться до места назначения
и знать вам даст, когда ее достигнет, когда ее возьмет.
Из жизни, если взять пример, то это бой боксеров.

● ● ●

В природе нашей происходят вещи разные.
Но волновать должны нас три:
Держаться истины, и заблужденья отстранять
И, все, что неизвестно – о том не рассуждать.

Виктор Чигинцев

«ПОДАРКИ» ПАЛЕОЗОЯ»

Хочу я рассказать о созидателе земли, предпринимателе и увлеченном человеке Владимире Оттовиче Гинтере. Этот герой интересен тем, что на заброшенном глиняном карьере создал базу отдыха «Баден Баден», преобразив «лунный ландшафт». Там, на облагороженной стараниями людей берегу карьера, я увидел камни – останки окаменелых деревьев с рисунками годовых колец, отпечатками древних растений, чей возраст исчисляется миллионами лет.

Палеосад Владимира Гинтера

Очередная наша встреча с музеем под открытым небом, садом окаменелых деревьев палеозойской эры, созданном Владимиром Гинтером, произошла совсем недавно. И я снова с любопытством всматривался в почерневшие «мумии» деревьев, превратившихся в камень, в космическое «далеко» посланцев палеозоя.

Камни неотъемлемая часть ландшафтного дизайна. Они – в малахитовой оправе зеленого берега карьера. Они – на клумбах, составленных из останков окаменелых деревьев. Владимир Гинтер их ищет и находит, грузит и привозит, расставляет по местам. Они – бриллианты каменного ожерелья, обрамляющих каменный карьер. Впрочем, карьер не глиняный. В нем добывали трепел-диатомит, мельчайшие частицы морской флоры и фауны, переработанный в «желудке» многомиллионной истории Зауралья. Трепел – ценное сырье для производства «теплого» кирпича.

Шахта – джунгли древности

Понадобилась вторая прогулка по парку палеозоя, чтобы понять: таких встреч с памятниками каменноугольного периода, отстоящего от нас на многие миллионы лет, в шахтерском Копейске было много. Мы, мальчишки,

родившиеся в рабочем поселке у «подножия террикона», тесно общались с горой. Часто на ее склонах искали сколы породы с отпечатками древних папоротников. И потом, повзрослев и спустившись в шахту, сами того не подозревали, что «гуляли» по каменным джунглям палеозойской эры. Когда приехал в палеосад Владимира Гинтера, понадобилось сосредоточиться и вспомнить, что видел там, в недрах земли.

В каменноугольном периоде Западно-Сибирская низменность, на которой лежит Зауралье, покрывали густые леса. Хотя в последующие периоды угля накопилось не меньше, а то и значительно больше, именно в каменноугольном периоде образовались месторождения, которые интенсивно разрабатывает человечество.

И именно тогда впервые в истории Земли сложилась обстановка, исключительно благоприятная для накопления растительной массы: теплый и влажный климат, пышная флора, подходящий рельеф. Землю покрывали растения – «динозавры»: липидендроны, каламиты, сигиллярии. На территории, называемой сегодня Западно-Сибирской низменностью, царствовала кардаитовая тайга. Но чтобы лист или ствол дерева законсервировались на миллионы лет в виде отпечатка или окаменелого ствола, им надо попасть в воду – море, озеро, болото, реку. Специалисты-палеоботаники

утверждают, что листья кардаитов столь же обильны в угленосных палеозойских отложениях Сибири, как сейчас иглы хвойных деревьев в тех же местах.

Клад для палеоботаников

Что я видел в каменноугольном лесу-шахте, работая на «дне» палеозойского моря? Угольный пласт часто преподносил сюрпризы. В его толще встречались тяжелые черные камни. Жечь их нельзя – пользы никакой, а мороки много. В иной лаве они встречались в таком количестве, что становились для шахтеров стихийным бедствием. Размер булыжников – от совсем мелких до очень крупных. Были случаи, когда могучий ствол окаменелого дерева, «залегший» по простиранию, напрочь перегораживал дорогу добычному комбайну на много циклов вперед. Приходилось это дерево взрывать, разбивать о его твердь шнеки машины, а перед погрузкой на конвейерную ленту крошить тяжелой кувалдой.

Однажды такое окаменелое дерево стало причиной гибели горняка, машиниста комбайна Якова Модуля. Закачанный под массивное тело комбайна отрубленный шнеком кусок ствола приподнял его до критической отметки, что стоило жизни машинисту, попытавшемуся со «спины» машины (при неостановленном конвейере, что категорически запрещено) рассмотреть, почему сотрясается рабочий орган, по-простому «шарошка». Не меньшую опасность представляют валуны. Шахтеры проклинали эти камни, а для палеоботаников, оказывается, это сущий клад. Англичане называют их «угольными шарами», немцы – «торф-доломитами». Для шахтеров Кузбасса они «колчеганы», для уральских коллег – «валуны». В научной литературе прижилось название «угольные почки».

Никто из горняков, работая в шахте, круша валуны кувалдой, не знал, что «почки» – уникальные «копилки» растений палеозоя, настоящий «окаменелый виноградец». Еще до того, как скопища растительных остатков превратились в угольный пласт, растворы солей законсервировали стебли, листья, шишки, семена растений со всей их клеточной структурой. Время для них как-будто остановилось.

Спасибо российскому палеоботанику Сергею Мейеру и его книге «Из истории растительных династий». Сопоставив экземпляры из коллекции камней копеечника Владимира Гинтера и фотографиями из книги, убеждаешься в том, что в его саду палеозоя есть и этот «окаменелый виноградец». Удивляют шлифы «каменных почек»: рисунки древних растений различимы и без микроскопа. А отпечатки папоротника? Многие отпечатки на камнях принадлежат не только листьям папоротника, но и древним бесскелетным ископаемым. Внешне они очень похожи. Случалось, что в добычном забое луч шахтерского светильника высвечивал целые

россыпи окаменелых малюсков. Это ракушки, удивительно похожие на современные озерные. Один из видов мы называем перловицами. Такую каменную перловицу из трехсот миллионов давности Земли я держал на своей ладони.

Чтобы совершить прогулку по дебрям каменноугольного леса, не надо ехать куда-то далеко, и не нужна «машина времени». Достаточно спуститься на подземный горизонт шахты глубиной в полкилометра или пофилософствовать в саду палеозоя Владимира Гинтера, сидя на чурке окаменелого дерева с отчетливым рисунком годовых колец. Так и хочется сравнить добытчиков горячего камня с лесорубами, а Владимира Гинтера – с садовником. Для последнего общение с палеозойскими артефактами – привычное занятие, увлечение, хобби. Путешествуя на квадранчике по склонам угольных разрезов, он находит интересные экземпляры окаменелых стволов и «угольный почек», чья древность видна невооруженным глазом.

Шахтеры вообще проводят в каменноугольном «лесу» многие годы жизни, время от времени даря своим чадам «подарки» от палеозоя. Их я видел в экспозиции музея камня станции юных техников, созданного Борисом Кочневым, в городском краеведческом и школьных музеях.

Время собирать камни

Коллекция древесных окаменелостей по сути собрана Владимиром Гинтером в одном месте – в степи близ поселка Тугайкуль. Раньше здесь плескалось озеро. Воду откачали, высохшее дно углубили угольными разрезами. Убедившись, что уголь не товарный, все бросили, оставив степь, обезображенную плоскими отвалами. Много здесь разных окаменелостей, в том числе песчаника. По убеждению собирателя камней Гинтера, песчаник – отличный материал для ландшафтного дизайна. Обладает богатой цветовой гаммой, а если обработать химсоставами, то заиграет всеми цветами радуги.

Увлечение Владимира Оттовича окаменелыми артефактами палеозоя, извлеченные из недр земли, убеждает: увлекательная это наука – палеоботаника. Как правило, найти угольное месторождение, разведать его и подготовить к эксплуатации, не зная возраста пород, очень сложно. Но открытию угольного месторождения всегда помогает хорошая геологическая карта с показанными на ней полями отложений разного возраста. У казака Сорокина, обнаружившего угольный пласт, такой карты не было. И у первооткрывателя Челябинского угольного месторождения Редикорцева ее тоже не было. Потому и «добирались» разработчики до угольных пластов нашего края многие десятилетия.

БООС ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ

(18.08.1936 – 12.12.2008 гг.)

Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (1960), инженер-механик.

Заслуженный строитель РСФСР (1989), отличник соцсоревнования Минмонтажспецстроя (1967). Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени (2002), знаком «За заслуги перед Челябинской областью» (2004), медалями. Почетный гражданин Челябинской области.

В 1960–1970 гг. – мастер, технолог завода автотракторных прицепов; инженер-механик стройкомбината треста «Уралгазстрой»; мастер, старший мастер, начальник цеха завода механомонтажных заготовок треста «Востокметаллургмонтаж»; в 1970–1986 гг. – в тресте «Коксохиммонтаж»: начальник производственно-диспетчерского отдела, в 1973–1986 гг. – директор завода монтажных заготовок; с 1986 г. – директор Челябинского завода металлоконструкций (ЧЗМК).

Под его руководством ЧЗМК стал высокomeханизированным и автоматизированным предприятием с объемом производства 50 тыс. тонн металлоконструкций в год для строительства промышленных и гражданских зданий, изготовлены опоры для линий связи и мостов, стартовых площадок для ракет, металлоконструкции всех телебашен (в т.ч. Останкинской, 538 м) и для крупнейших уникальных строительных объектов в стране и за рубежом. За вклад в развитие экономики страны в период перехода к рынку ЧЗМК удостоен почетной награды США «Золотая звезда». Президент совета директоров промышленных предприятий г. Челябинска.

Лидия Ивина

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Открытием мемориальной доски Виктора Бооса начнется серия мероприятий, посвященных 70-летию ЧЗМК

Вчера на Челябинском заводе металлоконструкций состоялось знаменательное событие: на аллее у центральной проходной предприятия была открыта мемориальная доска с именем бывшего генерального директора Виктора Яковлевича Бооса. Она выполнена из красного полированного гранита, в который отныне навеки впечатан выполненный в бронзе и знакомый многим горожанам образ легендарного руководителя. Здесь же историческая справка о его жизни и трудовой деятельности (11 декабря – годовщина памяти Виктора Яковлевича), перечень его многочисленных наград и званий и много цветов. Они ярко выделяются на фоне белого снега, напоминая о такой же яркой судьбе человека, полностью посвятившего себя служению делу...

На открытие мемориала в честь В.Я. Бооса собрались ветераны и командиры производства ЧЗМК, общественность, жители района, гости из Москвы, представители администрации Ленинского района, который в 2010 году отметит свое 75-летие. Вечер памяти В.Я. Бооса продолжился во Дворце культуры завода металлоконструкций. В.Я. Боос – заслуженный строитель РФ, почетный гражданин Челябинска, лауреат Государственной премии, награжден орденами Дружбы народов, Почета, Преподобного Сергия Радонежского III степени. Возглавив предприятие в 1986 году, в непростое для страны время, он сумел сохранить предприятие и в конечном итоге вывел его на качественно более высокий уровень развития. За 22 года, в течение которых В.Я.

Боос стоял у руля ЗАО «ЧЗМК», завод вошел в число наиболее успешных российских предприятий, а его история стала неотъемлемой частью истории страны.

Сегодня ЗАО «ЧЗМК» – крупнейшее предприятие металлостроительной индустрии в России и СНГ. Здесь производят стальные строительные и технологические конструкции для промышленных зданий и сооружений по индивидуальным проектам для всех отраслей промышленности, в том числе крупногабаритные конструкции, требующие высокой точности изготовления. Коллектив ЧЗМК известен как поставщик надежных металлоконструкций для восстановления храма Христа Спасителя в Москве, комплекса МГУ на Воробьевых горах, возведения телебашен в Риге, Ташкенте, Баку, Тбилиси, Останкино, строительства велотрека в Крылатском, спорткомплекса «Олимпийский».

В активе челябинских специалистов сооружение каркасов крупнейших машиностроительных и автомобильных комплексов, в том числе КамАЗа, строительство Ново-Уренгойского газохимического комплекса, большой спортивной арены в Лужниках и многих других уникальных объектов. Продукцию ЧЗМК знают далеко за пределами России: металлоконструкции, произведенные челябинскими специалистами, служат на крупнейших промышленных и гражданских сооружениях городов Америки, Азии, Африки, с предприятием на равных сотрудничают известные западные фирмы.

Естественно, не обошлось без участия ЧЗМК

и строительство наиболее известных объектов Челябинска. Достаточно назвать дворец спорта «Юность», драматический театр им. Наума Орлова, цирк, торговый центр, ледовый дворец «Уральская молния», торговый комплекс «Синегорье»:

В мае нынешнего года предприятие возглавил Валерий Виноградов, на новом этапе продолживший заложенные Виктором Боосом традиции. Столицу России он поменял на столицу Южного Урала и ни минуты не пожалел о своем выборе.

— Мне посчастливилось встречаться с Виктором Яковлевичем, и я очень ценю его как талантливого руководителя и мужественного человека с активной гражданской позицией, — говорит Валерий Васильевич. — Он заложил фундамент, который помог нам выстоять в дни кризиса и в числе первых начать восстанавливать производство.

Это не пустые слова. Уже во втором квартале текущего года ЧЗМК полностью восстановил прежние объемы производства, сохранил технологии, а главное — коллектив, в котором трудовой стаж многих сотрудников насчитывает 30, 40 и даже 50 лет. С законной гордостью рассказал Валерий Виноградов об участии заводчан в выполнении таких значимых объектов, как строительство стана «5000» на Магнитогорском металлургическом комбинате, возведение метро в Челябинске, для которого специалисты ЧЗМК изготавливают металлические вставки, соединяющие сегменты тоннеля через каждые 250 метров, о том, что предприятие поставляет 160 тысяч тонн металлоконструкций для строительства Казанского нефтеперерабатывающего завода. Поистине уникальным обещает быть стадион «Зенит» в Санкт-Петербурге с раздвижной крышей, подобного которому нет в Европе. По словам В.В. Виноградова, нечто похожее есть в Токио, но Санкт-Петербургский объект отличается тем, что строится из листовых элементов с чрезвычайно сложным сопряжением узлов и деталей, требующих филигранной точности изготовления.

С особой ответственностью подходит коллектив к участию в возведении одного из олимпийских объектов в Сочи: это современный Дворец спорта, изюминка которого в том, что его конструкции будут сборно-разборными, то есть основные узлы соединены не сваркой, а прочными метизами. После олимпиады такой дворец можно разобрать и установить в каком-нибудь другом месте. Есть в портфеле заказов ЧЗМК и рядовые объекты, без которых, однако, не может обойтись местная энергетическая область: это котельные, теплоэлектростанции и другие структурные подразделения отрасли.

— Мы полагаем, что сейчас перспективным направлением является производство метал-

локонструкций стальных мостов, — считает В. Виноградов. — В настоящий момент идет переоснащение производства, мы активно покупаем новые технологии для увеличения объемов производства этого вида продукции, требующей максимума надежности и качества всех собираемых узлов и соединений.

— А как с зарубежным партнерством? — интересуюсь у генерального.

— На днях на завод приезжали представители одной из американских компаний, которые предложили нам поучаствовать в строительстве нефтедобывающего шельфа «Сахалин-2». Так что, как видите, международные контакты продолжают развиваться, несмотря на кризис.

— Валерий Васильевич, понятно, что руководство завода заботится о выполнении производственных планов и обязательств перед трудовым коллективом. А что касается жителей Ленинского района, попадают ли они в поле вашего внимания?

— Безусловно. Тем более что в этом районе проживает большинство наших работников. Мы участвуем в строительстве ледового городка, который на протяжении вот уже ряда лет признается одним из лучших в городе. Сейчас «десант» ЧЗМК командирован в лес, откуда привезет 12-метровую красавицу-елку. Она будет установлена перед заводским Дворцом культуры в центре ледового городка. Оказываем помощь школам, детским садам, больницам, храму во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». В свое время ЧЗМК был одним из крупнейших спонсоров, помогавших в строительстве этого храма. Не оставляем нужды верующих без внимания и сегодня, а с настоятелем храма протоиереем отцом Дмитрием Алферовым, я считаю, у нас в чем-то похожие задачи: и завод, и храм пекутся о том, чтобы людям жилось лучше, чтобы понятие «хлеб наш насущный» включало в себя не только продовольственную корзину, но и духовность, традиции, без уважения к которым нет движения к цели.

Открывая мемориальную доску, нынешнее руководство ЗАО «ЧЗМК» отдает дань памяти легендарному директору и дает старт серии мероприятий, посвященных будущему 70-летию предприятия. Поскольку их перечень займет слишком много места, ограничусь упоминанием одной из задумок: сделать стену памяти, в которой увековечить имена всех пяти бывших директоров завода. Виктор Яковлевич Боос стал первым. Аллея у центральной проходной — место, по которому ежедневно проходят тысячи людей: работники предприятия и просто граждане, жители Ленинского района, в жизни которых ЧЗМК и его руководители остались страницей живой истории. И она продолжается.

(12.12.2009)

Ирина Лейнонен

«КТО Я ?» БИОГРАФИЯ

Роберт Лейнонен, родившийся 1 августа 1921 года в Петрограде, рос и воспитывался в среде трёх культур: немецкой, финской и русской. Его предки со стороны матери были выходцами из Тюрингии. Они поселились в Санкт-Петербурге с 1832 года. Дедушка со стороны отца перебрался из Финляндии в Петербург ещё будучи подростком в 1876 году. Так Роберт формально оказался полунемцем - полуфинном с типичной финской фамилией Лейнонен.

В семье Роберта говорили по-немецки, но в школу мальчик пошёл русскую. Лето проводил в деревушке ингерманландских финнов Березнево под Ленинградом, общаясь со сверстниками-детьми по-фински. Ещё до школы по семейным обстоятельствам переехал на постоянное проживание к своим тётушкам, двум сёстрам матери, которые воспитывали его на немецкой литературе и говорили только по-немецки. В доме очень много читали. Читали не только русскую, но и немецкую классику на немецком языке.

Уже в детстве Роберт решил, что национальности у него нет. Предполагалось, что при получении паспорта в графе «национальность» он сделает прочерк. Но судьба распорядилась так, что анкету заполняли тётушки по причине отсутствия племянника и, поскольку они были немками до мозга костей, то и Роберта записали «немцем».

Способный талантливый ученик с 7-го класса начал вести дневники, которые сохранились до сегодняшнего дня. Во время учёбы в школе были отмечены и его склонности к рисованию, унаследованные от дядюшки, маминого брата. Закончив в 1939 году школу с «Золотым аттестатом», дававшим право поступления в высшие учебные заведения без экзаменов, он был зачислен в Ленинградский университет на математико-механический факультет: астрономом он мечтал стать давно, а тётушки подарили ему однажды звёздный глобус.

Мечте не дано было воплотиться в жизнь. Как финна по фамилии, его не забрали вместе с остальными осенью того же 1939 года в Красную армию, а послали продолжать учёбу, отговорившись обнаруженной близорукостью в минус ноль пять. Но через два месяца он был вызван по повестке в военкомат и отправлен в Петрозаводск, где попал в особую армию Народной Республики Финляндии под руководством проживавшего в Москве коммуниста Отто Куусинена. Эта армия располагалась тогда в Териоках (ныне курортный район Петербурга Зеленогорск). Там он пробыл, не сделав ни единого выстрела, с ноября 1939 года до окончания «советско-финского вооружённого конфликта» в марте 1940 г.

После этого он начал службу в рядах Красной армии. Поскольку в течение довольно короткого

времени он присягал двум правительствам, то его военный билет навсегда исчез в сейфах НКВД-КГБ и Лейнонен не числится участником какой бы то ни было войны и вообще служившим в армии.

Именно там за ним началась слежка со стороны служб государственной безопасности. В феврале 1941 года после устроенного ему экзамена по немецкому языку он был демобилизован без объяснения причин и смог ненадолго продолжить учёбу в университете.

В начале сороковых годов, находясь в ссылке уже как «немец», он занялся записыванием на свежую голову не только воспоминаний и многократно рассказываемых семейных преданий, но и продолжил серьёзное ведение дневников. Всё это, копившееся годами, позже дало богатейший и ценнейший материал для описания не столько истории собственной семьи, сколько истории страны в целом, с её многочисленными авантюрами, успехами, провалами, правдой и ложью. Исподволь рождалась мысль начать писать биографический роман под названием «Жизнь на полустанке», даже эпиграф к нему не случайно был взят классический: «Наш паровоз вперёд летит, в Коммуне остановка...» Главный герой будущего романа звался Бруно Акселевич Аалтонен – по имени погибшего с голоду в блокадном Ленинграде 18-летнего брата Бруно и по отчеству дедушки финна Акселя Генриховича, слывшего в народе просто Иваном Фёдоровичем. Стали возникать главы биографического романа. Но всё же написание воспоминаний от первого лица перевесило первоначальное искушение - к этому Роберта Лейнонена позже подвела сама жизнь.

В 1941 году талантливый юноша продолжал ещё учиться в университете и участвовать в театральном кружке Наталии Фёдоровны Ольденбург. Начало войны застало его отсыпающимся после затянувшейся за полночь генеральной репетиции спектакля по пьесе Михаила Светлова «Двадцать лет спустя»: премьера была назначена на 22 июня...

Премьера не состоялась. Роберта отправили на оборонные работы под Ленинград. Во время первой блокадной осени и начале зимы параллельно с учёбой он дежурил на университетской вышке в команде МПВО (Местной Противовоздушной Обороны), а потом очутился в больнице, спасшей его от смерти. В первую же блокадную зиму он потерял практических всех членов своей семьи – 11 человек его родных умерли с голоду. Всё это тоже нашло отражение в его воспоминаниях, сделанных буквально полтора-два года спустя, на свежую голову.

В конце июля 1942 года Роберта Лейнонена вызвали в паспортный стол, перечеркнули прописку и предложили эвакуироваться – так

началась его ссылка из родного любимого города, продолжавшаяся почти 40 лет.

Сначала по совету других эвакуируемых он отправился в хлебный край - на Алтай. Именно там он впервые столкнулся с немцами Поволжья, узнал, что Республики больше нет, что разбросали немцев по Казахстану и другим отдалённым районам страны, что мужчины в трудармии. Услышал он и вначале непонятные для него диалекты. Впервые стал интересоваться историей и сложной судьбой этих людей. Проработав в колхозе три месяца, попал под вторую волну мобилизации в трудармию - для тех, кто достиг 16-ти лет. Его вызвали по повестке в военкомат и в телячьих вагонах отправили со стариками и юнцами - остатками немобилизованных мужчин - на Урал, в угольные копи. Так и он сам оказался бесправным немцем в маленьком Челябинском городе Копейск. По воле счастливого случая он стал работать не в шахте, а на поверхности. И снова с немцами...

После аварии на буровом снаряде и повреждения руки он был отстранён от работ на холоде, связанных с водой, и переведён в само помещение спецконторы по тушению подземных пожаров на должность лаборанта и чертёжника. Именно тут во внеурочное время он воспользовался пишущей машинкой секретарши и стал засиживаться за воспоминаниями и дневником. Благодаря возможности проживания без охраны и безупречному знанию русского языка, которым не обладали работавшие бок о бок с ним поволжские немцы, говорившие с ярко выраженным акцентом, он попросту сбегал не только на танцы, но и в библиотеку, зачитывался стихами и прозой русских и зарубежных мастеров слова. Никто не мог угадать в нём немца.

Мечта о любимом городе не покидала его: назад, назад в родные пенаты. Попытавшись восстановиться в правах студента Ленинградского университета, он получил согласие-вызов на учёбу. Но тут же последовал отказ со стороны Копейских городских властей: Роберт продолжал оставаться бесправным немцем, таким же, как и сотни тысяч его товарищей по несчастью.

В сентябре 1948 года после скандала с начальством по поводу использования пишущей машинки он просто купил такую себе, попробовав даже поставить её на учёт в милиции. Ответом на этот беспрецедентный в те времена в истории города случай были огромные глаза. Роберт получил возможность заниматься записыванием и переписыванием воспоминаний и дневников в любое удобное время.

С 1950 года в том же самом Копейске Лейнонен начал работать нормировщиком на Машиностроительном заводе имени С.М. Кирова по выпуску горнодобывающих машин, оттуда же в 1981 году ушёл на пенсию начальником отдела автоматизированных систем управления производством.

Несмотря на то, что вся его сознательная жизнь оказалась связанной с производством,

он не оставлял своих интересов и не прекращал писать и записывать, выбрасывать и переписывать, перепечатывать и возвращать к своим ранним материалам. Он живо интересуется архитектурой родного города, редкий отпуск он проводит за пределами Ленинграда и его пригородов; он трепетно следит за литературными новинками о городе Петра и создаёт огромную картотеку по творениям зодчих северной столицы России.

Он не может равнодушно смотреть на беспорядки, творящиеся вокруг. Роберт реагирует на вопиющие факты безобразий, пишет письма в соответствующие инстанции, оставляя себе их копии под машинку. Так рождается идея собирания пухлого тома под заголовком «Публицистика» - своего рода зеркала реальных будней времён строительства социализма.

Роберт разыскивает старых друзей детства и юности, заказывает недоступные в Копейске книги. Ведёт обширную переписку с друзьями при помощи пишущей машинки и копировки. Постепенно копятся не десятки, а тысячи страниц - целые тома интереснейшего, а порой и уникального любопытного материала для создания в последующем двухтомника «Жизнь на полустанке».

С 1951 года он начинает сотрудничество с копейскими заводской и городской газетами, а позже и с другими печатными изданиями как журналист и фотограф.

В 1954 году Роберт женится, а в 1955 и в 1957 гг. в семье Лейноненов рождаются сыновья.

Не имея возможности получить высшее образование по действовавшему в течение 15-ти лет в отношении российских немцев запрету, Лейнонен в 1959 году параллельно с работой заканчивает с отличием Копейский горный техникум и получает за дипломный проект серебряную медаль ВДНХ (Выставки Достижений Народного Хозяйства). Но отсутствие высшего образования не даёт ему покоя.

Наличие семьи, работы и сам возраст становятся постепенно камнем преткновения для очной учёбы в ВУЗе. Поскольку на работе Роберт занимался переводами технической документации на немецкий язык, а также пробовал себя и в переводческой работе интересных рассказов для русскоговорящего читателя, он выбирает заочное образование для души: немецкое отделение филологического факультета Башкирского университета в Уфе, которое и заканчивает в возрасте 49 лет. Сохранённые копии подробных дневниковых писем того периода позволяют наглядно представить себе атмосферу тех лет.

Во время учёбы в университете он приступил к серьёзным занятиям по исследованию сложностей и особенностей перевода с одного языка на другой. Этой теме он посвятит и множество часов, и ряд огромных посланий разным людям, и даже несколько лекций. Сохранившиеся записи, наброски, копии писем и обнаруженные гораздо позже варианты других переводчиков позволяют со временем

создать в Германии «Размышления по поводу переводов» – самостоятельный труд для владеющих русским и немецким языками с большим разделом «Лирика Генриха Гейне на русском языке». В книге Г.К. Бельгера «Помни имя своё. О литературе и культуре российских немцев» читаем: «С удовольствием и большой пользой ознакомился и с основательным филологическим исследованием Роберта Лейнонена «Лирика Генриха Гейне на русском языке». Это объёмное эссе, написанное вольно, свободно, с разными иллюстрациями и эффектными сопоставлениями, любопытными размышлениями и наблюдениями как о творчестве немецкого классика, так и о природе поэтического перевода вообще. И этот труд, надеюсь, увидит свет на страницах «Феникса». Бельгер опубликовал обещанное в 25-м и 26-м номерах своего альманаха.

Занимаясь литературой в свободное от основной производственной деятельности время, Роберт пробует свои силы на поприще поэзии. Копятся стихотворные пробы, рождаются отдельные стихи – как собственные, так и переводы. Но период наиболее плодотворного творчества приходится на 80-е годы: с выходом на пенсию у него появилось свободное время. Хотя именно 1974 год послужил своеобразной поворотной точкой в признании и известности Лейнонена: будучи в Геленджике в гостях у друга по трудармии Эрика Лореша, он фактически по его просьбе создаёт ставшее судьбоносным для российских немцев стихотворение «Рюкзак». При тогдашней политической ситуации в стране о публикации подобного текста не могло идти речи, а дальнейшая судьба автора в таком случае была бы непредсказуемой. Тем не менее авторский рукописный вариант Эрик Лореш не только бережно хранил, но осторожно передавал на переписывание надёжным друзьям. В начале оттепели конца 80-х выяснилось, что «Рюкзак» не только широко известен на территории Советского Союза, но увидел свет в газете «Фройндшафт» в Казахстане и читаем со сцены Немецкого Драматического театра в Темиртау. В начале 1991 года он даже достиг проживающих в Германии переселенцев: Землячество немцев из России опубликовало «Рюкзак» и объявило конкурс на лучший перевод на немецкий язык. Из 34 присланных вариантов победителем признали автора, узнавшего об этой истории через немецкое консульство в Ленинграде и вовремя успевшего послать в Штутгарт собственный текст. Так «Рюкзак» на двух языках – а с ним и его создатель – стали неотделимы от судьбы и истории российских немцев.

Покорённый красотой природы спортсмен и жизнелюб Роберт стал заядлым туристом. Летом 1967 года семьёй с рюкзаками и палатками прошёл пешком от Северного Кавказа до Сухуми. В 1970 году провёл целую группу в составе 9 человек из Теберды через Домбай и Рицу до Гагры. Побывав в 1975 году в первый раз на Тагане своего Южного Урала, он

влюбился в горы и с мая по сентябрь с рюкзаком шёл на выходные в одиночку или с попутчиками на новые и старые места, а зимой туда же – на лыжах. По возвращении зачастую делал краткие записи или подробные письма друзьям. Набирались фотографии и слайды, оставались собственноручные наброски схем и даже рисунки. Накапливались материалы для создания в Германии ярко иллюстрированного тома «Походы по Южному Уралу». Последнее большое почти двухнедельное путешествие в составе группы из 13 человек он предпринял на свой 70-летний юбилей.

После выхода на пенсию в 1981 году, подав на развод, Роберт Лейнонен на собственный страх и риск возвращается в родной Ленинград и в течение пяти лет скитается по родственникам, друзьям и знакомым без разрешения и прописки. Он пишет письма в различные партийные и административные инстанции, пытается добиться справедливости, обращается с этим вопросом в печать. В 1985 году ему удаётся получить лишь постоянную прописку и серьёзно обосноваться в любимом городе: он снимает комнату в коммуналке и устраивается на работу вахтёром. На долгие ночные дежурства неизменно берёт с собой печатную машинку то с русским, то с немецким шрифтом.

Именно в это время Роберт серьёзно пробует себя в живописи: все основные работы были созданы им с 1985 по 1988 годы. А началось с оформления стихов набросками фломастера на полях и со знакомства в январе 1984 года с удивительным человеком – художником из Копейска Юрием Александровичем Гейнцем, проживавшим к тому времени в Ленинграде и рисовавшим только фломастерами. Роберту эта идея понравилась и он стал, работая фломастерами с дополнительным использованием различных цветов шариковой ручки, оформлять книжечку стихов любимой женщине – сначала одну, потом другую, третью... Красочные томики ушли в подарок и, по-видимому, так и лежат в Челябинске у адресатки, на память остались лишь четыре десятка слайдов, по которым позже в Германии воссоздавалось подлинное оформление соответствующих страниц для двухтомника избранной лирики «Стихотворения разных лет».

Появилось искушение сделать большой портрет и показать его Гейнцу. Но оказалось, что художник к тому времени скоропостижно умер. Роберт в свою очередь с головой ушёл в создание теми же средствами целой галереи ярких живых портретов на мелованной бумаге: лишь она выдерживала подобную композицию (подобное смешение) фломастера и шариковой ручки.

Свою первую выставку художник почти стихийно организовал 8 мая 1986 года в пансионате «Буревестник» в Репино под Ленинградом, куда привёз огромную картонную папку с работами и самодельно оформленную «Книгу отзывов». Вторую выставку вахтёр проходной Гидрологического института сам преподнёс как

подарок женщинам к 8 марта 1987 года. Наградой среди прочих восторгов явились строки: «Мы были отчасти свидетелями Вашего творчества. Ваш труд – доказательство того, что талант проявляется везде – даже в холодном вестибюле за тесным столиком вахтёра. Ваш «Абориген» пронзил душу, а Ваш «Дедушка» вызвал цепь ассоциаций, связанных с нашей историей...» С тех пор бывалый турист, привыкший таскать рюкзак, при каждом удобном случае брал с собой тяжеленную серо-зелёную папку с рисунками.

В 1989 году Лейнонен получил наконец собственную жилплощадь – маленькую комнату в коммуналке – и то по ходатайству московской газеты «Neues Leben», вступившей за своего корреспондента. Именно тогда он женился во второй раз.

В общей сложности его рисунки - в бывшем СССР и в Германии - выставлялись 34 раза. И всегда благодарные посетители оставляли многочисленные записи в «Книге отзывов». После того, как по его инициативе в конце апреля 1987 года была устроена большая выставка в немецком посёлке Константиновка под Павлодаром, в 1989 году в Москве на конференции советских немцев и дважды в 1990 году в Алма-Ате – в феврале в Немецком Драматическом театре на театральном Фестивале и в октябре на 2-м Фестивале Всесоюзного самодеятельного немецкого творчества – картины Лейнонена стали достоянием российских немцев и теперь неотделимы от их истории: в них светятся жизнеутверждение, оптимизм, энергия, Красота и Любовь...

С помощью компьютерной техники художнику и его второй жене Ирине посчастливилось в Германии сосканировать все нераздаренные рисунки и воспроизвести книгу удивительных отзывов, создав тем самым том «Картинная галерея. Рисунки разных лет».

Роберт с 1988 года фактически навсегда забрасывает рисование. Он опять с головой погружается в более важную, по его мнению, работу: по собственной гражданской инициативе предпринимает добровольную инвентаризацию Петербургского Смоленского лютеранского кладбища, то есть точное переписывание и фиксирование надписей, оставшихся к тому времени на надгробиях варварски разорённого немецкого кладбища.

Параллельно в это же время, отдавая беззаветную дань любви родному городу, Роберт всю силу своего душевного таланта и тепла нацеливает на пропаганду культурного и духовного достояния Ленинграда: проводит на телевидении цикл передач о немецких архитекторах, строивших Петербург, о немецком кладбище в Петербурге и немецком обществе. В эти же годы ведёт деятельность по восстановлению прав немецкого этноса в СССР, является одним из создателей Ленинградского немецкого общества, участвует в конферен-

циях общества «Возрождение» и съездах советских немцев в Москве, является одним из научных консультантов и участником фильма «Петербургские немцы».

В ночь с 17-го на 18-е августа 1991 года Роберт среди других 19 членов Немецкого общества Ленинграда выезжает на 5 дней в Германию по приглашению одного из католических монастырей. 19 августа в Москве грянул путч, и Лейнонен решает не возвращаться в Ленинград, а просит немецкие власти предоставить ему политическое убежище: он слишком много пережил, включая и травлю со стороны КГБ, и просто-напросто не хочет ещё раз повторить свою же судьбу – не тот возраст...

Через 8,5 месяцев к нему смогла навсегда приехать жена и привезти архивы, стихи и картины. Роберт вместе с немецким историком из Берлина Эрикой Фогт взялись за написание книги «Deutsche in St. Petersburg» – «Немцы в Санкт-Петербурге». Во второй том предполагалось поместить все списанные на кладбище сведения – создать картотеку сохранившихся надгробий, тем самым систематизировав собранный в течение трёх лет инвентаризации богатейший материал. Академическое издание двухтомника увидело свет в Люнебурге в 1998 году.

31 мая 2000 года в Аничковом дворце в Петербурге состоялась церемония вручения Анциферовских премий и дипломов за лучшие работы по истории Петербурга, опубликованные в 1998-1999 годах. В номинации «Зарубежные работы о Санкт-Петербурге» Анциферовским дипломом отмечена книга: Р. Лейнонен, Э.Фогт «Немцы в Санкт-Петербурге: Смоленское Лютеранское кладбище в истории европейской культуры». Гражданский подвиг Лейнонена по отношению к памяти представителей немецкого этноса в Петербурге нашёл-таки благодарный отклик и в его родном городе.

Параллельно проводилась огромная работа по обработке собственных архивов, записей, воспоминаний, дневников и писем. Наличие двух компьютеров – для Роберта и для Ирины – способствовало созданию на дому готовых к распечатке красочно иллюстрированных самодельных томов, заголовки которых были указаны выше по тексту. Все эти упомянутые книги многократно распечатывались, дарились и рассылались по многим адресам.

Благодаря изданному с Эрикой Фогт двухтомнику завязалась связь с Национальным архивом Финляндии в Хельсинки, где создан «Приватный архив Роберта Лейнонена» и где находятся не только копии его публикаций в печати, но и его распечатанные дома вышеуказанные по тексту книги, а также видеофильмы с его творческими вечерами и CD со всеми его рисунками.

Материал предоставлен и подготовлен к публикации Ириной Лейнонен.

ВИБЕ ИВАН ИВАНОВИЧ

доцент (позднее – профессор) кафедры «Автотракторные двигатели» (1938–1941 гг.)

Вибе начал свою трудовую деятельность на запорожском заводе «Коммунар», где работал литейщиком, токарем, чертежником. Одновременно учился и в 1929 г. окончил Запорожский машиностроительный институт.

По окончании аспирантуры при кафедре авиационных двигателей в Ленинградском институте инженеров гражданского воздушного флота защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теоретическое исследование рабочего процесса бескомпрессорного дизеля» и где остался на преподавательской работе.

В конце 1938 г. доцент Вибе (позже – профессор) направляется в Сталинградский механический институт, в котором до осени 1941 г. заведует кафедрой спецдвигателей (танковые двигатели).

Известна судьба российских немцев в годы войны. Они были высланы на Урал, в Сибирь, Казахстан. Многие попали в трудовую армию в положении заключенных. Первой военной осенью Вибе находился в Восточном Казахстане, в трудовой армии. Были учтены его знания, и всю войну, и несколько послевоенных лет он работает механиком, главным механиком на рудодобывающих предприятиях и шахтах Кузбасса, где тогда работало немало трудармейцев. Но и в этих тяжелых условиях порой круглосуточной работы он выкраивает время и возможность для анализа и обработки опубликованных в доступных технических источниках материалов по исследованиям процессов (прежде всего процесса сгорания) в двигателях.

После войны российских немцев постепенно реабилитируют в гражданских правах, и Вибе снова работает в высшей школе уже на Урале: в Свердловском горном институте – (доцент кафедры теплотехники), Свердловском сельскохозяйственном институте – (доцент, заведующий кафедрой «Тракторы и автомобили»).

В 1962 г. Вибе переходит на работу в Челябинский политехнический институт на кафедру «Двигатели внутреннего сгорания». Ему шестьдесят лет, он полон энергии. В это время выходит монография Вибе «Новое о рабочем цикле двигателей», в которой наиболее полно отражены результаты его научной деятельности. На следующий год проходит защита докторской диссертации на тему «Скорость сгорания и рабочий цикл двигателя». В ЧПИ Вибе работает в течение семи лет: сначала работал доцентом, затем – профессором и некоторое время заведующим кафедрой.

Научные труды Вибе получили широкое признание в нашей стране и за рубежом. Предложенный им закон выгорания топлива, получивший в технической литературе название «Закона сгорания Вибе», статистически точно отображает особенности выделения и сообще-

ния рабочему телу теплоты в двигателях. Закон описывается относительно простым уравнением, которое содержит два важных параметра: продолжительность сгорания (количественная характеристика процесса) и показатель характера сгорания (качественная характеристика развития процесса во времени).

Практическое значение закона Вибе состоит в выводе уравнений выгорания топлива и создании на его базе метода теплового расчета, с помощью чего становится возможным уже на стадии проектирования двигателей расчетным путем, учитывая способ смесеобразования, тип камеры сгорания, степень наддува и другие факторы, выявить показатели процесса сгорания, рабочего цикла и другие технико-экономические характеристики проектируемых компоновок. Если полученные показатели не удовлетворяют разработчика, то еще на стадии проектирования могут быть предложены меры по их улучшению.

Относительная простота и универсальность методов теплового расчета и анализа рабочего цикла, разработанных и совершенствуемых на базе теории И.И. Вибе, предопределили применение их не только в научной работе, но и в учебном процессе.

Профессор Вибе был одним из первых в стране ученых, кто применил ЭВМ для исследования рабочего цикла двигателей. Его первые расчеты с использованием ЭВМ «Урал» проводились в Уральском государственном университете в 1960–1962 гг., т.е. на самой ранней стадии внедрения таких вычислительных средств в практику научно-исследовательских работ.

Несмотря на непродолжительное время работы на кафедре «ДВС» УГУ он оставил глубокий след в памяти тех, с кем вместе работал. Под началом Вибе на кафедре впервые была открыта аспирантура. Его первыми аспирантами стали: М.Ф. Фарафонов, Б.А. Шароглазов, А.П. Ставров, Д.В. Мамин, А.Н. Лаврик, Е.А. Лазарев, В.Н. Бунов. Все они стали известными учеными в двигателестроении. Заботами Вибе постепенно создавался научный коллектив, формировалась научная школа молодых исследователей процессов в ДВС. Под его руководством были начаты работы по совершенствованию методов расчета и анализа рабочего цикла двигателей нетрадиционных схем; выполнен цикл НИР по применению газовых конденсаторов в качестве топлива для двигателей. Трудолюбие Вибе стало примером для его учеников и товарищей по работе. И это достаточно быстро обеспечило получение заметных положительных результатов: все его аспиранты и многие из товарищей по работе вскоре защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации.

Научное наследие Вибе не только не утрачено, результаты научно-исследовательской деятельности по-прежнему остаются актуальными и востребованными сегодня.

Наград не имел.

Основные публикации:

Вибе И.И. Новое о рабочем цикле двигателей. – М.–Свердловск: Машгиз, 1962. – 182 с.

Вибе И.И. Скорость сгорания и рабочий цикл ДВС. – Берлин: Техническое издание, 1970 (Иностр. изд.)

Определение энтропии рабочего тела с учетом кинетики сгорания в двигателе/ Вибе И.И.,

Шароглазов Б.А.// Сб. научн. тр. Всесоюзной научно-технической конференции по термодинамике. Секция. Новые теплотехнические и холодильные схемы и циклы. – Л., 1969

Связь между углом опережения воспламенения и кинетикой процесса сгорания в двигателях/ Вибе И.И.// Сб. научн. тр. Применение математических машин при конструировании и исследовании автомобилей и двигателей. т. 11. – Минск, 1966

Вибе И.И. Фарафонов М.М. Электронные методы анализа рабочих процессов в ДВС. – Берлин: Автомобилестроение, №10, 1967 (Иностр. изд.)

Елена Щапова

СТО ЛЕТ ФИШЕРА. ЖИТЕЛЬ ПОТАНИНО ОХРАНЯЛ СТАЛИНА И МОЛОТОВА

По задумке редакции, история столетнего Отто Фишера должна была стать примером жизнелюбия и нескончаемой веры в человечество. Чем она стала - судить вам. Отто Фишера репрессировали в первые годы войны просто за фамилию. Он сидел, а позже «надзирал» в одной и той же «зоне». У него кремлёвское прошлое, а в 1930-е он служил в ОГПУ.

Гриф секретности снят?

Физически довольно бодрый Отто Константинович и сейчас на спор может подняться на Таганай, но на вершину оптимизма его история вас вряд ли поднимет.

- Они четырёх маршалов расстреляли, а ведь была такая у каждого охрана, адъютанты... К ним было не подобраться, - вспоминает Отто Фишер.

- Отто Константинович, всё-то вы знаете. Вы поди и Берию видели? - недоверчиво спрашиваем мы.

- И Берию, и Сталина, и Калинина, - неожиданно твёрдо отвечает он. - Я работал в четвёртом отделе. Рядовой оперативник. Ходил в «шестёрке», кстати. Сталина охраняли «девятки». Молотов любил пешком ходить. Мы шли за ним от Спасской по Никольской... В день гибели Кирова вместе со Сталиным выезжали в Ленинград. Он со Ждановым, Микояном и другими - на двух мерседесах, и мы на «эмках» впереди и сзади. Конвертом шли. Только до полдороги.

- Я был простым оперативником, так скажем, в массовке, - уточняет Отто

Фишер. - Видел всё зачастую издалека. Например, охранял путь к даче Горького, где проходил Второй съезд литераторов. Кстати, Горький толком не выступал, говорил он хуже, чем писал. Кирова помню на вокзале в кожаной тужурке, Сталина - на похоронах Аллилуевой в меховом пальто, мехом наружу. В день похорон нам страшно было слово сказать. Мы не знали подробностей, но что-то тайное витало

там. Очень часто меня отправляли, когда няня вела детей Сталина в школу. Они выходили из Троицких ворот и шли на Малую Никитскую в обычную школу.

- В домовую книгу, где писалось место работы, у нас у всех стояло: «Студент МГУ». Сборный пункт у нас был в Мытищах, а вот сытно питались и отоваривались мы на Лубянке, в четырёхэтажном магазине на боны (боны (франц. - bon pour) — кредитные документы, дающие право на получение в оговоренный срок от определённого лица или компании определённых ценностей; боны в современном мире — это бумажные деньги, вышедшие из обращения. - прим. ред.).

Если всё это правда, почему Отто Фишер 70 лет хранил в тайне эту часть своей жизни?

Работа в Кремле

Когда Отто было четыре года, один за другим умерли его родители, Сельма и Константин (Христиан) Фишер, служившие учителями в одной из сельских школ Николаевского уезда Самарской губернии. Его и двух братьев, Артура и Вили, из сиротского приюта забрали братья матери Герлингеры. Отто достался Александру Богдановичу и поехал жить в Москву. Годы с 1918-го по 1940-й он считает единственно светлыми в своей жизни. Кстати, за братьями Фишерами в 1925 году из Америки приезжала сестра матери Мария, но Герлингеры племянников не отдали. Так и вырос Отто в семье дяди Александра и его жены Александры, которая, по семейным

преданиям, работала сестрой милосердия в госпитале при дворце Николая II.

В 1932-м году после окончания школы Отто отправился работать на тормозной завод. Именно туда пришли люди в штатском и отобрали двух парней и девушку для работы в Кремле. Двадцатилетнему Отто вручили «вальтер» и членов правительства - под опеку. В трудовой книжке, которые стали выдавать с 1938 года, эти пять лет ОГПУ значатся как отработанные, но без указания организации.

«Зачислен на должность начальника отдела (контора продовольственного и материально-технического снабжения Мосглавресторана)», «зачислен в Москворецкий показательный универмаг НКТ СССР в должности заведующий складом».

Роковой поворот

- Вся моя жизнь - стихия, - говорит Отто Константинович. - Приходилось жить, как получается, а не как хочется.

3 августа 1941-го Отто призвали в армию. Смоленское направление, 58-й отдельный стрелковый полк. Прослужить удалось три месяца. 28 октября по указу Сталина «врага народа» Фишера сняли с фронта и отправили в Челябинск на Бакалстрой. В 1942 году стране понадобился кирпич. Кирпичное производство было устроено в посёлке Потанино (ныне входит в черту города Копейска. - Ред.). Несколько лет Отто провёл за колючей проволокой в потанинском лагере.

- Мы не знали, что будет впереди, - рассказывает Отто Константинович. - В 1946-м перевели на спецпоселение, взяли подписку о невыезде. Ни кола ни двора, мне 33 года, вот и женился на местной Анне. Деваться-то некуда было. Ты спрашивала, любил ли я? Была ли любимая? Нет, не было. С Анной вырастил двух её детей и одного общего Александра. Все

они - и Анна, и дети - умерли. Жизнь - тяжёлая штука. Чтобы понять меня, проживи мою жизнь семь раз. Не доймёт - не поймёшь!

Тюремная карьера

В 1957-м, когда сняли подписку о невыезде, дали паспорт и военный билет, ехать было уже некуда. В Москву не пускали, да и дядю с тетей давно депортировали из столицы в Казахстан.

В том же году места за колючей проволокой вместо немцев заняли уголовники. Где сам сидел, туда работать пошёл. Отто Константинович стал заведующим пекарней ныне 15-й колонии Копейска. Бывший арестант стал вполне ответственным работником. Был на разных должностях, особо гордится своими строительными заслугами. Именно он, Отто, перестроил всю колонию: на месте засыпных бараков выросли кирпичные здания для нынешних заключённых. Даже жилой дом за стеной колонии, у сторожевой вышки, он строил сам вместе с заключёнными. В нём и живёт поныне. В пяти метрах от его окна вот уже несколько десятилетий всё та же глухая тюремная стена и проволока «егоза».

- Сам удивляюсь: из такого ада... и сто лет прожил, - рассуждает Отто Константинович. - Я выхожу на улицу и не могу встретить ни одного человека из моего поколения. Ночью просыпаюсь и смотрю на фото своей жены и трёх детей. Я не имел права жить, где хотел, не имел права учиться. Я всю жизнь чувствовал одни ограничения, зависимость. Не сумел реализоваться, а ведь мог многого добиться. Это не жизнь - огорчение, я бы её вернул Богу. Ведь смысл человеческой жизни - иметь право свободно думать о завтрашнем дне и строить будущее самому. Если у тебя есть такая возможность, ты счастливая!

Ирина Патрикеева

О ТЕХ, КТО РЯДОМ

Для человека, о котором пойдет речь, этот год был особенным - юбилейным. 90 лет со дня рождения отметил он весной 2013-го Александр Георгиевич Миллер. Он председатель Коркинского немецкого общества «Возрождение», замечательный музыкант, постоянный участник ансамбля «Эдельвейс», известного далеко за пределами Челябинской области. Все знают его как человека энергичного, увлеченного своим делом. Он является организатором Коркинского культурного немецкого центра, цель которого сохранить национальные традиции, знакомить с историей жизни немцев в России. Неоднократно он был делегатом съездов российских немцев в Москве, участником фестивалей немецкой культуры в Новосибирске, Саратове, съезда трудармейцев, а также делегатом конференций Российского немецкого общества «Возрождение». Александр Георгиевич выгля-

дит гораздо моложе своих лет, а его энергии и оптимизму можно только позавидовать. Но мало кто знает, сколько жизненных испытаний довелось ему пережить.

Родился Александр Георгиевич Миллер 16 марта 1923 года в селе Ней-Веймар Палласовского района Автономной области немцев Поволжья, переименованной в 1924 году в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья (позднее, после выхода известного сталинского указа республика была разделена между Волгоградской и Саратовской).

Поселение немцев в Поволжье берет свое начало со времен Екатерины II, когда по ее приглашению приехали в Россию немецкие семьи в надежде на более хорошую жизнь. Однако переселенцам отвели пустынные земли, где их ожидало нищенское существование,

Село Ней-Веймар расположено в 100 километрах от Волги в голой степи, ни одного деревца, очень часты засухи, сильные ветры. Жили в саманных домах, крытых соломой. Отец Александра Георгиевича крестьянствовал. А в 1928 году после сильной засухи он вынужден был перейти работать на железнодорожную станцию Папласовка за 5 км от дома, чтобы как-то прокормить большую семью (четверо детей к тому времени было: старшему - 8, младшей - несколько месяцев). Жили у двоюродного брата. Только в 1931 году построили свой саманный дом. К тому времени еще один ребенок в семье родился. Нужда была чрезмерная. Дети с малолетства работали то на топливо навозные «лепешки» собирали по степи, то дрова для больницы пилили, то за скотиной ухаживали. Александр Георгиевич вспоминал, что очень тяжелые были годы с 1932 по 1936. Люди умирали от голода, хотя хлеб был - все отбирали. В деревне знали: у какой калитки народ собирался, значит, там кто-то умер или «черный ворон» приезжал.

В школу Александр Георгиевич пошел на 2 года позднее (тяжело болел малярией). Закончив 7 классов в 1939 году, стал работать на элеваторе. А 28 августа 1941 года вышел Указ о депортации немцев. Разрешили брать с собой продуктов только на три дня, одежду - ту, что на себе. Пришлось оставить все, и 100 пудов хлеба, запасенного на зиму, и скот, 4 сентября к вечеру погрузили в телячьи вагоны и повезли в Казахстан. К этому времени в семье было уже 8 детей (младшему - 2 года).

- В дороге находились 16 дней, - вспоминает Александр Георгиевич, - Голодали, конечно. Многие умирали. Впрочем, мы к голоду привычные. Везли нас с военизированной охраной. Один раз в сутки давали какой-то суп, в том случае, когда эшелон прибывал на крупную станцию, где можно было готовить. Хлеб давали горький, с полынью. Привезли нас в деревню Боровлянка Змеиногорского района, у самого подножья Алтайских гор. На следующий день после прибытия направили на разные работы в колхоз. Возили на лошадах пшеницу на элеватор в Третьяки. По 40 пудов в колоде (мешков тогда не было). Дорога - 33 км в горах. Ночью приедешь туда в 12 часов, очередь отстоишь, пока сдашь хлеб. К пяти часам возвращались домой. Два часа на сон и опять на работу. Тут не голодали. Вещи меняли на продукты. Кормились на току, дорогой пшеницу ели. Ведь на трудодни ничего не платили.

18 января 1942 года Александру Георгиевичу пришла повестка из военкомата, как и другим парням. Они надеялись, что пойдут на фронт, но, оказалось, забрали в трудовую армию. В телячьих вагонах 16 дней везли в Котлас Архангельской области. Разместили там, в армейских палатках по 50-60 человек. Нары двухъярусные, одна печь. Работали по 12 часов без выходных. В восемь часов смена заканчивалась, пока одежду просушишь - время час ночи, а в 5 утра - подъем. На улице варили

чечевичный суп, а вместо соли - рыбы головы. Пить после этого очень хотелось. Если зимой снег ели - погибали многие, летом через платочек воду из луж пили - дизентерией заболели и тоже не выживали. Медицинской помощи не было. А строили завод «Мостострой» и мост через Северную Двину длиной 1100 метров, прокладывали дорогу от Котласа до Воркуты. Назывался лагерь СевЖелДорЛАГ НКВД. Жили в зоне под охраной, на работу водили под конвоем.

- 800 км от Котласа до Воркуты был сплошной лагерь, - рассказывает Александр Георгиевич. - Строили дорогу до Воркуты - стратегически важный объект. Трудились без отдыха. Ни от одного трудармейца я не слышал, что эта работа не нужна, все понимали: шла война. Непонятно было только одно: почему под охраной, и почему обзывали «фашистами»? Из-за плохого питания и тяжелой работы люди часто болели. Я за месяц потерял в весе 15 кг. С августа по март пролежал в лазарете, куда отправляли слабые команды, пока не набрал форму.

Если бы в лазарет не отправили, то не выжил. Многие мои товарищи остались там навсегда. Два с половиной года был я в Котласе, а в мае 1944 года отпустили домой, так как при распиловке дров раздробило пятку. В феврале 1946 года опять мобилизовали на постройку железной дороги Кулунда-Новокузнецк. Главными инструментами были кирка, лопата и тачка. И опять два с половиной года в трудовой армии.

В августе 1948 года приехал я в Коркино, где в то время жила наша семья. Осенью 1942 года мобилизовали в трудовую армию отца на разработку Коркинского разреза, а мать с детьми оставалась в Алтайском крае, потому что в 1942 году родила ребенка - девятого в семье (женщин с детьми до трехлетнего возраста в трудовую армию не брали). Только в 1946 году отец получил право привезти семью по месту жительства кормильца. В комендатуре отмечались до 13 декабря 1955 года. Не имели права отлучаться от места жительства дальше, чем на 3 км. А паспорта выдали нам только летом 1956-го.

В Коркино Миллер стал работать на Южном разрезе в монтажной бригаде, по том на дренажной шахте на борту разреза, а с 1954 года 16 лет проработал на 38-й шахте («Бектышской»). После ее закрытия довелось трудиться на «Пригородной» и на «Батуринской». В 1973 году пошел на пенсию, выработав шахтерский стаж.

С женой своей он познакомился тоже в Коркино в мае 1949 года. С тех пор они 53 года вместе, Эльза Готлибовна - доброжелательная женщина. Судьба ее складывалась не просто. Отца забрали в трудовую армию. Мать умерла, тогда девочке было 12 лет, а ее братику - 11. В детский дом Эльзу взяли при условии, что уменьшат ее возраст до 10 лет. В Коркино она была мотористкой на заводе железобетонных изделий. В 1963 году, окончив двухгодичные

медицинские курсы, стала работать участковой медсестрой, а позже - медсестрой в физкабинете поликлиники городской больницы № 1.

Слушая рассказ Александра Георгиевича, я поражаюсь его прекрасной памяти и знанию истории, его энергии и увлеченности, его активной работе в Обществе «Возрождение»,

председателем которого он является. Созданное 14 января 1990 года, оно работает совместно с Немецким обществом по техническому сотрудничеству («GTZ»), оказывающим помощь немцам, пострадавшим от репрессий.

Сейчас Александра Георгиевича нет с нами, в 2013 году его не стало, но остались не только память о нем, но и его мысли, его своеобразное завещание потомкам, его честная гражданская позиция. Хочу предложить вашему вниманию две публикации из газеты «Горняцкая правда», в которых он не прятался от проблем общества, а шел вперед, даже если это могло не понравиться не только землякам, но и органам власти.

ДАВАЙТЕ НАЧИСТОТУ

«Все, что касается национальных проблем, проходит через сознание, душу человека. Вот почему каждый гражданин нашего общества должен сказать свое слово, зовущее к успокоению межнациональных страстей». Эти слова из выступления М.С. Горбачева по Центральному телевидению наша городская газета предпослала к статье Е. Ф. Корсуновой «Судьба у нас одна», напечатанной 8 июля сего года. Очень хорошие, теплые слова. Я верю, что Евгения Федоровна искренне желает единства и дружбы между народами.

В общечеловеческом понятии так и должно быть.

Вы, Евгения Федоровна, пишете, что судьба у нас одна. Да, должна быть одна. Но в жизни так до сих пор не было. Поэтому мне не понятен Ваш благодушный настрой, когда Вы пишете о людях разных национальностей.

Я немец. Все что пишу, никоим образом не должно быть понято читателем, как попытка разжечь национальные страсти. Я не поеду ни в Германию, ни тем более в Америку. Буду так же дружелюбно относиться к людям всех наций, как и прежде. И все же хочу рассказать о том, что лично пережил, что хорошо знаю.

Родился и вырос в большой семье. Нас семь братьев и две сестры. Родителей в живых нет. Из семи братьев никто не курит и не пьет. Наша семья сильно разрослась – общее число составляет 114 человек, причем семья многонациональная. Все наши семьи дружат между собой, что не так уж часто в наше трудное время.

В 1941 году по сталинскому указу немцы, в том числе и наша семья, были выселены с Волги в Сибирь. Старшего брата призвали в армию на действительную службу еще в 1939 году. Он участник Великой Отечественной войны. Отца, меня и еще одного младшего брата забрали в трудармию. Мать увезли в чужие края на Алтай, одну с шестерыми, мал мала меньше. Старшей было 13 лет. Трудно передать словами, как они пережили войну. Видно, судьбе было угодно – все остались живы.

Я попал на север, в город Котлас. Было мне 18 лет, комсомолец. Лагерь, куда нас,

немцев, поместили, назывался Сев.жел.дор. лаг. НКВД. Рядом с лагерем заключенные, условия содержания одинаковые. Сначала жили в палатках, потом перевели в овощехранилища, где нам приготовили трехъярусные нары. Кормили очень плохо 400 граммов хлеба и чечевичная похлебка да рыба соленая. Дадут утром рыбы и угонят в лес, где вода только болотная, болотная коричневая с миллионами микроорганизмов. Сразу эпидемия дизентерии и многие ушли из жизни уже весной 1942 года.

Летом того же года нашу бригаду (я был самым младшим) перевели в другую колонну, в сорока километров от Котласа, на разъезд Березово. Там был шпалорез. Надо было выгружать из вагонов круглый лес по специальным покотам, передвигать его по рольгангу и дальше к пиле, где бревна распиливали на шпалы. Работали по 12 часов. Поскольку здание шпалореза стояло возле болота, то в яме, куда падали опилы, накапливалась вода. Отводили ее траншеей в специальный колодец, а оттуда отчерпывали опять же в болото. Вот это и была моя работа.

Однажды августовским вечером наша бригада в сопровождении конвоира прибыла на работу. Конвоир ушел на станцию по своим делам. И так как специалист по пиле был занят своим делом, мы, молодые, попросились по ягоды – благо лес был рядом. А ягода, как известно, заманивает, да еще голодных. Вернувшийся конвоир, видя, что нас нет, подумал, что мы убежали, тут же кинулся за поисковой группой. Когда они (их было семеро) прибежали, мы уже работали. На вопрос «где они?» бригадир показал на меня. Без какого-либо выяснения, что и как, я получил такой сильный удар в щеку, что не удержался на ногах и упал. И тут меня начали бить, пинать. Когда натешились, двое меня подхватили и повели в зону. Начальник колонны крикнул в догонку: «В карцер его!»

Дорогой, а идти нужно было с километр, один из конвоиров все пытался собаку-овчарку на меня натравить, на что второй не соглашался. Они все время заставляли меня бежать все быстрее и быстрее, а я уже не мог. И все-таки

злодею удалось осуществить задуманное. Он отцепил поводок и овчарка, разорвав одежду, вцепилась зубами в мое тело. В шоковом состоянии меня кое-как довели до зоны. В проходной уже ждали, чтобы посадить в карцер. Он помещался под землей, там набиралась вода., и тот кто туда попадал, долго не жил. И, о судьба! Дежурила в ту ночь женщина, пол. Начальника по труду. Она вызвала врача. Врач обработал раны и дал освобождение на неделю.

Возникает вопрос: есть ли разница между тем, что советских пленных терзали немецкие овчарки, а меня не пленного терзали наши овчарки? Подумайте над этим. Отношение к нам было ужасным. Нас иначе не называли, как фашисты, фрицы. Я бы мог привести много примеров, но вот лишь один. Однажды вечером нас вывели на работу. Один из бригады почувствовал себя больным. Его вытолкали за ворота, и через три дня он умер.

Немцы были настолько и так долго лишены всех прав, что моему старшему брату, участнику войны, больше сорока лет даже в голову не приходило оформить об этом документы в военкомате. Только в 1985 году во время митинга в День Победы мне вдруг пришла эта мысль.

Теперь, Евгения Федоровна, поговорим о тех немцах, о которых Вы пишете да пишете не все. Ваши слова: «... В первые годы переселения в Коркино они жили в невероятно тяжелых условиях, встречались с несправедливостью, были ограничены...» Почему они жили в невероятно тяжелых условиях? Почему были ограничены? Разве мы, немцы, в Коркино имеем теперь все, что нам, как и всем нациям великого Союза, гарантировано Конституцией? Может, у нас в Коркино есть детские сады, где наши малыши могли бы расти и развиваться на национальных традициях? Нет также школы для наших детей, нет очага культуры. Непросто купить у нас книгу на немецком языке. Мы даже не можем говорить на родном языке в общественных местах. Сразу пальцем тычут – фашисты заговорили. Я не однажды был свидетелем этого. Правда, в последнее время наше городское радио стало иногда вести передачи на немецком языке. Это радует и вселяет надежду.

Вы пишете: «...встречались с несправедливостью...» А почему была допущена эта

несправедливость?

Вы пишете: «... Коммунист горный техник Петр Петрович Унрау в свое время возглавлял бригаду, которая погрузила за год на ленточный конвейер более миллиона тонн угля, сэкономив при этом около 2 тысяч рублей и сохранив экскаватор в отличном состоянии...» Надо подчеркнуть, что бригада П.П. Унрау не раз достигала таких высоких показателей. Так почему русские за равные показатели получали звание Героя Социалистического труда и ордена Ленина, а немцу Унрау даже ордена не дали? Почему при столь сильных партийных, профсоюзных организациях на разрезе такое стало возможным? Назовите нам виновных.

Я хорошо знаю Петра Петровича Унрау. Честный коммунист, принципиальный человек, порядочный семьянин. По сей день продолжает работать. И не озлобились эти немцы потому, как Вы пишете, что в них есть чистоплотность, порядочность, патриотизм и преданность Советской Родине. Хорошо сказано. И тем не менее, я это заметил, обида в душе затаилась. Ни одна нация у нас в Союзе не претерпевала столько унижений и оскорблений, сколько немцы. И, чтобы это исправить, нужно время. Нужно рассказать всему советскому народу правду о том, почему такое случилось. Нужно осудить виновников теперешнего положения в межнациональных отношениях. Нужно обеспечить равноправие всех народов нашей страны, как того хотел Ленин.

Если все это закрепить законом и закон этот будет выполняться, то все страсти как приходят, так постепенно уйдут. Жизнь это подтвердить.

И последнее, Евгения Федоровна. Вы пишете, что в нашем доме живут люди разных национальностей, что их дети дружно играют во дворе. Это хорошо. Прекрасно, пока они дети. А когда вырастут? Как им объяснить, почему у них немецкие, татарские, нагайбакские, украинские, казахские фамилии, а языка родного не знают?

Нам, взрослым, надо подумать над этим, И крепко подумать.

**А. Миллер, ветеран труда.
В случае публикации гонорар прошу
перечислить в фонд пострадавших в
катастрофе у города Аши
«Горняцкая правда», 1 августа 1989 г.**

МОЖЕТ, ХВАТИТ ПЛАКАТЬСЯ?

Прошу слова

Мне иногда кажется, что некоторые граждане живут в глухом лесу – не видят, ни слышат перемен, происшедших в нашей жизни. Когда слушаешь и читаешь таких, оторопь берет от их привязанности к родной КПСС. Взять последнее выступление ветерана войны и труда П. Горшкова, опубликованное в «Горняцкой правде» 4 января под заголовком: «За что су-

дить нас, рядовых?» Да и ранее были подобные выступления ряда коммунистов, которые даже требовали публичных извинений от В. Попова за его нашумевший в городе плакат: «Нюрнберг-2»

П. Горшков пишет, что долго молчал и терпел незаслуженные оскорбления, пока не услышал горячий призыв судить КПСС и бывших

коммунистов за то, что страна и народ ныне переживают. Могу вас, уважаемый П. Горшков, понять, как человека, отдавшего здоровья войне, честно работавшего там, где было нужно. И за это вас не судить, а благодарить нужно. А вот как коммуниста я вас понять не могу. Вы 50 лет верой и правдой служили своей партии, регулярно платили взносы, а партократы, обобрав вас и нас, строили дачи, покупали дорогую мебель, катались на государственных машинах бесплатно и т.д.

Вы, внештатный корреспондент и народный контролер, писали жалобы на хапуг, а ваш материал шел в корзину, партократы решали за вас, как поступить. И вы, честный коммунист, зная все это, не протестовали, не вышли из партии, а пытались ей служить, принимая новые унижения. Вот этого и понять не могу и не хочу.

Все важнейшие решения в жизни страны исходили из недр КПСС, советский народ покорно их исполнял. В партии состояло 19 млн. членов, остальные – около 300 млн. Мы тоже честно служили Родине и трудились каждый на своем месте. Почему же действия коммунистической партии были так преступны и оскорбительны для собственного народа? Вы, коммунисты, об этом когда-нибудь серьезно думали? Вот за это за все нужно вас судить хотя бы нравственно. Вы, члены этой партии, тоже несете часть моральной ответственности за ее действия. И не обижайтесь, если кто-нибудь ткнет пальцем в Ашу сторону или скажет обидное слово, – каждому свое.

Сто раз прав В. Попов: партию нужно судить. Начиная с того, что в 1917 году большевики совершили переворот, страна раскололась на два лагеря – красных и белых, разгорелась гражданская война. В братоубийственной войне погибло 8 млн. человек, многим пришлось покинуть родину. В конце 20-х большевики ликвидировали НЭП – задушили частную собственность и свободное предпринимательство. В начале 30-х раскулачили наиболее зажиточных, работающих крестьян, а тех, кто остался, загнали в колхозы, где, чтобы не помереть с голоду, приходилось воровать. Отсюда началось планомерное экономическое разрушение. Страшный голод 33-го года в коллективизации унес еще 13 миллионов человеческих жизней.

Можно еще вспомнить, как за инакомыслие людей признавали врагами народа и одних ставили к стенке, а других ссылали в лагеря, морили в психушках, делали алкоголиками и преступниками. В этой кошмарной мясорубке погибло еще 40 миллионов человек. Заметьте, все это делалось в мирное время и по указанию партии, как во благо народа. Так что же это за партия, которая все от имени народа делала ему во вред? Созидательная или разрушительная?

Теперь о жестокости фашистов. Мое понятие в этом вопросе такое: сначала были коммунисты, потом появились фашисты, сначала был Сталин, потом появился Гитлер. Историкам еще предстоит разобраться, чья идеология была преступней – коммунистическая или нацистская. Вот, что, например, говорил Л. Троцкий на X Всероссийском съезде Советов, когда создавался СССР: «Если бы Советская власть погибла, то пролетарская революция в Европе была бы отсрочена на долгие десятилетия... Буржуазия грозит хлебной блокадой европейской пролетарской революции, в случае, если она победила». Но товарищ Троцкий уверенно заявляет: «Революционную Европу будет кормить Советская Россия... Мы останемся на своем посту, пока не подойдут резервы и не взойдет красное знамя Европейского Социалистического Союза Советских республик как предтечи мирового союза пролетарских революций». Так кто кому грозил?

Экспорт революции шел все 70 лет. В 18 государствах коммунисты пробовали установить социализм – где с помощью оружия, где щедрыми подачками. Даже герб СССР символично красовался на фоне всего земного шара... А где теперь этот социализм? Какой вред нанесла «братская помощь» нашему народу и государству?

Вы, уважаемый П. Горшков, заговорили еще об одной большой проблеме – о преступности. По этому поводу я бы вам посоветовал сходить к священнику. Он вам расскажет, кто церкви разрушал, веру у людей отнимал, отчего преступность растет. И вам сразу легче будет. Убежден.

**А. Миллер, ветеран труда.
«Горняцкая правда»,
17 января 1992 год**

Новита Закатова

ПРОФЕССОРУ ЮУРГУ В. КЛЕЙМАНУ - 80 ЛЕТ

**В свои 80 бывший заместитель Макеева и нынешний
профессор ЮУРГУ даст фору молодым.**

Владимир Леонидович Клейман окончил Ленинградский военно-механический институт (1954), инженер-механик. Доктор технических наук (1988), профессор (1987).

Лауреат Ленинской премии (1964), Государственной премии СССР (1980), премии Совета Министров СССР (1986), действительный член Международной академии информатизации (1995), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (1988). Герой Социалистического Труда (1975). Награжден орденами Ленина (1969, 1975), Трудового Красного Знамени (1961), «Знак Почета» (1963), медалями. Почётный гражданин города Миасса.

С 1954 г. — в гг. Златоусте, Миассе Челябинской области, в СКБ № 385 (КБ машиностроения, ФГУП «Государственный ракетный центр «КБ им. академика В. П. Макеева»): инженер, ведущий конструктор, первый заместитель генерального конструктора — заместитель начальника предприятия, г.н.с. С 1999 г. заведует кафедрой прикладной газовой динамики Миасского филиала Челябинского государственного университета. В 1969—1986 годы он работает заместителем главного редактора научно-технического сборника «Ракетно-космическая техника, серия XIV».

Участник серийного освоения производства оперативно-тактических ракет Р-11 и Р-11М. Участник разработки трех поколений стратегических морских комплексов с ракетами Р-11ФМ, Р-21, Р-27, Р-27У, Р-27К, Р-29, Р-29Р, Р-39, Р-29РМ и одиннадцати их модификаций в части проектно-конструкторских разработок и технического обеспечения производства. Предложил ряд оригинальных технических решений в области применения новых конструкций корпусов ракет и совмещения функций их элементов, новых легких конструкционных материалов и теплозащитных покрытий, технологических приемов изготовления цельносварных конструкций, организации технологического обеспечения. Имеет 20 авторских свидетельств на изобретения. Автор 31 печатной работы, в т.ч. 1 монографии.

Заслуженному работнику Государственного ракетного центра Владимиру Леонидовичу Клейману исполнилось восемьдесят лет. На перечень его регалий потребуется несколько страниц. Рассказ о нем и его деятельности вылился бы в увесистую книгу. Можно рассказать и покороче: в 32 стал первым заместителем «самого Макеева», который дал ему такую характеристику «человек высокой инженерной эрудиции, обладающий незаурядными организаторскими способностями». Участвовал в разработке и отработке трех поколений морских ракетных комплексов, действительный член Международной академии информатизации и член-корреспондент Петровской академии наук, один из инициаторов создания в Миассе филиала Челябинского государственного университета, доктор технических наук, профессор Миасского филиала ЮУрГУ, почетный гражданин города.

Юбиляр и с виду не похожа «пожилого» человека и душа его постоянно стремится вперед и вперед. В этом корреспондент сайта mediazavod.ru убедился лично.

- Владимир Леонидович, вас привыкли видеть преимущественно в «мундире» ракетостроителя. Предлагаю сменить его на костюм преподавателя и обыкновенного человека, чтобы побольше узнать о вас с этой стороны. Начнем с ощущений юбиляра.

- Жив, в меру здоров. Пока есть дело – на плаву. Работать буду, пока хватит сил.

- Так затянуло, а ведь поначалу, кажется, думали, что ошиблись в выборе?

- В какой-то момент понял, что достаточно накопил знаний, опыта и пора делиться ими с молодыми. Теперь счастлив: нашел свою стезю в работе со студентами и соискателями ученых степеней и званий.

- Вы так же их наставляете, как вас когда-то Макеев? Делай, ошибся – исправь, не стесняйся спросить – поможем...

- Примерно так. Главное, дать знания, подбодрить, разбудить творческую мысль, подобрать верную тему для диплома, где можно полностью выразить свои идеи. Силой знания не вобьешь. Такой метод работает: на моей памяти не было ни одного провала на защите диплома.

- Вы преподаватель-либерал?

- Не ставлю плохих отметок. Боюсь плохих ответов, потому что самому стыдно становится. «Завалить», ввести в смятение просто, но задача-то другая стоит: чтобы студент сам разобрался.

- Нынешние девятнадцатилетние отличаются от вас в таком же возрасте?

- Да. Мы дети военных лет, привыкшие к лишениям, а они сытые, довольные, амбициозные. И головастые, что самое главное. Вот это и радует.

- Вы как-то заметили, что, оглядываясь на начальный период работы в ГРЦ, ничего не боялись. Сегодня чего-нибудь страшитесь?

- Я потерял мать и жену... вот это страшно. А в остальном – где оно, ведь я же на работе постоянно пропадаю. Для домоседства непригоден – не садовод, не огородник, машину давно не вожу. Одно хобби у меня – учить так, чтобы молодые были лучше нас и перспективнее.

- Трудно поверить, что конструктор не искал вдохновения в музыке, живописи, поэзии. Вы же недалеко от физиков-лириков ушли...

- Люблю Окуджаву, Есенина. К музыке трепетно отношусь, это суть души человека. Особенно нравятся романсы и русские песни. Каждый день понемногу слушаю Высоцкого – поет сердцем, в текстах глубокий смысл. В молодости в командировках старался побывать в Третьяковской галерее, в Русском музее. В нашей семье неплохие художественные традиции: дядя хорошо рисовал, двоюродный братишка. Я в молодости пытался рисовать. Помню один из своих рисунков карандашных – последние минуты жизни Спартака. Сюжет приглянулся сильным характером героя, динамикой. Ну а сейчас люблю смотреть картины внучки-художницы, она учится в академии имени Мухомовой.

- Какие профессии выбрали две другие внучки?

- Одна кандидат экономических наук, преподает в ЧелГУ, другая учится на факультете

«Евразия и Восток», уже дважды побывала в Китае.

- Как вы относитесь к политике?

- Хочется пропеть «Не сыпь мне соль на рану...» Носитель политики должен быть честен, эрудирован, постоянно двигаться вперед.

- Телевидение признаете?

- Только новости и передачу «В нашу гавань заходили корабли».

- Не посещала мысль оформить свои профессиональные и житейские воспоминания в книгу?

- Никогда. Таланта и времени на это нет.

- Если бы вас попросили дать наставление молодым, чтобы вы сказали?

- Живите честно. Всегда надо быть самим собой. Учитесь всегда. Умейте отличить плохое от хорошего. Не стесняйтесь делиться знаниями. А то на том свете все припомнят!

В Миассе скончался сподвижник академика Макеева Владимир Клейман

7 апреля 2014 года в Миассе на 84-м году жизни скончался Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук, профессор, почетный гражданин города, сподвижник академика Виктора Макеева и заслуженный работник местного государственного ракетного центра Владимир Клейман, сообщается на сайте ГРЦ.

Владимира Клеймана называют настоящим символом эпохи становления отечественного ракетостроения, одним из выдающихся технических специалистов, принимавших непосредственное участие в разработке трех поколений ракетных комплексов, соратником и первым заместителем главного конструктора КБ машиностроения (ныне ОАО «ГРЦ Макеева»), академика Виктора Макеева.

Окончив в 1954 году Ленинградский военно-механический институт по специальности «Ракетостроение», Владимир Леонидович на протяжении всей своей жизни оставался верен делу создания стратегических ракетных комплексов для военно-морского флота страны. Автор 20 изобретений, двух монографий, 32 статей, он в последние годы трудовой биографии, а она составляет без малого 60 лет, много времени и сил уделял педагогической деятельности. Будучи заведующим кафедрой прикладной газовой динамики Миасского филиала ЧелГУ, он передавал свой богатый опыт ученого и практика будущим инженерам и принимал непосредственное участие в становлении молодых специалистов ГРЦ. На встречах с ними он часто повторял: «Одно хобби у меня –

учить так, чтобы молодые были лучше нас и перспективнее».

**ГРЦ Макеева
Екатерина Гвоздикова, специально
для Chelyabinsk.ru
8 апреля 2014 г.**

Юрий Фоос (литературный псевдоним – Юрий Седов)

ПОВЕСТЬ В НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Моя жизнь началась в Омске через 12 дней после расстрела моего деда Фоос Якова Адамовича. Ему было 63 года. Ремесленник без всякого образования, столяр-краснодеревщик, мастер на все руки, и вдруг – «враг народа». 37-й год, 20-я годовщина народной власти... Без отца осталось семеро детей, без мужа – жена его Катерина (в девичестве Корн). Половину дома, построенного дедом, занял местечковый комитет НКВД. В их среде нашелся земляк-гуманист, который дал совет: разбегайтесь!

Разбежались. Трое – Вильгельм, Павлина, Фридрих (мой отец) – уехали в Салехард, остальных приобрели на свое «попечение» известные органы: Ольгу – казахские степи (д. Салтаим), юнца Артура – шахты Алтая, Нину, еще школьницу – тайга под г. Серовым (Свердловская область).

В 1941-ом отца с Ямала забрали в трудармию в Челябинск... Увиделись мы в конце 1945 года. Отец никогда не рассказывал детям о пережитом в паническом страхе повторного ареста, потому же никогда не говорил дома по-немецки, но всегда при упоминании имени отца с трясущимися губами по-детски плакал. Ему было 47 лет. И жили мы всемером в барачных комнатах до 1954 года.

Понятно, что детских воспоминаний особого рода не густо и все же помню, что до 7 класса школы мы с сестрой должны

были отмечаться у строгих наших «защитников» в серой комнате барака на 3-ем участке Ленинского района.

После 7-го класса, обольщенный речами вербовщика из Челябинск-40 («сороковки»), наивный юнец, я решил поступать в тамошний техникум, и после спектакля с диктантом по русскому языку, был, естественно, отсеян, и слава Богу. Тем же окончилась попытка поступить в Клайпедское мореходное училище: в областном отделении ГПУ мне не дали разрешение на выезд...

Однако, на житейском уровне почти никогда и никто не третировал нас (а нас – детей в семье было четверо) как чужаков немецкого происхождения. В мире детей это не было принято, общими врагами были воры, бандиты, торгаши-спекулянты. К тому же долгое время в барачном и пост-барачной жизни нашими соседями и соучениками были Миллеры, Пфунты, Пфефферы, Мильбергеры и т.д. Так что этим я не терзался. А в школе математик Г.Г. Пропп со смущенной улыбкой призывал меня быть старательным и ставил «4» вместо «5», чтобы не быть заподозренным в пристрастии...

Теперь уже на пенсии, я живу на ЧМЗ, где «нашего брата», как известно, полно – это беспамятные потомки тех, чьи, не знавшие иного захоронения, несметные кости лежат под шлаковыми отвалами и фундаментами цехов металлургического гиганта.

...Вот и вся моя юная «история». Живу, не убегая от судьбы и России, ибо Родину не выбирают, как и Время.

Октябрь, 2013. Челябинск

Лев Рохлис

«ДЕТАЛИ РАДОСТИ СКУПЫЕ...»

Беглые заметки о поэзии Юрия Седова

Ее величество Муза знает Юрия Седова давно. Поэт служит ей верой и правдой, отказавшись во имя ее от всевозможных жизненных благ: от денежной карьеры и т.д. Служит бескорыстно, без суеты, не размениваясь по мелочам, денно и ночно, потому что не служить ей уже не может.

Это - Судьба.

Время от времени я перечитываю стихи Юрия Седова и открываю их для себя заново.

Не скрою, мне импонирует его неторопливая классическая манера повествования – без вычурности, без литературного украшения и ложного пафоса. Речь поэта естественна, в меру образна, не перегружена деталями. Слову в строчке дышится легко и свободно, потому что оно чувствует себя на своем месте.

Сегодня мне бы хотелось поговорить не

вообще о поэте Юрии Седове, а только о некоторых его стихотворных строчках, о тех частностях, в которых угадывается нечто большее, чем частность.

Вот несколько названий его поэтических сборников. Например, такое – «Не тают круги на воде». Строчка из стихотворения. Но какая! У подножия такой строчки хочется постоять, вглядеться в ее облик и в пространство, которое она образует.

Или другое название книги – «Сегодня ночью будет снег». Тоже строчка из стихотворения. Замечательная, кстати. Я в эту строчку влюблен. Мне в ней тепло, несмотря на зимнее дыхание. Она какая-то колдовская, пророческая. Очень емкая.

Или еще, из того же самого стихотворения:

*...И одинокий человек,
Пустынный двор пересекая,
Напоминает прошлый век...*

Всего один штрих – а нам уже видится и этот человек, и его нелегкая судьба. Должен заметить, это всегда забавно – отлавливать отдельные строки и пытаться увидеть в них нечто большее, чем одна строка.

*...День вчерашний,
Апрелем продутый,
Маем выметенный – привет!..*

Тут все интересно для меня – и персонификация вчерашнего дня и интонация. Можно ходить вокруг этих строчек и находить в них все новые и новые смыслы.

В какую бездну падают слова!..

Так и видится: и эта бездна, и летящие, как листья слова, и мало ли что еще! А Вт совсем наугад выхваченная из стихотворения строчка:

Целый день не кончается вечер...

Что тут скажешь? Мимо нее можно проскочить и ничего не заметить. Но если читать не галловом, то она, эта строчка, порадует нас

Юрий Седов

Жизнь закипала в мировом эфире:
Из клетки стало – две, из двух – четыре,
и дальше-больше ... Дружно, шумно,
тесно, уже и не хватает места в мире,
а мне же весело и интересно.
Но вот кому-то разделиться лень,
кому-то поделиться – горше редьки.
Как водится, пришел и черный день,
И улицы не те, и песни редки.

и пиво с солью – пресная вода...
Ах, если бы все началось сначала!
Но прежнего у солнца нет накала,
и заливают божий мир вода.

Остались только крыши, провода,
и мчатся тучи, словно молодые
беспамятные, чудные года...
Куда ты, птица-тройка?
Мчат гнедые.
Ответа нет... Не будет никогда.

* * *

Зной. Пустырь. Полюнь. Высоко
коршун кружит в синеве...
Господи, как далеко.
Помню гусениц в траве,
головастиков в болотце.
Там теперь стоят дома
серые, а в прошлом льется
ясная вода – сама
музыка, и небо – синий
купол цирка. Сожжено
чудо. Хвост огня павлиний
канул в прошлое давно.

* * *

Сумбур припоминанья снов,
Захлеб бессмысленный...Как пусто
вокруг! Ломают пальцы с хрустом

своим удивительным свечением и скрытым подтекстом.

*...Все клонится к тому,
Чтоб возвести в святыню
Минуту, краткий миг мгновенья,
Мелкий штрих
Во времени...*

Собственно, из этих, запечатленных в слове мгновений и состоят книги Юрия Седова, «детали радости скупые».

Вообще же читать его стихи – занятие для меня всегда интересное. Он ведь не только мастер отдельной строчки, о чем я пытался бегло поговорить.

Так же, как в капле отражается море, так и в одной капле стихотворения, то есть в строчке, угадывается дарование поэта, его умение видеть то, чего другие не видят.

А Юрий Седов прежде всего – поэт, и, смею думать, весьма значительный и своеобразный, чье поэтическое творчество заслуживает более широкого признания и более пристального внимания.

и не находит нужных слов.
Махнет рукой: - Идти домой?!
Зачем? Там сны опять, как тучи...
Весна. Пройдет трамвай скрипучий
Путем привычным – в день былой.
А там – вчерашняя – Она
мелькнет, не поднимая взгляда,
и снова – в прошлое, одна...
Привиделась – и то отрада.

Еще случается: возьму
Одну из книг (сказать ли прямо -
моих..?), что сердцу моему
когда-то грезились упрямо.
Но в них уже другие дни.
Я слов, что мной владели прежде,
не узнаю; давно они
меня оставили в надежде,
что заживу своей судьбой.
А что она – моя свобода?..
Усталый полог небосвода,
как встарь, томится надо мной.
Сквозняк и тополиный шум,
Мелькают желтые страницы -
виденья лет забытых дум,
как будто там ширяют птицы
от свалки к свалке – наобум.

* * *

После войны
Печного дыма дух угарный
На старых улочках в ночи...
Одноэтажный мир! Базарный
гул! Белый остров каланчи
пожарной. Готики амбарной
остатки...Ставни. Сани. Стук
шеколд...Вдруг солнца злой, янтарный
мороза утреннего круг.
Закроешь форточку – и канет
мелькнувший миг в наш новый век,
снежинкой на озябшей длани

замрет. И солнце скроет снег.
Что было Там, то Здесь приснится,
приблестится, но краток сон:
как жизнь сама, растёт он
И ни за что не повторится.

* * *

Душа моя, тебе светло?

Не дует ли в щели оконной?
В день памяти тебя внесло
ко мне пылинкой озаренной.
и, как пылинка в световом
столбе, ты просияла кратко
и растворилась без остатка
В далеком бытие твоём
на этом свете... и на том.

Артур Кабаневский

ЕВГЕНИЙ ГАФНЕР: «УШЁЛ ИЗ ПОЛИЦИИ ИЗ-ЗА КОРРУПЦИИ НОЯБРЬСКИХ ЧИНОВНИКОВ»

У старшего тренера по шахматам ноябрьской СДЮСШОР Евгения Гафнера удивительная судьба. Я и раньше знал Евгения Яковлевича: интеллигентного, уравновешенного, очень спокойного человека. Но знал, как оказалось, «шапочно». После двух часов разговоров «за жизнь» он открылся для меня совершенно с другой стороны: интересная жизнь, большое количество поворотов почти на 180 градусов. Но все же шахматы в ней занимают центральное место, ибо к ним Гафнер возвращался всегда. Очень жаль, что такой человек решил увольняться и, возможно, скоро уедет на свою малую Родину...

Принципиальное соперничество с отцом

– Евгений Яковлевич, традиционный для нашей «Гостиной» вопрос: где и когда родились?

– Это произошло в 1960 году в городе Коркино, Челябинской области. Именно там я и провел свое детство и юность.

– Когда «подружились» с шахматами?

– Да с самых малых лет. Мой отец Яков Давыдович был очень сильным шахматистом, 14 раз выигрывал чемпионат города, встречался с очень известными в то время во всем мире игроками и со многими из них имел положительный счет. Так, обыгрывал югослава Святозара Глигорича, венгра Сало Флора, нашего Александра Котова. С Ботвинником у него был ничейный результат, проиграл только Корчному. Наверное, он мог бы выступать на самом высоком уровне, однако являясь поволжским немцем, он в 40-50-е годы XX века находился под постоянным контролем комендатуры и покидать город мог только по специальному разрешению.

Впоследствии отец на протяжении почти 30 лет работал главным бухгалтером ОРСа «Коркинуголь», и работа оставляла ему крайне мало времени для участия в соревнованиях. Я же с раннего детства научился шахматным азам и вскоре пришел в шахматный клуб. Но начинающие разучивали там только, как ходят фигуры, что такое диагональ, и мне стало неинтересно. Так что я занялся другими видами спорта.

– Какими?

– Занимался конькобежным спортом и в 6-м классе даже стал чемпионом Коркино, а также выступал за сборную города по хоккею. В Челябинской области всегда была хорошая детская спортшкола по этому виду спорта. В одном из матчей я получил серьезную травму. Играл в нападении, был негабаритным, но быстрым и скоростным нападающим. В той игре бежал в атаку и решил, что успею проскочить между бортом и увесистым, широкоплечим защитником... В результате порвал связки на ноге, после чего с карьерой хоккеиста и конькобежца мне пришлось попрощаться.

– И вы снова вернулись в шахматы?

– Совершенно верно. Сперва участвовал в конкурсе газеты «Пионерская правда», где получил III разряд, после чего добился некоторых успехов и стал играть уже в первенстве города среди мужчин. Там произошел достаточно памятный для меня случай: в турнире играл и мой отец, и перед последними турами он был лидером, а я аутсайдером, но чтобы стать первым, отцу необходима была победа в партии со мной. Она получилась очень сложной, но я, проигрывая, смог вырвать в концовке ничью. Мы с папой молча доехали до дома, и он потом целую неделю не разговаривал со мной! Помню, подходит ко мне мама и говорит: «Ты что, сынок, творишь?! Отцу проиграть не мог!».

– Я представляю это щекотливое положение...

– С тех пор мы с папой всегда играли быстро: только начиналась партия, кто-нибудь

сразу же предлагал ничью. А когда я учился в 10 классе, мы встретились с отцом за доской в последний раз. Как обычно, разыграли дебют, я предложил ничью, но отец ее не принял. Ту партию я выиграл, и мы больше никогда не играли с ним. Если я заявлялся на какой-либо турнир, отец в нем принципиально не участвовал.

Со временем я, продолжая нашу династию, также неоднократно становился чемпионом города по шахматам.

Карьера милиционера

– Как развивалась ваша карьера за доской дальше?

– В скором времени она закончилась. Получилось это так. После школы я поступил в Челябинский политехнический институт, на энергетический факультет. Отучился год, имел неплохие оценки, но понял, что это не мое. Забрал документы и поехал во Львовский институт физической культуры, где собирался поступать на шахматный факультет. Но не прошел приемную комиссию из-за отсутствия всего одного документа – характеристики из «политеха». Факсов и Интернета тогда не было, пришлось возвращаться домой ни с чем. Так я попал в армию. Служил в химвойсках, а когда демобилизовался, то понял, что в шахматах заметно отстал от своих сверстников. Многие из них уже были мастерами, играли в чемпионате СССР... Все-таки два года «простоя» – большой срок для любого вида спорта. Я чувствовал, что мне уже не догнать упущенного...

– И...

– И поступил в Хабаровскую высшую школу МВД СССР на факультет оперативно-розыскной деятельности. После учебы вернулся в Челябинскую область и работал по специальности в городе Касли. Прошел все ступени от оперуполномоченного до начальника криминальной милиции. И тут наступила перестройка и лихолетье 90-х годов! Законы не работают, денег нет даже на канцтовары, бензина нет, задержки по зарплате.

– А как попали к нам в Ноябрьск?

– В 1992 году знакомый позвал на Север, посмотреть, как здесь живут и работают. Я приехал, а вскоре перевелся в ноябрьское УВД на должность начальника уголовного розыска. Смутные были времена: множество преступных группировок, расцвет рэкета и наркомании, сращивание преступности с властью и бизнесом. Незаконный оборот оружия достиг чудовищных размеров. В городе среди бела дня стреляли, взрывались автомашины. Появились новые виды преступлений, не характерные для эпохи социализма. Так, на один из каналов нашего телевидения поступило анонимное письмо с угрозой взрыва одного из детских садов, если в указанное место не будет доставлена определенная сумма денег. Чтобы не рисковать жизнью детей и не вызвать паники среди жителей города, было принято решение закрыть под благовидным предлогом на некоторое время все детские сады. В раскрытии

этого преступления были задействованы все правоохранительные службы нашего города, и, благодаря профессиональным действиям моих сотрудников, удалось найти преступника и изъять необходимые вещественные доказательства.

Спорт или искусство

– Отслужив положенное, вы ушли из милиции?

– На пенсию я ушел по выслуге лет. Этому способствовал мой конфликт (это даже очень мягко сказано!) с некоторыми руководителями нашего города того времени – 90-х годов. За их пафосными и красивыми словами, пронизанными заботой о жителях нашего города, скрывались ложь и лицемерие. И так как я «случайно» узнал об этой стороне их жизни, мне было предложено покинуть занимаемую должность. От такого предложения в то время отказаться было невозможно, надо было думать и о своей семье. Вот так, без единого взыскания в послужном списке, а, наоборот, имея сотни поощрений за раскрытие преступлений различной тяжести, был вынужден уйти на «заслуженный отдых».

Сначала ушел в частную охрану. Зарплата высокая, работы по сравнению с милицией практически нет. Руководство довольно – вон какая «крыша»: бывший начальник уголовного розыска работает. Но сразу почувствовал, что это не мое, и довольно быстро уволился.

– Я так понимаю, после этого вы снова «вернулись» в шахматы?

– Получилось это спонтанно. Проходил как-то мимо шахматного клуба газовиков. Ну и решил зайти. Поиграл там день, два, три, а затем тренер клуба Владимир Оноприенко позвал на работу. Впоследствии перешел в СДЮСШОР, где сейчас и тружусь.

– Вернемся непосредственно к шахматам. Давний спор: это спорт или искусство?

– Если вы играете на любительском уровне, то, скорее всего, искусство, а если участвуете в профессиональных турнирах, то, безусловно, спорт. При этом подготовка к престижным соревнованиям и выступление на них требуют от человека огромной концентрации, умения выдерживать психологические нагрузки, которые несравнимо больше, чем в некоторых других видах. Сегодня шахматы развиваются так динамично, что в 40 лет ты уже пенсионер для профессионального спорта.

И в нынешние времена шахматам в мире уделяется огромное внимание.

– С чем это связано?

– Об этом можно говорить бесконечно. Какая задача стоит перед любым здравомыслящим правительством: вырастить умную и физически здоровую нацию – тогда она будет просто обречена на успех. Так вот, занятия шахматами решают первую из этих двух задач. Это уже давно поняли многие страны: смотрите, в Америке настоящий шахматный бум, в Индии, Индонезии, Китае и даже Катаре! Во многих странах мира шахматы являются обязательным

предметом для изучения в школе. В США и Англии при поступлении на работу спортивные звания (пусть и самые низшие) по этому виду спорта являются большим плюсом. Когда-то это было и в России. Ленин превосходно играл в шахматы. Знание этой игры прививалось всем дворянским детям наравне с изучением французского языка и фехтованием. Если ты не умел играть, ты считался несветским человеком. А во времена СССР у нас была одна из сильнейших шахматных школ в мире!

– В чем же причина такой значимости?

– Все очень просто. Во-первых, ведущие психологи мира давно доказали, что в возрасте с 6 до 12 лет у ребенка происходит процесс формирования так называемого механизма «действия в уме». В этом возрасте ребенок учится проигрывать всю ситуацию в голове, прежде чем что-либо сделать или даже просто сказать. Ошибки, заложенные в этот период, в дальнейшем исправляются с огромным трудом. А шахматы – это практически идеальная модель для того, чтобы сформировать этот механизм. Даже если ребенок по каким-то причинам немного отстает в развитии, то шахматы являются сильным катализатором.

Ничто так не развивает логику, как шахматы. Мало того, эта игра учит ребенка оценивать ситуацию и принимать правильные решения. Он потом более уверенно ориентируется в жизни, становясь думающим человеком. Не зря Иван Грозный категорически запрещал играть в шахматы черни. Боялся, что они поумнеют, прозреют и устроят хорошо организованный бунт!

Во-вторых, любая игра проходит по своим правилам. А в шахматах они наиболее строгие. И дети с ранних лет привыкают уважать правила: сначала за доской, после – общепринятые в обществе нормы и законы. Одним словом, необязательно быть чемпионом мира по этому виду спорта, но шахматы формируют личность успешного, мыслящего и потому умного человека. Это давно доказанный факт! И последнее: возможно, это кому-то покажется удивительным, но среди шахматистов еще не было ни одного наркомана!

Наша звёздочка – Александра

– Ноябрьские детишки талантливы?

– Все дети имеют способности к шахматам. У кого-то они больше, у кого-то меньше. Ноябрьские девчонки и мальчишки невероятно талантливы. Среди выпускников нашей школы много победителей и призеров российских и международных соревнований. Семи спортсменам покорился мастерский норматив, счет кандидатам в мастера спорта идет на десятки. Вот только один свежий пример: так как я являюсь еще и тренером сборной ЯНАО, то хотел бы остановиться на примере Александры Горячкиной, которая в свои 14 лет является трехкратной чемпионкой мира (до 10, 14, 18 лет), трехкратной чемпионкой Европы (до 12,

14, 18 лет). Она уже международный гроссмейстер среди женщин. В декабре прошлого года выиграла Кубок России среди женщин и сейчас является основным игроком взрослой сборной страны. А недавно мы вернулись с командного чемпионата России среди мужских команд, где сборная Ямала показала великолепный результат.

– Давайте расскажем об этом подробнее...

– Прежде всего, посмотрите, что это были за соревнования! Команды тратили на покупку игроков десятки миллионов рублей. Здесь играла элита мировых шахмат. Например, за Казань выступал на первой доске Гата Камский (США), один из претендентов на титул чемпиона мира, в команду входил еще один американец – Ильдар Ибрагимов, турок Саут Атталики. А мы играли своими доморощенными игроками и набрали столько же очков, что и Казань!

Наш Павел Потапов на первой доске занял второе место, обойдя того же Камского, Свидлера, Иванчука, Карякина! Ну разве это не успех?! Или Саша Горячкина. Девчонка играла с именитыми взрослыми шахматистами. Вы бы видели, как их колотило! Они до ужаса боялись проиграть 14-летней девочке. И порой сами, как дети, радовались ничейному результату. Так что у Ноябрьска и Ямала в целом очень большой шахматный потенциал!

– Все это хорошо. Но ведь сейчас, в век компьютерных технологий, появились шахматные программы. Как считаете, они не разрушат эту игру?

– Нет. Шахматы как самая древняя игра далеко не исчерпали себя. И как бы ни был силен компьютер, стать выше человеческого разума он пока не может. Сегодня «железо» не умеет, как мы, белковые, понимать позицию. Его оценке все-таки присуща в подавляющей степени математическая составляющая. Кроме того, каждый программист закладывает в программу свое видение и понимание шахмат. Поэтому они и ведут себя по-разному. Кстати, среди них регулярно проводятся чемпионаты мира, и сейчас короной владеет «Гудини». Программы являются нашими помощниками, как на занятиях, так и во время соревнований. А соревноваться с ними в настоящее время я считаю бессмысленным делом. Вы же не соревнуетесь в скорости бега с машиной. Конечно, компьютер в очной игре сильнее – он считает на порядки быстрее, может перебирать позиции, никогда не устает. Дайте человеку, скажем, пару дней на ход, и исход поединка уже будет неясен.

– Тем не менее, на многих турнирах возникают скандалы из-за использования подсказок шахматных программ...

– Так ведь и в других видах спорта федерации борются с допингом! В шахматах это тоже своеобразный «допинг», и с ним ведется непримиримая война. Пойманные за этим занятием игроки, как правило, получают длительную дисквалификацию.

Верю в Россию

– Знаю о том, что вы работаете шахматным тренером в Ноябрьске последние месяцы...

– Мои собственные дети стали взрослыми и теперь могут обеспечивать сами себя, поэтому мне, похоже, пора подумать о душе. Да и работа детского тренера превратилась больше в работу писаря: меньше занимаешься детьми, больше – пишешь многочисленные отчеты, справки, методики и планы. Это опять не мое. На днях, главный тренер ЦСКА по футболу Леонид Слуцкий в беседе с Soccer Coaching Russia сказал: «Расписать план тренировочных занятий, методик можно. Но только тому тренеру, кто вообще ничего не понимает. А расписывать то, как нужно работать зрелому

тренеру, – это просто профанация. Это потеря самого смысла работы, ведь, в первую очередь, мы занимаемся творчеством». Возможно, я вернусь в Челябинскую область, откуда родом; возможно, выберу другой вариант – не решил еще для себя.

– Не хотелось бы заканчивать разговор на такой грустной ноте.

– Знаете, мелкие трудности и проблемы – это все временно. Нисколько не сомневаюсь, что российские шахматы (в частности и ямальские) обязательно еще вновь займут передовые позиции в мировом рейтинге. Потому что по-другому быть просто не может: ведь россияне – очень умная нация. Как детский тренер я это заявляю вам со всей ответственностью!

Установлена в городе Жуковский Московской области (улица Маяковского, дом 13) на доме, в котором в последние годы жизни проживал Ю.П.Шеффер.

Фото А.А.Симонова, 24.06.2007.

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ШЕФФЕР

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

ШЕФФЕР ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ (годы жизни: 30.06.1947 - 05.06.2001), лётчик-испытатель Лётно-исследовательского института имени М.М.Громова. Родился 30 июня 1947 года в городе Челябинск в семье рабочего. В 1965 году окончил Челябинскую среднюю школу № 92. В том же году окончил и Челябинский аэроклуб. Получил право пилотирования самолета Як-18, вертолета Ми-1 и планеров. Прошел парашютную подготовку. С 1965 по 1966 год работал электрослесарем-монтажником в Челябинском специализированном монтажном управлении. В 1966 году призван в ряды Советской Армии. В 1970 году окончил Качинское высшее военное авиационное училище лётчиков, получил квалификацию военного лётчика-инженера. Служил лётчиком-инструктором училища. В 1976 году вышел в

запас. В 1977 году прошел годовой курс обучения в Школе лётчиков-испытателей Лётно-исследовательского института Министерства авиационной промышленности. В 1977 году поступил на вечернее отделение Жуковского филиала Московского авиационного института имени Орджоникидзе. Окончил его в 1980 году, получив специальность инженера-механика. С 1977 года работал лётчиком-испытателем в ОКБ имени А.Н. Туполева. Однажды при заходе на посадку на военную базу Белая под Иркутском на сверхзвуковом бомбардировщике с изменяемой геометрией крыла Ту-22М2 отказал механизм перестановки крыла и, соответственно, выпуска предкрылков и закрылков. По всей авиационной логике тяжелая машина просто не могла совершить посадку с таким отказом: скорость снижения была недопустимо

высокой. Экипаж получил команду немедленно катапультироваться. Однако Ю.П. Шеффер смог посадить почти неуправляемый самолёт. Как выяснилось при разборе полета, действия Ю.П. Шеффера в той ситуации открывали абсолютно новую страницу в пилотировании тяжёлых сверхскоростных бомбардировщиков. При перелёте на опытном самолёте «МАИ-89» на аэродром Тушино для участия в демонстрационных полётах в честь Дня Воздушного Флота над Москвой отказал двигатель. Рискуя собственной жизнью, Ю.П. Шеффер осуществил аварийную посадку без двигателя на ограниченную площадку в городской черте. Был сохранён самолёт, на котором впоследствии он летал в небе над Тушино, Кубинкой, в Германии на международном авиасалоне в Шенефельде. Неоднократно принимал участие в многочисленных международных аэрокосмических салонах и выставках Европы, Азии и Америки. Был ведущим лётчиком на испытаниях самолёта Ту-144ЛЛ, который был создан по решению межправительственной российско-американской комиссии. Объём и сложность экспериментов, выполненных им, не имеют аналогов в мировой авиации, их результаты будут использоваться при создании тяжёлых сверхзвуковых самолётов XXI века как в России, так и в США.

В сентябре 1983 года был отобран для работ по программе «Буран». Был направлен на углубленные медицинские обследования в Институт медико-биологических проблем. 17 апреля 1985 года получил окончательное заключение Государственной межведомственной комиссии о годности к специальной подготовке. Решением Государственной межведомственной комиссии от 2 сентября 1985 года рекомендован для зачисления в отряд космонавтов Лётно-исследовательского института. 21 ноября 1985 года приказом Министерства авиационной промышленности №537 был утверждён в должности кандидата в космонавты-испытатели ОКБ Туполева. 2 января 1986 года был переведён из ОКБ Туполева в Лётно-исследовательский институт и зачислен кандидатом в отряд кос-

монавтов этого института.

С 13 ноября 1985 года по 22 мая 1987 года проходил общекосмическую подготовку в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина. После сдачи зачётов 5 июня 1987 года решением Межведомственной квалификационной комиссии ему была присвоена квалификация «космонавт-испытатель». Прошёл подготовку по программе «Буран», в ходе которой проводил отработку системы ручного управления и системы автоматической посадки на самолёте-лаборатории Ту-154 и МиГ-25, оснащённых системой управления «Бурана». С 1992 года – командир отряда лётчиков-испытателей Лётно-исследовательского института, заместитель начальника Отраслевого комплекса подготовки космонавтов-испытателей.

Указом Президента Российской Федерации № 1495 от 7 декабря 1998 года за мужество и героизм, проявленные при испытании современной авиационной техники лётчику-испытателю Юрию Петровичу Шефферу присвоено звание Героя Российской Федерации. Ушёл из отряда космонавтов Лётно-исследовательского института в начале 2001 года. Оформил пенсию, но продолжил работать в Лётно-исследовательском институте в должности заместителя начальника комплекса. Жил в городе Жуковский Московской области. Скорпостижно скончался 5 июня 2001 года.

Награждён орденом «За личное мужество», медалями.

На здании школы № 92 города Челябинска, где учился Юрий

Шеффер установлена мемориальная доска. В этой школе хорошо знают имя своего знаменитого ученика – тут уже прошли Шефферовские чтения: ребята писали сочинения, готовили научные работы. Когда-то юный Юра Шеффер в школьном сочинении писал: «Самая героическая профессия – лётчик». На занятиях в аэроклубе он решил стать космонавтом.

Ист.: Энциклопедия Челябинск.
<http://www.book-chel.ru>.

«ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ ГОСУДАРСТВУ»

Валерию Петровичу Шефферу не позволили похоронить родного брата в Челябинске. Космонавт Юрий Шеффер покоится в Жуковском среди своих коллег на огромном кладбище покорителей бескрайнего неба. Это специализированное кладбище само как памятник истории отечественной авиации и космонавтики. Чтобы преодолеть притяжение земли, человечеству пришлось отдать лучших.

Юрия Шеффера любили. Он был душой компании, обаятельный, спокойный, улыбающийся. Летать – дальше и выше – мечтал с детства, то есть всегда. О полётах в космос

– сразу, когда СССР вывел на орбиту первый спутник. Окружающие не сомневались, что так и будет: в нём ощущалось призвание. Юрия не интересовали бытовые вещи. Он искренне восхищался строительной специальностью младшего брата Валерия и был убеждён, что построить дом сложнее, чем осуществить космическое путешествие. Будучи заслуженным лётчиком, больше всего боялся пенсии. «Ничего, будешь учиться ходить!» – подшучивал брат.

Он мог стать космическим первопроходцем в проекте «Буран», Гагариным современности,

к полету в космос был подготовлен полностью. В 1988 году состоялся удачный запуск «Бурана», который прошел без экипажа, в автома-

тическом режиме. Руку на пульте управления полетом держал Юрий Шеффер.

14.04.2010 г.

Э. Китаева

КРЫЛЬЯ ДЛЯ «БУРАНА»

Челябинец Юрий Шеффер учил летать первый отечественный челнок

Большинство челябинцев думает: «Наш город далек от космонавтики». Есть в области предприятия, работающие на авиацию и космос. Но чтобы был свой космонавт...

Между тем в Челябинске учился и жил человек, имевший к космическим полетам прямое отношение. Его имя – Юрий Шеффер, заместитель начальника комплекса Летно-исследовательского института имени Громова, пилот, которого ставили в пример даже бывалым летчикам. Это он вместе со своими товарищами и коллегами поднимал в небо отечественный челнок – корабль многоразового использования «Буран».

... «Стану космонавтом», – заявил он, уже совершая первые полеты на тренировочных самолетах в Челябинском аэроклубе. И никто не удивился и не усомнился, что выйдет все по его жизненному плану. «Юра был не просто одним из равных, – объяснял инструктор авиашколы А. Белоусов. – Он был лучшим».

Закончив с отличием Качинское авиационное училище, Шеффер подал документы в школу летчиков-испытателей, однако подвело немецкое происхождение. Но это его не остановило. Написал письмо председателю Совмина Николаю Косыгину. Какими коридорами и кабинетами возвращался ответ из аппарата правительства – не известно, но его зачислили.

Потом окончил Московский авиационный институт и был направлен в распоряжение ОКБ имени Туполева. Освоил более 60 типов летательных аппаратов – гражданских и военных, больших и малых. Поднимал в небо истребители, стратегические бомбардировщики, гидропланы. Работая в Жуковском, установил 18 мировых рекордов, налетал около 8000 часов. В переводе на «земное измерение» – отработал в воздухе 1000 смен. Это около трех лет воздушного стажа.

Неоднократно бывал в переделках, из которых, казалось, невозможно выйти без потерь. Но выходил. «Не героизм – удел профессии, – переосмыслил летчик свои ранние представления, – а мастерство и знание законов пилотирования».

При испытании аналога ТУ-134, полет которого проходил в сложных метеоусловиях, когда под шасси не видно земли, при заходе на посадку отказали основные приборы пилотажно-навигационного комплекса. Находясь на предельно малой высоте, Шеффер сумел произвести аварийную посадку, сохранив жизнь экипажу. Он вообще был способен почти вслепую сажать любые машины, и это не преувеличение. Отрабатывал посадку даже

с зашторенными бортовыми стеклами.

«Каждый считал за честь быть с ним в одном экипаже, – вспоминал брат летчика Валерий Шеффер. – И он очень гордился тем, что ему так верят. Он был беспрдельно влюблен в дело, для которого был создан. Земля – не его стихия, он – с неба...»

Улица имени ...

Шеффер тяжело переживал закрытие программы «Энергия-Буран». По распоряжению руководства Летно-исследовательского института имени М. Громова воздушному асу пришлось заниматься коммерческими перевозками. Но более всего он сожалел, что бесценный опыт, накопленный во время испытаний «Бурана», некому передать, а потому новым поколениям испытателей, возможно, многое придется начинать с нуля. Он так и сказал на съемках документального фильма об истории отечественной космонавтики: «Мы подходим к такому моменту, когда связь времен может оборваться. Тогда стране придется ждать второго Гагарина, который опять впервые будет покорять космос». Искренне считал так в конце 90-х, когда еще был жив.

Он навсегда улетел от нас накануне своего 54-летия. Заслуженный летчик-испытатель и Герой России умер внезапно, готовясь к очередному полету. Видимо, на каком-нибудь небесном маршруте срочно понадобился пилот экстра-класса...

Его именем назвали один из самолетов авиакомпании ЛИИ имени Громова. Похоронили в Жуковском. А на малой уральской родине Героя России не знают... Но сам Юрий Шеффер, облетевший по воздуху полсвета, больше всех других мест любил и почитал свой родной Челябинск. Коллеги вспоминали: любой приказ отправляться за Уральский хребет он воспринимал как удачу, за ним были закреплены все полеты в южноуральскую столицу, этих свиданий с домом, родными, друзьями детства его не хотели лишать. Когда «железный занавес» был

разрушен, и тысячи российских немцев стали собираться на постоянное место жительства в дальнее зарубежье, он говорил брату: «Не смей уезжать из Челябинска в Германию».

Говорят еще, что Юрий Шеффер любил повторять: «Челябинск будет мною гордиться». Значит, это имело для него значение, хотя подобные слова всегда можно перевести в шутку. Но в глубине души, наверное, он верил

в это и хотел этого. ...Сейчас в челябинской школе N 92, где учился Юрий Шеффер, хотят организовать небольшой музей или, по крайней мере, оформить экспозицию. А родственники его уверены: родившийся и живший в Челябинске Герой России не менее, чем Джон Леннон, заслуживает, чтобы память о нем увековечили в названии одной из улиц.

«Челябинский рабочий», 12.04.2003

Сергей Белковский

ЧЕЛЯБИНСКУЮ ШКОЛУ ПОСЕТИЛ КОСМОНАВТ МАКСИМ СУРАЕВ

Ученикам и преподавателям челябинской школы № 92 в Metallургическом районе нынешний год юбилея первого полета человека в космос запомнится двумя важными событиями. В минувшую субботу на стене школы появилась памятная доска, и в стенах школы побывал настоящий космонавт.

Торжественное открытие мемориальной доски заслуженному летчику-испытателю, космонавту-испытателю, Герою России Юрию Петровичу Шефферу на здании школы № 92 состоялось не случайно. Когда-то и он и его брат бегали по коридорам этой челябинской школы, учились и мечтали. Открытие доски состоялось по инициативе брата летчика-космонавта Валерия Петровича Шеффера и депутата городской Думы Дениса Девяткина. В церемонии участвовали летчик-космонавт Максим Сураев, глава города Станислав Мошаров, супруга космонавта Людмила Григорьевна, его сын Сергей.

Юрий Шеффер родился в Челябинске. После окончания средней школы в течение года работал электрослесарем-монтажником в Челябинском специализированном монтажном управлении. За это время получил право пилотирования самолета Як-18, вертолета Ми-1 и планеров в местном аэроклубе. Прошел также парашютную подготовку.

9 августа 2013 года авиакомпания «Московия» получила свой первый Суперджет - RA-89021 «Юрий Шеффер» (серийный №95021), а с 11 августа приступила к его эксплуатации.

В 1970 году окончил Качинское высшее военное авиационное училище летчиков и шесть лет служил там инструктором. В 1985 году был зачислен кандидатом в группу космонавтов. За время пребывания в отряде космонавтов прошел подготовку по программе «Буря», в ходе которой проводил отработку систем ручного управления и системы автоматической посадки на самолетах-лабораториях Ту-154 и МиГ-25, оснащенных бурановской системой управления.

Несмотря на закрытие программы «Буря», Ю.П. Шеффер числился космонавтом-испытателем. Тромб в сердце прервал «полет» Юрия Шеффера.

На память о «космической встрече» в стенах школы у ребят остались автографы космонавта Максима Сураева и фотография. А семья Юрия Шеффера подарила школе шлем космонавта-испытателя.

«Челябинский рабочий», 25.04.2011

Т. Ю. Адукова, Челябинский областной краеведческий музей

ГЕОЛОГ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ОТТО

О геологе Павле Ивановиче Отто написано немного: статья в Челябинской энциклопедии, несколько статей в научно-популярных изданиях и две-три газетные публикации. Данная работа - попытка в сжатой форме рассказать о жизни этого выдающегося человека, основываясь на его собственных воспоминаниях, воспоминаниях современников и на материалах, хранящихся в музейных коллекциях Челябинска, с привлечением опубликованных статей Л.Буториной, В.Колобова, А.Моисеева,

Л.Сонина.

П.И. Отто - один из шести уральских и один из двух челябинских геологов, дважды награжденный дипломом и знаком «Первооткрыватель месторождения СССР» за открытие в Челябинской области медно-колчеданных месторождений - Александринского и им. XIX партсъезда. Отто был не только профессионалом-геологом высокого класса, но и яркой, разносторонне одаренной личностью; прекрасно рисовал, был искусным гранильщиком, у него был талант

руководителя. Павел Иванович обладал невероятной энергией, общение с ним вдохновляло окружающих. Его называли «эликсиром бодрости». Несмотря на то, что он был болен и очень страдал (сначала тяжелый полиартрит, затем травма - перелом позвоночника), на вопрос: «Как дела, Павел Иванович?» - всякий раз ответ был: «Отлично!» Это был большой шутник и компанейский человек. Однако он умел быть и жестким, даже грубым, когда этого требовали обстоятельства.

Мне довелось встретиться с Отто лишь один раз. По просьбе заведующей отделом природы ЧОКМ А. Г. Шалгиной, которая была знакома с ним по работе (Отто помогал ей определять камни для музея), я поехала к Отто домой и записала его подробный рассказ о жизни и работе геолога.

Чистая, уютная квартира во внутриквартальной пятиэтажке недалеко от политехнического института. Внимательный хозяин, приветливые домочадцы. П. И. произвел на меня впечатление серьезного, очень уверенного в себе, властного человека. Сложен крепко, кряжистый, даже, скорее, поджарый, выглядел он молодо, хотя ходил с трудом, прихрамывая. К моей просьбе рассказать о своей жизни и работе отнесся с полным вниманием. Говорил медленно, подробно, четко строя фразы, объяснял все тщательно - настоящая лекция получилась, мне и расспрашивать почти не пришлось, он обо всем, интересующем меня, рассказал сам. Меня поразила его великолепная память. После нашей встречи он прожил 2 года...

Записывая воспоминания Отто, я убедилась в том, что этот человек необычайно наблюдателен и имеет несомненное литературное дарование. Он дал такую подробную и красочную характеристику быта старателей Забайкалья и Урала, что рассказанное им до сих пор стоит у меня перед глазами, хотя с момента нашей встречи прошло 17 лет.

Павел Иванович Отто родился 23 февраля 1917 г. на прииске Усть-Карск в Забайкалье в семье ссыльно-каторжных. Родители Отто были старателями. На Карийских приисках добывалось исключительно золото. «Я золото впитал с детства», - рассказывал Павел Иванович. В семье, где он родился, было четверо детей. С 7 лет Павел рос без отца. Учился сначала

в приисковой четырехлетке, потом в семилетке, живя в интернате. Окончив 7 классов, пошел работать на прииск к геологам; четыре года проработал в геологической экспедиции, сначала подсобным рабочим, а потом чертежником (в чертежники Павла перевели потому, что он хорошо рисовал). Получив в экспедиции характеристику для поступления в вуз, поехал в Иркутск, где поступил на рабфак, а затем на факультет геологоразведки Иркутского горного института. В Иркутске женился. Жена Татьяна Ивановна - врач. Окончила Иркутский медицинский институт. Позднее в семье Отто родились две дочери.

После окончания института в 1944 г. Отто был направлен в Забайкалье, в Карийскую долину на добычу молибдена. Два года проработал там на руднике «Пильный» треста «Забайкал-золото» рудничным геологом. Здесь совершил свое первое открытие. На руднике кончались разведанные запасы золото-молибденовой руды. Многие геологи считали тогда, что старинный район золотодобычи истощился. Несколько месяцев работали проходчики, но жилы не нашли. Трест снял ассигнования ввиду бесполезности работы. Отто предположил, что тектонические процессы слишком далеко сбросили жилу. Он убеждал старателей, что золото обязательно появится. Рисковал многим: в случае неудачи он, как немец, мог быть осужден за пособничество врагу. Старатели продолжили проходку и вышли на золотую жилу, продолжение которой предугадал Отто. Назвали жилу «Победа», т. к. ее обнаружили в мае 1945 г. Эту жилу рудник «Малый пильный» разрабатывал потом в течение 20 лет.

После войны Отто послали на Кавказ на восстановление золотодобывающей промышленности, но там он проработал недолго, так как заболел из-за непривычного высокогорного климата. Главзолото направляет Отто на Урал, под Орск. С тех пор до конца жизни он прожил на Урале, занимаясь сначала золотом, а затем и медными рудами. Трест, в котором работал Отто, специализировался на поисках так называемых железных шляп в Башкирии. Железные шляпы - это скопления бурого железняка в верхних горизонтах медноколчеданных месторождений, которые, как правило, укрывают золото.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

*Здесь в горах долго таилась руда,
Геолога Отто и друзей его ожидая,
Пока не прозвучали слова:
«Проснись, твое время настало, родная,
Заждалась тебя родимая страна:
Получить твои сокровища желает она.
А с Хозяйкой горы полюбовно решим,
Нам нужна руда, а за ценой не постоим».*

Изучением недр Южного Урала занимались издавна. В начальной стадии разведка велась в основном с использованием поисковых признаков, то есть вся ориентация направлялась

на изучение пород, выходящих на дневную поверхность, без использования геофизической и геохимической информации, которых тогда еще практически и не было. Картина резко

изменилась, когда начались комплексные изыскательские работы с использованием всех достижений науки в этой области. Первые успехи появились в конце сороковых и начале пятидесятих годов XX века, когда на Южном Урале начала работать вновь созданная Южная ГПП в составе треста «Южуралзолото». Начала она свои исследования с верховий Узельги, которые всегда привлекали внимание геологов и считались перспективным районом. Но работы, проведенные геофизиками Г. В. Ярошевич, Г. В. Федоровой, В. Б. Пигулевской с 1942 по 1945 годы, дали отрицательные результаты, поэтому исследования были временно прекращены. Однако, геофизик Степанов А. А. в 1950 году на участке Курпалы - озеро Гнилое выделил ряд перспективных аномалий. В 1951 году начальник геофизического отряда Кулаковский Анатолий Апполлинариевич, подтвердив ранее высказанную гипотезу Степанова А. А., одновременно установил наличие аномалий непосредственно на месте, где впоследствии открыли месторождение имени XIX партсъезда.

Взяв за основу открытие Кулаковского А. А., дальше работу в этом районе продолжил начальник Южной ГПП Отто Павел Иванович. При этом, кроме сведений, полученных от геофизиков, он использовал и поисковые признаки, в частности, баритизацию пород. По мнению Павла Ивановича, наблюдаемый на поверхности ореол баритизации является признаком залегания медноколчеданных и золотоносных руд на глубине (в данном случае признаки баритизации имели место). Исходя из полученных данных, он принимает решение провести вначале тщательную поисковую работу. Составив кадастр бурожелезняковых и баритовых проявлений района, определяет конкретное место проведения изыскательских работ - участок между западным склоном горы Талган и речкой Узельга (по воспоминаниям Мичурина П. П., на наличие сульфидных руд примерно в этом районе еще раньше указывал ион). Об этом несколько позже.

Начало поисковых работ в выбранном районе намечается на осень 1952 года, после окончания уборки урожая. Выполнить их он поручает Терешкину Леониду Гавриловичу, молодому специалисту, прибывшему на работу по направлению в мае 1952 года после окончания Щучинского горно-металлургического техникума. О том, как все происходило, рассказывает Терешкин Л. Г.: «Получив инструктаж от Павла Ивановича, я в тот же день выехал в Александровский хутор, при себе имея карту, компас, геологический молоток и рюкзак со сменным бельем, туалетными принадлежностями и суточным питанием. Как поступают все геологи, при себе имел только самое необходимое, что всегда можно носить с собой. Даже расстегивание, при необходимости, всегда измеряли шагами.

На следующий день после приезда вышел на место и, определив исследуемый участок, разбил маршруты (условные линии в преде-

лах определенной площади, где намечаются поисковые работы). Идти по маршруту, на языке геологов, означает, что он должен передвигаться на четвереньках, исследуя каждый камушек (или как говорят они между собой - «пахать животом»). Однажды во время выполнения такой операции ко мне подъехал верхом на лошади пастух. Он долго наблюдал за мной, не понимая, что я делаю, а затем, осмелившись, спросил:

- Чем ты занимаешься?

- Руду ищу, - ответил я.

От удивления он даже растерялся, не поняв сразу смысл моих занятий, а затем, придя в себя, разразился громким смехом и, немного успокоившись, выдал сквозь слезы:

- Ну, ты даешь! Какая тебе руда? Мы здесь всю жизнь скот пасем, и никто никакой руды никогда не видел, и нет ее здесь, зря время теряешь.

- А я ее все-таки найду, - выпалил, сам не понимая, откуда появилась такая уверенность.

- Ты или сумасшедший, или делать тебе нечего, - произнес он и, развернувшись, уехал.

Тогда ни я и, тем более, ни он не могли и в мыслях представить, что буквально через несколько лет все здесь изменится настолько, что от этой дикой природы не останется и следа.

И вот 2 октября, идя по маршруту, в траве обнаружил небольшие кусочки буровато-желтой горной породы, похожие на окисленные железные руды. Когда начал раскапывать, убедился, что это не случайные камни, появившиеся здесь неизвестно откуда. Их было много и представляли собой целый массив, уходящий вглубь. В том, что это были окисленные руды бурых железников, у меня сомнений не было. Но что в них еще есть? Имеется ли золото? А, если да, то каково его содержание и запасы? Чтобы ответить на все эти вопросы, требовалось еще отобрать пробы и сдать их в химлабораторию на анализы, провести разведочные работы и подсчет запасов. Возникшая ситуация меня так разволновала, что я долго никак не мог успокоиться. Но надо было что-то делать дальше, то есть продолжить начатую работу, а не поддаваться мечтаниям. Собравшись с силами, обошел весь участок и разбил его на условные квадраты, в каждом из которых произвел отбор проб. Бурые железнйки были повсюду. В этот день в поле пробыл до позднего вечера. Работал с особым рвением, стараясь закончить подготовку участка до конца дня, так как на следующий день ожидался приезд начальника ГПП Отто П. И.

Домой вернулся, хоть и усталый, но безумно счастливый. Взятые образцы руды показал геологам, квартировавшим вместе со мной, они также согласились с моими предположениями. Но основное заключение должен был дать начальник партии.

Павел Иванович приехал на следующий день

вечером и как обычно, несмотря на позднее время, сразу приступил к делу. Очень подробно и подолгу разговаривал с каждым геологом, выясняя результаты выполненных ими работ. Одним давал советы, других слегка журил, интересовался планами каждого на будущее. Все его интересовало и, казалось, ничто не ускользало с поля его зрения. Только на меня не обращал никакого внимания. Как будто я посторонний человек, хотя именно я больше всех ждал встречи с ним. Видимо, считая, что за несколько дней, проведенных мной здесь, ничего существенного не могло произойти. Подойти самому и рассказать о своем открытии не мог, какой-то внутренний голос сдерживал меня: «Не торопись!». Наконец, закончив разбирательства со всеми, он подошел ко мне и как бы, между прочим, спросил:

- Ну, а ты что скажешь?

Я уже ничего не мог сказать. Только улыбаясь, как первоклассник, протянул свои образцы и вымолвил:

- Вот.

- Что, вот? Образцы.

- Я вижу, что образцы. Откуда они? Зачем мне их показываешь?

Видимо, в темноте не разглядел и не понял, что они из себя представляют. Разговор происходил в дальнем углу комнаты, куда не падал свет от керосиновой лампы. Когда я ему все объяснил, он подошел к свету и стал внимательно их изучать, но от выводов воздержался, сказав только:

- Хорошо, утром разберемся на месте.

Ночь мне показалась самой длинной в моей жизни. Никак не мог заснуть. Всю ночь проворочался в ожидании рассвета. В голову лезли всякие мысли. А вдруг ошибся? Что тогда? Спишут на мою неопытность и скажут: «Не увлекайся пустяками». Нет, этого не может быть! Интуиция подсказывала правильность моих выводов. Утром соскочил раньше всех и стал готовить завтрак, хотя кушать совсем не хотелось. Я не понимал, почему все так долго спят, когда мне так не терпелось пораньше выехать на полигон, как будто время выезда могло на что-то повлиять. Наконец, все проснулись и, позавтракав, разъехались по своим рабочим местам, а мы с Павлом Ивановичем отправились на участок, который я успел мысленно назвать своим и связывал с ним большие надежды. Павел Иванович, не торопясь, обошел весь участок, тщательно изучая сложенные образцы пород. Затем сам приступил к отбору проб, откалывая молотком отдельные кусочки, детально их исследуя. Все делал основательно и со знанием дела. Только мне, стоявшему в стороне и следившему с замиранием сердца за его действиями, казалось: слишком долго занимается он изучением всего очевидного. «Ведь и так все ясно», - думал я, с нетерпением ожидая его мнения. Но такой опытный и грамотный геолог, как Отто П. И., не мог делать скоропалительные заключения (в этом я неоднократно убеждался впоследствии за период совместной работы

с ним). Мне казалось, что прошла целая вечность, когда он подошел ко мне и, обняв за плечи, не скрывая своей радости, улыбаясь, сказал:

- Леня, поздравляю! Мы, уверен, на пороге открытия нового золоторудного месторождения. Немедленно произведи отбор проб и отправь в Учалинскую химлабораторию.

Радость настолько переполняла мое сердце, что я только сумел вымолвить:

- Есть! - сказалась многолетняя военная выучка.

Первые же анализы взятых проб показали промышленное содержание золота и серебра. Произвели предварительный подсчет запасов на 01.01.1953 г. По категории «С», запасы руды составили 143800 тонн, золота - 79,8 кг».

На этом можно было бы и поставить точку о первооткрывателях месторождения имени Х1Х партсъезда. Тем более, что официально ими признаны Отто П. И. и Терешкин Л.Г., заслуги которых никто не оспаривает, но есть еще и другие люди, принимавшие непосредственное участие в открытии этого месторождения. Об одном из них упоминалось выше. Это Кулаковский Анатолий Апполлиналиевич, первый установивший геофизическим методом наличие аномалий, свидетельствующих о возможности залегания на данном участке рудных тел. Естественно, у него были веские основания претендовать на первооткрывательство. Его и включили в заявочный список под номером три. Однако главк его не утвердил без объяснения причины. Такая же участь постигла начальника поисковоразведочного отряда той же партии - Мичурина Петра Павловича, который в заявочном списке проходил под номером два. Причем, это не первый случай в истории геологоразведочных работ на Южном Урале.

А. И. Демчук и М. И. Долгаль получили свои дипломы за открытие Учалинского месторождения только спустя 37 лет после многолетних и бесконечных конфликтов и переписок. А вот заслуги одного из первооткрывателей Озерного месторождения И. П. Пастухова были признаны только спустя 15 лет после его смерти. Несправедливость в оценке заслуг лиц, содействовавших открытию новых месторождений, допускалась почти всегда. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях также Б. А. Игошин, один из активных участников изыскательских работ на Южном Урале и первооткрыватель ряда месторождений. Решение коллегии Министерства геологии СССР по месторождению имени Х1Х партсъезда вышло 28 марта 1969 года, то есть 17 лет спустя после его открытия, что является обычным сроком волокиты для бюрократического режима. К тому времени ни Кулаковского А. А., ни Мичурина П. П. в Верхнеуральском районе давно не было, а постоять за них было некому. Возможно, даже некоторых это и устраивало. Как бы не было, вскоре они оба покинули сей блаженный мир, приказав долго жить своим «благодетелям». Нам также известно, что последние годы

жизни Петра Павловича были очень трудными. Тяжелая и продолжительная болезнь жены, неустроенность быта, а затем и своя болезнь не оставляли ему времени для изнурительной и долгой переписки с чиновничьим аппаратом. Начальником отряда поисково-разведочных работ от Южной ГПП, который занимался проведением разведочных горных работ, работал тогда, как отмечалось выше, Мичурин П.П. - уроженец Читинской области. Родился он 16 сентября 1912 года в селе Городище Шилкинского района Читинской области. В 1934 году окончил Читинский геологоразведочный техникум и получил диплом техника-геолога по цветным металлам и золоту.

До войны работал на геологоразведочных предприятиях Сибири и Дальнего Востока. С первых дней войны был призван на фронт. Начав войну рядовым солдатом в обороне Москвы, закончил ее в Берлине в чине капитана. После победы, при первоочередной демобилизации специалистов народного хозяйства, как специалист по золоту, получил назначение в трест «Башзолото» (г. Уфа). Трест же определил его в прииск Верхний Авзян Белорецкого района. Так началась его трудовая деятельность на Урале. После шести лет работы в Верхнем Авзяне в 1951 году переезжает в Верхнеуральский район, где назначается начальником поисково-разведочного отряда.

Вот как описал он в своем дневнике открытие месторождения имени XIX партсъезда: «Первые наши палатки появились на берегу Гнилого озера. Вокруг безлюдная лесостепь, а вдали виднеются отроги Ирлендынского хребта. Единственным посетителем нашего табора был пастух-казак (может быть тот самый, о котором рассказывал и Л.Г. Терешкин), приехавший верхом на коне ежедневно.

С утра и до вечера мы уходили в поисковые маршруты, а вечером у костра делились своими впечатлениями и результатами дня. В один из таких вечеров я поделился своей радостью, показывая образцы сульфидной руды, найденные в пшеничном поле.

Хотелось сразу же начать раскопки, чтобы отыскать месторождение сульфидов, но колхоз воспротивился этому, требуя возмещения убытков за потраву. Так как средств у нас не было, то приняли решение горные работы начать после уборки урожая. Первые же каналы дали обнадеживающие результаты, а вертикальные шурфы прошли слой рыхлых отложений глубиной от пяти до пятнадцати метров и уперлись в богатую медную руду. Найти руду - это важный фактор, но не менее важно определить ее запасы и промышленную ценность, что невозможно без больших капитальных затрат.

Трест выделил необходимые средства. И вот, мобилизовав все свои резервы, партия приступила к выполнению этой задачи. Участок сразу преобразился, ожил, загудел. Днем и ночью работали дизельные электростанции и буровые станки. Потребовалось семь лет

напряженного труда большого коллектива разведчиков. По запасам найденное месторождение отнесли к первой категории и выплатили государственное денежное вознаграждение. Я получил пяти тысячную премию» (за это же открытие Отто П. И. получил шесть тысяч рублей, а Терешкин Л. Г. - четыре тысячи рублей). Видимо, получил соответствующее вознаграждение и Кулаковский А. А., хотя по этому поводу у меня нет утвердительного ответа. «Но больше радости приходило от морального удовлетворения, от чувства исполненного долга. Заявочное свидетельство от 28.01.1953 года, принятое геологоразведочным отделом треста «Башзолото», закрепило наше право на открытие в таком порядке: Отто П. И., Мичурин П. П., Кулаковский А. А. и Терешкин Л. Г. Хотелось, чтобы о нашей радости знали все. И вот в газете «Красный Уралец» появилось мое стихотворение:

Мне вспоминается бывшее,
Тот факт особо берегу:
Палатки, озеро Гнилое,
Костры вот здесь, на берегу.

Где мы стоим сейчас с тобою,
Я шел маршрутом на восток
И поднял трепетной рукою
Руды окисленной кусок.

То были поиски, разведка.
Бурили вглубь земной коры.
Всего лишь пятилетка
Нас отделяет с той поры,

А как участок изменился!
Уж многих нет моих примет:
Здесь экскаватор появился,
И засиял электросвет.

Гудят машины, и моторы
Вскрывают недра, чтоб достать
Тот ценный дар природы,
Который рудою стали звать.

Флаг вьется алый у конторы,
Здесь рудник строится, растет.
И под окном у новоселов
Уже черемуха цветет.

Кипит работа боевая,
Металлы Родине нужны.
А мы в других местах шагаем,
Одним стремлением полны.

На благо нашего народа
Мы ищем золото в земле
И раскрываем у природы
Богатства, скрытые в глубине.

И тем оправдан труд упорный,
Что здесь зажегся свет во тьме,
Что новый рудник Межозерный
Дает металл родной стране.

В разведке нет дороги торной,
Идешь всегда по целине.
Я рад, что рудник «Межозерный»
Возник на речке Узельге».

**Так повествует об открытии месторождения
имени XIX партсъезда Мичурин П. П.**

Н. В. Гусева

ФИДЛЕР ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Окончил Томский технологический институт (1911), инженер-технолог.

В 1911—1917 гг. — заведующий инструментальным цехом Златоустовской оружейной фабрики, заведующий шанцевым и кузнечно-котельным производствами; в 1917—1920 гг. — управляющий, главный инженер по реэвакуации оборудования Златоустовских заводов из Сибири; в 1920—1922 гг. — технический руководитель правления горных заводов Южного Урала; в 1922—1925 гг. — главный инженер Златоустовских заводов; в 1925—1926 гг. — помощник технического руководителя Уральского горнозаводского треста; с 1926 г. — главный инженер управления по постройке Уральского завода тяжелого машиностроения («Уралмашинстрой») в г. Свердловске, главный инженер филиала государственного института по проектированию новых металлургических заводов.

Во многом благодаря ему Уралмашзавод был оснащен современным оборудованием и пущен в эксплуатацию в 1933 г., при этом основные цеха построены всего за 2 года. Удачный проект предприятия позволил в дальнейшем

безболезненно осуществлять неоднократные реконструкции действующего производства, увеличивать объемы и расширять номенклатуру выпускаемой продукции. Скончался в Кремлевской больнице во время служебной командировки. В 1934 г. (посмертно) объявлен «врагом народа» по ложному обвинению, реабилитирован в 1957 г.

В «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева можно прочесть следующее: «Во времена Ивана Грозного (середина XVI века) два брата Фидлеры были приглашены из Германии в Россию и были придворными медиками, один из них погиб во время войны с литовцами. Потомки другого живут в России».

Таким потомком был мой прапрапрадед (предок в шестом поколении) Иоганн Фридрих Фидлер, родом из Пярну, — один из основателей и совладелец крупной фармацевтической фирмы «Роде и Фидлер» (Москва — Петербург). Женившись на Каролине-Катарине Келлер в середине XIX в., он обосновался в Петербурге, где у них родился сын (мой прапрадед), тоже Иоганн Фридрих, по-русски — Федор Федорович.

Выпускник медицинского факультета Дерптского университета Ф. Ф. Фидлер участвовал в Русско-турецкой войне 1877-78 гг., за что получил награды, в том числе орден святой Анны III степени, пожалованный императором Александром II. Участие в военной кампании оказало сильное влияние на его мировоззрение: он прекращает службу и покупает небольшую аптеку в г. Чухломе Костромской губернии.

В 1880 г. Ф. Ф. Фидлер женился на дочери московского купца Юлиуса Канта. Венчание с Каролиной Лидией Кант (правнучатой племянницей знаменитого немецкого философа Иммануила Канта) проходило в Московской Лютеранской кирхе св. Петра и Павла.

В 1881 г. Фидлер привозит молодую жену в Чухлому. Семья живет там 10 лет. Рождаются дети: Владимир (Вольдемар Рейнольд Оскар, 1881), Сергей (1883), Зинаида (1885), Ирина (1888) и Барбара (1891).

Ф. Ф. Фидлер умер в 1896 г., его аптека за долги перешла в собственность Якобсона. Каролина Лидия Фидлер осталась после смерти мужа с небольшими средствами и с пятью детьми, старшему из которых, Владимиру

(моему прадеду), было всего 15 лет.

Владимир не хотел быть аптекарем. В десять лет он поступает в Костромское реальное училище, а затем, в связи с переездом семьи на Урал, переводится в Екатеринбургское реальное училище.

После смерти отца Владимир жил почти полностью на свои средства, зарабатывая уроками. После окончания училища в 1900 г. он поступает в Томский технологический институт, продолжая сам зарабатывать деньги на учение и проживание: поначалу главным образом черчением, зарабатывая от 10 до 20 рублей в месяц, затем работой в томских мастерских Сибирской железной дороги, где он был помощником машиниста, а со временем ему было доверено и вождение паровоза.

В связи с событиями 1905 г. институт был закрыт на два года. В. Ф. Фидлер возвращается на Урал и поступает на Златоустовский завод заведующим металлографической лабораторией, которую он переоборудовал по-новому и где положил начало исследованию снарядной стали. В тому времени он подал прошение директору Томского технологического института о вступлении в брак. Его невестой была дочь миасского священника Капитолина Ивановна Аманацкая. Разрешение было получено, и 30 января 1905 г. молодые соединили свои жизни. Перед венчанием В. Ф. Фидлер принял православие.

Занятия в институте возобновились в 1907 г., и В. Ф. Фидлер, уже глава семьи, продолжает учебу, совмещая ее с работой в лаборатории технологии металлов в качестве лаборанта на кафедре механической технологии, а позднее — в электротехнической конторе «Попов и Зверев», заведующим электротехническим отделением, получая 40 рублей в месяц. В 1911 г. В. Ф. Фидлер закончил институт со званием инженера электросиловой специальности по горячей обработке (ковке) металла. К тому времени он уже был отцом двоих детей — Сергея и Ольги.

В течение следующих нескольких лет В. Ф. Фидлер занимался переустройством и переоборудованием Златоустовских заводов, налаживанием капитального производства в г. Миассе, реорганизацией Артинского завода.

В 1926 г. он был приглашен на должность руководителя группы проектированию Уральского машиностроительного завода в только что созданном Уралпроектбюро в г. Свердловске. Предстояло создать проект завода в очень короткий срок и тут же начать строительство. Большие затруднения вызывал генплан завода, поскольку примеров рационально разработанных генпланов в стране не было. Было сделано девять вариантов размещения цехов.

В марте 1928 г. В. Ф. Фидлер был утвержден главным инженером строительства Уралмаша,

а 15 июля того же года, в день освобождения Екатеринбурга от Колчака, в лесу был заложен первый камень Уралмаша. Его заложили в фундамент цеха металлоконструкций.

1931-32 гг. стали годами интенсивной стройки, за этот отрезок времени были возведены и начали работу основные цехи.

15 июля 1933 г. состоялся торжественный пуск Уральского завода тяжелого машиностроения. Чудо свершилось: Россия в короткий срок своими силами построила завод-гигант.

В. Ф. Фидлер скончался 23 октября 1932 г. в Москве. По неподтвержденным документально данным, за несколько часов до смерти он был назначен главным инженером Уралмашзавода. Урна с прахом В. Ф. Фидлера была помещена вместе с прахом А. П. Банникова, первого директора Уралмаша, в памятник (черный мраморный куб, архитектор Оранский), стоявший на том месте, где сейчас расположен памятник Орджоникидзе.

Через год после смерти В. Ф. Фидлера причислили к якобы действовавшей на Уралмашзаводе «контрреволюционной террористической организации». Поводом к этому послужил пожар в кузнечно-прессовом цехе 19 декабря 1933 г. Огонь почти полностью уничтожил здание цеха и помещение насосно-аккумуляторной станции. Кузнечно-прессовый цех был выведен из строя на шесть месяцев, а общие убытки от пожара составили 1 миллион 888 тысяч рублей в ценах того времени 530 тысяч рублей в инвалюте.

Следствие пришло к выводу, что это была диверсия. Суд счел обвинение полностью доказанным и приговорил пятерых уралмашевцев к расстрелу, а шестерых к различным срокам заключения.

Результаты процесса по делу о «поджоге» сказались и на судьбе семьи В. Ф. Фидлера: она была выселена из кооперативной квартиры, младшую дочь исключили из института. Прах Владимира Федоровича был выброшен из усыпальницы. В конце 30-х годов урну с пеплом обнаружил на каком-то складе ветеран завода В. Н. Анфимов и много лет хранил ее в подвале своего дома. Затем урна была передана сыну В. Ф. Фидлера.

По имеющимся данным, родственники В. Ф. Фидлера неоднократно обращались в прокуратуру с просьбами о его реабилитации, так как все уралмашевцы, осужденные по делу о «поджоге», давно реабилитированы. В мае 1993 г. справка о реабилитации была наконец получена.

Оптимальным вариантом увековечивания памяти В. Ф. Фидлера было бы восстановление старой усыпальницы, но это потребует значительных средств. Для начала можно было бы установить памятник на Широкореченском кладбище, где сейчас захоронена урна с его прахом.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

«Завод заводов» - так назвал Уралмаш в свое время А. М. Горький. Очень точно. Именно на Уралмаше начиная с 30-х годов XX века производилось оборудование, пожалуй, для всех крупнейших предприятий нашей необъятной страны, прежде всего для металлургических, горнодобывающих и нефтегазодобывающих. Хорошо знают уралмашевскую марку и за рубежом. В октябре 2003 года Уралмашу - первенцу тяжелой индустрии России исполняется 70 лет. Конечно, эта дата, как и даты рождения городов, во многом условна. Завод начал выдавать продукцию задолго до официального пуска в эксплуатацию: он проектировался, строился и уже производил первые партии своих изделий. Но мало кто знает, что поначалу Уралмаш проектировался как предприятие сугубо местного значения, а главный машиностроительный завод должны были строить на юге, в Краматорске, - именно там предполагалось создать мощнейшую металлургическую базу. Но обстоятельства и воля людей распорядились иначе, что сыграло неоценимую роль во время Второй мировой войны. Анатолий Михайлович Джапаков, работая с местными архивными документами (многие из них стали доступны совсем недавно) по истории «завода заводов», открыл удивительные страницы летописи тех лет. И, прежде всего, это судьбы людей. Предлагаем вниманию читателей рассказ о первом главном инженере Уралмаша Владимире Федоровиче Фидлере.

В одной из своих автобиографий, написанной в 1926 году, Владимир Федорович Фидлер отметил: «Никогда ни в какой партии не состоял и не состою». И далее: «Непосредственного участия в переворотах не принимал, ибо считал своей обязанностью в критические минуты не покидать своего служебного поста в интересах дела». Столь недвусмысленно высказанное равнодушие к только-только отгремевшим бурям революции и гражданской войны, да еще в то время, когда весьма немаловажно было иметь хоть какие-то революционные заслуги, очень характерно для этого человека.

В этих словах суть нравственной позиции российского технического интеллигента, считающего, что интересы дела, производства, которым он занят, важнее всего для его страны. И время показало: значение его дела и впрямь трудно переоценить.

Когда речь заходит о первостроителях знаменитого Уралмашзавода, то в первую очередь называют директора строительства Александра Петровича Банникова и лишь единицы вспоминают Фидлера. По истории «завода заводов» существует целая литература, но и в ней Владимир Федорович только упоминается, да и то довольно скупое. А между тем он был, ни много ни мало, главным инженером строительства индустриального гиганта, работа которого долгие десятилетия во многом определяла стратегию развития отечественной экономики.

Владимир Федорович Фидлер (он родился в 1881 году в российской провинциальной глуши - городке Чухломе Костромской губернии) - человек замечательный во многих отношениях. Начнем с его родословной. Предки нашего героя, немцы Фидлеры, появились на Руси в незапамятные времена. В вось-

мом томе «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева есть упоминание о медике Фидлере, которому царь Василий Шуйский поручил отравить мятежного вождя Ивана Болотникова. «Царь дал Фидлеру лошадь и 100 рублей, обещая в случае успеха дела 100 душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалования, - пишет историк, - но Фидлер, приехав в Калугу, открыл все Болотникову и отдал ему самый яд».

О дальнейшей судьбе лекаря Соловьев не сообщает. Доподлинно не установлено, был ли он одним из предков уральского инженера. Зато точно известно: медицинская профессия в роду Фидлеров - фамильная. Об этом, в частности, рассказывает внучка Владимира Федоровича Маргарита Валентиновна Гусева (кстати, тоже врач, живет в Екатеринбурге). Она много лет занимается генеалогическими изысканиями и утверждает, что первые медики, братья Фидлеры, приехали в Москву еще в XVI веке, где их и приняли на службу при дворе Ивана Грозного.

Дед Владимира Федоровича - основатель крупной фармацевтической фирмы «Роде и Фидлер», отец владел в Чухломе аптекой, а за отличие в русско-турецкой войне 1877-1879 годов награжден орденом Святой Анны III степени. Позже был удостоен звания «Потомственный почетный гражданин».

Не менее интересно происхождение матери - Каролины Лидии, урожденной Кант. Она приходилась правнучатой племянницей философу Иммануилу Канту. Родоначальником российской ветви этой фамилии стал младший брат философа - Иоган Генрих Кант.

Каролина Лидия - человек высокой культуры, прекрасно образованный и с весьма независимым характером. В 1897 году, по-

сле безвременной кончины мужа, совершила неожиданный для всех поступок, мотивы которого так и остались неизвестными: она сменила лютеранскую веру длинной чередой своих предков на православную. Более того, в Костромском женском монастыре она приняла постриг и стала тайной монахиней, живущей в миру под именем Лины Юльевны.

Есть сведения о ее дружбе с братом знаменитого композитора Антона Рубинштейна, Николаем, тоже известным музыкантом и дирижером. Именно по его совету она купила рояль, ставший семейной реликвией, которая перешла по наследству Владимиру Федоровичу. Лина Юльевна вела близкое знакомство с художниками братьями Коровиными. Дружба с одним из них, Константином, продолжалась вплоть до его выезда из страны в 1923 году. В семье долгое время хранились коровинские этюды, впоследствии утерянные.

В такой культурной, высокоинтеллектуальной атмосфере проходило детство будущего крупного советского инженера. В своем роду он стал первым, не захотевшим наследовать фамильную профессию. Его влекли точные науки, техника, и, может быть, именно поэтому родители отдали его не в гимназию, дававшую классическое, гуманитарное образование, а в реальное училище. Окончив его, Фидлер поступил в Томский технологический институт - один из лучших российских вузов начала XX века. Учиться ему здесь пришлось с перерывами целых десять лет. Причина - безденежье, в которое семья окунулась после ранней смерти отца Владимира Федоровича. Помощи студент ниоткуда не ждал, более того, аптеку пришлось продать и взять на себя заботы о матери. В 1905 году женился на дочери православного священника, Капитолине Ивановне Аманацкой, и по примеру матери принял православие.

Студентом работал в омских железнодорожных мастерских. Был кочегаром, помощником машиниста и, наконец, машинистом паровоза. Машинисты всегда считались аристократами железных дорог, на овладение этой профессией уходит немало лет, а Владимир Федорович освоил ее параллельно с учебой в институте. В 1905-1907 годах под влиянием революционных событий институт закрыли. Фидлер в эти годы, работая заведующим металлографической лабораторией на Златоустовском казенном заводе, занимался очень серьезными исследованиями снарядных и иных специальных сталей. Вернулся в Томск, продолжал учиться и работал на институтской кафедре механической технологии, заведовал электротехническим отделением некой «Технической конторы «Попов и Зверев».

Рассказываю обо всем этом для того, чтобы читатель понял: в 1911 году, когда Фидлер наконец получил диплом, он был уже не обыкновенным выпускником вуза, которому еще осваивать и осваивать производство. Из институтских стен вышел опытный инженер, обладающий к тому же незаурядным талантом и энергией. И тем не менее последующая его

карьера выглядит молниеносной. Он приезжает снова в Златоуст, где сразу же становится начальником инструментального цеха, затем - крупного производства. В 1914 году он, инженер-механик, руководит строительством железобетонной плотины (железобетон еще нечасто применяли в отечественной строительной практике) и успешно справляется со своей задачей. В 1917 году Фидлера назначают управляющим Златоустовскими заводами, он руководит целым комплексом предприятий.

Советская власть в Златоусте установилась только в марте 1918 года, а уже в июне город заняли колчаковские войска. Фидлера заподозрили в большевизме, но, как он писал все в той же автобиографии, «всего на пять минут». Ему пришлось заняться изготовлением боеприпасов и холодного оружия - по существу, сотрудничать с колчаковцами. С наступлением Красной армии завод эвакуировали в Томск. Вместе с тысячами рабочих, с инженерами туда же уехал и Фидлер с семьей. А когда красные взяли и Томск, то именно ему поручили возглавить реэвакуацию завода в Златоуст. Нечего и говорить: при тогдашних глобальной разрухе и развале транспортной сети страны задача была сложнейшая. Но он и здесь справился, причем с присущим ему блеском. Тому один пример. Мост через Томь был взорван. Владимир Федорович сделал расчеты и отдал крайне рискованный приказ: проложить рельсы по льду. И лед выдержал, эшелоны прошли! Он действительно «считал своей обязанностью в критические минуты не покидать своего служебного поста в интересах дела».

В стране наступила относительная политическая стабилизация. После череды разнообразных должностей, какие ему приходилось занимать, Фидлер был наконец назначен на свое место - главным инженером Златоустовских заводов (механического, металлургического, керамического). В течение нескольких лет он, по сути, воссоздал все эти предприятия. Были проведены крупные реорганизации, переоборудования, переустройство производств, многие из них значительно расширились, а выпускаемые различные виды продукции по качеству стали отвечать мировому уровню. Во всяком случае, немецкие специалисты с заводов Круппа, приезжавшие в Златоуст, считали, что здесь есть чему поучиться...

Худощавый, среднего роста, резкий и точный в суждениях, никому еще не известный в тихих коридорах Уралпроектбюро, Фидлер прямо-таки вихрем ворвался в размеренную жизнь этой недавно созданной конторы по проектированию уральских заводов. «Что за метеор явился на нашу голову?» - удивлялись сотрудники. А он окидывал взглядом разрабатываемые проекты и ошарашивал безапелляционным: «Это все не то!»

Шел 1926 год, в числе проектируемых предприятий был и машиностроительный завод, которому отводилась тогда очень скромная роль: обеспечивать потребности местных небольших

металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Главную же металлургическую базу страны решили создать на юге. Понятно, что там же должны были возвести и машиностроительный комплекс, который бы обеспечивал ее. Однако далеко не все согласились с этим. Урал являл собой большие возможности для развития металлургии, требовал, следовательно, и мощного машиностроения. Такой была позиция не только местных властей, но и многих крупных руководителей, ученых в Москве. Фидлер конечно же не мог не знать «великого спора регионов» и отстаивал позицию сторонников промышленного развития Урала.

Тут есть одна тонкость. Это его убеждение, как ни странно, не имело отношения к спору регионов как таковому. Фидлер вовсе не был против развития юга, для чего действительно имелись все резоны. Но он выступал против недооценки развития Урала в индустриализации страны. Оставаясь верным себе, рассматривал проблему не местнически, не политически, а исходя из интересов дела. Вот его слова: «Завод - это живой организм, который рождается, развивается, мужает. Мы сейчас способствуем рождению завода и обязаны позаботиться о «кровати» для него. Но нужно, чтобы это была территория, рассчитанная на взрослого, возмужавшего Самсона, а не детская коляска, которая скоро станет для него прокрустовым ложем». И смело, вопреки указаниям центра, закладывал в проекты многократное расширение заводской площадки, укрупнение цехов и увеличение расстояния между ними, применение оборудования куда большей мощности, чем предписывалось.

Этот человек обладал даром технического предвидения. Он умел правильно просчитать, куда ведет та или иная тенденция современного индустриального развития. «Металлургия идет на укрупнение», - часто повторял он и буквально ужасал проектировщиков задаваемыми им параметрами. Так, для кузнечно-прессового цеха он потребовал установить самый мощный тогда в Европе ковочный пресс усилием в 10 тысяч тонн. Ему возражали, доказывали, что его просто нечем будет загрузить. «Это сегодня, - отвечал Фидлер, - а завтра?» Из-за прессы разгорелась целая война. Главный инженер включал его в проект, а при утверждении его вычеркивали, но Владимир Федорович включал его вновь и вновь. Вопрос о нем долго висел в воздухе, а Фидлер между тем строил цех, словно пресс уже был у него в «кармане». Он нередко поступал именно так, если верил в свою правоту.

Пресс в конце концов удалось «пробить», как и другое оборудование для цеха - самое лучшее, самое современное. В поисках прессы директор строительства А. П. Банников извездил множество предприятий Европы и Америки. В том, что завод следует оснащать самой передовой техникой он с главным инженером был согласен. Вообще, в том, что касалось работы, эти люди очень походили

друг на друга: оба - фанатики идеи строительства завода-гиганта, оба - прекрасные организаторы, уважаемые и подчиненными и руководством. Они часто и много спорили. Иной раз Фидлер, не скрывая раздражения, говорил: «С этим человеком трудно, как ни с кем». Можно подумать, что с ним самим легко! Но то были споры не антагонистов, а единомышленников, те самые споры, в которых только и может родиться истина.

Рабочий день Фидлера отличался безразмерностью, отдыха он почти не знал. Чуть ли не единственное развлечение - сходить с семьей в оперный театр. В такие вечера, если его пытались задержать на стройке, вежливо, но твердо говорил: «Извините, у меня сегодня опера».

Служивцы очень любили музыкальные вечера, время от времени устраиваемые у Фидлеров дома, - на них они приходили с семьями. Владимир Федорович обычно появлялся позже всех. Приходил легкий, стремительный, веселый, от него будто исходила бодрая, живая энергия. Садился за рояль, играл и пел, и все пели вместе с ним. Рояль - тот самый, купленный при содействии Николая Рубинштейна, фирмы «Рониш». На нем красовалось фабричное клеймо с надписью: «Настоящей подписью в клейме удостоверяется, что к этому инструменту была применена самая тщательная работа и безукоризненный материал».

Завод между тем рос. И рос так, как хотел Фидлер, - масштабно, с использованием самых передовых научно-технических достижений, какие тогда были в мире. Большинство своих идей Владимиру Федоровичу удавалось отстаивать. Был у него среди прочих и такой, кстати сказать, аргумент в спорах с оппонентами: «А если завтра война?» Он при строительстве учитывал возможность такого развития событий с полной серьезностью. Во всяком случае, Сергей Иванович Самойлов, главный инженер Уралмаша в военные годы, говорил о том, что очень разумно был построен завод, будто специально для перевода его на военные рельсы. И как пригодился тот самый 10 000-тонный пресс в экстремальных условиях, когда объемы производства пришлось быстро увеличивать многократно!

Владимир Федорович жил заводом. Не раз повторял: «Это мой первенец, и я отдам ему все, на что способен мой мозг». Во всем, что касалось работы, был бескомпромиссен. Человек высокой культуры, он умел выслушать оппонента, умел и признать свою неправоту. Но когда знал, что прав, - не терпел никакой приблизительности, никаких отклонений и допущений.

Такое его свойство да еще независимость характера породили немало недоброжелателей. Он, казалось, не обращал на это никакого внимания. Фидлер и к работникам быстро набравшего силу ОГПУ относился без пиетета. Вот случай, один из многих. Произошла авария на только что построенной водонапорной баш-

не. Лопнуло днище бака, и сотни кубометров воды ринулись вниз и смели на своем пути все, в том числе и вооруженного постового. Для обсуждения ЧП главный инженер вызвал к себе в кабинет всех работников, ответственных за состояние башни. Во время заседания вошел сотрудник ОГПУ. Владимир Федорович попросил его выйти: «Сейчас мы устанавливаем причины аварии и пути ее ликвидации. Искать виновных будем потом».

Однажды, когда Фидлер был в Москве, треснула стена заводской лаборатории. Ему сразу сообщили об этом телеграммой. Он прислал ответ: «Ну и что? Еще не одна стена треснет». А вернувшись, узнал, что по этому поводу уже возбуждено уголовное дело, определяются «вредители». Фидлер резко восстал против этого и добился своего. Вообще, в отношениях с ОГПУ он свою позицию формулировал так: «Я главный инженер стройки и в ответе за все. Спрашивайте с меня. А кто меня подвел, с того я сумею спросить». По тем временам сие было непозволительной дерзостью.

К XV годовщине Октября планировали запустить в эксплуатацию механический цех № 1, предмет особых забот и гордости Фидлера. Главный инженер даже заложил в его фундамент металлическую пластину со своим именем. Но участвовать в торжественном выпуске цеха ему уже не пришлось.

В октябре 1932 года Фидлера вызвали на заседание ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства), на котором его назначили главным инженером почти уже построенного завода. Для Владимира Федоровича это стало исполнением самых горячих желаний. Он проектировал Уралмаш, строил его и очень хотел работать на нем, любимом детище, так дорого ему доставшемся. Он тут же послал телеграмму в Свердловск о счастливом событии в своей жизни.

Заседание закончилось поздно ночью. Фидлер пришел в гостиницу, и здесь, именно в эти радостные для него минуты, венчавшие годы неимоверного напряжения всех его интеллектуальных и душевных сил, произошла катастрофа - сердечный приступ, смерть...

Что же случилось на заседании? Выступал Серго Орджоникидзе. Говорил о том, что обстановка со строительством заводов тяжелого машиностроения изменилась. Краматорский завод в Донбассе, который планировали запустить первым, отстал. Уралмаш много ближе к запуску. Но проектировался он в более скромных масштабах, чем Краматорский. Инженер Фидлер неоднократно протестовал против этого и, видимо, был прав. Теперь ВСНХ хочет знать, в какой срок Фидлер может реконструировать завод так, чтобы тот мог выполнять укрупненную программу. Деньги для этого будут выделены, сейчас важнее всего сроки.

Фидлер встал и к неописуемому изумлению участников заседания заявил, что реконструкции... не надо. Если ВСНХ сегодня даст повы-

шенное задание, то Уралмаш уже завтра готов приступить к его выполнению. Дело в том, что на те средства, что отпускались, завод строился много мощнее, чем предусматривалось. Затем Владимир Федорович обратился к Орджоникидзе: «А вас прошу отдать меня под суд за то, что я обманывал». Тишина, повисшая после этих слов, прервалась, когда Орджоникидзе встал и демонстративно зааплодировал...

Кремация тела Владимира Федоровича была организована в Москве Наркоматом тяжелой промышленности. Его руководители и ответственные работники несли почетный караул у гроба, установленного в одном из залов Наркомата. В Свердловске урну с прахом после траурной церемонии захоронили в мемориале, где покоилась урна с прахом директора строительства А. П. Банникова, умершего незадолго до того.

Именем Фидлера решили назвать центральную улицу уралмашевского соцгородка, семье покойного назначить персональную пенсию, закрепить за ней служебную квартиру и освободить от квартплаты. Предлагалось учредить две студенческие стипендии имени Фидлера, премию для лучших работников... Ничего из этого в конечном счете сделано не было.

Посмертная судьба главного инженера трагична. 19 декабря 1933 года, через год с небольшим после смерти Фидлера, на заводе вспыхнул пожар - горел кузнечно-прессовый цех, тот самый, укрупненные параметры которого пришлось в свое время так долго и трудно отстаивать. В нем только-только начался монтаж 10 000-тонного пресса, добытого прямо-таки героическими усилиями Владимира Федоровича.

Конечно, стали искать «вредителей». И конечно же быстро нашли. Ими оказались наиболее талантливые инженеры из окружения Фидлера, которых он всегда упорно защищал от всех нападков. На суде Владимир Федорович был объявлен «руководителем контрреволюционной организации». А недавний лидер печально знаменитого РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей), в 1933 году секретарь парторганизации Уралмаша Л. Авербах, никогда не знавший Фидлера, произнес обвинительную речь. «Установлено, что Фидлер был вредителем. Это факт, - заявил обвинитель. - Большое количество вины лежит на Фидлере, но он умер. И очень жаль, что умер, а не мы его расстреляли».

После суда целая толпа «сознательных» рабочих собралась у мемориала и после митинга выбросила оттуда урну с прахом Владимира Федоровича (она считалась потерянной вплоть до 1956 года, когда нашлась на дровяном складе). Сейчас урна захоронена в Екатеринбурге, на Широкореченском кладбище, в могиле жены Владимира Федоровича, под камнем с надписью «Фидлер Капитолина Ивановна. 1933-1967»...

Но надругательства над прахом показалось мало, вскоре семью Фидлера выгнали из

квартиры. Начались долгие годы бедствий. Пришлось продать библиотеку, любимый рояль фирмы «Рониш». На детей обрушились репрессии. Сыновей Николая и Сергея отчислили из института. От дочери Нины потребовали отречься от отца и, когда она отказалась, тоже отчислили. Младшего, Алексея, посадили. Капитолина Ивановна сумела встретиться со следователем, который цинично заявил, что Алексей «вообще-то не виноват, но пусть посидит». В 1942 году его отправили на фронт, в штрафной батальон. Он чудом остался жив, вернулся в Свердловск весь израненный, со многими орденами.

Начиная с 1957 года Капитолина Ивановна обращалась во все мыслимые и немыслимые инстанции, но только в 1993 году внучка Фидлера получила справку о реабилитации деда.

* * *

Да и по сей день имя Владимира Федоровича Фидлера - проектировщика и строителя завода-гиганта, которому своим рождением обязаны десятки, если не сотни, предприятий страны, по сути, в забвении. А ведь именно такие люди составляют соль земли, вершат прогресс и усовершенствуют жизнь человеческого общества.

Владимир Тихомиров, главный редактор «Исторической правды»

ДЕЛО БЫЛО НА УРАЛЕ (Отрывок из очерка)

Революционер на производстве

Александр Филиппович Шуппе родился 17 мая 1855 года. По одним данным Шуппе происходил из купеческой семьи, проживавшей в Риге, по другим – был из петербургским мещан. После окончания Первого реального училища в Петербурге он поступил в Горный институт – единственное в России высшее учебное заведение, готовившее горных инженеров. В год Горный институт выпускал два – три десятка специалистов, которые составляли основу инженерной элиты металлургии. Об академических успехах студента Шуппе известно мало, зато сохранились данные о другой стороне его жизни во время обучения в институте. В молодости Шуппе был сторонником революционных идей и занимался пропагандой среди студентов. По сведениям полиции, в 1879 году он входил в кружок вместе с Плехановым, Шмеманом и другими революционно настроенными молодыми людьми.

13 марта 1879 года в Петербурге произошло покушение на шефа жандармов – генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна. Когда Дрентельн ехал на заседание кабинета министров, около Лебяжьего канала его карету настиг всадник и открыл стрельбу, правда, безрезультатно. Уже на следующий день в столице произошла серия арестов, связанных с этим делом. На квартире, где жил Шуппе, полиция нашла запрещенное издание, револьвер и патроны. Там же обнаружили Николая Шмемана, разыскиваемого за другое покушение – на агента полиции.

Шуппе арестовали, и около двух недель он содержался в Литовском замке, пока его не выпустили на поруки под денежный залог в пять тысяч рублей. После выхода из тюрьмы он находился под негласным надзором полиции. Отправляется сначала на Кавказ, потом в Калужскую губернию. Оттуда Петербург

бург сигнализирует – Шуппе снова обнаружил преступный образ мысли, кроме того, у него снова находят запрещенные книги.

Из института Шуппе отчисляют, но в сентябре 1879 года восстанавливают, и уже на следующий год молодой человек заканчивает его. Александр Филиппович получает направление подальше от центра политической жизни – на Златоустовские заводы, потом в Уфимскую губернию. Правда, и там Шуппе попадает в поле зрения полиции: его замечают в контактах с тем же Николаем Шмеманом, проживавшим там под надзором полиции.

Со второй половины 1884 года Шуппе уже в Санкт-Петербурге – служит в Горном департаменте в должности секретаря Ученого комитета. Одновременно его откомандировывают на Адмиралтейские ижорские заводы в должности заведующего железопркатными мастерскими.

В 1887 году он отправляется в командировку на Кавказ и Урал. С сентября 1887 года Шуппе пять месяцев проводит на заводах Германии, Австрии, Швейцарии и Англии, где изучает технологию производства черной и белой жести – такое производство собирались организовать на Златоустовском заводе. С 1890 Александр Филиппович живет в Златоусте. Видимо, к тому времени его революционный пыл несколько угас, и Шуппе направляет свою энергию в профессиональное русло – это довольно часто происходит с взрослеющими революционерами, которые вместо того, что бы решать глобальные проблемы мироздания, начинают обустривать мир вокруг себя. Собственно, на такой путь встала и Россия после революции 1905 - 1907 годов – пожалуй, единственно честной народной и буржуазной революции, проведенной без дворцовых заговоров, помощи генералов-изменников и агентов Германского Генштаба. Впрочем, мы немного отвлеклись.

Итак, в 1891 году Шуппе назначают управителем Артинского завода, а летом 1893 года –

уже в чине Надворного советника управителем Саткинского казенного завода. На следующий год его переводят на освободившееся место управителя Златоустовского оружейного завода. А в 1897 году Шуппе в должности главного инженера отправляется на строительство Волжского стального завода под Саратовом. В его ведении находится все строительство, проектирование и оборудование нового предприятия.

В том же году его находит и Михаил Маркусон, который делает Александру Филипповичу заманчивое предложение: стать соучредителем нового коммерческого предприятия. Так Шуппе вернулся на Урал и приступил к строительству завода по добыче и переработке магнезита.

Конечно, строительство нового завода было бы совершенно невозможно без инвесторов. Первоначально Маруссон и Шуппе привлекли к делу Александра Осиповича Ними́ровского – городского голову Саратова.

Главный бухгалтер «Магнезита» А.С. Аистов в начале прошлого века в своих мемуарах «Завод «Магнезит» в Сатке» писал, что Ними́ровский поначалу не верил в успех компании и «не без страха вложил в дело вначале маленький капитал в 10 тысяч рублей». Далее он пишет:

«Лишь когда товар показал свою прибыльность, Шуппе пришлось вторично уговаривать Ними́ровского вложить требующиеся денежные средства. Ними́ровский на этот раз оказался податливее и, дав еще десять тысяч рублей, обещал привлечь в это дело и жену своего брата, обладавшую, судя по всему, значительными денежными капиталами...»

Так в 1903 году в Санкт-Петербурге при участии братьев Ними́ровских, Александра Осиповича и Григория Осиповича, Михаила Маркуссона и Александра Шуппе было учреждено товарищество «Магнезит» с капиталом в четыреста тысяч рублей.

Первые шаги

Для организации производства Шуппе решил воспользоваться самым передовым западным опытом. В 1900 году он едет в Австрию на заводы Карла Шпетера – пионер производства магнезиальных огнеупоров, у которого Александр Филиппович перенимает всю технологию получения кирпичей для мартеновских печей.

С Запада Александр Шуппе привез и самую современную на тот момент систему маркетинга и продвижения готовой продукции. А.С. Аистов писал: «Прежде чем приготовить обожженный магнезит, Шуппе должен был съездить на ближайшие сталелитейные заводы – Златоустовский, Симский, Лысьвенский, Богословский, Нижнетагильский и другие, войти в контакт с управителями заводов и убедить их в выгоде применения на заправку подов в мартеновских печах порошка обожженного магнезита, вместо применяемого доломита, а затем и в низах убедить цехового мастера и рабочих, печных мастеров в большом удобстве

в работе при употреблении магнезита против доломита...»

Тогда же была изобретена и система «материального поощрения заинтересованных лиц: «Наиболее побудительными к этому мерами оказалось применение поощрения низового цехового аппарата – цеховых мастеров и рабочих мастеров-мартеновцев денежным гонораром, в некоторых случаях единовременно, а в некоторых случаях – даже попудно».

Менеджмент «Магнезита» опробовал и лоббистские приемы для налаживания более продуктивного сотрудничества с железной дорогой: «Продвижению магнезитовой продукции на заводы центральной России существенным тормозом являлись железнодорожные тарифы на перевозку магнезита и изделий из него, – писал А.С. Аистов, – а поэтому правлением магнезита были приняты энергичные меры добиться установления льготных тарифов. И только тогда представилось возможным продвигать на дальние заводы продукцию магнезитового завода, но при этом не обошлось без понижения цен по сравнению с ценами для уральских заводов – в особенности для Юзовских заводов (заводы Говарда Хьюза на Украине – Ред.), работавших на заграничном магнезите. Завербовать такого потребителя как Юзовский завод, разумеется, был расчет, так как впоследствии даже завязали с ним нормальные сношения он забирал для себя и своих заводов одну треть всей продукции завода».

Но самым главным козырем «Магнезита» стала политика, которую проводил управляющий завода и бывший социалист Владимир Георгиевич Рогожников. Этот человек также заслуживает отдельного разговора.

Рогожников закончил Екатеринбургское горнозаводское техническое училище, куда, как способный ученик, был принят за казенный счет. В училище он стал интересоваться социалистическими идеями и вступил в нелегальный кружок. В начале 1890 годов по окончании училища Рогожников поступает токарем на Златоустовский металлургический завод, где он организует подпольный профсоюз, деятельностью которого заинтересовалось жандармское управление, и перед Рогожниковым маячила перспектива ареста. Спасаясь от полиции, Рогожников переезжает в Саратов, где он устраивается работать на Волжский сталелитейный завод. Скоро он становится начальником цеха по обжигу огнеупорных материалов и изделий. На этой работе Рогожников и познакомился с Александром Шуппе. Александру Филипповичу сразу понравился деятельный характер Рогожникова, и они надолго сохранили дружеские связи.

А позже, когда Шуппе стал техническим директором товарищества «Магнезит», он пригласил Рогожникова в Сатку на должность своего помощника.

Правда, его переезд состоялся не сразу. В 1899 году Владимира Георгиевича задержали жандармы – начальник цеха организовал

в собственном цеху подпольный профсоюз. Возможно, сегодня это покажется кому-то странным, но для представителей технической интеллигенции того времени были достаточно

широко распространены оппозиционные идеи. Рогожников был осужден и пробыл четыре месяца в тюрьме. Но вскоре был освобожден под надзор полиции.

Сергей Любчанский

БАКАЛ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Под руководством А.Ф.Шуппе в 1904/05 годах на реке Большая Сатка были проведены геологические и геодезические изыскания. После этого Шуппе высказал мнение, что для получения ферросплавов необходимо применить электрометаллургический способ, используя для этого наиболее дешевый способ получения электроэнергии за счет водяной силы. Место, которое, как считал Шуппе, удовлетворяет всем требованиям находится «в 35 верстах от Саткинского завода и в 18 верстах от станции Бердяуш, в 5 верстах выше впадения реки Большая Сатка в реку Ай. Такое расположение завода обусловлено крупными залежами кварцита — основного сырья для выплавки ферросилиция, а также большими лесными массивами для выжигания древесного угля, который употребляется в шихту электропечей.

29 сентября 1905 года Шуппе подал прошение на имя министра финансов России о предоставлении ему участка казенной земли в 50 десятин на левом берегу реки Б.Сатка под строительство электрометаллургического завода, а уже 3 июня 1906 года с министерством был заключен договор на аренду сроком на 99 лет. Размер платы за аренду одной десятины земли составлял 1 рубль, а за использование водяной силы реки — 500 рублей в год. С этого времени велись работы по проектированию плотины и заводского комплекса. Проектные работы выполнял известный не только в России, но и в Европе, инженер-гидравлик, профессор, впоследствии видный деятель русской эмиграции Б.А.Бахметьев (1880, Тифлис — 1951, Нью-Йорк).

Кстати, именно Б.А.Бахметьев является автором проектов знаменитых гидростанций на Днепре и Волхове, а не какие-то там «мифические» советские ученые. 13 октября 1907 года Шуппе просит разрешения увеличить участок арендованной земли еще на 10 десятин и начать строительство еще одной плотины. В ноябре 1907 года разрешение было получено. 6 мая 1908 года была образована фирма — АО «Уральское электрометаллургическое товарищество графа А.А. Мордвинова, графини Е.А.Мордвиновой, барона Ф.Т. Роппа и А.Ф. Шуппе».

На капиталы этого товарищества началось строительство заводского комплекса в урочище Пороги на реке Б.Сатка. На строительство производственного комплекса были привлечены

мастеровые и рабочие с ближайших Катав-Ивановского, Саткинского, Юрюзаньского заводов и Бакальских рудников, крестьяне и башкиры из окрестных деревень. Для надежности и качества кладки плотины и производственных зданий из-под Пскова было привезено 40 квалифицированных каменщиков. Всего на стройке было задействовано до 300 мастеровых и свыше 1000 подвод. Здесь же, вблизи завода, велось строительство барачных и 2-квартирных деревянных домов для размещения в них рабочих и служащих.

Все строительство заняло менее двух лет. 1 июля 1910 года электрометаллургический завод «Пороги», получивший свое название из-за каменных порогов, затопленных образовавшимся перед плотинной прудом, был пущен в эксплуатацию. Завод был построен по последнему слову техники того времени и представлял собой единый комплекс зданий и сооружений, гармонично вписанных в рельеф левого берега реки Б.Сатка. При этом учитывалась природная среда и окружающие ландшафты, что, к сожалению, совершенно не характерно как для советской науки (то города затопят при проектировании гидросооружений, то реки вспять решат поворачивать, то плотины на реках так поставят, что вся рыба в реке передохнет), так и современной российской (то трубу рядом с Байкалом давайте проведем, то автомагистраль через заповедное плато Укок пустим).

Заводской комплекс «Пороги» состоял из плотины и производственного корпуса. Порожская плотина на сегодняшний день единственное в мировой практике гидротехническое сооружение, возведенное путем кладки из дикого камня (песчаника). Кладка представляет собой крупные обработанные камни и плиты, связкой между которыми служат глина и цемент. Плотина имеет форму дуги. Ее высота 21 метр, длина по гребню 125 метров, ширина по подошве 12,5 метров, по гребню — 4,2 метра.

В производственном корпусе разместились машинный зал, электростанция, ремонтные мастерские, электроплавильный цех, отделения для подготовки шихты и электродов. Химическая лаборатория, построенная из камня, располагалась отдельно, так же, как и склады, весовая, конюшня, пожарный сарай, кузня. В нескольких сотнях метров от завода, в жилом поселке, было построено каменно-

деревянное здание заводской конторы и дом управляющего. Заводской комплекс был оснащен разнообразными механизмами, машинами и агрегатами лучших фирм Австро-Венгрии, Англии, Германии.

Так в помещении машинного зала электростанции были установлены две гидротурбины с генератором производства фирмы «Бри-глеб, Хансен и К», изготовленные в 1909 году в германском городе Гота. Одна из них, мощностью 800 л.с на одном валу с генератором, предназначалась для питания электросталеплавильных печей. Другая турбина, мощностью 50 л.с. на одном валу с генератором 3-фазного переменного тока, служила для освещения самого предприятия и рабочего поселка. В то время, когда в Петербурге и Москве еще значительная часть домов освещалась свечами и керосиновыми лампами, в домах рабочих Порожского завода горел электрический свет! В этом же помещении машинного зала был установлен мостовой 1-блочный кран клепаной конструкции с ручными цепными приводами хода моста, передвижения тележки и подъема, грузоподъемностью 5 тонн, изготовленный на заводе фирмы «Альфред Гутман» в Москве.

В плавильном цехе были установлены дуговые электропечи системы «Эру» (Франция), работавшие на цельных графитовых электродах или на электродах, собранных из пучка брусьев. Electroды изготавливались здесь же, в графитовом отделении Порожского завода. На плотине были установлены лебедки и зубчатоременные механизмы для подъема и опускания затворов в водопропускных пролетах, изготовленные в английском городе Бирмингеме. 12 июля 1910 года была получена первая опытная партия ферросилиция, а 24 августа этого же года успешно прошла первая опытная плавка феррохрома. За первые полгода работы комплекса «Пороги» было выплавлено 33 325 пудов ферросилиция (533,2 тонны) и 12 875 пудов феррохрома (206 тонн).

В плавильном цехе велись опыты по выплавке ферромарганца, карбида кремния и кальция, ферровольфрама. В дальнейшем владельцами завода предполагалось на основе полученного опыта расширить производство ферросплавов и построить аналогичный, но

более мощный комплекс на реке Ай в районе деревни Н.Лопасы. Первая мировая война и последующий за ней большевистский переворот октября 1917 года помешали воплощению этих замыслов. Однако сам Порожский завод продолжал работать под началом своего первого управляющего Шуппе.

В 1918/19 годах Шуппе переехал работать в Златоуст, а затем уехал в Одессу. За свои труды на благо российской промышленности он был награжден орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й и 3-й степеней. К сожалению, дальнейшая судьба этого талантливого управленца и производственника неизвестна. Порожский же завод входил сначала в состав Южно-Уральского горнозаводского треста, а затем в объединение «Востоксталь», где продолжал работать по своему профилю.

Через работу на Порожском заводе прошли будущие «генералы советской металлургии» — начальник отдела Гипростали М.А.Ионович, будущий директор ЧЭМК В.Н.Гусаров, главный инженер Кузнецкого ферросплавного завода А.И.Ананьев. В середине 80-х годов 20 века здесь, в старинных электродуговых печах, на электроэнергию, выработанной генератором постройки 1909 года, по заданию правительства СССР была выплавлена партия особо чистой окиси магния, которую применили для изготовления теплоизоляционной плитки при облицовке фюзеляжа космического корабля многоцелевого использования «Буран».

Уникальность Порожского комплекса заключается в следующем: Порожская ГЭС является старейшей в России, она дала ток летом 1910 года. Агрегаты и механизмы, привезенные на лошадях по лесным и горным дорогам и установленные в начале 20 века, проработали в течение почти 100 лет. В настоящее время технологическая линия остановлена, агрегаты ГЭС, изготовленные в 1909 году, питают электроэнергией поселок, который становится центром развивающейся индустрии туризма в районе. В 1993 году комитет ЮНЕСКО по сохранению памятников истории и культуры включил комплекс «Пороги» в список памятников мирового значения.

Газета «Конкретная газета»

БЕРГЕР ФРАНЦ ХРИСТИАНОВИЧ (03.01.1900 - 02.04.1982)

**Геолог-палеонтолог, инженер-геолог-стратиграф.
Специалист в области геологии осадочных
полезных ископаемых**

Франц Христианович Бергер родился в с.Шпейгер б.Веселиновского района Николаевской области (Украина) в немецкой крестьянской семье. В возрасте девяти лет лишился матери, по воле мачехи был определен

учеником-укладчиком в железоскобяной магазин в Одессе. В 1917 г. окончил Одесскую духовную семинарию. В отдельные периоды 1917-1922 гг. учился в сельскохозяйственном техникуме. В период учебы sporadически рабо-

тал контролером мельниц и агентом продразверстки в родном селе; в техникуме состоял председателем учкома.

В 1919-1920 гг. служил в Красной Армии стрелком-рядовым (перед демобилизацией состоял секретарем батальона Спартаковского полка в Одессе). В течение 1922-1925 гг. работал учителем сельской школы в Евпаторийском районе Крыма.

С 1925 г., получив командировку в ВУЗ и стипендию от районного отдела образования, учился в Ленинграде: вначале окончил в 1930 г. Ленинградский государственный университет по специальности «Геолог-палеонтолог», а через год, в 1931 г. - Ленинградский горный институт с дипломом инженера-геолога-стратиграфа. В годы учебы работал начальником геологической партии в тресте «Крымводхоз» (1925-1926), а затем прорабом Николаевской партии ЦНИГРИ (1930).

По окончании Горного института в течение последующих пяти лет (1931-1936) работал в

Уральском геологоразведочном (геологическом) тресте: вначале занимался крупномасштабной геологической съемкой в Сухоложском районе Свердловской области, затем изучал стратиграфо-палеонтологические разрезы мезозойских и кайнозойских отложений в бассейнах рек Нейва, Реж, Ирбит, Пышма на восточном склоне Среднего Урала. В 1934-1936 гг. вместе с М.А.Фадеичевой и С.А.Доломан проводил разведку Троицко-Байновского месторождения огнеупорных глин (составлен обстоятельный геологический отчет с подсчетом запасов).

В 1936-1937 гг., за неимением квартиры в г. Свердловске, работал в институте «Цемент-проект», где составил сводку по цементному сырью Центральной части СССР.

В течение последующих пяти лет (1937-1942) работал в институте «Лентранспроект» НКПС на изыскательских работах по строительству железных дорог. В марте 1942 г. мобилизован в трудармию: работал на строительстве Печорской железной дороги. Через год, в марте 1943 г. был освобожден из трудармии по болезни. Лечился в Казахстане; работал здесь sporadически на изыскании нерудного сырья и эксплуатации соляных залежей в районе озера Балхаш.

В течение 1944 - первой половины 1945 гг. работал старшим геологом Кичигинской геологоразведочной партии Уральского геологического управления. Им составлены два геологических отчета по Куллярскому и Сарыкульскому месторождениям (Челябинский буроугольный бассейн) с предварительным подсчетом запасов.

В мае 1945 г. Ф.Х.Бергер был откомандирован в распоряжение Вологодской экспедиции института «Лентранспроект» - по месту работы его жены Елены Карловны Нейман (р.1900), бухгалтера по образованию. Они имели троих детей: дочерей Стеллу (р.1931) и Изольду (р.1934), а также сына Эдмонда (р.1936). От второго брака с Марией Андреевной Фадеичевой (р.1909) - см.статью, имел сына Альфреда (р.1935) и дочь Ирину (р.1945); оба - горные инженеры-геологи.

Ф.Х.Бергер награжден медалями «За освоение целинных земель» (1956) и «В память 250-летия Ленинграда» (1953).

Скончался Ф.Х.Бергер на 83-м году жизни; похоронен на Выборгском кладбище г.Ленинграда.

РИБ ЭВАЛЬД КАРЛОВИЧ. БИОГРАФИЯ

Эвальд Карлович Риб (нем. Ewald Rb; 1930—2003) — российский поэт, прозаик, автор пяти книг стихов, прозы и педагогических этюдов. Скрипач-педагог с более чем 35-летним стажем, выдающийся популяризатор музыки и литературы среди детей и юношества, многолетний руководитель литературного объединения Карталинского района Челябинской области.

Детство и юность

Эвальд Карлович Риб родился 10 марта 1930 в селе Нидермонжу, расположенном в АССР немцев Поволжья (ныне Бобровка, Марковский р-н, Саратовская область). Отец, Карл Карлович, был мастеровитым сапожником. Первые уроки музыки маленький Эвальд получил в деревне, где самоучкой научился играть на балалайке и мандолине. При деревенской школе был организован оркестр народных инструментов, которым руководил местный скрипач, рано заметивший талант мальчика и пригласивший его в оркестр. Стихи Эвальд начал писать рано, на немецком, под впечатлением школьной программы. Мальчика хвалили и пророчили ему большое будущее.

Счастливое детство прервала Великая Отечественная война: осенью всю автономную республику немцев Поволжья выселили в Сибирь и Казахстан. Как впоследствии вспоминал сам Риб:

«Очередь нашей семьи пришла 9 сентября 1941. На подводы грузили вещи, малолетних детей и стариков, остальные шли пешком за телегой в сопровождении вооружённых солдат и офицеров.

Рибы попали в село Луговое Алтайского края, в 60 километрах от Барнаула. Вся семья Эвальда работала в трудармии: отец — на военном заводе, старший брат — на лесоповале, средний — в шахте, а сестра — на заводе, где делали снаряды. Старший брат Александр погиб в самом начале войны от взорвавшейся бомбы на Гомельском направлении. Маленький Роберт в возрасте 5 лет умер от скарлатины на Алтае.

Во время войны Эвальд с матерью остались одни, и 12-летний мальчик заменил отца — перенял его искусство и стал сапожником-модельщиком, принявшись за шитьё на заказ красивой обуви. Эта работа «кормила» их с матерью и давала возможность помочь родным трудармейцам: им высылали табак, на который можно было выменять продукты. На эти тяжёлые годы о стихах и музыкальных занятиях пришлось забыть».

Годы учёбы

После того как от непосильного труда в 1946 умер отец, брат Давид собрал семью на 205 шахте в 6 километрах от Копейска (Челябинская область), где он работал в забое. Братья купили Эвальду скрипку и освободили его от каторжной работы. Он начинает учиться в вечерней (общееобразовательной) и музыкальной школах города Копейска, куда приходилось ходить пешком. Оказавшись на новом месте и налаживая отношения с одноклассниками и соседями, Эвальду пришлось в сжатые сроки осваивать новый для себя русский язык. О страданиях этих дней он впоследствии расскажет в пронзительном биографическом стихотворении «Обида».

Обида

*...Казалось — всё вокруг во мгле.
Упал в траву я, как подбитый,
Прижался к матери-земле
И думал, плача от обиды:
Когда жсердца их отбомбят.
За всех, что с фронта не писали?
С годами понял я ребят,
И кто я есть, они узнали.*

Музыкальную школу Риб закончил за 2,5 года и продолжал брать частные уроки в Челябинске у концертмейстера первых скрипок симфонического оркестра Серафимы Борисовны Фахторович. Одновременно с учёбой он работал в небольшом оркестре кинотеатра Копейска, исполнявшем музыку перед демонстрацией фильмов. Там же, в Копейске, в 1954 Эвальд Риб начал свою педагогическую карьеру, занимаясь с питомцами местной музыкальной школы.

С 1946 по 1956 все советские немцы были под комендатурой, не имея права без разрешения выезжать даже в ближайшие сёла. Эвальду не всегда удавалось получить разрешение на выезд в Челябинск, из-за чего он испытывал много неприятных моментов, вплоть до ареста. Неудачей окончилась и попытка поступления в Челябинское музыкальное училище: Эвальд получил отказ, поскольку плохо говорил по-русски и не владел русской грамотой. Стремясь помочь своему ученику, Фахторович позвонил в Магнитогорск, директору Магнитогорского музыкального училища (ныне — консерватория) С. Эйдинову. Магнитка нуждалась в скрипачах, и судьба Рибана была решена: в 1955 он был зачислен на I курс струнного отделения.

Годы учёбы в Магнитогорске были счастливыми: преподаватели музыкального училища отнеслись к новосёлу со всей душой. Эйдинов и весь педагогический коллектив создали все условия для успешной учёбы и творчества Эвальда Рибана, при этом в стенах училища не было проявлений национальной вражды. Свое участие в судьбе Рибана проявили такие преподаватели, как педагог по классу скрипки Ф. Форшток и «предметники» Н. Кондратковская, Н. Маклецова, Т. Яес, вдохновлявшие своего ученика и помогавшие ему как можно быстрее изучить русский язык. Впоследствии Эвальд стал не только писать на русском (хотя первые стихи писал только на немецком), но и думать на этом языке.

В 1959 году в жизни Эвальд Риб закончил музыкальное училище по классу скрипки и альты, а в апреле женился на студентке музыкального училища Нонне Костериной (она закончила учёбу годом ранее). В том же году вместе с композитором Иваном Шutowым Риб написал «Песню о Магнитке», которую на государственном экзамене Шutowа исполняла Магнитогорская капелла под управлением С.Г. Эйдинова.

Песня о Магнитке

*Люблю в загаре золотом
Твою ступенчатую гору,
В душе моей горит цветком
Магнитогорск — любимый город.*

В эти годы Рибом было написано много стихов о природе уральского края, о любви к городу Магнитогорску. Многие из стихов впоследствии были положены на музыку местными композиторами, в результате чего родились популярные на Южном Урале песни.

Музыкально-педагогическая работа

В 1957 году, параллельно с учёбой, Эвальд Риб начал работать в музыкальной школе № 1 г. Магнитогорска как педагог по классу скрипки. Наряду с этим он работал в студенческом симфоническом оркестре и в оркестре драмтеатра им. А. С. Пушкина. Директор музыкальной школы, фронтовик И. Минин с большим уважением и вниманием отнесся к молодому педагогу-скрипачу, зачислив его в штат сразу по окончании училища. Педагог Эвальд Риб набрал большой класс, а администрация школы приобрела инструменты, в том числе первоклассный альт, которым Эвальд Риб мог пользоваться постоянно, до покупки своего личного. Любви к скрипке и скрипичному исполнительству Эвальд посвятил немало своих стихотворений, в том числе миниатюру «Четыре звука».

Четыре звука

*В этом звуке — я горю,
В этом звуке — стынет кровь,
В новом звуке я умру,
А в другом — воскресну вновь!*

В 1964—1968 годах Эвальд Риб заочно учился в Государственном институте искусств Киргизской ССР имени Курмангазы. Росло мастерство педагога, росли его ученики. Риб являлся одним из организаторов клуба юных музыкантов в ДМШ №1 — КЮМ, благодаря работе которого раскрывались творческие способности маленьких музыкантов, расширялся их кругозор. В общении с детьми была необходимость не только играть, но и говорить, активизировать образное мышление ученика. В результате родились особые музыкально-литературные темы для занятий: «Разбуженная скрипка», «Поющие народы». Методика преподавания и общения с детьми была осмыслена Эвальдом Рибом и изложена в методической работе «Не засушить цветок», которая отразила суть его музыкально-педагогической концепции.

Многолетний педагогический труд Риб не остался незамеченным: в 1972 он награждён знаком «Победитель соцсоревнования», а в 1983 — медалью «Ветеран труда». В конце семидесятых годов Риб начал работать в новой музыкальной школе № 4 Магнитогорска, расположенной на городских новостройках, где проработал до самого выхода на пенсию в 1991 году.

Литературная работа

Свою литературную деятельность Эвальд Риб начал в Магнитке, ещё будучи студентом музыкального училища. На поэтически настроенного юношу обратила внимание педагог-

литератор училища Нина Кондратовская, уже тогда являвшаяся видной поэтессой. С этого времени до самой своей кончины она была учителем и наставником в поэзии для Эвальда Риб.

В 1958 Эвальд Риб вступил в литературное объединение Магнитогорска, руководителем которого был Николай Воронов. С этого времени педагог-музыкант становится постоянным участником литературной жизни города. В 1960 поэтические подборки Риб начали появляться в местных газетах. В семидесятые о его творчестве узнали и читатели зарубежья: в 1976 и в 1980 его детские рассказы были переведены на немецкий язык и напечатаны в альманахах московского издательства «Прогресс».

Значительную роль в литературной судьбе Эвальда Карловича сыграл поэт и прозаик Владилен Машковцев, который в 1971—1992 являлся ответственным за пропаганду художественной литературы в Магнитогорске. По путёвкам Челябинской областной писательской организации Эвальд Риб проводил большое количество массовых музыкально-просветительских лекториев, концертов в городских и пионерских лагерях, в школах, клубах, в цехах заводов города. В своих выступлениях он затрагивал разнообразные темы жизни города и страны. Он выступал не только как поэт-просветитель, но и как скрипач, превращая свои встречи в интересные музыкально-поэтические композиции.

В 1990—2000 Эвальд Риб живёт в пригороде Магнитогорска (с. Анненское, Карталинский район Челябинской области) на своей «литературной даче». Он много и вдохновенно пишет, общается с сельчанами, работает с малышами в детском саду, преподаёт в ДМШ г. Картали и руководит литературным объединением Карталинского района. В 1993 в свет выходит его первая книга детских стихов и рассказов «Капли весны», за которой в короткий срок последовали ещё четыре авторских сборника! Карталинскому краю и своим односельчанам Риб посвятил много стихотворений, поэтических миниатюр, вошедших в сборники «Радуга жизни», «Анненские лебеди», «Есть большая родина любви», «Разбуженная скрипка». В эти годы Эвальд Риб много выступает со своими стихами на Карталинском телевидении, он неизменный участник концертов, фестивалей, конкурсов. В эти годы он проявил себя и как литературный редактор: в 1993 под его руководством в магнитогорском издательстве «Магнит» в свет вышел сборник стихов жителей села «Подснежник», а годом позже — авторский сборник стихов «Мой светофор», принадлежащий перу его ученицы, 9-летней (!) Наташи Самолётовой.

По состоянию здоровья в 2001 Эвальд Риб возвращается в Магнитогорск. В последние годы своей жизни у него было много творческих идей: подготовлена к изданию книга детских стихов, задуман цикл рассказов о встречах и сотрудничестве с литераторами Магнитки и Урала, созданы черновые наброски школы

поэтического творчества для ребят, пробующих себя в литературном творчестве. Но этим планам не суждено было сбыться: 2 января 2003 Эвальда Карловича не стало. Своеобразным завещанием поэта, нашедшего свою вторую родину на Урале, стали эти четыре строчки, принадлежащие его перу:

*Пусть у меня родных в Магнитке нет,
но на могилу придут ко мне:
и рыжий вечер,
и синий рассвет, и ветер,
что дремлет в стороне.*

[http://pomnipro.ru/
memorypage27848/biography](http://pomnipro.ru/memorypage27848/biography)

Валентина Косолапова

ИЗ КОПЕЙСКА — В КОСМОС!

С 1941 года работает в Копейске Копейский ордена Трудового Красного Знамени машиностроительный завод им. С.М.Кирова, сегодня – ОАО «КМЗ». Основная его продукция: проходческие комбайны и погрузочные машины – известны в сорока странах мира почти на всех континентах планеты.

История комбайностроения насчитывает не один десяток лет. Но мало кому известно, что и наш уральский город Копейск внес достойный

вклад в дело механизации шахтерского труда, что в этом небольшом шахтерском городке еще в годы Великой Отечественной войны зародилась идея создания первых угольных комбайнов и автором ее стал ссыльный ученый, работавший грузчиком, потом навалотбойщиком — Павел Альбертович Ивенсен. И пусть почти забыта эта шахтерская страничка из биографии ученого, но имя его вошло в историю как создателя планеров в далекие 30-е

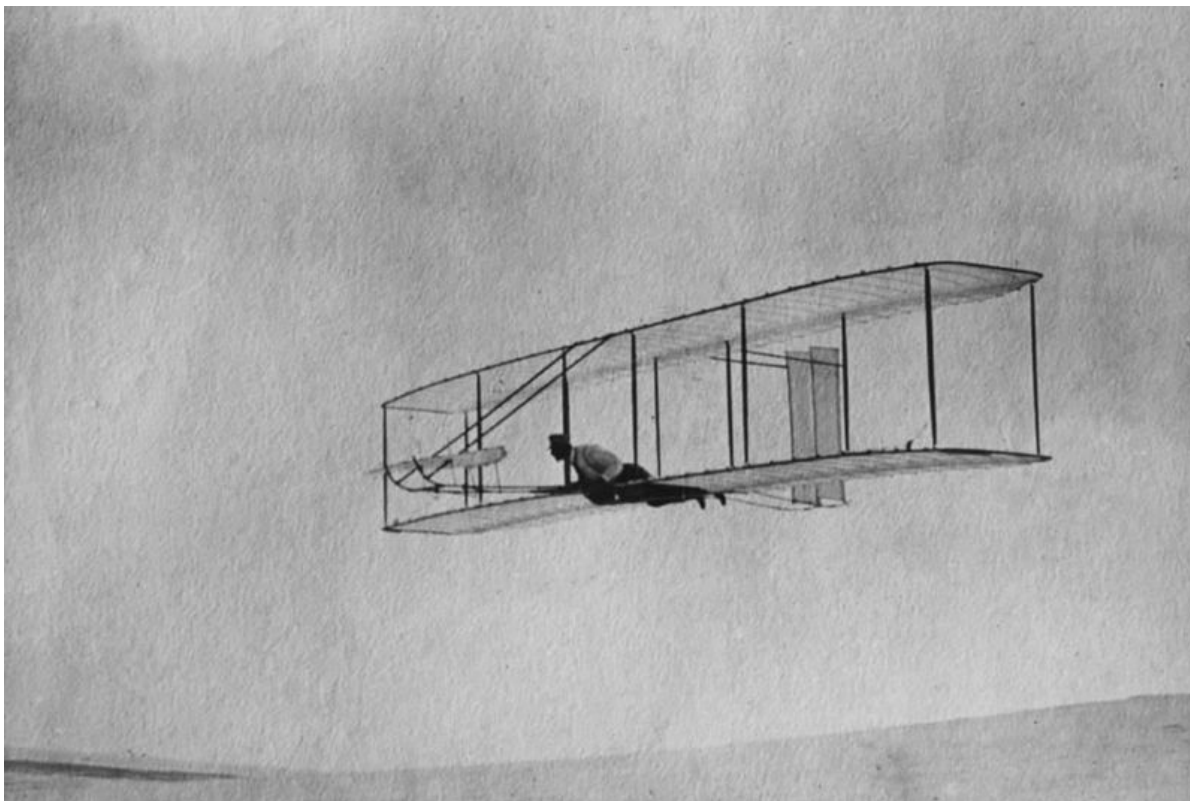
и космических комплексов «Протон» и «Союз» в наше время.

Семья Ивенсенов с незапамятных времен жила в России. Павел Альбертович родился в 1908 году. В 1925 году проект 17-летнего конструктора получил высокую оценку жюри всесоюзного конкурса, и Общество Друзей Воздушного Флота выделяет ему средства для построения сначала учебного планера, а затем и тренировочного. В 18 лет, в 1926 г., он построил свой первый планер с необычным для того времени удлинением крыла – 27,6. Сам летал на нем на планерном слете в Коктебеле. В 1929 г. испытания этого планера прошли под руководством патриарха отечественного планеризма Константина Константиновича Арцеулова на Центральном аэродроме. Затем на нем летали А.Юмашев, Д.Кошиц, Л.Козлов и другие.

Павел Альбертович работал увлеченно, творчески. В начале 1932 года Ивенсен оформляется в Самолетный Научно-исследовательский институт гражданского воздушного флота – в КБ Роберта Людвиговича Бартини. Он принимает участие в кон-

Павел Альбертович Ивенсен, 1936

Первые планеры

струировании самолета «Сталь-6», затем работает уже непосредственно с Бартини по проектированию моделей «Сталь-7», «Сталь-8», «Дар». Кроме того он является автором судна на подводных крыльях. Работает в экспериментальном институте, где в 1934 г. совместно с Павлом Игнатьевичем Гроховским начал работать над созданием боевого самолета Г-38, который, по мнению М.Тухачевского, был «важнейшим объектом авиационной техники и для довооружения РККА». Эта оценка сыграла роковую роль. Работе над Г-38 не суждено было завершиться.

В 1935 году П.А.Ивенсен был арестован и приговорен особым совещанием при НКВД СССР к лишению свободы на 5 лет в исправительно-трудовых лагерях усиленного режима «за контрреволюционную деятельность». Наказан он был только лишь на основании своего «инострального» происхождения. Хотя еще с далекого 18-го века родным языком в семье Ивенсенов считался русский... Свой срок он отбывает в Соловецком лагере. Сначала он попал на общие работы, а спустя некоторое время Павел Альбертович получил неожиданную возможность вернуться к проектированию, отдаваясь любимому делу со всей увлеченностью и страстью. Он обращается к теме транспорта на воздушной подушке. Именно в Соловках он начинает работу над разработкой дешевого эстакадно-тоннельного метро.

Именно в этот период судьба его сводит с Павлом Александровичем Флоренским. Их обоих объединяла увлеченность, полна отдачи себя творчеству. Это помогло Ивенсену выжить.

Из статьи П.А.Ивенсена «Я не мог не построить» (СОФИЯ: Альманах. Вып. 2: — Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2007. С. 88-93):

«В 1937 году Соловецкий лагерь особого назначения был преобразован в Соловецкую тюрьму особого назначения. А в 1938 году Ивенсен попадает в закрытое КБ в Болшево, знаменитую «шарашку» А.И.Туполева. В апреле 1940 года был освобожден. Он переезжает в Куйбышев, устраивается на работу на карбюраторно-арматурный завод, продолжая в свободное от работы время работу над совершенствованием двигателей внутреннего сгорания.

Началась Великая Отечественная война. На фронт его не взяли из-за дефектов зрения. Потом его опять подвело «немецкое» происхождение. Он был депортирован вместе с немцами Поволжья в Восточный Казахстан. Работал в колхозе, преподавал на курсах трактористов в селе Никольское. Затем всех немцев направили в трудовую армию. Так он оказался на Урале в поселке Синеглазово Челябинской области. Строил железную дорогу. Осенью 1942 года был переведен в Челябинск на литейно-механический завод. А с 11 ноября 1942 года начинается 15-летний копейский период его жизни. Он работает на шахте № 201 треста «Копейскуголь» сначала грузчиком на поверхности, затем его спустили в шахту навалотбойщиком. Жил, как многие в то время, в бараке с двухэтажными нарами.

Ивенсен инженер, конструктор, изобретатель. Он быстро усвоил технологию добычи угля: режущий орган машины «бар» подрубает уголь.

За машиной идут отбойщики, отторгая куски угля от пласта. Затем навалышки насыпают размельченный уголь на конвейер, а за ними крепыльщики устанавливают деревянную крепь. Слишком много ручного труда, и Ивенсенем завладела идея объединить все это в один процесс, механизировать его целиком...

Из воспоминаний П.А. Ивенсена: «Я устроил так, чтобы работать в ночную смену и быть в бараке, когда большинство «населения» находится на работе. Работал над эскизами будущей машины». И уже в 1943 году рождается «механизированная лава» - горнодобывающий комбайн, хотя тогда и не было такого слова - «комбайн».

В это время значительно ухудшается подорванное лагерями, тяжелым трудом, лишениями здоровье Павла Альбертовича и его по состоянию здоровья переводят на поверхность в электромеханические мастерские, где он всерьез занялся проектом «механизированной лавы», оформляет заявку на «специальную врубковую машину». Его «комбайн» имеет существенные отличия от существующих в то время машин: режущая цепь захватывает не широкий пласт, а узкий, и он под собственной тяжестью грузится на конвейер. Отпадает необходимость в навалоотбойщиках и крепыльщиках - машина сама автоматически ставит крепь. Для этого придуманы гидравлические стойки и домкраты, угольной промышленности не известные, но широко применявшиеся в авиации в качестве элементов шасси.

6 февраля 1944 года Ивенсен подал заяв-

ку, а через пару дней ему приходит в голову другое решение - не режущая цепь, а жесткое кольцо по типу фрезы, резцы которой находятся с торцов, образуя как бы двухстороннюю острозубую корону. Вслед за первой заявкой уходит вторая. По первой ему выдали авторское свидетельство на «узкозахватный цепной исполнительный орган комбайна «бар». Все другие детали механизированного комплекса остались незащищенными - защищать авторские права ссыльного, признать ценность его изобретения было нежелательно.

П.А. Ивенсена переводят работать на экспериментально-производственную станцию для создания и испытания комбайна с режущим кольцом. В 1945 году по инициативе министра угольной промышленности Е.Абакумова выделяются деньги на продолжение проектных работ по воплощению идеи механизированного комплекса. Но в 1946 году в связи с разделением министерства угольной промышленности на Восточное и Западное по решению нового министра все работы по испытанию отрезной машины с режущим кольцом, не говоря уже о создании механизированного комплекса, фактически остановились.

И если можно остановить работы, творческую мысль остановить невозможно. В Копейске в это время по инициативе знатного забойщика, депутата Верховного Совета СССР Петра Томилова создается новая врубковая машина - КДБМП (Копейская двухбаровая мощная пульсирующая). В газете «Копейский рабочий» от 5 апреля 1945 года была напечатана статья

П.Ивенсена «Дать шахтерам машины с двойным баром»: «По предложению главного механика мехцеха треста «Копейскуголь» В.Н.Патрушева, главного инженера шахты № 4-6 И.П.Сенцова врубмашина ГТК-3 была переконструирована на врубковую машину с двойным баром». К статье прилагался рисунок врубмашины с двойным баром. Конструкция врубковой машины ГТК-3 с двойным баром была разработана П.А.Ивенсенем, который работал конструктором Центральных механических мастерских треста «Копейскуголь».

В 1953 г. он числился научным сотрудником Челябинского филиала ВУГИ. За эти годы незащищенные идеи П.А.Ивенсена будут растаскиваются по частям любителями легкой наживы - были такие и среди ученых... Воспользовалась открытием Ивенсена в 1951 году и английская фирма Андерсен Бойа, создав узкозахватный комбайн «Треларнер», в основе которого ле-

В Копейске Ивенсен проведет в качестве ссыльного еще 10 лет.

жало режущее кольцо Ивенсена. Восстановить свои авторские права ученому не удалось даже через суд.

Все тяготы жизни ссыльно-го вместе с мужем делила и его жена – Ада Фридриховна Ивенсен, которая работала инженером-конструктором на Копейском машиностроительном заводе им. С.М. Кирова в специальном конструкторском бюро.

Пройдут годы. Сделаны будут новые открытия. Созданы уникальные машины для горной промышленности. Но идея Ивенсена и сегодня – главное звено в технологической цепи угледобычи большинства стран.

После реабилитации в 1956 году П.А. Ивенсен покидает Копейск и возвращается в Москву. На помощь пришли С.П. Королев и П.В. Цыбин. Некоторое время Павел Альбертович возглавлял группу по ракетно-космической технике в КБ Мясищева. Он был одним из конструкторов пилотируемой станции «Салют». А когда КБ передали академику В.Н. Челомею, Ивенсен был назначен

Копейск. Спецконтора

главным ведущим конструктором по созданию ракеты-носителя комплекса «Протон», а через несколько лет – заместителем главного ведущего конструктора «Салюта».

В 1976 году он вышел на пенсию, но продолжал работать над созданием скоростного эстакадно-туннельного транспорта, авторское свидетельство на которое было выдано в ноябре 1987 года.

Может быть, этот интереснейший факт из биографии нашего города так бы остался без внимания копейчан, если бы не Яхин Раис Фазилович. Родился он в 1928 году в Курганской области. Воспитывался в детском доме. Окончил ремесленное училище. Работал на Магнитогорском металлургическом комбинате, в коммунальном хозяйстве Воронежа, в Калачевских судоремонтных мастерских. После службы в армии в 1953 году поступил на Копейский машиностроительный завод имени С.М.Кирова. Отсюда и на пенсию ушел в 1988 году. Человек он дошлый и любознательный. Собрал неплохую библиотеку не только художественной, но и научно-популярной литературы (кстати, часть книг безвозмездно передал школе № 1). За долгие годы у

Павел Ивенсен

него накопилось огромное количество научно-популярных журналов, которые он время от времени просматривает, отыскивая в них что-то новое, на что раньше как-то не обращал внимания. Так в журнале «Наука и жизнь» за 1991 год он и обнаружил статью о Павле Альбертовиче Ивенсене. Своей находкой поделился с журналистами «Копейского рабо-

чего», принес этот журнал в дар заводскому музею.

Так было стерто еще одно белое пятно из истории шахтерского Копейска, имя еще одного талантливого сына России вернулось из небытия. Копейчане с полным правом могут гордиться тем, что жил в нашем городе такой удивительный человек.

Виктор Чигинцев

ШАХТЕРСКИЙ ХАРАКТЕР

Лава обрушилась враз, неожиданно. За шумом врубовой машины, за треском отбойных молотков не услышали шахтеры зловещего потрескивания деревянной крепи, не заметили характерной каменной сыпи из кровли забоя. Лава «села», и в этой наглухо запечатанной выработке остались люди.

Когда грохот обвала стих, машинист врубовой машины Рудольф Ридель уловил приглушенные стоны и крики забойщиков. Еще не придя в себя, не осознав, что произошло с ним и его товарищами, рванулся в черную пустоту. Каски на голове не было. Судорожно, срывая ногти и не замечая боли, извлек ее из-под груды камней. Пальцы привычно нащупали выключатель светильника. Из рук вырвался яркий луч света, запрыгал, замельтешил по тесной западне, пока не уперся в бледно-восковое лицо помощника Алексея Середы.

- Леша ты жив? Что с тобой?

К оглушенному обвалом шахтеру сознание возвращалось медленно. Наконец произнес:

- Я – цел, а вот ребята...

Сквозь толщу угля, породы, сломанной крепи до них доносились призывы о помощи, стоны. Сколько бы лет не прошло, а никогда не забыть этого Рудольфу: ведь помочь товарищам он тогда ничем не мог.

Тяжесть обвала принял на себя стальной корпус врубовой машины. Только это и спасло их с Середой. Да еще то, что под их телами шипели, не умолкая живительные роднички свежего воздуха. Этим сжатым воздухом, беспрерывно нагнетаемым в лаву, «питались» тогда плененные стихией шахтеры до подхода горноспасателей.

Потекли томительные минуты и часы томительного ожидания.

Стоит ли доказывать, что шахтеры принадлежат к особой категории людей. Презрев опасность, они ежедневно спускаются под землю. Они – обычные, в общем-то люди, но с обостренной тягой у жизни, к солнцу, потому что видят его меньше, чем их собратья на земле. «Здесь жизнь своя, свои законы», - писал поэт-горняк Николай Анциферов. И тогда, в каменном плену, у потомственного шахтера Рудольфа Риделя было немало времени, чтобы еще раз осмыслить, оспорить, принять или не принять эти простые истины.

В крошечной тьме, экономя энергию све-

тильников, они потеряли счет времени. Напарник больше отмалчивался. Молчал и Рудольф. Каждый думал о своем.

...Давно нет на карте города улицы по названию Контрольная. Нет памятного сердцу родительского дома, что стоял, пригревшись боком у территории шахты № 4-6. А память нетленна. И нельзя забыть согретые солнцем поляны детства, груженную вагонетку, жуком ползущую по «хребту» терриконика, крепкие утренние сны, прерываемые толчками подземных взрывов. Под их деревянной улочкой уже тогда тянулись щупальца-забои старой шахты.

Тогда, в шестидесятые, шахта еще жила, давала уголь, ковала шахтерские кадры. Угольный разрез, подбирающий пласты верхних горизонтов, появился позже. Его высокие борта обнажили прежние подземные выработки. И старая шахта предстала как бы в разрезе по вертикале. Выработок, спрессованных горным давлением, много. Как морщин на лице старого шахтера. И какая из них некогда была учебной лавой № 12, угадать трудно. Но именно в этой лаве началась шахтерская судьба Рудольфа Риделя. Уже через два месяца смысленный и настоящий ученик навалотбойщика был выдвинут в бригадиры.

Так вот и стал Рудольф добытчиком угля. Да и как было не надеть шахтерскую спецовку, если вырос подле шахты-кормилицы, если она, шахта, манила и притягивала, как магнит. Его мальчишку, она прежде очаровала... музыкой! В ее тенистом сквере стоял памятник В.И. Ленину, искрился фонтан, волшебным островом светилась танцплощадка. Музыканты духового оркестра, еще недавно черные, с белозубыми улыбками вышагнувшими из клетки, уже сменили отбойные молотки и обушки на серебряные инструменты.

Теплый вечер, улыбки, смех и ...музыка. Кружок аккордеонистов был платный. Денег на учебу не доставало. А вот играть на трубе учили бесплатно. Труба стала другом Рудольфа на долгие годы. В духовом оркестре шахты, пленившей его в пору детства, он играл 18 лет!

И еще одно увлечение было у Рудольфа. Стал он со временем опытным рабочим корреспондентом городской газеты. Его рассказы, репортажи часто появлялись на страницах

«Копейского рабочего». А недавно стенная газета «Горняк», регулярно выпускаемая в коллективе добычного участка № 2, опубликовала мысли-раздумья кадрового горняка. Вот некоторые из них:

«Раньше говорили: не учишься – пойдешь в шахту. Сейчас говорят иначе: не учишься – тебя на шахту не возьмут». «На работе человек проводит лучшую часть своей жизни. Здесь раскрываются его способности, закаляется характер». «Жизнь шахтерская – суровая школа. Зато тот, кто ее осилит, становится истинным человеком!»

Сейчас трудно об этом вспоминать, но шахта есть шахта. «Здесь жизнь своя, свои законы». Двое суток, лишённые воды и пищи, томились они тогда с помощником Алексеем в каменном плену. Через двое суток горноспасатели протянули им крепкие руки. А двоих товарищей похоронили со всеми почестями.

В каждом горняцком коллективе бывают такие, кто, не выдержав испытаний, убегает из шахты без оглядки. Не без этого, конечно. Не всем по плечу тяжелый труд в добычном или проходческом забое. Особенно, если люди спускаются под землю единственно ради длинного рубля. Рассказывать о дезертирах, покидающих шахту в трудное для ее время, горняки не любят. Рудольф Климентьевич, чье детство выпало на военные годы, никогда не помышлял о бегстве. Ни тогда, когда попадал в критические ситуации, ни тогда, когда шахта находилась в глубоком прорыве.

С молодых лет уважал он шахту, как кормилицу, а нужда научила крепко ценить ее щедрость и теплоту. Однажды в магазинной толчее вместе с карманом старой фуфайки вырезали хлебные карточки. Сколько слез пролил мальчишка! Но слезами горю не можешь. Десять дней многодетная семья Риделей сидела без хлеба. И тогда черный жмых, которым кормили лошадей (изредка жалел исхудавшего парнишку знакомый конюх), казались ему слаще меда.

В конце пятидесятых годов Рудольф Климентьевич окончил курсы машинистов горных выемочных машин. Более 20 лет не расставался с рычагами угледобывающих машин разных конструкций. На его памяти добыча угля в шахте прошла путь от отбойных молотков до добычных гидравлических комплексов. В песне о шахтерах есть такие строки: «Если собрать все, что он добыл, в грузную келью, все человечество в стужу смогло бы руки согреть!» Отработав под землей многие десятки

добычных лав, Ридель нарубил многие сотни эшелонов угля.

Кадровому горняку Риделю удача сопутствовала всегда. Трудно давался уголь на крутых пластах бывшей шахты № 4-6, позже объединенной с «Центральной». И, случилось, в такой оборот брала его судьба, что сама жизнь висела на волоске. Весной 1966 года она снова проверила его на прочность и духовную, и физическую.

В ночную смену случилась беда с Рудольфом. Сломаны ноги, ребра,

поврежден живот. Да было ли на нем хоть одно живое место, когда товарищи вынесли его из шахты! Выписавшись через полгода из больницы, Рудольф Ридель принес в партийную организацию шахты заявление: «Прошу принять в партию...»

Жив и бодрствует глава шахтерского семейства Климентий Петрович. В шахте трудится старший брат Михаил Климентьевич. Горняцкий стажрабочей династии Риделей – около века. Последние три года Почетный шахтер, коммунист Рудольф Климентьевич Ридель руководит бригадой горнорабочих очистного забоя.

Его коллектив – один из сильнейших на предприятии. Казалось бы, в одинаковых горно-геологических условиях рубят уголь добычники. Но по тоннам выданных на-гора топлива чаще других шагает впереди бригада Риделя.

Шахтерское дело не терпит застоя. Дайте по какой-либо причине застояться добычному забою, лишите его движения вперед, ограничьте в скорости – такой забой задавит давлением, завалит обрушенной кровлей. Это правило знает каждый шахтер. Им руководствуется в жизни и Рудольф Климентьевич. Свой богатый профессиональный опыт он пополнил знаниями, полученными в горном техникуме, в университете марксизма-ленинизма. Более десяти лет возглавлял партийную организацию участка, избирался членом городского комитета партии. В прошлом году избран кандидатом в члены областного комитета КПСС.

... В дни великих торжеств советского народа, когда по главной улице шахтерского города, носящей имя В.И. Ленина, шествует праздничная колонна угольщиков шахты «Центральная», я вижу впереди ее высокого стройного человека с Красным знаменем в руках. Это Рудольф

Климентьевич Ридель, шахтер, коммунист, знаменосец.

«Копейский рабочий» , 30.08. 1997

Валентина Косолапова

НЕМЦЫ КОПЕЙСКА – ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Свыше двух тысяч копейчан награждены орденами Советского Союза, в том числе 352 человека – орденом Ленина, высшей наградой страны. Среди них люди разных национальностей.

Самое первое награждение в истории Копейска (ставшего городом 20 июня 1933 года) состоялось в 1939 году. В газете «Копейский рабочий» появилась заметка «Первые награды», в которой названы были имена первых награжденных, и среди них заведующий шахтой № 4-6 С.Гельфонд, главный инженер этой же шахты В.Шехман и проходчик шахты № 7-8 И.Киндер.

К слову надо сказать, что строительство этих шахт было важной вехой в истории не только Копейска, но и страны. Как писали тогда газеты, это были настоящие механизированные фабрики угля. И также как легендарная Магнитка и Челябинский тракторный завод, они привлекали к себе внимание всего мира. Недаром в программу посещения Урала группой иностранных писателей и журналистов во главе с Луи Арагоном входили Магнитогорск, Челябинск и Копейск. Об этом и рассказывает старая фотография из архива ветерана труда, комсомола и войны Ивана Петровича Сорокина.

Копейск – город интернациональный, в нем проживают представители более ста национальностей. Немцы входят в число первых десяти крупнейших. Они работали в угольной и машиностроительной промышленности, на стройках, в лечебных и учебных заведениях – и везде оставили свидетельства своего трудолюбия, творчества и гражданской активности.

Так среди награжденных высшей наградой СССР – орденом Ленина мы можем назвать такие значимые для города имена, как Герой Социалистического Труда

Брайнингер Иван Александрович

Брайнингер Иван Александрович (1930-1984). В 1946 г. начал работать проходчиком на шахте «Красная горнячка». С 1960 г. возглавил бригаду проходчиков, которая неоднократно побеждала в социалистическом соревновании.. Автор нескольких рекордов Челябинского угольного бассейна по скоростной проходке. Почетный шахтер (1966), полный кавалер знака «Шахтерская Слава» (1963, 1964, 1965). Герой Социалистического Труда (1966).

Плоц Франц Францевич (1927-2000)

Родился в селе Александровка Джанкойского района Крымской АССР. В августе 1941 г. депортирован вместе с родителями по национальному признаку в Северный Казахстан на основании Постановления СНК СССР от 12 сентября 1941 г. как лицо немецкой национальности. С 1941 г. до 1956 г. проживал в Северном Казахстане на спецпоселении. Работал с 1942 г. в совхозе: скотником, помощником кузнеца. За доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941-1945». В 1948 г. окончил Петропавловскую школу механизации сельского хозяйства и получил специальность комбайнера. Участвовал в поднятии целинных и залежных земель. Неоднократно награждался Почетными грамотами и премиями за добросовестное отношение к труду, за выполнение и перевыполнение сменных норм выработки. 1 сентября 1952 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени, 11 января 1957 г. – орденом Ленина (№546077), 3 июля 1957 г. – медалью «За освоение целинных и залежных земель», дважды – медалью участника сельскохозяйственной выставки (ВСХВ). В Копейске с 1958 г. Работал водителем-механиком Потанинского завода строительных

материалов и изделий, затем начальником цеха подземных механизмов и транспорта (1966-

1988). Неоднократно являлся победителем социалистического соревнования.

Кайльман Андрей Адамович

Уроженец бывшей автономной республики немцев Поволжья, села Розендам Саратовской области. Отец работал полеводом в колхозе «Серпи молот», мама – на табачной плантации. Мечтал мальчишка стать механизатором. Потом была департация в 1941 г. Выселили в Алтайский край. В 14 лет пришлось стать кормильцем для семьи – отец заболел, мама занималась детьми и больным мужем. В октябре 1942 г. был мобилизован в трудовую армию. Так оказался в Копейске. Поселился в поселке шахты № 205. Определили на работу на шахту № 1-2 сначала доставщиком леса, потом навалотбойщиком. В добычных забоях северного

крыла города отработал около 40 лет. Работал в забоях шахт № 205, 22, 4-5. В 1956 г. он, одним из первых копейских трудармейцев, был удостоен звания «Почетный шахтер». 29 июля 1960 г. был награжден орденом Ленина, а 19 февраля 1974 г. – орденом Трудового Красного Знамени. Полный кавалер знака «Шахтерская слава». Участник городского слета кавалеров ордена Ленина, который проходил во Дворце культуры угольщиков в апреле 1970 г. и был посвящен 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. 22 января 1988 г. в возрасте 62 лет он последний раз спустился в шахту.

Ситнер Давид Александрович (1927-1991)

Родился 28 января 1927 г. в селе Красный Кут, Саратовской области.

На шахту № 42 учеником электрослесаря поступил в 1942 г., когда ему исполнилось едва 15. Позднее освоил профессию бурильщика. Работал горным мастером, в 1948 г. был назначен начальником участка, самым молодым – ему был всего 21 год.

Начальником добычного участка на шахте «Капитальная» работал с 1948 по 1979 гг.. Первым в Челябинском угольном бассейне внедрил добычной комбайн К-56. В марте 1968 г. его участку было доверено осваивать новый механизированный комплекс КМ-87, на котором через полгода, в октябре месяце, коллектив его участка достиг рекордной суточной выработки – 1053 тонн угля.

В 1976 г. заочно кончил Копейский горный техникум.

Заслуженный шахтер РСФСР (1977 г.). Кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени (1957 г.), полный кавалер знака «Шахтерская слава» (1962 г., 1969 г. и 1973). Его имя занесено в областную Ленинскую книгу Почета. Шахтерскому труду посвятил почти 40 лет своей жизни, из них 30 – начальником добычного участка шахты «Капитальная», руководителем, наставником. Основатель шахтерской династии, трудовой стаж которой превышает сто лет.

Валентина Косолапова

ВЗГЛЯД НА МИР ЧЕРЕЗ ОБЪЕКТИВ ФОТОАППАРАТА

В Копейске хорошо помнят имя Эрика Лореша. Его знали не только как фотокорреспондента городской газеты «Копейский рабочий», но и как талантливого фотографа-художника

и просто хорошего человека. Уже много лет прошло с тех пор, как ему по состоянию здоровья пришлось покинуть ставший для него родным Урал – сначала он переехал в южный

город Геленджик, а в 1989 году на постоянное место жительства в Германию, однако старшее поколение копейчан помнит и его имя, и его работы - во многих домах дорогими реликвиями хранятся сделанные им семейные фотографии.

Совсем непросто была жизнь у этого человека. Родился он 27 июня 1925 года в деревне Розенгейм в Республике немцев Поволжья. Его родители, Ирма и Фридрих Лореш, были сельскими учителями, людьми образованными, работающими и очень добрыми, так что детство маленького Эриха было радостным и добрым. Как и положено, в семь лет он пошел в школу. Казалось, что ничто не предвещало беды, но наступил страшный 1937 год. Отца арестовали. За что - никто не мог сказать, да и, пожалуй, никто и не спрашивал - все, даже дети, понимали, что говорить об этом нельзя. Вскоре школьный учитель был расстрелян. Сын об этом знал много позже.

Пройдет еще четыре года. Наступит 22 июня 1941 года, начнется Великая Отечественная война. Эрик, как и все мальчишки того времени, рвался на фронт, защищать Родину. Родина отказалась от своего сына только потому, что он был по национальности немцем. Русским немцем в многонациональном государстве. Слова «не русский я, но россиянин» оказались просто словами. И мальчишка, выросший в Советском Союзе, с молоком матери впитавший в себя все устои советского государства, был объявлен врагом. А дальше - страшный путь почти через полстраны в далекую Сибирь. Семья Лорешей поселилась в алтайском местечке со странным названием Топчиха и до ноября 1942 года работала в колхозе «Маяк».

Потом он был призван в трудармию и от-

Эрик Лореш за работой

1989 г. Фотограф Эрик Лореш

правлен на Урал. В Копейске всех распределили на работу. Почти все должны были освоить нелегкий шахтерский труд. Эрику по-настоящему повезло - его направили в Спецконтру по тушению пожаров. Пришлось освоить ему профессию возчика - на лошади он развозил воду и уголь на буровые вышки. Потом перевели его рабочим на буровую и, в конце концов, он получил настоящую мужскую специальность - электрослесаря.

Однако все пережитое - арест и смерть отца, ссылка в Сибирь, затем на Урал, сложнейшие условия жизни и работы, подорвали его здоровье, и в 1948 году он был уволен по инвалидности. Кто-то мог, наверное, и сломаться, но Эрик выдержал. В тот же год он окончил четырехмесячные курсы и получил профессию фотографа. Конечно, трудно было начинать новое дело с нуля. И опять было счастье. У одного его знакомого оказалось целое богатство: фотоаппарат, аппаратура и целый чемодат фотореактивов. Так началась жизнь профессионального фотографа Эрика Лореша. Он не гнушался никакой работы. Работал в фотоателье, делал снимки для документов и для семейных альбомов, а в свободное время постигал азы этой непростой профессии, постепенно превращая свою работу в искусство. Именно в это время и появились его фотографии на страницах городской газеты «Копейский рабочий», делая газету более яркой и интересной. И были это не просто «снимки по случаю», все свои работы он создавал по строгим законам фотографического искусства.

Однако болезнь, заработанная еще в юности, давала о себе знать все чаще и чаще. Врачи посоветовали сменить климат. Так он вместе с семьей переехал в южный город Геленджик, но с Уралом и уральскими дузьями связи не терял:

звонил, часто принимал гостей, каждый раз даря им в подарок сделанные рукой настоящего мастера удивительные фотографии. А в 1989 году уехал на постоянное место жительства в Германию, родину своих предков

Виктор Чигинцев

ХРИСТОФОР, ПОТОМОК КРЕСТОНОСЦЕВ

Христофор Христофорович Балько в селе Калачево слывет человеком-легендой. Один из руководителей мощного в былое время хозяйства, первостроитель крупнейшей в мире (по тем временам) птицефабрики, он ведет свою родословную с 1230 года.

Имя знаменитого крестоносца, завоевателя Восточной Пруссии Христофора Балько передается из поколения в поколение. «Раскопать» родословную Христофору помог зять, московский писатель, основательно поработавший с энциклопедией знатных людей рода человеческого, с архивными документами. В середине XVIII века один из немецких предков Христофора Балько обошелся князю Потемкину в пять рублей золотом. Человеческие «души»

закупались с целью заселения юга Украины. Судьба забросила династию Балько на Урал.

Один из последних директоров совхоза, принявший на себя первые удары перестроечной разрухи, Христофор Христофорович убежден, что возможности хозяйства в птицеводстве, животноводстве, полеводстве далеко не исчерпаны. Недаром село четырежды участник ВДНХ, на его базе проводились всесоюзные совещания по обмену опытом. Руководителем Христофор Балько работал до 1997 года, а сейчас с удовлетворением наблюдает за нововведениями молодого директора Владимира Булдашова, радуется успехам возрождающегося хозяйства.

«Уральский курьер», 27. 10. 2000

Виктор Чигинцев

ЖИЗНЬ И СУДЬБА КОПЕЙЧАНИНА ХРИСТОФОРА БАЛЬКО

«Это невероятно!» – усомнится читатель: потомка магистра тевтонского ордена, прославившегося колонизацией восточных земель в XIII веке, встретить в веке XXI, в чертовски далеком от бывшей Пруссии южноуральском селе Калачево. Во всяком случае, известный и уважаемый житель села Христофор Балько отсчет своего рода ведет от Германа Балька, упокоившегося в Кенигсберге, памятник которому воздвигнут в Германии.

(Для справки: Ландмейстеры Тевтонского ордена (Геррмейстеры) в ливонии Рыцари в Ливонии с самого начала пользовались довольно широкой автономией. После 1438 года они уже сами выбирали себе магистра, превратив Ливонию, фактически, в самостоятельное орденское государство, известное в истории как Ливонский орден. Среди них: Герман

**Цветы чемпиону Елене Ткач от Христофора Балько.
Фото: из архива Х.Балько**

Царская благодарность спасла жизнь

Время, в котором могли бы жить потомки одного человеческого рода, есть «миг между прошлым и будущим». Что от нас далеко и что близко? Человек, к примеру, побывал на Луне, готовится полететь на Марс, а сами земляне убеждены, что нынешняя наша цивилизация не первая. Уже в отечественной истории вся деревня Нижней Саксонии приняла милостивое предложение императрицы Екатерины II переселиться на крымские земли.

В роде Балько главенствует православное имя Христофор, в котором наш герой – сын, внук, правнук и «пра, пра» Христофоров – восьмой по счету. Есть девятый, десятый и т.д. Все равно как Иваны Ивановичи, на которых, по выражению одного из литературных героев, «русская земля держится». Христофор Христофорович Балько руководствуется принципом: «Помни праотцов: заповедного не тронь». (Фамилия «Бальк» трансформировалась в «Балько» на Украине.)

А вот более близкий фрагмент из рода Балько. В 1913 году русская мама Христофора Ефросинья Федоровна, закончившая гимназию и работавшая в службе евпаторийского санатория «Гелиос», принимала на отдых царскую семью Романовых. Из рук императора Николая II получила золотую монету, отчеканенную в честь 300-летия дома Романовых. В трагический момент гражданской войны, когда с остервенением грабили и красные, и белые, эта монета спасла семье Балько жизнь.

По профессии вел Бог

Нескончаемо долгим, для многих земляков последним, был речной, морской, степной и железнодорожный путь в Казахстан, куда в войну переселили десятки тысяч крымских немцев. На глухой станции под Семипалатинском выгрузили из телячьих теплушек в зимнюю стужу. В январе 2007 года газета «Казахстанская правда» напечатала ностальгическую статью Христофора Балько «Народ казахский стал родным». В тексте статьи есть строки: «Казахстан – удивительная страна. И будь моя воля, я бы каждому казахстанцу сказал: «Берегите своего президента и помогайте ему в созидательной работе на благо прекрасного народа». В войну степные казахскотоподы приняли семью Балько как родную, приютили, обогрели, поделились последней лепешкой.

В мае 1942 года Христофора призвали в трудармию. Напрасно писал он заявления об отправке на фронт добровольцем, убеждая военных чиновников, что по линии матери он русский. На строительстве Челябинского металлургического комбината добывал камень в карьере. Норма – 10 кубометров на человека в смену. Доходягой, изможденного

непосильной работой, перевели на сушку дров для парогенераторных грузовиков. Работал в авторемонтной мастерской. Косил сено на муслимовских сенокосах, где, отравившись с голодухи грибами, едва не умер, но выжил и был определен в коновозчики. В лагере № 6, где трудармейцы сходили с ума, а чаще умирали, обескровленные рабским трудом, возил покойников.

Отец Христофора в Крыму руководил колхозом «Гигант», объединявшим пять деревень. Очевидно, потому и сын закончил ШКМ (школу колхозной молодежи), получив начальную специализацию зоотехника. Образование продолжил в крымском сельхозтехникуме, а после войны завершил его в московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. «По профессии, – говорит Христофор Балько, – меня вел Бог». К сказанному добавим: «И талант!». ЧМК изначально планировал работу на бакальских рудах. И курировало стройку металлургического гиганта управление «Бакалстрой». В этом ведомстве использовался дешевый рабский труд 16-ти отрядов, сформированных из репрессированных немцев.

КРС с густым подшерстком

Подсобное хозяйство управления базировалось под Саткой. Руководить им Христофор был назначен в возрасте 24 лет. После войны в хозяйство привезли по репарации из Германии эшелон коров симментальской породы. Занимаясь селекцией КРС, Христофор проводил смелые эксперименты. Например, новорожденных телят выставлял в клетках на мороз и... добивался 100-процентной выживаемости. При этом скот вырастал с густым подшерстком, немало удивляя специалистов и корреспондентов. За что бы ни брался Христофор, ему всюду сопутствовал успех, подкрепляемый участием в ВДНХ и ее медалями. Однажды удалось пообщаться с известным реформатором сельскохозяйственной отрасли, первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым и его консультантом, американским фермером Гарстом.

Во время хрущевской «оттепели» приказом Уральского совнархоза Христофора Балько назначили руководителем строительства знаменитой в 60-е годы калачевской птицефабрики. С ее открытием село стало зримо преображаться. Вырастали жилые дома, производственные объекты. В деревне появились Дом культуры, школа, детский сад, медпункт, овощехранилище. В Калачево пришел газопровод. Со времени казачьей станицы, жившей доброй патриархальной жизнью, это был ренессанс Калачево. Подъем в птицеводстве повысил общий уровень экономики села. Совхоз четырежды становился участником ВДНХ, получил переходящее знамя ЦК ВЛКСМ. В хозяйстве дважды проводились Всесоюзные совещания работников сельского хозяйства по изучению опыта работы. На груди беспартийного руководителя Христофора Балько появился орден Красного Знамени.

Чрезвычайная «охота» на львов

Славится село Калачево стрелковым стендом, получившим статус центра олимпийской подготовки. Особая гордость меткого стрелка и в прошлом неутомимого охотника Балько в том, что на площадках стенда воспитаны 38 мастеров спорта, что здесь получила путевку в большой спорт снайпер Елена Ткач – чемпионка мира и Европы. С увлечением охотой и стендовой стрельбой связан занимательный сюжет. Однажды, приехав в офис спортивного общества «Урожай», чтобы пополнить боезапас для очередных соревнований, Балько стал свидетелем телефонного разговора заместителя председателя спортивного общества, участника войны, танкиста-добровольца Виталия Анцупова с директором челябинского цирка. Суть разговора друг Христофора изложил кратко: «Вышли из повиновения цирковые львы. Бери ружье, патроны и срочно – в цирк». Просьба прозвучала как приказ.

Когда вез отстрелянных львов в Калачево, на дороге проголосовал офицер в звании капитана, по выправке и внешнему виду – бывалый фронтовик. Но, запрыгнув на борт «полторки» и увидев косматых зверей, поспешил ретироваться, смущенно отказавшись от услуги. В деревне мужики сняли со львов шкуры, а мясо... скормили курам птицефабрики. В музее калачевской школы № 5 я с осторожностью топтал пол одной из комнат, выставленной старой львиной шкурой.

О чрезвычайной «охоте» на разбушевавшихся львов жена Христофора Христофоровича Валентина Никитична узнала с большим опозданием и, разумеется, не от мужа. Христофор любил охоту, но всегда сожалел о ее

жертвах, предпочитая помалкивать о своих метких выстрелах.

Бег жизни

Бывший инженер участка буро-взрывных работ на «Бакалстрое» Валентина Едренкина родила мужу прекрасных детей. Сын – Христофор, закончивший Троицкий ветеринарный институт, рано ушел из жизни. Дочь Людмила получила красный диплом об окончании ветеринарного института имени Буденного в Москве, работала в Госплане, в правительстве страны. Выйдя на пенсию, увлеклась хоровым пением, работает в певческом коллективе храма Христа Спасителя. Ее пение звучало в Ватикане. Лидия – врач-стоматолог, живет в Екатеринбурге, Лариса – учитель-историк, Елена, будучи студенткой института имени Плеханова, занималась в школе космонавтов, живет в Москве и работает экономистом в «Газпроме».

Дети подарили любимому отцу, заслуженному дедушке-орденоносцу 16 внуков, а повзрослевшие внуки – правнуков.

В день нашей встречи не покидало чувство удивления и искреннего восхищения. Нет, не с 88-летним стариком я общался, а с крепким, стройным, наделенным отличной памятью мужчиной. Тогда, за хлебосольным столом, Христофор Балько, проживший трудную, но содержательную жизнь, меньше всего вел речь о себе. И все же из скудных фрагментов Христофоровой судьбы удалось скроить скромное полотно жизни далекого потомка древнего прусского рода. Пройдя все испытания, он продолжает ход жизни, руководствуясь святой заповедью: помни праотцов, заповедного не тронь!

«Копейский рабочий», 09.07.2011

Тевтонский орден

Герман фон Зальца отправил к мазовецкому князю 2 рыцарей и 18 сопровождающих на осмотр и выяснение обстоятельств на месте. Когда те прибыли к мазовецкому двору, самого князя не оказалось дома. Гостей приняла жена Конрада Мазовецкого. Она попросила тевтонцев подождать возвращения мужа.

Как раз в это время на Мазовию вновь напали пруссы. Тевтонским рыцарям представилась возможность продемонстрировать свои боевые качества. Они возглавили организацию обороны.

Битва с пруссами продолжалась целый день. В конце концов мазуры не сумели сдержать натиск пруссов и обратились в паническое бегство. И тут крестоносцы прекрасно показали себя, прикрывая отступление до тех пор, пока не упали под градом стрел. Победа досталась пруссам дорогой ценой. В ту же ночь захватчики отступили.

Раненых рыцарей выходили, и они приступили к переговорам с возвратившимся Конрадом. Обсуждение всех деталей будущего сотрудни-

чества было завершено в 1230 году. Этот год является исходным в истории построения в Пруссии орденского государства.

По просьбе крестоносцев Конрад Мазовецкий построил для них на горе левого берега Вислы замок, который получил название Фогельзангам. В этом замке обосновался первый тевтонский гарнизон, который успешно отразил штурм пруссов и выдержал длительную осаду. Фогельзангам (в переводе с немецкого — «песня птицы») выполнил роль плацдарма Тевтонского ордена в Пруссии.

Великий магистр прислал в Пруссию подкрепление из Палестины — 10 рыцарей и 100 конных воинов. Рыцари получили титулы правителей еще незавоеванных провинций. Главным среди них был Герман Балк, носивший титул наместника Пруссии. Вместе с ним назначение в новую провинцию получили маршал, комтур, командант замка и госпитальер.

Наполнение номинальных должностей конкретным содержанием зависело от самих рыцарей. Поэтому они бурно ввязались «в дело»,

то есть в сражения, потому что никаких иных средств, за исключением войны, даже не представляли себе. Герман Балк сразу же по прибытии приказал начать строительство нового замка над Вислой. Этот замок получил название Нешава.

Привилеем 1230 года Конрад Мазовецкий передавал Тевтонскому ордену на вечные времена Хелминскую землю с реками Дорвенца и Мокрая. Единственной обязанностью крестоносцев была борьба с пруссами до тех пор, пока те не примут христианство. Римский император подтвердил решение Конрада Мазовецкого.

Папа Римский объявил новый крестовый поход против пруссов. Его участникам отпускаясь все грехи наравне с крестоносцами, которые воевали за Святую землю. Обеспечив таким образом себе правовую основу для экспансии в славянские земли, тевтонцы приступили к активным боевым действиям.

В 1231 году Герман Балк с небольшим отрядом переправился на лодках через Вислу и добрался до одного из прусских святилищ. Там находился дуб, которому поклонялись местные жители. Крестоносцы укрепили это место — окружили его рвом и валом. повесили

на дубе свою хоругвь. Им удалось отбить все атаки пруссов, которые стремились уничтожить иностранцев, посягнувших на святыню.

Спустя несколько месяцев на месте покоренного прусского святилища тевтонцами был заложен замок и город Торунь. В скором времени Герман Балк с помощью прибывших из Европы крестоносцев прогнал пруссов из всей Хелминской земли. На месте сожженного прусского городища был заложен город Хелмна. Хелмна был объявлен столицей Пруссии.

В 1234 году объединенная армия Тевтонского ордена, Конрада Мазовецкого, силезского князя Генриха Бородатого, поморского князя Святополка и великопольского князя Владислава нанесла пруссам тяжелое поражение на реке Сиргуна. Эта победа придала импульс строительству новых замков крестоносцев.

В 1237 году был заложен замок Эльбланг, спустя два года — Балга. Орден постепенно продвигался в глубь Пруссии вдоль рек Вислы и Наготы, а затем и Вислянского залива. Делалось это с целью не терять водной связи с базами на Хелминской земле.

Так закладывались основы орденского государства в Пруссии.

Христофор Балько

НАРОД КАЗАХСКИЙ, С ЮНОСТИ РОДНОЙ

Я давно живу в России, но сердцем в Казахстане. Радуюсь его успехам и желаю счастья людям, живущим в нем. Такого доброго, гостеприимного и сердечного народа, как казахи, я нигде не встречал. Прошло 65 лет с тех пор, как я впервые попал на казахстанскую землю. Минули десятилетия, а вот тепло и участие, с которым нас, эвакуированных, приняли, не забывается.

Зимой 1941 года в товарных вагонах нас привезли на станцию Жангизтобе, тогда Семипалатинской области. Было невыносимо холодно, мороз в 30 градусов «рвал» бесснежную мерзлую землю. И «взрывы» те напоминали военную канонаду. Нашу семью из пяти человек поселили к казахам, где было трое маленьких детей, а работал только муж. Трудился он на железной дороге бригадиром по ремонту путей.

Приняли нас благожелательно, делились с нами не только кровом, но и пищей. Прожили мы в этой доброй семье более десяти дней, пока не приехали за нами возчики на санях, казахи-старики из Кокпектинского района, который находился от станции в 130 километрах. Поездка до райцентра длилась 5 долгих суток. Стужа лютовала, а мы остались в легкой «южной» одежде. Кто помоложе и здоровее, согревался ходьбой, а немощные лежали в санях, усталых заботливыми возницами кошками. Укрывались тулупами.

В поселке Кокпекты мы получили разна-

рядку на поселение, на ферму №4 совхоза Чегелек, в двадцати километрах от райцентра. Примерно таким же было расстояние до центральной усадьбы Большая Буконь. Поселили нас в саманный домик с двумя небольшими комнатами.

Директор совхоза Абдукарим Токбаев, невзирая на запреты, выделил нам топливо и продовольствие, помог трудоустроиться. Отец работал ветфельшером, и с братом ночными сторожами в свинарнике, где на соломенной крыше ловили воробьев, разнообразя свой рацион.

В апреле 1942 года меня призвали в армию. После демобилизации, в 1947 году, по приглашению сослуживца решил вернуться в Казахстан в Талдыкорганскую область, в село Тохтамыс Джангизагагского сельсовета, где работал животноводом. Местность находилась в первой погранзоне. Так я вновь попал к дорогим моему сердцу казахам, которые помогли мне познакомиться с их культурой, обычаями и культурой. Одним из моих учителей на этом

поприще стал председатель колхоза «Кызыл Октябрь», человек душевный и мудрый. Доброта, сочувствие и гостеприимство казахов меня поражали и восхищали. Я почитал за счастье жить рядом с ними, но климатические условия вынудили меня вернуться в Челябинскую область.

Шли годы. Я мужал, рос профессионально. Совет народного хозяйства по Уральскому региону направил меня строить первую в Челябинской области птицефабрику. Хозяйство материально крепло и стало одним из лучших в Советском Союзе. Сюда за передовым опытом приезжали на обучение из всех республик. Особенно я радовался встречам с казахстанцами.

Я гордился своими успехами, радовался жизни, но никогда не забывал и не забываю тех, кто сохранил мне, да и многим, таким как я, «поселенцам» жизнь. Благодарность моя безмерна, и я навсегда в долгу перед душевным и щедрым казахским народом.

Возможно, кого-то из тех, кого я помню и люблю, нет в живых, но есть и наследники. И всем этим прекрасным людям я хотел бы поклониться до земли и сказать огромное спасибо. Где вы, мои милые друзья из Костанайской области: Борис Павлович Князев, Бисултан Атаевич, Мария Ивановна и Руслан Атаевы,

Жакан Касабаевич Касабаев, Базарбек Шангизович Шангизов, МярәжБуйнаков, Умурзак Тульгенов, Михаил и Анна Бурзук, Казыбат Мубергенович Табажанов, Ибрай Шестаевич Естакв? Очень бы мне хотелось перечислить всех поименно, включая их жен и детей, но, боюсь, список растянется на несколько страниц. Одно могу сказать: гостеприимство и доброжелательность, которыми сопровождалось наше общение в России и Казахстане, - самый лучший для меня источник доброго расположения духа и хорошего настроения.

Счастлив, что незримой ниточкой и сегодня связан с Казахстаном. В Восточно-Казахстанской области, в селе Большая Буконь, живут мои родные Наташа и Валентин Пономаревы, а в городе Лисаковске – Лиля и Борис Лисковы.

Казахстан – удивительная страна. И, будь моя воля, я бы каждому казахстанцу сказал: «Берегите своего Президента и помогайте ему в его созидательной работе, направленной на благо прекрасного народа».

Простите, нужных слов благодарности я так и не смог найти, но писал от чистого сердца.

**«Казахстанская правда»,
26 января 2007 г.**

Надежда Емельянова

ПИСАТЕЛЬ С НЕМЕЦКИМИ КОРНЯМИ И РУССКОЙ СУДЬБОЙ

В конференц-зале Оренбургской областной универсальной библиотеки имени Н. К. Крупской состоялась презентация сборника повестей, рассказов и сказок «Невьянский сундучок» Павла Северного (1900 - 1981), чья жизнь напрямую связана с нашим краем. На встречу с первыми читателями приехал сын автора, Аркадий Северный. Он поделился воспоминаниями о своем детстве, которое прошло в нашем городе, рассказал о трагических эпизодах из жизни отца, а также передал в наш областной архив рукописи произведений, написанных им в 40-е годы прошлого века.

Павел Александрович Северный - особенное явление в российской литературе и культуре XX века. В свое время он был признан одним из самых издаваемых и читаемых писателей русской эмиграции в Китае. В его произведениях (а их около 140), написанных в разные годы и в разных жанрах, неизменно главенствовала русская тема. Лучшие из них - романы «Ледяной смех» об отступлении армии Колчака, «Косая мадонна», посвященная жене А. С. Пушкина Наталии Гончаровой, «Андрей Рублев», «Каменный пояс», трилогия «Сказание о старом Урале» - пользовались читательским спросом, издавались массовыми тиражами. Он был писателем, которого прежде всего волновали идеи, связанные с Россией и русским народом, с его будущим, прошлым и настоящим.

Как пишет в предисловии к сборнику Игорь

Храмов, судьба самого Павла Северного может послужить темой исторического романа. Он родился в селении Верхний Уфалей Оренбургской губернии, впоследствии отошедшем к Челябинской области. Его отец барон Александр фон Ольбрих, происходивший из обрусевшего дворянского рода, потомков немцев петровских времен, получил профессию горного инженера и пользовался заслуженным авторитетом у богатых уральских заводчиков как умелый управляющий. В годы революции и Гражданской войны из всей большой семьи в живых остался только Павел, который вынужден был уйти с армией Колчака. Хождение по мукам в лабиринте братоубийственного противостояния, бегство из плена с уцелевшими колчаковцами, отступление из Екатеринбургa на восток, переход через неокрепший

лед Байкала, тиф... Все эти суровые реалии ушедшей эпохи стали основой его автобиографического романа «Ледяной смех».

Павлу Северному удалось эмигрировать в Маньчжурию. Он обосновался сначала в Харбине, затем перебрался в Шанхай, где активно участвовал в литературной и культурной жизни эмигрантского сообщества, преподавал в университете, занимался литературоведческой работой, общался с известными людьми русского зарубежья - Федором Шляпиным, Николаем Рерихом, Александром Вертинским, многими художниками.

Однако всеми своими помыслами писатель стремился в Россию. В 1954 году он с женой и сыном вернулся на Родину. Сначала его направили в качестве библиотекаря в целинный совхоз «Бурлыкский» Беляевского района, но позже, после вмешательства тогдашнего министра иностранных дел и зампреда Совета Министров Вячеслава Молотова, он был переведен в Оренбург (тогда Чкалов) и назначен на должность технического редактора Чкаловского книжного издательства. Там Павел Александрович проработал до 1958 года, после чего переехал в подмосковный Подольск, где и жил до своей кончины. В 1966 году П.А. Северного приняли в Союз писателей СССР.

В книгу вошли как ранее не издававшиеся произведения «Одно лето Алеши Сказкина», «Про Беличье царство Векшин Посад», «Снегурочка колвинских лесов», так и знакомые старшему поколению повести «Синий пояс», «Топтыгин с Косьвы», «Невьянский сундучок». Издание стало возможным благодаря энтузиазму известного оренбургского мецената А. В. Митаревского и президента Оренбургского благотворительного фонда «Евразия» И. В. Храмова. К печати сборник подготовлен

издательством «Оренбургская книга» при финансовой поддержке в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

Фото из фонда «Евразия».
Газета «Южный Урал», 11.04.2013.
<http://uralpressa.ru/news?doc=6671>

Рафаэль Соколовский

О ПОЛЬЗЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Об авторе: Рафаэль Александрович Соколовский — журналист, писатель, литературовед. Автор трех сборников сатирических рассказов и ряда литературоведческих работ об А. Аверченко и М. Зощенко. Много лет отдал восстановлению забытых страниц сатиры начала XX века, опубликовал более пятисот неизвестных произведений сатириков и других сатириков. В последнее время занимается публикацией и исследованием наследия поэта Н. Шатрова. Живет в Москве.

Семейная история

Мой дядя самых честных правил был в самом деле человеком самых честных правил. Наверное, потому он и стал бухгалтером. Впрочем, профессия эта, похоже, сама выбрала его, так как мечтал стать капитаном, следуя семейным традициям, а из-за дворянского происхождения дорога в институт была заказана, и пришлось жить среди цифр и отчетов. Он рано женился и в поисках хлеба насущного переехал из Баку в Муйнак, что на юге Аральского моря. Там его

приняли с распростертыми объятиями на рыбокомбинате — предоставили работу с квартирой. Специалисты тогда ценились на вес золота, тем более в таких захолустных поселках у черта на куличках, каким был Муйнак.

Давние предки Циммерманов получили дворянство во времена Екатерины Великой — она щедро одаривала немцев, желая закрепить их в Прибалтике. Да вот случилась революция, и происхождение из дворян сильно подпортило

репутацию всем детям капитана Бруно Циммермана — и моей маме Гертруде, и тете Алисе, и дяде Жене. К счастью, у их отца имя было двойное — Бруно-Александр, и, зная неприязнь гегемонов к немцам, с которыми они недавно воевали и заключили позорный Брестский мир, капитанские дети разумно решили принять в качестве отчества второе имя отца и сделались все Александровичами. Тем не менее дорога в вузы была им заказана, и моя мама и тетя всю жизнь проработали машинистками. И какими! Тетя Люся, как звали в нашей семье Алису Александровну, завоевала как-то первое место в Баку по скорости и грамотности печатания текстов. Высочайшую грамотность дала им гимназия — и когда Алиса Александровна оказалась в ссылке в Семипалатинске и работала в местном пединституте, советские профессора и доценты стояли в очереди, чтобы их работы печатала именно она, корректор их малограмотности.

Мой дед мог бы смело писать в анкете «трудо-вой дворянин», так как жил на трудовые заработки — он был капитаном. Ему довелось обогнуть Африку и Индию и побывать в Японии. Оттуда он привез настольный прибор для карандашей и ручек, с вырезанной в камне пепельницей. В детстве я всегда любовался этим японским изделием, украшенным разными рыбками. Полагаю, у деда Бруно были неплохие рекомендации, если его пригласили к себе на работу небезызвестные братья Роберт и Людвиг Нобиле, имевшие в Баку свое дело — нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающий завод и нефтеналивные суда. А для перевозки нефти требовались опытные капитаны. Так семья Циммерманов в конце XIX века покинула Либаву и перебралась в Баку. Способствовал переезду и пастор Евангелическо-лютеранской церкви г. Баку, тоже Циммерман, дальний их родственник. Может быть, после походов по океанам работа на Каспии моему деду могла казаться не столь престижной, но условия своим работникам акционерное общество братьев Нобиле умело создавать — на тогдашней окраине Баку был возведен благоустроенный городок, утопающий в зелени. Вскоре он вошел в черту города, а после революции этот парк стал называться садом «Роте фане». Большой семье Циммерманов была предоставлена просторная квартира в велико-лепном саду. Рядом с моими предками жил дядя разведчика Зорге — он тоже служил у Нобилей. В чем заключалась работа деда, не знаю, знаю лишь по рассказам мамы, что он приводил нефтеналивные суда из Швеции по Мариинской системе каналов, а затем по Волге в Каспий. Зимой он преподавал в морском училище.

Евгений Александрович прижился в Муйнаке и вскоре заслужил уважение у рыбаков: он никогда не пользовался их неграмотностью и закрывал наряды так, что рыбаки ему верили на слово. Он помогал им оформлять финансовые документы. Да и говорить по-каракалпакски он научился неплохо. Отчетность у него всегда была в ажуре, сдавалась вовремя, любые финансовые бумажки были подшиты и пронумерованы, так что руководство рыбокомбината относилось к

нему с большим доверием. Жизнь складывалась неплохо: он стал главным бухгалтером, обзавелся собственным домом, подрастали два сына, Олег и Игорь.

В сентябре 1941 года немцев Поволжья выселили в Сибирь. За ними были депортированы немцы, проживавшие на всей территории страны. Жителей Баку, не имевших теплой одежды и запасов провизии, привезли на север Казахстана. Наш эшелон разгрузили в Семипалатинской области в канун зимы — в ноябре. Мы попали в Ново-Шульбу. Мне до весны в школу ходить не пришлось, так как не на что было купить валенки. Чтобы я мог выбегать в туалет, на ноги мама мне сшила что-то похожее на унты, только не из меха, а из старого зимнего пальто с ватином. Неудобство их состояло в том, что по возвращении в теплый дом снег на них таял, и приходилось их сушить на русской печке. К ним бы галоши, но новошуйбинцы видели их разве что в кино. Зимнее пальто мама тоже перешила из старых одежек, благо она была хорошей портнихой и обшивала всех нас еще в Баку. Учился я самостоятельно, по учебникам, привезенным из дома, и не очень отстал от ребят, когда весной появился в пятом классе. Так, с зимними перебоями, и окончил семь классов.

Жили мы на одной картошке, обмененной на простыни, одежду и всякую бытовую дребедень, которая ценилась в этом далеком от цивилизации селе. А когда она иссякла, пришлось ехать в совхоз «Вторая пятилетка», где я устроился подпаском на свиноферму, а маму и Алису Александровну зачислили разнорабочими. Работа была для них непосильной — убирать снег и навоз на скотном дворе, перетаскивать тяжести. И хотя за это давали пайку хлеба, они не выдержали.

Кто-то то ли в райкоме партии, то ли в спецкомендатуре спохватился, что бакинские немцы в Ново-Шульбе начали вымирать... Спасение пришло в виде разрешения на переезд в Семипалатинск, где каждый, как мог, устроился по своей профессии и получил карточки на хлеб и продукты. Разумеется, также без права покидать черту города и обязательно раз в месяц отмечаться в спецкомендатуре. Так мы перебрались в Семипалатинск, где мама нашла работу в пошивочном цехе, а Алиса Александровна вернулась к прежней профессии машинистки.

Евгения Александровича Циммермана выселять было некуда, так как Муйнак сам по себе был местом ссылки. Но вскоре его «мобилизовали» в трудовую армию. На словах это выглядело как тыловое подразделение Красной армии. А на самом деле трудармия мало чем отличалась от сталинских лагерей — та же зона с колючей проволокой, вышками и охраной, те же бараки, тот же подневольный труд на лесоповале или в шахтах за пайку хлеба и баланду. Отличие состояло в том, что не пришивались номера на одежду и не висел судебный срок, стало быть, тлела надежда вернуться домой по окончании войны.

Евгению Александровичу повезло: его исполь-

зовали не на физических работах, а по специальности. И все бы складывалось хорошо, если бы не случай. Однажды вечером в апреле 1945 года собрались за столом несколько трудармейцев и начали шпрыхать по-немецки, упоминая всуе «нашего папу» Сталина, а заодно и Гитлера. Они сожалели, что Гитлер проиграл войну и снова придется жить под извергом Сталиным... Евгений Александрович оказался в той компании случайно — он расположился на краешке стола рядом с ними и писал письмо домой, совершенно не слыша, о чем они переговаривались вполголоса, тем более что он и не понимал по-немецки. Не успели трудармейцы улечься на нары после отбоя, как появился лейтенант с конвоем. Он выкликнул имена пятерых, которым приказано было быстро одеться и собраться. Никто ничего не мог понять. Всех пятерых отвели в БУР (барак усиленного режима) и утром вызвали по одному на допрос. Пришел черед Евгения Александровича. Его спросили, почему не сообщил о том, что при нем порочили имя вождя товарища Сталина...

Напрасно он пытался объяснить следователям, что действительно не знает немецкого языка, потому что его родители умерли в 1916 году, он рос в русскоязычной среде и был в Муйнаке единственным немцем по паспорту...

Судила тройка. Рассказчику анекдотов о Сталине припаяли десять лет, остальным за недонесение — по пять. Так Евгений Александрович оказался в лагере под Челябинском, где работал в шахте в Копейске. Там он заработал неизлечимый недуг, полуживым был сактирован и выслан на поселение в Карагандинскую область. После хлопот сестры забрали его к себе в Семипалатинск. Там он вскоре и умер.

Он все твердил моей маме, что хочет непременно встретиться со мной и поговорить. Наверное, хотел на своем примере убедить меня быть очень осторожным. Но лишнего я не болтал, всегда помня, кто я — спецпереселенец, который ежемесячно отмечается в комендатуре. Писем я не хранил, дневников не вел.

Кроме смертельного недуга, Евгения Александровича мучила мысль о судьбе сыновей. Национальность не давала им никаких перспектив на будущее. Он умер, так и не узнав, что ни Игорь, ни Олег не вернутся в Муйнак, а обоснуются в Москве, где женятся, обзаведутся детьми и внуками. Опять же, по случаю, на этот раз счастливому: Муйнак катастрофически не выполнял разнарядку на призывников. Военком вызвал Игоря и Олега и предупредил, что им не откосить от армии — в милиции готовы паспорта, в которых не записано, что они немцы. После демобилизации Игорю удалось устроиться в Москве разнорабочим на военный завод. Заочно он окончил технический вуз. Диплом и личные качества — напористость, исполнительность, инициативность, умение контактировать с людьми — были замечены руководством завода, и со временем ему предложили перейти в отдел снабжения, где он тридцать лет проработал начальником. Олег же сначала подался в милицию, чтобы получить московскую прописку, а потом

тоже устроился на военный завод слесарем. Он также обзавелся дипломом технического вуза, и его выдвинули в контрольные мастера — должность именно для человека с немецкой пунктуальностью и требовательностью, что чрезвычайно ценилось на военных предприятиях, где к качеству продукции предъявлялись особенно высокие требования.

У меня обстоятельства складывались посложнее, так как я мечтал стать журналистом. И опять вмешался случай: когда мне выдавали паспорт, служащая обратила внимание на прочерк в графе «отец» в свидетельстве о рождении. «Кто был по национальности отец?» — спросила она. «Караим, кажется. Они вроде евреев. Родители разошлись, когда мне было три года, и отца я никогда в глаза не видел». — «Да, не повезло тебе, Соколовский, — сказала она. — Однако прочерк дает тебе право выбрать себе национальность. Лучше запишись русским. Посоветуйся с мамой... А кто был твой отец — необязательно вешать на нос любопытным». Так и я избавился от метки, закрывавшей мне возможность стать журналистом. Но все равно я продолжал считаться спецпереселенцем и вынужден был это скрывать, заполняя всяческие анкеты. Я

был реабилитирован в 1992 году, когда это государственное благодеяние выглядело подарком, опоздавшим на целую жизнь. Чтобы быть подальше от спецкомендатуры, я после окончания журфака Казахского госуниверситета отработал год в Павлодаре и укатил в Самарканд, где прожил почти двадцать лет, пока не вернулся в Алма-Ату.

Если бы в моем паспорте не стояло «русский», вряд ли я смог бы выступать в газете с фельетонами, потому что первый же опровергатель тут же сочинил бы донос, что редакция приютила неблагонадежного журналиста, который порочит честных советских людей. Понятно, что и Игоря с Олегом близко не подпустили бы к Москве и тем более не позволили бы им работать в оборонке.

А о тех временах по-своему, в библейских образах, сказал мой друг юности Николай Шатров:

*Дух отлетел от песнопенья,
И стих предстал набором слов.
Фальшивое сердцебиенье
Не кружит срубленных голов.
Гильотинированы звуки,
Их интонация мертва.
И в деревянном перестуке
Глухие рифмы, как дрова.
Кто из кремня добудет искру?
Разорванную свяжет нить?
Опустится на землю, к риску
Глаголом трупы оживить?
Какой Христос, какой Мессия,
Отринув страх, покроет стыд?
Развяжет твой язык, Россия,
Казненным позвонки срastит?*

УЧИТЕЛЬ

Есть такие люди, чей удел определяется велением свыше - гореть и сгорать без остатка, оставляя после себя свет, не меркнущий веками в памяти всех тех, кому они преданно и беззаветно служили при жизни. Таких людей единицы, но именно таким был Том Иванович Шлей - учитель от Бога, подаривший путевку в жизнь тысячам своих учеников, помнящих и любящих его до сих пор, несмотря на прошедшие десятилетия.

Антон Кондратов

Судьба этого человека уникальна. Родился Том Иванович 12 июня 1920 года в Запорожской области. В 1937 году поступил в Ставропольский институт иностранных языков и окончил его в 1940 г. Будучи немцем по национальности, в 1941 г. попал под указ Правительства СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, на Урал». В то время Т.И.Шлей работал учителем немецкого языка в Успенской средней школе №2. В 1942 году он по трудовой мобилизации Сайрамского РВК Южно-Казахстанской области был направлен на строительные работы «Челябметаллургстроя». Трудармия - непосильный, изматывающий труд под стволами автоматов сотрудников НКВД.

Г.В. Эйзеле, близкий друг и соратник Т.И.Шлея:

- Если подняться по Шоссе Metallургов от Центрального клуба вверх к кинотеатру, то слева от себя можно увидеть одноэтажные и двухэтажные дома. Мне кажется, что каждый

тысячный кирпич этих домов сработан Томом Ивановичем. Тот, кто стоит перед первой домной, давшей в годы войны свою первую плавку, пусть помнит: котлован вырыт Томом! Тот, кто с гордостью оглядывается на Metallургический гигант, пусть знает: в его возведении участвовал обычный рабочий, впоследствии ставший директором первой немецкой школы, Том Иванович Шлей. Везде он был первый, беря на себя все самое тяжелое, ибо иначе не мог.

Его очень любили. И дети, и учителя, и родители. Нет таких людей, кто бы обратился к нему за помощью и не получил ее. Таким он был и в тяжелые годы войны, среди измученных голодом и непосильным трудом людей. Когда беда хватала за горло и впереди маячил призрак смерти, говорили: «Иди к Тому». И он по мере своих сил и возможностей, находил тот единственный в данной ситуации выход, помогавший выжить.

10 сентября 1946 года Т.И. Шлей по распоряжению Челябинского горона был отозван со строительных работ и направлен на учительскую работу в среднюю школу №27.

Лев Михайлович Беляков, зав. кафедрой математики ЧГПУ:

- Я не знаю более обаятельного человека, чем Том Иванович. В наш пятый класс он пришел в кирзовых сапогах, начищенных до блеска, и в байковом костюме с большими накладными карманами. Подтянутый, живой, строгий. И первое, чему он нас научил - держать лопату. И мы с ним вместе, первыми,

заложили в городе школьный сад. Научил нас играть в футбол и волейбол, бегать с ним по утрам. Пел сам и пели мы. Нам аплодировали за исполнение женских ролей в школьных спектаклях - в классе то были одни мальчишки. Мы плакали, когда он читал на память отрывки из книг о женщинах Великой Отечественной войны. Мы были влюблены в него и в язык, который он нам преподавал.

В 1961 году Т.И. Шлей становится директором школы №27 и в том же 1961 году - директором первой в Челябинске немецкой школы №96, где и проработал до самого последнего дня.

Роза Федоровна Пищикова, бывший учитель немецкого языка школы №96:

- Когда я пришла на работу в 96 школу, это было как второе рождение, мне стало радостнее жить, потому, что я оказалась в коллективе родных и близких мне по духу людей. У нас в школе, еще с тех времен, когда я только училась, существовала очень теплая, домашняя атмосфера, потому что Том Иванович знал не только каждого ученика, он знал проблемы, которые существовали в семьях учеников. Я помню много случаев, когда он принимал самое непосредственное участие в решении таких проблем. Он относился с уважением к любому человеку, всех учеников своей шко-

лы считал своими детьми. Он уважал перво-классника, десятиклассника, каждого члена педагогического коллектива - всех, с кем ему приходилось сталкиваться. Я не помню такого, чтобы у нашего директора не было для кого-то времени, на его двери никогда не висело таблички с часами приема - любой человек имел свободный доступ к нему.

Он был удивительно одаренным человеком: прекрасно рисовал, писал стихи, умел организовать общение. Его не просто обожали, его боготворили. Мы были в восторге, если нам удавалось побыть с ним и после рабочего времени. Он очень много внимания уделял внешкольной работе, порой засиживаясь до-

поздна, сам оформлял стенды в кабинетах, ученические пособия, чтобы и нам работалось легче, и детям было интереснее. Он был для нас в одном лице и директором, и другом, и отцом, и товарищем - всем.

В нашей школе каждую субботу проводился школьный вечер, чего никогда не было и нет до сих пор в других школах. Организовывались великолепные концерты, в которых каждый ученик и педагог мог принять участие.

Том Иванович всегда считал, что хорошая школа должна состоять из ярких индивидуальностей и умел в каждом эту индивидуальность увидеть и раскрыть. Сам Том Иванович, будучи ярким и уникальным человеком, был при этом очень скромным. И, может быть, потому, что он не любил кичиться своими достижениями, подавать рапорты, никогда ни перед кем не прогибался, он не стал заслуженным учителем. Но мы и без того прекрасно знаем все заслуги этого человека, по праву считаем его Народным учителем. Он это звание действительно заслужил.

Когда Том Иванович ушел из жизни, это было для нас ударом. Мне тогда была поручена организация его похорон. И я помню, как мы были ошеломлены тем огромным потоком, который шел к школе, чтобы проводить его в последний путь. Это были выпускники с первого и до последнего выпуска Тома Ивановича, которые находили такие слова, что нам вдруг показалось, что мы слишком мало знали о нем. Его нет, но он объединяет нас и сейчас. Я проработала под руководством Тома Ивановича с 1974 по 1989 год, и за все это время наш коллектив практически не менялся. Это была семья, в которой никогда не было ни распри, ни ссор, и эту семью создал Том Иванович Шлей.

Ольга Анатольевна Пасынкова, бывшая учительница школы №96:

- Работать с Томом Ивановичем было интересно. В любой ситуации он мог дать совет. Выйдешь от него и думаешь: как я сама не могла до этого догадаться. У него была богатая душа, были доброта, честность, такт, объективность в суждениях. На каждый педагогический совет он приходил со своим мнением не для того, чтобы навязать его другим, а чтобы вызвать споры и искренне радовался, когда рождалось коллективное решение тех или иных проблем. Ненавязчивость руководства, сочетающаяся с разумной требовательностью, - вот какой была его позиция директора.

Все, чтобы он ни делал, соизмерялось с тем, что может от этого получить школа и дети. Он засиживался допоздна, сам, когда не хватало техник, по вечерам мыл полы в школьных коридорах и классах и всегда был полон новых и ярких идей и замыслов. Бывало, он просыпался от того, что в голове рождалась

поэтическая строка, тихо пробирался на кухню и записывал ее. Позже эти стихи звучали на школьных праздниках.

Из сочинения ученика: «О, дорогой учитель! Знай я, где могила твоя, сам старик, я приду и поклонюсь ей...»

Иной раз кто-нибудь из преподавателей говорил в сердцах о провинившемся ученике:

- Том Иванович, ну что с ним возиться, пусть переходит в другую школу.

На что был ответ:

- Вы считаете, что раз школа специализированная, значит из нее надо выпускать стандартных детей? Нет, дорогой коллега, у нас ученик может быть разный: и плохой, и хороший. Тогда и вам, учителю, будет интереснее работать, поскольку вы соприкоснетесь с трудностями. И, пожалуйста, старайтесь понять душу каждого ребенка!

Евгений Яковлевич Головчинер, бывший директор школы-интерната для глухонемых детей:

- Такие люди рождаются один на тысячу, а может, и того меньше. Том Иванович был уникальным и неповторимым человеком. Его уход невосполним.

В семидесятых-восемидесятых годах школа №96 была известна каждому челябинцу как школа с одним из лучших в городе педагогическим коллективом, высоким уровнем педагогической и воспитательной работы. И все это заслуги Тома Ивановича Шлея. К нему обращались за советом не только учителя его школы, он старался помочь всем. Жил и горел без остатка, не щадя ни сил, ни здоровья, которое и без того было подорвано работой в трудармии в военные годы. В его глазах всегда светилась любовь ко всему человечеству, ради которого он жил и работал с момента своего рождения и до самой смерти. И даже прикованный к больничной койке, он не переставал принимать участие в судьбе своей школы.

Его не стало 28 февраля 1989 года. В восьмидесятых годах в фойе школы №96 любого вошедшего туда встречали слова Мусы Джалиля: «Нужно жить, чтоб в землю врезать след, поглубже, позаметней». Том Иванович Шлей оставил после себя этот след. Осталась школа. Остались его ученики, которые всегда и везде будут с гордостью повторять, что их учил самый добрый и самый строгий учитель - Том Иванович Шлей.

Элла Александровна Швеммер, директор школы №96:

- Для меня Том - это образец. Как учитель, руководитель и человек. Это такая глыба ума, фантазии, воображения, энергии! То, о чем он мечтал, стало сегодня реальностью, а ведь ему порой не верили.

1-7 октября 2001 г.

Досье лидера

Том Иванович Шлей. Родился 12 июня 1920 года в Запорожской области, в селе Вольное. В 1940 г. окончил Ставропольский институт иностранных языков.

В 1958 г.- Свердловский педагогический институт.

С 1939 по 1941 гг. работал учителем Успенской средней школы №27 Краснодарского края

С 1941 по 1946 гг. в рядах трудармии участвовал в строительстве Челябинского металлургического завода и района.

С 1946 по 1961 гг. работал учителем, завучем и директором в средней школе №27 г. Челябинска.

С 1961 по 1989 гг.- директор и учитель первой немецкой школы г.Челябинска №96.

Умер 28 февраля 1989 года.

Письмо друга

Здравствуй, Том!

В этом обращении нет никакой метафоры. Это приветствие к человеку, продолжающему жить среди нас, его коллег и соратников по прошлым годам. Я испытываю тоже чувство радостной встречи, глядя на его портрет, какое некогда испытал В.Маяковский, видя, как вспенивая воду и бурля, в гавань входит теплоход, названный именем его погибшего друга.

- Здравствуй, Нетте! Как я рад, что ты живой!

Эти слова я произношу каждый раз, когда вхожу в вестибюль школы № 96, в которой Том Иванович проработал многие годы в качестве ее директора. Мне все кажется, что вот сейчас откроется дверь его кабинета и невысокий, ладно скроенный человек в темном костюме выйдет мне навстречу неторопливой походкой и, крепко пожав руку, спросит: «Na, wie geht's Harry?» Мы дружески обнимаемся и, переходя из класса в класс, с одного этажа на другой, поведем беседу о вечных проблемах, стоящих перед учителем: каким образом построить учебный и воспитательный процесс так, чтобы получить наибольшую отдачу? Оба опытные учителя, мы хорошо понимаем, что дело обучения детей - одно из самых благородных и тяжелых дел на земле.

Его любили. Очень любили. И дети, и учителя, и родители. Любили прежде всего за то, что этот человек ни к кому не стоял боком, а всегда - лицом. Я не знаю ни одного, кто обратился бы к нему за помощью и не получил ее. Таким он был и в тяжелейшие годы войны, среди измученных голодом и непосильной работой людей. Когда беда вплотную хватала за горло и впереди маячил призрак смерти, говорили: «Иди к Тому». И он по мере своих сил и возможностей, по сути дела находясь на равных со всеми, находил тот единственный в данной ситуации, спасительный эликсир, помогавший выжить. Многие обязаны ему жизнью, но, увы, не многие знают об этом. На тризне Тома было сказано немало речей в его честь. И вот поднялась одна из его родственниц и, обливаясь слезами и расплескивая вино в поминальном стакане, сказала: «Я никогда не знала, какой он хороший, наш Том. Прости меня...»

Кто сегодня поднимается по Шоссе Металлургов от Центрального клуба вверх к кино-театру, видит слева от себя одноэтажные и

двухэтажные дома. Мне думается, что каждый тысячный кирпич этих домов сработан Томом Ивановичем в поселке Потанино. Тот, кто стоит перед домной №1, давшей в годы войны свою первую плавку, пусть помнит: котлован вырыт Томом! Тот, кто с гордостью оглядывается назад на металлургический гигант, пусть знает: в его возведении участвовал обычный рабочий, впоследствии ставший директором первой немецкой школы, - Том Иванович Шлей. И везде он был первым, беря на себя все самое тяжелое, ибо иначе не мог.

- «Leben heist Kampfen... Nur Mut haben! - любил он повторять. И в его больших глазах, светившихся юмором, а иногда и печально, сквозила уверенность умного человека, знающего ответ на гамлетовский вопрос «быть или не быть?» Только быть! - в этом заключалось жизненное кредо этого человека.

Будучи с ним на курсах усовершенствования, мы всегда садились рядом где-то сзади. Старая и опытная учительница Вайнцвайг, руководившая обучением, с улыбкой говорила:

- Die weiden Klugen sitzen wieder zusammen. Interessant, was Sie heute zu Tage fordern werden?

Нет, она не ошибалась, зная, что мы хорошо владеем языком. К концу занятий наши тетради заполнялись стихами и рисунками, где Том, конечно, давал мне сто очков вперед. Где-то хранилась у меня грамматика, в которой Том изобразил южный пейзаж: река, горы, одинокая сосна - он ведь был с юга и никогда не забывал свою родину. Жаль, что дочь моя потеряла этот учебник!

Будучи в 70-е годы в ГДР на курсах повышения квалификации, Том обошел не только все учебные заведения Лейпцига, но и побывал во многих музеях и соборах, в частности в Томаскирхе, где похоронен И.С. Бах.

- Ты знаешь, как величественен этот собор? - рассказывал он. - Перед могилой Баха я готов был стать на колени, а когда сверху заиграл орган и запели верующие, я впервые пожалел, что не могу здесь бывать ежедневно.

В отличие от своих коллег, привезших из Германии чемоданы с разными вещами, в чемодане Тома таможенники обнаружили только книги.

- Что это? - спросил один из них, недоумевая, вертя в руках несколько томиков.

- Томас Манн, Эрих Вайнерт, Анна Зегерс,

Бертольд Брехт...

- М-м, - неопределенно промычал таможенник, - а где вещи?

- А их нет.

Любил Том Иванович природу, очень любил, особенно лето, когда созревали ягоды. Однажды мы с ним ударились по грибы под Полетаево. Стоял невероятно жаркий день, и вскоре жажда охватила нас. Я стал роптать, а Том сказал:

- Помнишь Сент-Экзюпери, как его сбили в пустыне? Пробыть несколько дней без воды – это тебе не шуточка.

И тут же серьезно добавил:

- Надо в школе наладить нормальное кипячение воды, а может быть – компота. Пусть пьют ребята.

Помолчав, сказал задумчиво:

- Вот бы опытный участок разработать где-нибудь под Баландино! Как ты полагаешь?

Я полагаю, дорогой друг, что все, что

было в твоих силах, ты сделал. После тебя осталась школа, где опытные учителя и дирекция стараются сохранить те традиции, какие ты положил в основу своего детища. У тебя достойные преемники в лице молодых учителей. Ты можешь гордиться ими, как они гордятся тобой.

Нас, твоих старших товарищей, остается все меньше. Мы знаем, что «чей-нибудь уж близок час», но тут ужничего не поделаешь.

Два года тому назад приехал из Кустаная твой друг и соратник по военному времени Рейнгольд Штольц. Долго мы стояли у твоей могилы, Том. Молчали.

- Мне кажется, - сказал вдруг Рейнгольд, - что Том все время смотрит на меня. И закачался. Я едва успел подхватить его.

Ты прав, мой верный друг. Том смотрит на нас и верит, что мы окажемся достойны его.

Г. В. Эйзеле

Борис Титов

МЕЧТА? ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ!

Впервые в истории наш земляк стал чемпионом Европы по греко-римской борьбе

Юрий Фогельгезанг, которого сегодня земляки поздравляют с яркой победой на недавнем первенстве Европы среди кадетов в Братиславе, родился в очень большой по сегодняшним меркам семье. У его родителей Владимира Федоровича и Марии Ивановны десять детей. Старшему, Сергею, 31 год, младшей, Миле, – девять лет. Фогельгезанги живут в своем доме на окраине Металлургического района, в который они переехали из квартиры «пентагона», что на улице Чайковского. Возделывают огород, держат корову. Одно неудобство: до тренировочного зала спортшколы имени Леонида Мошкина, что на стадионе «Спартак», 17-летнему Юрию и его 20-летнему брату Денису, который тоже мастер греко-римской борьбы, приходится добираться примерно час, с двумя пересадками. А перед этим надо задать корм скотине, помочь матери по хозяйству. Так что вставать нужно рано, чтобы всюду успеть. Большой спорт предполагает два и даже три тренировочных занятия в день.

Семья Фогельгезангов спортивная: брат Дмитрий – футболист, сестра Наталья побеждала в первенствах России по метанию диска, младший, Александр, тоже занимается борьбой. Кстати, в борьбу, как рассказывают тренеры Геннадий Абросимов и Андрей Мареев (сами хорошие мастера), будущего чемпиона, как это водится в больших семьях, привел шесть лет назад брат Денис. До этого одиннадцатилетний Юра успел позаниматься в других спортивных секциях, но ни в одной надолго не задержался. А греко-римская борьба привязала

надолго. Возможно, Геннадий Абросимов, у которого поначалу тренировались оба брата, нашел какой-то ключик к сердцам пацанов, возможно, у обоих раскрылся природный талант именно к единоборству. Во всяком случае, Андрей Мареев, который работает с молодыми атлетами сейчас, утверждает, что у Юры есть все задатки будущего олимпийского чемпиона. Раньше, когда Мареев говорил Денису, что младший брат превзойдет его в мастерстве, тот не соглашался. Нынче, когда Юрий подряд выиграл два первенства России (кадетское и молодежное), он наконец-то признал превосходство младшего.

Кстати, еще два года назад Юра имел шанс стать участником первых Всемирных юношеских игр. Но на всероссийском отборе неожиданно занял «только» третье место: проиграл московскому борцу, который и выступил на «малой Олимпиаде». Однако та неудача только подстегнула самолюбивого челябинца. Больше столичному сопернику он не уступает.

А на первенстве Европы наш земляк боролся так. В первом туре не дал возможности отличиться в родных стенах словацкому сопернику – 13:2, во втором победил австрийца – 12:1. В полуфинале чуть ли не за минуту нанес поражение венгру – 14:0, а в финале чуть подольше «повозился» с турком – 8:3. И это при безобразном по отношению к гражданам бывшего СССР (кроме прибалтов) судействе! Его превосходство над противниками было таким, что у судей не оставалось выбора – ставить максимальные оценки за приемы или не ставить. Ставили...

А вот Братиславу чемпион толком и не рассмотрел. Не было времени. Когда появился свободный часок, вышел с друзьями на берег Дуная, побродил по старому городу, купил сувениры родным. «Ничего, – говорит Юра, – успею еще насмотреться на Европу. Главное, чтобы в спорте все получалось».

К слову, он не один такой талантливый в Челябинске. В 59-м профессиональном училище, что в Ленинском районе, вместе с ним учится большая группа одаренных юных борцов: Александр Шапин, Павел Семенов, Иван Студеникин, Евгений Столбецкий, Сергей Богатенков... Три призера первенства России в одной группе, созданной по доброй воле руководства училища, спортшколы, областного управления профтехобразования и

федерации спортивной борьбы!

Настоящей государственной поддержки нет, приходится рассчитывать на добрую волю бывших борцов, которых воспитал замечательный педагог Леонид Федорович Мошкин. Директор Заречного рынка Александр Коченя помогает ребятам продуктами, директор шко-

лы Александр Махонин тратит на командировки ребят и тренеров собственные деньги, которые приносит ему частный бизнес. Не остается в стороне начальник горспортуправления Юрий Серебренников, но и его возможности не безграничны. Давно назрел вопрос о создании в Челябинске специализированного спортивного интерната или училища олимпийского резерва, где могли бы получать образование и тренироваться способные парни и девушки со всей области: не только борцы, но и хоккеисты, лыжники, пловцы, легкоатлеты... Подобные учебные заведения работают во многих регионах России, и туда часто переманивают спортивное будущее Южного Урала.

Впрочем, вернемся к нашему чемпиону.

Турнир в столице Словакии был последним, на котором Юрий Фогельгезанг выступал в весовой категории до 50 килограммов. В следующем году он переходит в более тяжелый вес. Но цель от этого не меняется. Только Олимпийские игры!

(2000 г.)

Надежда Рудых, Татьяна Резницкая

«КОЛЛЕКЦИЯ СТРУВЕ-ОТТЕНА» КУЛЬТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ (История коллекции)

I.

«Коллекция Струве-Оттена» — целостное тематическое собрание 78 гравированных портретов европейских ученых, работавших в области физики, механики, химии, математики, геологии, биологии, анатомии, философии. Сегодня с уверенностью можно сказать, что коллекция представляет собой уникальный исторический и художественный раритет.

Особая ее ценность — в тематической цельности: коллекция полностью посвящена выдающимся представителям науки, жизнь и деятельность которых охватывает большой исторический период — от эпохи Возрождения до конца XIX века.

Живописные портреты ученых, живших и работавших в XIV–XIX вв., по объективным причинам были единичны, фотографические портреты стали распространяться лишь с середины XIX в. Эразм Роттердамский, Парацельс, Агриппа Неттесгеймский, Исаак Ньютон, Готфрид Вильгельм Лейбниц — именно гравюра давала возможность представить широкой публике изображения ученых, которые для современников и последующих поколений становились одновременно фиксацией исторического образа и виртуозным запечатлением художественного произведения выдающегося мастера.

В коллекции представлены гравюры признанных мастеров: Амбруаза Тардье, Антуана Морена, Роберта Леке, Иоганна Александра Бенера, Годфри Неллера, Джеймса Хиса, Чарльза Тернера, Александра Мюнстера и др., — выполненные в разных техниках: офорт, меццо-тинто, литография, ксилография, акватинта, гальванография.

Оригиналами служили живописные работы выдающихся художников: Питера Пауля Рубенса, Александра Рослина, Ганса Гольбейна Младшего, Годфри Неллера, Яна Ванделаара и многих других.

Отдельные гравюры создавались специально для периодических изданий, книг, которые сегодня являются историческими и библиографическими раритетами: «Подробный словарь русских гравированных портретов» (Санкт-Петербург, 1888), пятитомное иллюстрированное издание У. Джердана «Национальная портретная галерея» (National portrait gallery of illustrious and eminent personages of the nineteenth century, Лондон, 1830–1834), многотомное широко иллюстрированное издание Франсуа-Серафина Дельпеша «Иконография современников» (Iconographie des contemporaines, Париж, 1932) и его продолжение, изданное женой Дельпеша Августой Генриэттой Дельпеш, «Знаменитые современники,

или Портреты людей нашей эпохи» (Париж, 1842), увраж(роскошное художественное издание большого формата, обычно состоящее из гравюр) «Собрание всех знаменитых персон» (Collection de tous les personages célèbres, Париж, 1820–1828).

Коллекцию гравированных портретов на протяжении всей жизни собирал ученый-химик Генрих Васильевич Струве (22.07.1822–10.04.1908). Ее тематическую направленность определил личный и профессиональный интерес Струве к людям науки и особенно естествоиспытателям. Сын знаменитого астронома и основателя Пулковской обсерватории Василия Яковлевича Струве (15.04.1793–23.11.1864), он вырос, жил и работал в среде ученых. Был женат на дочери академика Петербургской Академии наук Павла Николаевича Фуса (01.06.1798–22.01.1855) — видного математика, правнука великого ученого Леонарда Эйлера (15.04.1707–18.09.1783), академика Российской и Берлинской Академий наук.

После смерти Г. В. Струве в 1908 году семейная реликвия в течение 30 лет хранилась у его незамужних дочерей Вильгельмины (25.03.1856–1943) и Елены (13.02.1864–1943). Часть коллекции (примерно четверть), которую составляли портреты представителей рода Эйлеров-Струве, Вильгельмина Генриховна использовала в качестве наглядных пособий в тифлисской гимназии, директором которой являлась. Эта часть коллекции пропала во время революции 1917 года. Таким образом, можно предположить, что изначально в коллекцию входило около 100–105 гравюр.

В конце тридцатых годов XX века коллекция была передана на дальнейшее хранение внуку Г. В. Струве Генриху Фердинандовичу Оттену (17.04.1908–25.03.2004), большому ценителю изобразительного искусства. Коллекция хранилась в Тбилиси, где жила семья Г. Ф. Оттена.

В октябре 1941 года, когда в связи с началом Великой Отечественной войны в СССР обозначили «пятую колонну» — немцев, Г. Ф. Оттен уволили с работы и выслали под Ташкент, на строительство оросительных систем для хлопковых полей. В феврале 1942 года, в числе прочих «трудмобилизованных» (официально немцев заключенными не называли), Оттена перевезли в Челябинск, в 7-й лагерь, на строительство Челябинского металлургического комбината. По окончании войны трудармию расформировали, но немцам уехать из Челябинска не разрешили. Из Тбилиси к Генриху Фердинандовичу переехала семья — любимая жена Надежда Васильевна Филиппова (16.09.1908–08.12.2001) с сыновьями Борисом и Василием. В голодные военные годы — книга за книгой — была выменяна на еду богатейшая семейная библиотека, но коллекцию гравюр Надежда Васильевна сумела сохранить и перевезти к мужу в Челябинск.

За историю своего существования коллекция дважды выставлялась в Челябинске.

Первая выставка была организована в 1979

году по инициативе главного хранителя Челябинской областной картинной галереи Галины Игнатьевны Пантелеевой (р. 22.12.1940). Тогда коллекцию впервые атрибутировал и предоставил материалы для научного каталога заведующий отделом европейской гравюры Государственного Эрмитажа Юрий Александрович Русаков (1926–1995).

Вторая выставка была проведена по инициативе искусствоведа Челябинской областной картинной галереи Галины Семеновны Трифоновой (р. 21.10.1949) в 2003 году — в год 95-летия хранителя коллекции Генриха Фердинандовича Оттена — в стенах Южно-Уральского государственного университета, где учились его сыновья и внуки.

II. История создания культурно-художественного объекта

После смерти Г. Ф. Оттена (2004) коллекцию унаследовал его внук Алексей Борисович Оттен. На тот момент гравюры, много лет хранившиеся в домашних условиях, были в критическом состоянии, фактически на грани гибели. Осознавая это, А. Б. Оттен решил восстановить коллекцию, приурочив это к 100-летию со дня рождения деда.

В конце 2006 года А. Б. Оттен обратился в компанию «РИГ ПЕРСОНА®» (директор и главный художник Василий Смелянский), поскольку уже был знаком с В. Смелянским как с крупным специалистом по решению нестандартных задач в области искусства, культуры, имиджа.

Два года шла серьезная непрерывная работа по возрождению коллекции. Координацию всех этапов проекта осуществляла продюсер «РИГ ПЕРСОНА®» Наталья Козакова.

В первую очередь, В. Смелянским была разработана концепция создания культурно-художественного объекта «Коллекция Струве-Оттена» и принято решение о проведении обширного цикла работ, включающего оценку состояния гравюр, разработку способа их долговременного хранения и формы экспонирования, экспертные и реставрационные работы, а также оценку стоимости коллекции по завершении всех запланированных работ в ее новом состоянии. Этот многоэтапный процесс требовал значительных финансовых затрат, но Алексей Оттен, заручившись поддержкой семьи, принял решение восстанавливать коллекцию согласно разработанной концепции.

12 марта 2007 года, после оценки объема работ и определения круга специалистов, в присутствии юриста Надежды Сысолякиной А. Б. Оттен передал компании «РИГ ПЕРСОНА®» 78 гравюр для осуществления цикла работ. Две недели при участии искусствоведа Елены Шипицыной (Челябинская картинная галерея), реставратора Татьяны Батуриной (Челябинская областная универсальная научная библиотека), ассистента художника Александры Бычковой

(«РИГ ПЕРСОНА®»), редактора-переводчика Татьяны Резницкой («РИГ ПЕРСОНА®»), шло составление подробного реестра гравюр: зафиксированы размеры, подробно описано их состояние, перечислены все пометки, оставленные на работах за историю существования коллекции.

Для фиксации состояния гравюр до начала реставрационных работ все листы с лицевой и оборотной стороны были сфотографированы в «Мастерской визуального образа Александра Соколова».

Параллельно с ведением переговоров о реставрации со специалистами Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра им. Академика И. Э. Грабаря был решен вопрос о безопасности коллекции. Для хранения гравюр до их отправки в Москву был специально сконструирован сейф, а для хранения коллекции после окончания всех работ был изготовлен на заказ и привезен из Москвы сейф нестандартных размеров (пр-во ООО «КРОСС-СЕЙФ»), отвечающий всем условиям хранения предметов искусств.

«РИГ ПЕРСОНА®» заключила договор о реставрации (09.07.2007) и договоры о проведении технологической и стилистической экспертизы (27.08.2007 и 11.03.2008) с ФГУП «Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр им. Академика И. Э. Грабаря». Специалисты центра оценили состояние гравюр, их художественную и историческую ценность. В результате экспертизы были получены заключения, подтверждающие, что все гравюры коллекции имеют несомненную антикварно-коллекционное значение и/или представляют музейную ценность, а некоторые гравюры уникальны. В процессе реставрации выяснилось, что, к счастью, разрушение не коснулось самих изображений, по большей части, реставрации подлежали бумажные носители изображений.

Для реставрации гравюр были подобраны профессиональные музейные расходные материалы: особые, не окисляющиеся клей, скотчи, бумага, картон, — поставку которых осуществила компания «ЛИОН Арт Сервис» (Москва). Из этих же материалов были сделаны паспарту для 78 работ коллекции.

Для паспарту В. Смелянский, консультируясь со специалистами Мастерской эксклюзивного переплета «Парагон» (Москва), разработал специальную пакетную конструкцию из трех листов картона (подложка, окно, крышка) универсального назначения: для консервационного хранения и экспозиционной деятельности. Паспарту изготовлены из консервационного бескислотного спецкартона Colourmount (пр-во Великобритания), переплетены муаровой тканью Ivory (пр-во США), в работе использовался клей только растительного и животного происхождения. Крышка каждого из паспарту по центру тиснена золотой фольгой специально изготовленным штампом (экслибрис «Коллекции Струве-Оттена», созданный В. Смелянским).

Для того чтобы вырубить окна в паспарту, директор компании «Парагон» заказал и установил специальное дорогостоящее оборудование.

Для атрибуции коллекции «РИГ ПЕРСОНА®» разработала систему информационных шильдов, прикрепленных к паспарту, на каждом из которых дана информация (на русском и английском языках) о конкретной гравюре. Шильды спроектированы В. Смелянским, ассистент художника Артем Ким, производство — «Гедаколор-Урал» (Челябинск) и «Гедаколор-М» (Москва). Составлением и переводом всех сопроводительных текстов проекта занимались специалисты редакции «РИГ ПЕРСОНА®» (руководитель Надежда Рудых).

Для сохранности коллекции и удобства работы с ней были сконструированы четыре уникальных альбома-хранилища. Конструктивное решение и художественная концепция разработаны художником В. Смелянским, ассистент Александра Бычкова, технологическое проектирование и производство — специалисты компании «Парагон» (руководитель и главный художник Андрей Антонов).

Габаритные размеры каждого из четырех альбомов: высота 633 мм, ширина (с учетом корешка) 453 мм, толщина 135 мм. Основа альбомов-хранилищ изготовлена из английского консервационного бескислотного спецкартона Colourmount. С внешней стороны основа альбома-хранилища обтянута специально выделанной телячьей кожей «Мадрас-Антик» красnodубого дубления, окрашенной и текстурированной в стиле конца XVIII — начала XIX века. С внутренней стороны альбомов-хранилищ картон обклеен дизайнерской бумагой TintorettoTufo 140 г/кв. м (пр-во Fedrigoni, Италия). При создании альбомов применялись техники ручного тиснения штампами и колесами (мастер Александр Бойцов), прессовое тиснение (мастер Светлана Андриянова), ручная шерфовка — утоньшение кожи (мастера Александр Марков, Виктор Акишин) — и переплет (мастера Наталья Барышникова, Анастасия Нестерова), спецобработка кожи в стиле конца XVIII — начала XIX века, клей только растительного и животного происхождения. Каждый альбом вручную тиснен натуральным 24-каратным золотом (в покрывающем сплаве содержится 99,99 % чистого золота) с применением штампов ручного изготовления, соответствующих выбранному стилю.

К лицевой стороне обложки каждого из четырех альбомов-хранилищ прикреплена латунная накладка, на которой в индивидуальных граверных мастерских Москвы выгравирован экслибрис «Коллекции Струве-Оттена».

В октябре 2008 года специалистами экспертного института «Арт Консалтинг» (Москва) — международного профессионального оценщика предметов искусства — проведена оценка коллекции, которая юридически подтвердила ее стоимость.

17 октября 2008 года, по окончании всех работ, гравюры, альбомы-хранилища и па-

спарту были привезены в Челябинск и сфотографированы в «Мастерской визуального образа Александра Соколова».

18 октября 2008 года в присутствии директора «РИГ ПЕРСОНА®» В. Смелянского, продюсера «РИГ ПЕРСОНА®» Н. Козаковой, юриста Н. Сысолякиной, искусствоведа Е. Шипицыной, редактора «РИГ ПЕРСОНА®» Т. Резницкой, ассистента художника А. Кима коллекция была передана владельцу А. Б. Оттену. Также А. Б. Оттену были переданы 79 экспертных заключений и 78 реставрационных паспортов ФГУП «ВХНРЦ им. Академика И. Э. Грабаря».

Сегодня «Коллекция Струве-Оттена», собранная Генрихом Струве и сохраненная его наследниками, отреставрирована, атрибутирована, дополнена новыми элементами (альбомы-хранилища, паспарту, система информационных шильдов), ставшими неотъемлемой частью коллекции.

Согласно заключению экспертов ВХНРЦ им. Ак. И. Э. Грабаря, «Коллекция Струве-Оттена» как целостное тематическое собрание гравюр имеет несомненную художественную, научную ценность и несомненное музейное значение.

По окончании проекта коллекция переросла рамки семейной реликвии и подтвердила статус уникального культурно-художественного объекта.

III. Основатель и владельцы коллекции (краткие биографии)

1. Генрих Васильевич СТРУВЕ (22.07.1822, Дерпт — 10.04.1908, Тифлис) — основатель коллекции.

Известный российский химик, член-корреспондент Петербургской АН (1876), сын одного из основоположников звездной астрономии В. Я. Струве. Автор трудов по неорганической, аналитической, физиологической и судебной химии. Предложил (1853) реактив для обнаружения мышьяка при судебно-медицинских исследованиях.

Г. В. Струве закончил химический факультет Дерптского университета и с 1849 года работал в химической лаборатории горного департамента в Санкт-Петербурге.

Во время строительства в Москве храма Христа Спасителя Г. В. Струве было поручено золочение куполов храма. В процессе работы Генрих Васильевич отравился и потерял голос. Длительное лечение на юге Франции не принесло успеха, и он мог изъясняться только письменно.

В начале 1860-х годов великий князь Михаил Николаевич приобрел имение Боржом (Ликани), куда в качестве химика для исследования многочисленных минеральных источников был приглашен Г. В. Струве. Он принял это предложение, приехал в Тифлис, а затем в Боржом, где и приступил к работе. Мягкий теплый климат Боржома и минеральная вода привели к полному восстановлению здоровья,

и он снова обрел голос. Это способствовало его решению остаться на Кавказе. Вскоре к нему приехала жена с детьми. После завершения работы в Боржоме супруги Струве вернулись в Тифлис, где обосновались до конца своих дней. Г. В. Струве получил место заведующего губернской химической лабораторией, был одним из организаторов лаборатории химической экспертизы при губернской судебной палате. За детальное исследование минеральных вод Грузии Г. В. Струве в 1876 году был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Умер он в Тифлисе 28 марта 1908 года, в год, когда родился его внук Г. Ф. Оттен.

2. Вильгельмина Генриховна СТРУВЕ (25.03.1856, Тифлис — 1943, Акмолинская обл.), учительница, незамужняя.

Елена Генриховна СТРУВЕ (13.02.1864, Тифлис — 1943, Акмолинская обл.), учительница, незамужняя.

Сестры жили в Тбилиси в доме отца, Г. В. Струве. Погибли в ссылке в Акмолинской области, Казахстан.

3. Генрих Фердинандович ОТТЕН (17.04.1908, Тифлис — 25.03.2004, Челябинск) — наследовал коллекцию по факту родства с согласия дочерей Г. В. Струве.

Инженер, строитель, ученый, один из основоположников инженерной гляциологии; знаток изобразительного искусства, коллекционер и библиофил.

Потомок (по линии матери) математика, физика, академика Берлинской и Петербургской Академий наук Л. Эйлера, правнук астронома, основателя Пулковской обсерватории, академика Петербургской АН В. Я. Струве, внук ученого-химика, члена-корреспондента Петербургской АН Г. В. Струве.

Окончил Закавказский инженерно-мелиоративный институт (1932). В 1932–1941 инженер Закавказского НИИ сооружений. Впервые в СССР вел исследования (совместно с Г. Т. Саатчяном и А. Г. Гоффом) природы снежных лавин и проектирование защитных сооружений. Основатель снежно-метеорологической службы комбината «Апатит» (Кировск, 1936). Автор фундаментальных исследований в области инженерной гляциологии. В 1936–1941 участник совещаний и конференций АН СССР по вопросам изучения снежных лавин. В 1941 выслан в Казахстан, мобилизован в трудовую армию на строительство Челябинского металлургического завода. По окончании Великой Отечественной войны работал начальником сметно-договорного отдела (до 1967) треста «Челябметаллургстрой». Хранитель уникальной коллекции европейской классической гравюры XVI–XIX вв., собранной Г. В. Струве. Собирателем и владельцем каталогизированной библиотеки по изобразительному искусству, представляющей научную ценность.

4. Алексей Борисович ОТТЕН (р. 11.04.1974, Челябинск) — наследовал коллекцию по завещанию.

Инженер-строитель, директор Промыш-

ленной группы «НЕКК», внук Г. Ф. Оттена, потомок родов Эйлера и Струве.

Окончил Южно-Уральский государственный университет по специальности «Промышленное и гражданское строительство» (1997), Уральскую академию государственной службы управленческих кадров организаций службы при Президенте РФ (2003).

Начал свою карьеру в 1993 году с должности мастера строительных и монтажных работ, с 2000 года занимает должность директора Промышленной группы «НЕКК».

Заслуженный строитель Республики Башкортостан (2007). За многолетний и добросовестный труд награжден почетной грамотой Губернатора Челябинской области (2008).

Дипломированный кинолог спортивно-сторожевых собак, кандидат в мастера спорта по авторалли, участник трансазиатской автомобильной экспедиции «Алтай–Гималаи» (2004), установившей рекорд Книги Гиннеса по высокогорному подъему на автомобиле (5751 м), чемпион России по спортивному автотуризму.

Инициировал восстановление коллекции гравюр Г. В. Струве, впоследствии «Коллекции Струве-Оттена».

V. Библиография

1. Амбургер Э. Н., Геккер И. Р., Михайлов Г. К. Родословная роспись потомков Леонарда Эйлера // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Сб. статей под ред. Н. Н. Боголюбова, Г. К. Михайлова, А. П. Юшкевича. — М., Наука, 1988.

2. Геккер И. Р., Эйлер А. А. Семья и потомки Леонарда Эйлера // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Сб. статей под ред. Н. Н. Боголюбова, Г. К. Михайлова, А. П. Юшкевича. — М., Наука, 1988.

3. Георгиев Л. Ловец лавин // «Правда», 23 апреля 1979.

4. Гизатулина Э. Из коллекции Генриха Оттена // «Ведомости уральские общественные».

5. Зинуров И. Выставки домашних библиотек // «Вечерний Челябинск», 10 ноября 1985.

6. Из собрания коллекционера // «Челябинский рабочий», 27 октября 1979.

7. Китаев Е. Генрих Оттен: «Я из рода Эйлера и Струве» // «Челябинский рабочий», 24 января 1995.

8. Ладущина Н. И каждым мигом дорожить... // «Деловой Урал», 9 октября 1998.

9. Наговицына Т. Покажите мне Тициана // «Комсомолец», 3 ноября 1979.

10. Павлов. В. Смотри с высоких башен // «Вечерний Челябинск», 2 января 1980.

11. Пантелеева Г. Коллекция из XIX века // «Вечерний Челябинск», 14 ноября 1979.

12. Равчеев С. Непрерывный добрый глас, устремленный на Россию // «Общее дело»

13. Реальный социализм: клеточка системы // Новосибирское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал».

14. Ржевский Б. Репрессированная служба // «Полярка», 13 января 1998.

15. Словари и энциклопедии онлайн.

16. Смелянский В., Резницкая Т. Генрих Оттен. Лавина жизни // «АиФ–Челябинск» №19 (746), май 2008

17. Трифонова Г. Коллекция Генриха Оттена // «Общее дело», № 5, 1993.

18. Трифонова Г. С. Оттен Г. Ф. // Энциклопедия «Челябинск».

19. Трифонова Г. С. Этого нет в Эрмитаже // Южно-Уральский госуниверситет, 7 октября 2003 (<http://www.susu.ac.ru/ru/news/269>).

20. Устьянцева Е. Генрих XII из рода Эйлеров и Струве // «Вечерний Челябинск», 4 июня 1998.

21. Шнейдер Ф. Об одном незаметном юбилее // «Челябинский рабочий», 10 февраля 1997.

22. Яковлева Л. В дар вам, челябинцы // «Вечерний Челябинск», 28 декабря 1988.

(19.01.2007)

Сергей Бородин

ПУТЕМ СВЕРШЕНИЙ И ПОБЕД

Альтгаузен Сергей Оттович.

Сергей Альтгаузен родился 6 октября 1937 года.

Заместитель директора НИИ им. академика Н.Н. Бурденко РАМН, директор Дирекции строящегося комплекса зданий и сооружений НИИ им. академика Н.Н. Бурденко, заслуженный строитель Российской Федерации.

У каждого человека – своя судьба, порой преподносящая ему жестокие уроки жизни, начиная с самого раннего возраста. Казалось бы, появившемуся на свет в солнечном Крыму в семье российских немцев Серёже была уготована лёгкая и радостная жизнь. Однако радостная прелюдия его жизни была очень не продолжительной: в 1941 году его родители,

которым исполнилось к тому времени всего лишь 38 лет, были репрессированы, как и все советские немцы. Семья Альтгаузенов, проживавшая на тот момент в Москве на Чистых прудах, была выселена в Омскую область. В октябре 1941 года отца забрали в трудармию в Челябинск с разрешением перевезти туда и семью. Родственные связи были безвозвратно

потерины, поскольку семья жила в Челябинске без права выезда из города. В паспорте у них стояла печать, накладывавшая ограничения на любые их перемещения. Наличие этой печати не позволило брату Сергея, который был старше его на пять лет, уехать даже на учёбу.

Первым из семьи получил освобождение Сергей в 1954 году, когда ему выдали новый паспорт, в котором печать поражения в правах уже не стояла. К этому моменту ему было 16 лет. После школы Сергей поступил в Челябинский политехнический институт, закончив его с отличием в 1959 году. После института три года работал в стройуправлении на Челябинском трубопрокатном заводе. Способного молодого человека быстро заметили, в результате чего он был назначен начальником строительного участка.

В армию Сергея Оттовича призвали в 1962 году. лейтенант Альтгаузен служил в ракетных войсках стратегического назначения, обеспечивая строительство ракетных комплексов. Местом службы ему была определена станция Карталы Челябинской области, где на строительстве ракетного комплекса он прослужил 7 лет. За отличную службу ему было присвоено звание капитана, минуя звание старшего лейтенанта.

В 1972 году он был переведён в Москву, в организацию, занимавшуюся проектированием военных объектов за рубежом. Строительство таких объектов велось в 38 странах, в которые экспортировалась советская военная техника. Для Ирака, в частности, проектировали командный пункт Саддама Хусейна. Приходилось часто ездить в длительные служебные командировки. Выезжал на строящиеся объекты и в Монголию, и во Вьетнам, и в Лаос, и в Чехословакию, и в ГДР. Трудиться в местах командировок приходилось много и напряжённо. К примеру, за два года работы в Ливии его группой было спроектировано 13 объектов.

Звание полковника Сергею Оттовичу было присвоено в 1980 году, а в 1986 году он получил назначение на должность заместителя директора ЦПИ МО, где разрабатывались проекты жилья для военнослужащих, объектов социальной инфраструктуры военных городков, а также отрабатывались нормативы бытового обустройства военных поселений. После землетрясения в Спитаке был направлен на восстановление разрушенного хозяйства Армении, где трудился с декабря 1988 по май 1990 года. Затем, как специалист по

сейсмостойким сооружениям, был командирован на Камчатку. В дальнейшем обеспечивал обустройство выводимых из Германии войск в местах их новой дислокации.

Демобилизовавшись в 1993 году, в ноябре того же года был принят на должность заместителя директора в НИИ нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко. Благодаря богатому профессиональному опыту Сергея Оттовича, полученному на объектах военного строительства, за два года удалось в основном отстроить здания института: 12 ноября 1998 года было сдано первое диагностическое отделение, 2 января 1999 года – стерилизационное отделение, и уже 1 апреля 1999 года была сделана первая операция, после которой состоялось торжественное открытие нового комплекса зданий института.

В дальнейшем директор института поставил перед Сергеем Оттовичем задачу по изысканию возможностей возведения на территории института отдельного здания радиологического центра. С этой задачей он блестяще справился: в марте 2005 года было завершено строительство подземного радиологического центра общей площадью 1700 кв. м., представляющее собой заглубленное двухуровневое сооружение с бетонными монолитными ограждающими конструкциями, полным инженерным обеспечением и подземными переходами, соединяющими это здание с другими корпусами института. В результате, в апреле 2005 года врачи Центра радиологии приступили к плановому лечению пациентов.

Юлия Константиновна, жена Сергея Оттовича, всегда была надёжной поддержкой в его непростой жизни. Сын 1970 года рождения, закончив Московский авиационный институт, в настоящее время занимается коммерческой деятельностью. Подрастают две внучки. Сергей Оттович увлекается филателией, собрав великолепную коллекцию отечественных почтовых марок, выпускавшихся в нашей стране с 1918 года вплоть до сегодняшнего дня. Любит проводить время на уютной семейной даче, с удовольствием занимаясь садом и огородом. Нравится слушать хорошую музыку, включая русские романсы и душевные песни советского времени.

Сергей Оттович Альтгаузен, преодолев все сложные перипетии своей нелёгкой судьбы, сегодня с полным правом гордится множеством созидательных свершений своей жизни.

Игорь Винк

НЕПРОСТЫЕ СУДЬБЫ ПРОСТЫХ КОПЕЙСКИХ НЕМЦЕВ

Мир удивительно тесен, и порою жизнь самым неожиданным образом напоминает об этом. Сошлюсь на случай, который произошел со мной не так давно.

Большая семья Кинсфатора
Фото: из архива
Федора Кинсфатора

У стихии в плену

Ранним утром 6 ноября 2010 года на Копейск обрушился штормовой ветер с дождем и мокрым снегом. Внезапно налетевшая стихия принесла горожанам немало неприятностей: повредила деревья, местами были нарушены линии электропередач. В результате жители пяти поселков и центральной части Копейска на какое-то время остались без электричества. Но больше всего не повезло микрорайону «Северный», жильцы которого тут же бросились в близлежащие магазины в поисках не только свеч, но и чистой питьевой воды. Ее в многоэтажных домах района отключили из-за аварийной ситуации на водоводе.

Чтобы приобрести живительную влагу, автор этих строк зашел в местный магазин «Молния», где встретился с мужчиной средних лет, спортивной выправки, с открытым и добродушным лицом. Познакомились. Это был Юрий Федорович Кинсфатор – сын русского поволжского немца Федора Кинсфатора, с которым более 60 лет назад в течение продолжительного времени были в очень большой дружбе мои папа и мама. Вспоминая то далекое послевоенное голодное детство, будучи уже взрослым, я нередко думал о том, что надо бы найти кого-либо из родственников Кинсфатора-старшего, узнать, как сложились судьбы Федора Христьяновича и его детей. И вот случай предоставил мне такую возможность.

«Я к вам пришел с мельницей»

— Мой папа, — рассказывает Юрий Федорович, — родился в ноябре 1923 года в семье сельского фермера Христиана Андреевича, участника русско-японской войны 1904 года. Семья была большая, жила зажиточно, дед держал свою мельницу. Когда в 1930 году жителей сел и деревень стали загонять в колхозы, дед понял, что иного пути, нежели стать колхозником, у него нет. Однако в правлении

колхоза ему категорически отказали, заявив, что кулаков будут высылать, а движимое и недвижимое имущество экспроприировать. Тогда дед в ответ заявил: «Я к вам пришел со своей мельницей». Оказалось, на ней никто из колхозников работать не мог, и это стало главным аргументом в пользу Христьяна Андреевича: его приняли.

В начале 30-х годов минувшего столетия в Поволжье, как и во многих других регионах страны, прокатился голод, и особенно массовым и тяжелым он был в сельской местности. Люди вымирали семьями. И зачастую родители, чтобы спасти своих детей, отдавали их в детские дома. Именно так поступил в те годы мой дед Федор Федорович Винк, оставив при себе сыновей Константина, Альберта и Николая и проводив в детдом дочерей Ираиду и Ольгу. Причем Ираиду Федоровну вскоре удочерила семья армянских евреев Котляр, проживавшая в городе Батуми, что на Кавказе. Впервые и в последний раз Альберт смог встретиться с родной сестрой на копейской земле лишь в 1964 году.

— Мой отец часто рассказывал о 30-х, невероятно трудных годах, — вспоминает Юрий Федорович. — Но еще более трагическими и тяжелыми были 40-е годы.

Трудармейские будни

В августе 1941 года все люди немецкой национальности нашей страны, в том числе проживающие в автономной республике Поволжье, сталинским указом были депортированы в районы Казахстана и Урала, Алтая и Западной Сибири. Семью Кинсфатора выслали из села с нежным и светлым названием – Добринка, Фроловского района Сталинградской (ныне Волгоградской) области, в сельскую местность Бухтарминского района Усть-Каменогорской области Казахстана. Осенью 42-го года отсюда Федора Христьяновича мобилизовали в трудармию и отправили на Южный Урал, под Челябинск. Здесь он вместе со своими земля-

ками участвовал в строительстве, а в ноябре 1942 года его привезли в Копейск для работы в шахте № 204, где он и встретился с моим отцом Альбертом Винком, оба содержались в зоне вблизи Спецпоселка.

И 12-ти часовая работа в шахте (Кинсфатор-старший трудился проходчиком), и каждодневное недоедание, голод и холодные двухъярусные нары в зоне – все это негативно сказывалось не только на физическом, но и на моральном состоянии трудармейцев. Особенно трудно им пришлось в первые месяцы пребывания в зоне. С осени 42-го и до конца 43-го года условия содержания трудармейцев в зоне ужесточились: с каждым днем нормы питания становились меньше, на работу и с нее водили строем, под вооруженной охраной.

Встреча с братом

На седьмом месяце работы в шахте Федор Христьянович совершенно случайно узнал о том, что на этом же предприятии трудится и его старший брат Виктор, о котором не было вестей с конца 30-х годов, когда того призвали в Красную Армию. Однажды вместе с членами его проходческого звена он присел передохнуть в забое. И неожиданно впереди услышал немецкую речь и очень знакомый голос. Сил двигаться не было никаких, и потому на четвереньках пополз на этот голос. И тут же увидел, как навстречу ему также на четвереньках ползет человек. Когда они вплотную приблизились – узнали друг друга. Вот так, глубоко под землей, в Копейске, встретились родные братья, трудармейцы, впервые после пятилетней разлуки. Тогда-то и узнал Федор Христьянович, что Виктор в конце августа 1941 года был срочно демобилизован из рядов действующей армии по национальному признаку и отправлен в трудармию.

Обоим братьям крепко повезло – они остались живы, впоследствии создали семьи и прожили до старости. Виктор Христьянович, женившись в 1958 году на своей соотечественнице Тамаре Линд, вскоре выехал в Киргизию, позднее эмигрировал на постоянное жительство в Германию. Из жизни ушел в 80-летнем возрасте. Федор Христьянович, взяв в жены в 1947 году русскую Александру Ивановну Овчинникову, нажил с ней сыновей Александра, Виктора и Юрия, дочерей Людмилу и Нину. После выхода на пенсию продолжал трудиться на производстве вплоть до последних дней своей жизни. О том, какой

это был человек, лучше всего свидетельствуют его многочисленные награды. Среди них – орден Трудового Красного Знамени, звание «Почетный шахтер», знак Шахтерской Славы всех трех степеней.

Вот как отзывается о Кинсфаторе Николай Подлеснов, бывший директор шахты «Центральная», ныне председатель городского совета ветеранов:

— Хорошо знал Федора Христьяновича, многие годы возглавлявшего проходческую бригаду. Это был не только умелый руководитель своего коллектива, но и человек настоящий. Спокойный, всегда уверенный в себе, требовательный, но и способный слышать и слушать своих подчиненных.

А жизнь продолжается...

— Родителей уже нет в живых, — вздыхает Юрий Федорович. — Первым покинул нас отец – в 1996 году, а мама пережила его на 10 лет. Помню, как часто они заводили разговор о встречах с Альбертом Федоровичем и его русской женой Еленой Григорьевной, с которыми их многие годы связывала настоящая дружба. Кстати, они проживали в Копейске недалеко друг от друга, в поселке 4-го участка, на соседних улицах. Землякам было о чем поговорить. Но, откровенно скажу, о трудармии старались не вспоминать.

Кинсфатор-младший с женой Натальей вырастили двоих дочерей Ольгу и Светлану, обе получили высшее образование. Ольга в настоящее время вместе с мужем Родионом и сыном Максимом проживают в Таганроге. Не подвела своих родителей и Светлана. Она работает экономистом, с мужем Вениамином воспитывает сына Степана.

Жизнь продолжается. И остается пожелать этой большой, дружной, замечательной копейской семье свершения всех надежд, здоровья и удачи во всех делах...

Личное мнение

— Однажды мне довелось спорить с гостьей из Германии, которая собирала здесь воспоминания о трудовых лагерях, — вспоминает копейский немец Мельхиор Майер. — Она доказывала мне, что война – это столкновение двух тоталитарных режимов, что Сталин и Гитлер равно виноваты. А я ей ответил: «Если бы не ваш Гитлер, моя жизнь бы сложилась иначе, лучше». Моя родина – Россия, я здесь родился.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕНГ

(19 августа 1947, с. Кокпекты Семипалатинской области Казахской ССР) — первый заместитель мэра Иркутского района, председатель ИООО российских немцев «Возрождение»

Биографическая справка

Родился в большой крестьянской семье.

Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, получил специальность инженера-электрика сельскохозяйственного производства. В 1970 вместе с женой приехал в Иркутскую область и сразу же был назначен начальником Оекских электрических сетей. За время работы в сетях организовал строительство шести крупных трансформаторных подстанций, реконструкцию более 200 км линий электропередач. В 1977 перешел на работу в колхоз «Путь Ильича» заместителем председателя, а в 1980 избран председателем. Колхоз «Путь Ильича» неоднократно награждался Переходящими Красными знаменами СССР и России, выставлялся на ВДНХ СССР, дважды заносился на Всероссийскую Доску Почета. Лично А.А. Менг награжден орденом «Знак Почета», медалью «Дружбы» Монгольской республики. В 1990 был избран депутатом областного и районного Советов народных депутатов. На протяжении трехмесячного периода являлся председателем Иркутского райисполкома, но по настоянию депутатов областного Совета народных депутатов дал согласие быть избранным первым заместителем председателя облисполкома. В 1992-96 гг. работал в компании «Русия Петролиум», где занимался вопросами газификации сельского хозяйства Иркутской области.

В 1996 перешел на работу в ОАО «Иркутская продовольственная корпорация». Занимался созданием рынка переработки и реализации

сельскохозяйственной продукции, поиском финансирования сельского хозяйства. В 1999 работал начальником отдела крестьянских фермерских хозяйств Главного управления сельского хозяйства Иркутской области. В 2000 возвратился в Иркутский район и создал в с. Хомутово машинно-техническую станцию «Кудинская». Работая генеральным директором ЗАО МТС «Кудинская» организовал производство техники для ресурсосберегающих технологий в сельском хозяйстве, внедрение которых, как показала практика в 4–5 раз сокращает затраты в производстве сельскохозяйственной продукции. С 1990 участвует в немецком движении, в 1991 – участник первого съезда немцев СССР, как представитель областной администрации. В 1993 был избран председателем городского немецкого общества, а в 1994 было создано областное немецкое общество.

С 2005 – заместитель председателя федерального общества российских немцев «Содружество».

В Хомутово живет его большая и дружная семья. Жена – Любовь Федоровна – инженер, глава крестьянского хозяйства. Трое сыновей: старший Андрей – врач-онколог, средний Александр – директор по производству ООО «Ирагромаш», младший Виталий – врач-ортодонт. Есть два внука и внучка.

В свободное время занимается домашним хозяйством, столярничает и строит дома из леса. Любит тайгу, увлекается сбором грибов и ягод, охотой и рыбалкой.

Алла Дерновая

АРИЕЦ, ХАРАКТЕР НОРДИЧЕСКИЙ...

Сегодня в рубрике «Какая разница» некоторые перемены. Если раньше герои публикаций были представителями восточно-кавказской культуры, то сегодня – это «западный» человек с красивой и не менее известной в городе фамилией Ланге. Стройный, всегда с иголки и большим вкусом одетый, с прекрасными манерами. Трудно представить О.В. Ланге в ярости, что называется, брызгающим слюной – он всегда спокоен, выдержан и вежлив, голос тихий, речь невозмутимая. В общем, «характер нордический»... Может, вместе со звучной немецкой фамилией Олег Владимирович унаследовал нордические черты своих предков? Но, как оказалось, тема прародителей, вернее одного из них – деда, до сих пор овеяна тайной.

Под грифом «секретно»

– Вообще-то по паспорту я русский, – говорит О.В. Ланге. – А кто по национальности? Сложно ответить. Почему? Выстроить генеалогическое древо нет возможности уже начиная с деда по линии отца. Это покажется странным, но по поводу деда нам ничего не известно. Кем он был до войны? Что делал во время и после нее? Обо всем этом мы пытались узнать после смерти деда, но наткнулись на глухую стену. Сначала нам сказали, что его дело закрыто на 75 лет, потом срок продлили... Конечно,

какие-то догадки есть – моя двоюродная сестра в свое время плотно занималась этим исследованием. Была информация о том, что дед служил в НКВД, что он стоял у истоков дипломатических отношений между Германией и Россией, но все это не подтверждено. Интересно, что и старший брат отца ничего не мог о нем рассказать, но поведал нам странный эпизод, который произошел уже после войны. Однажды на бабушку напала уличная собака и дед тут же среагировал: достал пистолет и застрелил пса. Откуда у него в мирное время

было оружие? А еще моя тетя рассказывала, что якобы в период репрессий дед просто переписал национальность – то ли с латышской, то ли с немецкой на русскую... Но тетя была маленькой и точно ничего объяснить не может. От отца знаю, что до войны они жили в Ленинграде, а когда началась блокада, семью отправили в Омск. Сам же дед остался в осажденном городе. Потом уже все вместе переехали в Новгородскую область, в город Сольцы (там у меня до сих пор живет родня). Странно, но даже фотографий деда сохранилось всего несколько штук... Его жизнь до сих пор является для нас тайной, которую мы никак не можем приоткрыть. Но рано или поздно я все равно узнаю историю жизни своего деда. Это дело чести.

«Моя фамилия не мешает мне жить»

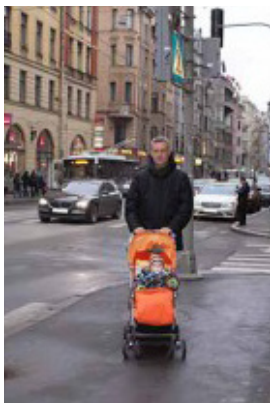
Как бы то ни было, фамилия, переданная по наследству, говорит сама за себя. Она и сегодня распространена в Германии, а в городах есть даже улицы – Лангештрассе. Однако не только фамилия, но и весь внешний вид Олега Владимировича, его манеры выдают в нем человека не «нашего», а принадлежащего к нации, которая дала миру Гете, Баха, Генделя и многих других гениальных личностей. Как окружающие реагируют на немецкие корни О.В.Ланге и ощущает ли он их сам?

– Никогда не задумывался об этом, да и другие не обращали внимания на мою нерусскую фамилию, – рассказывает Олег Владимирович. – Даже в детстве, когда с ребятами играли в войнушку, бились, как полагается, против немцев (отдавая дань Великой Отечественной). Я всегда был на стороне русских. Ни у кого даже мысли не возникало переставить меня на сторону врага! Меня никогда не обзывали, фамилию не коверкали и прозвищ – ни в школе, ни во дворе – не давали... Думаю, что клички вешаются на человека, а не на фамилию. Моя фамилия вовсе не мешает мне жить! Чувствую ли я немецкие корни? Наверное, да. Мой отец всю жизнь проработал водителем автобуса – и на городских маршрутах, и на междугородных. При этом он был опрятно одет, корректен и вежлив в обращении с пассажирами. Транспорт, на котором ездил, содержал в полной исправности и чистоте. Поскольку отец много работал, то времени на наше воспитание у него оставалось мало. Он больше воспитывал нас собственным примером. Всегда был спокоен и даже не наказывал нас (вообще в нашей семье это не принято!), хотя мы с братом, как обычные дети, иногда проказничали: и с рогатками ходили, и в «чиху» играли... От отца нам со старшим братом передались его основные черты: аккуратность, точность, пунктуальность. Ненавижу опаздывать, давать обещания и не выполнять их... Если за что-то берусь, то довожу дело до конца.

С душой и настроением

Спортивная площадка, езда на велосипедах – все это было с раннего детства. Позже

занимался в секции легкой атлетики, творческой деятельностью – играл в духовом оркестре, а класса с шестого – в школьном вокально-инструментальном ансамбле на ударных инструментах. «Учитель английского языка прививал нам любовь к предмету через Beatles и Smokie», – улыбается Олег Владимирович, вспоминая юность. На его увлечения, которые со временем стали, если так можно выразиться, семейными, также большое влияние оказал отец. Прежде всего это любовь к автомобилям. Олега всегда тянуло к технике, вместе с братом они помогали отцу ремонтировать машину, с его разрешения садились за руль – и у них это здорово получалось! Когда О.В.Ланге исполнилось 18 лет, он окончил автошколу, получил права (у него есть все категории вождения!) и с машиной уже не расставался. Надо сказать, что и своих детей Олег Владимирович тоже рано посадил за руль, так что в семье Ланге «безлошадных» нет – все искусные водители! При этом и в кулинарии глава семьи не промах.

– Это также идет из детства, – признается Олег Владимирович. – Мама из сада яблок привезет, а я пеку шарлотку. Сегодня, когда домой приезжают дети, готовлю свои фирменные блюда: утром в обязательном порядке – блинчики (эта традиция сложилась у нас давно: в воскресенье, пока дети еще спали, я успевал напечь гору блинов), а в

обед – азу по-татарски с картофельным пюре и торт «Муравейник». Вообще мясо в любом виде – это моя тема. Мне кажется, для того чтобы хорошо готовить, не нужно особых способностей, главное – чтобы были душа и настроение! Приправами не увлекаюсь, предпочитаю аджику и кетчуп

Азу по-татарски от О.В. Ланге

Мясо (лучше говядину, мякоть) порезать тонкими длинными полосками, затем обжарить их на раскаленной сковороде в небольшом количестве масла. К мясу добавить мелко нарезанных маринованных огурцов и лука, чуть позже – огуречного рассола, кетчупа и перца. Все это должно томиться под крышкой до готовности. Подается с картофельным пюре.

Гены делают свое

Интересно, что и детям Олега Владимировича, Веронике и Роману, по наследству передались те же характерные черты деда: аккуратность, пунктуальность. Вот что значит гены! «Узнать бы о них побольше, – задумчиво говорит потомок «секретного агента». – И если у меня когда-нибудь состоится первое заграничное путешествие, то это, конечно, будет Германия».

О.В.Ланге – озерчанин. Окончил школу 32, потом поступил в Челябинский педагогический институт и получил специальность «преподаватель математики и английского языка». В детстве хотел быть капитаном дальнего плавания – уж очень нравилась форма! Его мечта в некотором смысле исполнилась: он надел форму Военно-морского флота после окончания института, когда служил в армии. Правда, гарнизон располагался в Москве, так что к дальним берегам плавать не пришлось. Уходя на полтора года отдавать гражданский долг, Олег Владимирович оставил дома жену Светлану, которая ждала первенца. За отличную и добросовестную службу О.В.Ланге дали отпуск, так что он смог поддержать на руках свою новорожденную дочь. После армии преподавал информатику в лицее №16, был завучем школы 24, потом 19 лет – директором школы 29, год – директором ДТДМ, 41 день – начальником управления образования... И вот уже третий год Олег Владимирович является заместителем главы администрации Озерского городского округа.

<http://ozvest.ru/2014/03/04/ariec-kharakter-nordicheskijj/>

РОСТИСЛАВ ГЕПП: «О ЮБИЛЕЯХ НЕ МЕЧТАЕМ»

На трех Львах

«Мы, давние поклонники творчества «Ариэля», запутались в датах, — написали в редакцию супруги Яковлевы. — Раньше группа отмечала свои юбилеи, отмеряя их от 1971 года. И вдруг узнаем, что в этом году ансамбль празднует свое сорокалетие. Каков же истинный возраст «Ариэля»?»

Вопрос застал меня врасплох. Точно помню, что в 1991 году ездила за репортажем в Москву, где «Ариэль» отмечал свое 20-летие в концертном зале «Россия». Нестыковка, однако.

— Как раз наоборот, — возразил Ростислав Гепп, руководящий ансамблем с 1989 года после ухода из него экс-лидера Валерия Ярушина. — Мы восстановили историческую справедливость. Ярушин авторитарно вел отсчет с 1971 года, когда он возглавил группу. Это неправильно. Первое выступление «Ариэля» как коллектива состоялось на праздничном вечере в ночь с 1967 на 1968 год.

— Стас, давай по порядку. Итак, конец 1960-х годов, торжество социализма, «несознательная» часть молодежи увлечена битломанией.

— На этом фоне и возник «Ариэль», мгновенно завоевав популярность. Словно на трех китах, он держался на трех Львах: Лев Фидельман, Лев Ратнер и Лев Гуров. К ним примкнули барабанщик Виктор Колесников и гитарист Валерий Слепухин. А название группы (Ариэль — летающий мальчик из повести фантаста Беляева) придумал Валерий Паршуков. Он выполнял функции администратора да еще стишки пописывал. Сочинит что-нибудь, укладывающееся в «битловский» размер (английского языка никто из ребят не знал), а молодые слушатели визжат от восторга. Под одну из первых битловских мелодий звучала даже песня-визитка группы: «Ариэль к вам придет, Ариэль прилетит».

Серебряные струны

— Расскажи, как складывались события до 1971 года?

— В 1968 году я мальчишкой приехал из Златоуста и поступил в Челябинский институт культуры. Обожаю джаз, стал петь в джаз-оркестре Олега Тергалинского. Кроме меня в качестве солиста в оркестре пел и Лев Гуров.

Валерий Ярушин тоже учился в институте культуры на параллельном курсе. У него были проблемы с учебой — никак не мог сдать экзамен по истории партии. Как-то он подходит ко мне и плачет навзрыд: «Стас, что делать? Отца у меня нет, мать больна. Если

лишат стипендии, на что жить?» Я тогда зарабатывал, руководя ВИА в Копейском ДК угольщиков, но меня звали в ДК завода имени Колющенко. Копейчан было жаль бросать, и я предложил Ярушину: «Валера, иди вместо меня в «Колыху», ежемесячная ставка обеспечена». Он пошел. Потихоньку сложилась группа «Аллегро» — Валера же талантливый музыкант. Они стали играть на танцах во дворце спорта «Юность».

В 1970 году я начал руководить эстрадной самодеятельностью института, мне даже дали ставку концертмейстера. Как-то студенты говорят: «Стас, к нам классный парень поступил, поет, как Робертино Лоретти, играет на скрипке и на барабанах». Это был Борис Каплун. Мы познакомились, пообщались, поиграли — действительно, супер! «У меня из родителей только мама, да и та пенсионерка, — поделился Боря. — Мне деньги нужны». «Иди к Ярушину играть на танцах, там верный заработок», — снова посоветовал я. Вечером взяли бутылочку красненького и пошли в «Юность». «Мне не надо никого, своих вон сколько», — заявил Валерий. — «Да ты сначала послушай! — настаивал я. — Давай поиграем». Сел за клавиши, Боря за барабаны, Ярушин взял гитару. Публика неистовствовала. Не сразу, но Боря был принят в «Аллегро».

«Ариэль» же начал чахнуть, он уже не имел такой громкой славы. Ребята выступали в клубе областной больницы, где им дали помещение и какое-то подобие аппаратуры, играли на танцах в городском саду. Им нужна была свежая кровь. Стали переманивать Каплуна. Он выдвинул условие: «Только вместе с Ярушиным». Так Валерий Иванович оказался в «Ариэле».

Группа занялась более серьезной музыкой, вернула популярность, снова стала греметь. Причем ее известность перешла границы области: участие в конкурсах самодеятельных коллективов «Алло, мы ищем таланты», победа на фестивалях «Серебряные струны» и «Янтарь Лиепай». Самопальные магнитные записи «ариэлевских» песен разошлись по всему Союзу.

Ярушина все же отчислили из вуза. А Каплуну в ректорате пригрозили: «Бросай «Ариэль», или тебя тоже отчислим. Негоже комсомольцу играть в полуподпольном ансамбле». Боря выбрал институт.

В тот момент вышла знаменитая статья композитора Никиты Богословского, на всю страну прославившего фольклорную группу из далекого уральского города. И тогда функционеры Челябинского обкома партии поступили мудро: легализовали творчество «Ариэля»,

дав ему официальный статус, чтобы держать под контролем.

С Иванычем и без

— Стас, с нетерпением жду рассказа о твоём приходе в «Ариэль».

— Сначала поведаю такую историю. После вуза служил в знаменитой Псковской дивизии, играл в военном ансамбле. Как-то давали концерт для шефов. Я спел песню Льва Гурова «Тишина». Шефы — ко мне: «Чья песня? Мы ее где-то слышали». — «Ребята челябинские сочинили». — «Дай ноты и слова». — «Пожалуйста!».

Командир полка тоже подошел ко мне: «Кто такой?» — «Рядовой Гепп». — «В отпуске был?» — «Никак нет». — «Хочешь?» — «Так точно». — «Когда?» — «Завтра». Так чудесная песня Льва Гурова дала мне досрочный отпуск.

Демобилизовавшись, вернулся в Златоуст, создал свой музыкальный коллектив. Однажды звонит Ярушин: «Нас зовут в филармонию, предлагают профессиональный статус. Пойдешь к нам?» Я согласился. Большая сцена — это шанс для серьезного творчества. Правда, очень не хватало Бориса: без него вокал не звучал, как надо. После института его отправили на отработку в Оренбург. Пришлось его «выкупать»: в обмен на Каплуна я отдал управлению культуры партитуру сюиты «Снегурочка» по русской народной сказке. В Оренбурге потом ее играли на каждый Новый год.

В «Ариэле» уже работали Сергей Антонов и Сергей Шариков. Мы сделали хорошую программу. Поехали с нею на V Всесоюзный конкурс артистов эстрады и завоевали там первое место. А дальше — десятилетие феноменального успеха. Выходят виниловые пластинки, в том числе легендарные диски-гиганты «Русские картинки» и «Утро планеты». За песнями последовала крупная форма: фолк-рок-опера «Сказание о Емельяне Пугачеве», рок-оратория «Мастера», рок-дума «За землю русскую». В 1985 году группу на ура принимали участники Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

— Вас называли долгожителями, имея в виду многолетнюю неизменность состава. Ваши почитатели были в шоке, узнав о разрыве с Ярушиным. Свою версию событий он изложил в книге «Судьба по имени «Ариэль». А остальные члены «старого доброго» «Ариэля» стараются почему-то не поднимать тему раскола.

— Мы предпочитали об этом вообще не распространяться. Разве это по-мужски обвинять бывших друзей и не замечать своих слабостей?! Но так уж устроен Валерий. Видимо, звездной болезнью дано переболеть не всем. Но почему пятеро взрослых самостоятельных музыкантов должны терпеть «детские» капризы своего коллеги-руководителя, зарвавшегося особенно после того, как он получил звание Заслуженного артиста России? Мы тогда неловко поговорили. Решили: если Валера не исправится, нужно разбежаться.

Спустя месяц он сказал что-то типа того, что в гробу нас видал и заявил: «У меня уже есть другой ансамбль».

— «Иваныч»?

— Да. Кстати, мы незадолго до этого записали в Москве свой последний совместный альбом, и Ярушин предложил: «Давайте выпустим его под названием не «Ариэль», а «Иваныч». Мы возмутились. Он, очевидно, давно лелеял мечту наименовать группу своим именем... Что ж, Ярушин ушел, но «Ариэль» остался. В группе появился талантливый Саша Тибелиус, потом к нам примкнул Олег Гордеев.

Камыш шумел в Германии

— Помнится, в перестроечное время судьба вас побросала.

— В конце 1990 года мы остались без концертов — филармония перестала заниматься артистами. Предприниматель Григорий Фишер согласился взять нас под свое крыло, платить зарплату и даже выкупить у филармонии американскую аппаратуру, которую лично я выбивал для «Ариэля» в ЦК партии (спасибо, земляки Поляничко и Тяжелыников помогли). Правда, потом он хотел нам же ее продать. С каждого рубля, которые перечисляли за наш концерт, мы получали всего одну копейку. Просвет наступил, когда нам протянул руку помощи УралАЗ. Руководство завода выкупило у Фишера аппаратуру и подарило ее нам. Мы получали минимальную зарплату да еще гонорары за концерты. Бывало, в рабочий полдень выступали на конвейере, вместо сцены — кузов вездехода. Романтично! Лет пять мы замечательно работали при заводе. А репетировали в Челябинске, в ДК глухонемых. Неплохое было время. Горжусь штампом УралАЗа в трудовой книжке!

Упорно занимались аранжировками русских народных песен. Когда первый раз исполнили в концертном зале «Россия» песню «Шумел камыш», за кулисы примчалась Наталья Высоцкая, редактор «Утренней почты» Центрального телевидения, и закричала: «Наконец-то я услышала настоящий «Ариэль»!» Решили выпустить альбом русских народных песен. Принес запись Рыжикову, редактору фирмы «Мелодия», говорю: «Послушайте». На следующий день отвечает: «Стас, ну, кому сейчас нужны русские народные песни? Вот Слава Добрынин записал «Синий туман» — это хит!» Я пытался убеждать: людям нужны разные песни. Тщетно.

— Но диск «Шумел камыш» все же вышел.

— Да, но только под другим названием и в Германии. Кстати, продавать и продвигать мы себя никогда не умели. Если б не хлопоты Олега Митяева (дай Бог, ему здоровья), не попасть бы и на гастроли в Германию. В Кельне выступали в Славянском центре. На втором концерте подошел один немец и спрашивает: «Не хотели бы вы выпустить компакт-диск?» «Хотим», — в шесть голосов отвечаем. И он договорился со студией, да еще с какой! На

«Dirk Studia» пишутся такие музыканты, как Тина Тернер, Scorpions. Наш благодетель, далекий от шоу-бизнеса человек, даже создал фирму ради выпуска диска. На обложке предложил написать «Privet»: дескать, так для европейских слушателей понятнее. Под таким «псевдонимом» и появился «Шумел камыш».

С середины и до конца 1990-х годов у нас почти не было концертов в родном Отечестве. В основном работали за границей. А в конце 1990-х снова начались гастроли по России.

— **К этому времени вы потеряли двух Сергеев.**

— Шариков занялся бизнесом: он не верил, что наша музыка выживет в тех условиях. А Антонов решил на переезд в Израиль. Господи, зачем?! Теперь там его могила. Антон, как мы его звали, олицетворял гитарный звук «Ариэля». Повторить его так никто и не смог. У него гитара пела, как ни у кого не поет.

Не юбилеев ради

— **И все-таки «Ариэль» — самый устойчивый эстрадный состав советской эпохи. Костяк, на котором держится группа, сохранился. Борис Каплун с его артистиз-**

мом, Лев Гуров с неповторимым тембром, ты и твои уникальные аранжировки. В историю группы яркой главой вошли и Александр Тибелиус с Олегом Гордеевым. «Ариэль» остается одним из самых значимых брендов Челябинска.

— Приятно. Только в родном городе Челябинске мы почему-то выступаем реже, чем в других городах. Во всяком случае, в Екатеринбург зовут чаще. Зато мы поменяли стратегию: играем реже, но гонорарную планку подняли. Чем мы хуже столичных музыкантов? Так что теперь не работаем по три концерта в день, как в прежние годы. Берем не количеством, а качеством.

— **В итоге «Ариэль» разменял пятый десяток. Доживет ли ансамбль до круглого юбилея?**

— Десять лет назад мы сомневались, доживем ли до сорокалетия. Но пока люди хотят нас слушать, мы должны выходить на сцену. Опыт показывает: как только артист перестает быть востребованным, его настигают болячки, следом приходит «старуха с косой». О юбилеях мы не мечтаем, но томагавки в землю пока не закапываем.

<http://mediazavod.ru/articles/56616>

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА А. Ф. АМЕНДА

Данный сайт создан учениками Александра Филипповича для того, чтобы наиболее полно рассказать интернет-сообществу о неординарной, выдающейся, талантливой личности Аменда, познакомить людей с его многочисленными научными трудами и достижениями.

Занимаясь административной работой, А.Ф. Аменд никогда не бросал науку...

Аменд Александр Филиппович родился 16 января 1929 г. в поселке Линево Жирновского района Волгоградской области, в семье поволжских немцев. Его предки переселились в Россию при Петре I. Отец, Филипп Яковлевич (1903–1937 гг.), вырос в зажиточной крестьянской семье. Благополучие давалось нелегким, от зари до зари, трудом в поле. В начале 30-х гг. прошлого века семью Аменд раскулачили и, отобрав у них дом и все имущество, выслали – кого-то в Сибирь, кого-то в Казахстан. Позже, в 1937 г., Филиппа Яковлевича репрессировали, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Матери, Амалии Андреевне (1906–1983 гг.), удалось избежать ссылки. Приняв во внимание ее бедняцкое происхождение, ей разрешили остаться в родном поселке. Однако жить в доме, принадлежавшем семье мужа, не позволили. И ей с малолетним сыном на руках пришлось скитаться по родственникам. Когда началась Великая Отечественная война, поволжских немцев с их земель стали переселять вглубь России. Амалия Андреевна с Сашей оказались в с. Шульгино Тобольского района Тюменской области. Вскоре мать забрали в трудовую армию. Она попала в г. Златоуст, на завод им. Ленина. После

войны осталась в городе, работала на этом предприятии до выхода на пенсию.

В родном поселке Саша успел окончить только четыре класса школы. В военные годы об учебе пришлось забыть. Рабочих рук в Шульгино не хватало. Трудился на лесоповале и на колхозных полях.

В 1947 г. переехал к матери в г. Златоуст и устроился работать на машиностроительный завод им. Ленина. Освоил профессии стропальщика и токаря, стал рабочим-универсалом. Работал сразу на двух станках, перевыполняя нормы в два-три раза. Трудолюбивый и любознательный он легко осваивал современную технику, возглавлял комсомольскую организацию цеха и возобновившееся после войны стахановское движение, редактировал газету «Молодой инструментальщик».

Обладая высокими организаторскими способностями, он сумел повести молодежь за собой. К его мнению прислушивались, его словам доверяли. В 23 года его назначили мастером, он часто выступал по радио, делился опытом, и думал, что работе на заводе посвятит всю свою жизнь. Но однажды на комсомольском собрании был поднят вопрос о необходимости продолжить образование. Работники горкома комсомола настояли на том, чтобы Александр пошел учиться. Без отрыва от производства начал учиться в школе рабочей молодежи. Занятия были ежедневными – шесть раз в неделю. Времени на подготовку к урокам катастрофически не хватало. Александр сделал приспособление к станку, ставил туда книгу и, как только появлялась свободная минута, учил уроки. Его избрали старостой, а классный руководитель, Елизавета Никифоровна, именно ему поручала заменять заболевших учителей.

Получив аттестат, собирался поступать в

филиал Челябинского политехнического института, но директор школы и учителя, разглядев в парне талант преподавателя, уговорили его поступать в педагогический.

За два дня до вступительных экзаменов приехал в Челябинск и подал документы на факультет иностранных языков пединститута. Конкурс в тот год был 12 человек на место. Успешно сдав экзамены, стал студентом. Хорошую учебу и активное участие в общественной жизни совмещал с работой воспитателя и учителя немецкого языка в школе-интернате № 2. После назначения заместителем директора школы встал вопрос о переходе на заочное отделение Свердловского педагогического института. В Челябинске в те годы было только дневное отделение, отпустить с которого студента не хотели. Потребовалось вмешательство партийных органов.

После окончания вуза Александра Филипповича назначили директором школы № 80. По его инициативе и под его руководством хозяйственным способом был сооружен пристрой, где разместили столовую, спортивный зал и красный уголок.

В начале 60-х гг. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли решение об открытии в стране системы школ-интернатов нового типа. Одну из 12 таких школ, построенных в Челябинске, предложили возглавить А.Ф. Аманду.

Став директором школы-интерната № 9, Александр Филиппович в кратчайшие сроки создал сильный, отвечавший современным требованиям педагогический коллектив. Аманд приглашал методистов и ученых из педагогических вузов Челябинска, Магнитогорска, Свердловска. Были открыты спецклассы, создана новаторская для того времени кабинетная система обучения.

По инициативе Александра Филипповича

был разбит школьный сад, появились мастерские. Сторонник всего передового, директор на практике развил систему самоуправления, воспитывавшую у ребят чувства ответственности, справедливости, лидерские качества. Вскоре за опытом в школу-интернат потянулись педагоги не только из Челябинской области, но и со всего Советского Союза.

В 1965 г. А.Ф. Аменд был утвержден в должности заведующего районо Советского района г. Челябинска. С его приходом в учебных заведениях района больше внимания стало уделяться учебно-воспитательной, культурно-массовой и спортивной работе, развивалось техническое и художественное творчество учащихся. Александр Филиппович содействовал успешной работе научного общества учащихся, созданного преподавателями ЧГПУ и Дворца пионеров им. Н.К. Крупской.

С 1969 по 1978 гг. работал первым заместителем заведующего Челябинским облоно. Его tandem с руководителем – Н.С. Костиным – был одним из лучших в системе народного образования СССР. Опыт работы школ Челябинской области неоднократно одобрялся министерством просвещения, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Несмотря на большую загруженность, Александр Филиппович находил время и для занятий научно-исследовательской работой. Итогом ее стала защита кандидатской диссертации по проблемам экономического образования и воспитания учащихся (1975 г.). В 1978 г. Александр Филиппович стал первым проректором по учебной работе Челябинского государственного педагогического института. Его приход дал очередной толчок в развитии вуза. С первых дней пристальное внимание Александр Филиппович уделял организации учебного процесса. Разобщенность факультетов, неудовлетворительное состояние актового зала, аудиторий и спортивных сооружений – все это подвигло его затеять ремонт и размещение факультетов и кафедр по факультетскому принципу. Под его руководством началось обновление материальной базы. Активизировалась

научно-исследовательская работа студентов, изучался и внедрялся опыт передовых учителей-новаторов. Развивалась учебно-воспитательная работа со студентами.

Каждый год в вузе внедрялось что-то новое: вводились новые специальности, осваивались современные методики подготовки специалистов, открывались оборудованные по последнему слову техники лингафонные кабинеты и дисплейные классы.

С 1994 по 2000 гг. Александр Филиппович был ректором Челябинского государственного педагогического вуза. В 1995 г. при А.Ф. Аменде институт был реорганизован в университет. Под его руководством вуз добился высоких результатов: число докторов и кандидатов наук среди преподавательского состава выросло с 43,8 до 61,3 %, были усовершенствованы научно-исследовательская и учебно-воспитательная работа. Значительно была улучшена учебно-материальная база. Были открыты факультет информатики, институты психологии, экологии и здоровья человека, региональный институт педагогического образования и дистанционного обучения, профессионально-педагогический институт, институт дополнительных творческих педагогических профессий, типография и другие различные подразделения, например, был создан музейный комплекс ЧГПУ.

Повсеместно были открыты представительства по подготовке педагогических кадров для общеобразовательных школ Челябинской, Тюменской областей и Башкирии. За эти годы в 3 раза вырос контингент студентов. Значительно был улучшен социальный пакет для сотрудников вуза. Заметно возрос авторитет вуза.

На его базе регулярно стали проводиться крупные всероссийские научные форумы и конференции. Университет вошел в число лучших педагогических вузов страны. Занимаясь административной работой, А.Ф. Аменд никогда не бросал науку. Руководил аспирантами и докторантами, издавал научные труды. В 1997 г. успешно защитил докторскую диссертацию. Всего же им опубликовано около 200 научных работ.

Завершив в 2000 г. ректорскую деятельность, Александр Филиппович возглавил институт развития образования и повышения квалификации педагогических кадров. Он – действительный член Международной академии высшей школы, Заслуженный работник высшей профессиональной школы РФ, заслуженный учитель РФ, почетный гражданин г. Челябинска, победитель конкурса «Человек года» (1998 г.) в номинации «Образование». Награжден орденами «Знак Почета», Дружбы, «Почета» медалями.

В людях больше всего ценит порядочность. С коллегами и студентами, аспирантами всегда приветлив. Его кредо: «Любить людей, любить свою работу, честно к ней относиться и отдаваться ей полностью».

Александр Филиппович немало сде-

лал для развития образования Челябинской области, но главное достижение – «... создание прекрасной семьи, воспитание замечательных детей». Супруга, Эльвира Богдановна (1934–2008 гг.), была для мужа не только любимой женщиной, хранительницей очага, но и помощником, советчиком во всех делах. Познакомились они в студенческие годы. По окончании вуза Эльвира Богдановна преподавала иностранный язык в школе-интернате № 9. Позже получила второе высшее образование и работала дефектологом в детском саду.

Сын, Виктор (1958г.р.), – окончил ЮУрГУ по специальности инженер-строитель. В его семье – двое детей. Нина работает экономистом в коммерческой фирме. Саша, названный в честь деда – учится в университете на архитектурно-строительном факультете.

Дочь, Ирина (1963 г.р.), окончила приборостроительный факультет Челябинского политехнического института. Работает в вычислительном центре Центрального банка г. Челябинска.

Награды А.Ф. Аменда

А.Ф.Аменд награждён 3-я орденами, 7-ю медалями, знаком «Отличник просвещения СССР» (1984 год), имеет звание «Заслуженный учитель школы России» (1978 год), является победителем конкурса «Человек года» в номинации «Образование» (1998 год), удостоен звания «Почётный гражданин Челябинска» (1999).

<http://amend-af.narod.ru/index/0-7>

БЕЛЯКОВ? НЕТ, ЗИБЕРТ!

Для меня предложение Толи разместить мои рассказы и стихи на его сайте – событие довольно значимое. Ведь, если честно, на фоне его текстов, все, что помещено в рубрику «Сто писателей» выглядит художественной самодеятельностью. Как если бы хор Дворца пионеров выступал вместе с Хворостовским. Надеюсь, что публика поверит в мою искренность. А именно, в то, что моя почтительность по отношению к автору обусловлена не личной симпатией и желанием польстить другу, а исключительной филологическим экстазом от мастерской «игры в бисер». Тем более что – я этого человека, в общем-то, не знаю! Двадцатилетней давности случайное знакомство, от которого в памяти не осталось ничего кроме факта самого знакомства – не в счет. Кто такой Анатолий Беляков в жизни – для меня темный лес. Зато его лирический герой мне как родной. Я очень рада, что когда-то на студенческой тусовке Толя мне был представлен, и это дало нам повод спустя столько лет начать общение, пусть лишь виртуальное. Признаюсь, я тщательно подбирала стихи и прозу для размещения на его сайте. Одна из задач была – рассказать о себе. Так вот: меня зовут Юлия Зиберт. Многие спрашивают о происхождении. В соответствующей

графе – русская. И это правда! Немецкий папа и его германская родня – странное и малоизученное явление в моей жизни. Хотя... Пунктуальность и некоторый прагматизм – от этого тоже не скрыться. И пословица «Что русскому хорошо, то немцу смерть», меня всегда сильно смущала.

Родилась в городке с красивым названием «Черемхово», Иркутской области. Родили меня там проездом, с тех пор я на своей родине не бывала. Хотелось бы верить, что это райское место, где по весне цветет черемуха, и весь городок утопает в белых ароматных волнах. Потом жила в Златоусте Челябинской области. Тоже название очень даже литературное. Если вы представили золотые купола церквей, а также решили, что там должны жить исключительно глаголящие золотыми устами интеллигенты, то ошиблись. Металлургические заводы, много дымящих труб, матерящиеся работяги, но есть и свои прелести: горы, канатные дороги, красивая природа в окрестностях. Потом училась

в Екатеринбурге в Уральском университете имени Горького на факультете журналистики. И имела неистребимую тягу к зданию на Чапаева, 16, где жили очень интересные люди – философы. Философствовали они мало, пили много, еще много было музыки, бурных любовных романов и всего, что сопровождает юность. Потом работала на телевидении в роли редактора новостей, потом – режиссера, потом ушла в печатные СМИ. И сейчас вот пытаюсь покорить интернет, занимаюсь продвижением интернет-портала. От трех браков двое детей. В общем, все как у всех и вряд ли представляет большой интерес для людей, которые меня не знают. Кроме журналистской работы, меня интересует и литература в чистом виде. Иногда тянет писать что-то, не имеющее отношения к аналитике рынка недвижимости. Без острого желания публиковаться, я порой пишу какие-то вещи для души. Если кому-то покажется интересным то, что я тут представила, мне будет очень приятно! Если нет, то тоже ничего.

ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ КРЕСЛА-КРОВАТИ

Благодарю за вдохновение Сэй-Сенагон и Анатолия Белякова, а семью Ланкиных за предоставление кресла-кровати.

* * *

Однажды мне приснился Евгений Гришковец

Небритый и суровый.

Просил меня исправить нос, сделав операцию.

Неловко было отказать любимому писателю.

Я тут же согласилась.

А нос-то вдруг обиделся и быстро убежал.

Гляжу-ка, а он гоголем ступает вдоль по улице Долорес Ибаррури. (та-ру-ри, ру-ри, ру-ри, там-парарам-пам-пам).

Проснулась, сразу - к зеркалу, ух, радость, все на месте!

Днем позвонил приятель и пригласил в театр.

Билеты взял на моно-

спектакль Гришкова.

Сон в руку. Гришковец

пред целою толпою

распахивал рубашку, под ней – его душа.

Пришла домой, уснула. В слезах. Мой нос стал красным.

Распух, обезобразился.

А ночью ... мне приснился Евгений Гришковец. Он разводил руками и мило улыбался. Так что же он имел в виду? Евгений, позвони!

Мой сотовый? Семь-восемь- семь-семь-семь-семь-пять.

* * *

Если ты что-то делаешь ПОСТОЯННО, то окружающие постепенно приходят к мысли, что ты это ЛЮБИШЬ делать! Если вы в своей квартире постоянно: моете посуду, пылесосите, поливаете цветы, готовите еду (подчеркнуть нужное), при этом, наивно полагаете, что все остальные ваши домочадцы благодарны вам за ваш труд, за вашу молчаливую каторгу на ниве домашнего хозяйства, то зря вы обольщаетесь! Никто из окружающих ваших стараний не оценит. Однажды вы услышите: «Ой, пылесос сломался, как же наша мама будет без своей любимой работы? Она же просто обожает пылесосить!» И никому в голову не приходит, что вы давно этот самый пылесос тихо ненавидите, поскольку из года в год, кроме вас к нему никто не подходит. Никто и не подумает, что вы ВЫНУЖДЕНЫ делать нелюбимую работу, поскольку у вас по сравнению с другими развито чувство ответственности. Всем наплевать, что общение с пылесосом – демонстрация любви к ним, безопасным, кого вы стремитесь избавить от нудной работы: мужа, детей, родителей (подчеркнуть нужное). Они просто живут с вами и часто за ваш счет без единой мысли о вас. Им просто удобно. Сломайте пылесос, выбросите в мусорное ведро все грязные носки, вместо того, чтобы покорно их стирать, в холодильник

повесьте за хвост дохлую мышь. Живите для себя, как вам хочется, с тем, с кем хочется. Занимайтесь только тем, что вам по-настоящему приятно. Не ждите, что кто-то вас похвалит за вашу самоотверженность. Просто НЕ ДЕЛАЙТЕ. И не исключено, что однажды в вашей жизни появится человек, который скажет: «Отдыхай, дорогая, а я приготовлю завтрак, приберу в квартире, полью цветы и погуляю с собакой, ты же не любишь все это делать, я готов избавить тебя от всего этого, потому что я тебя люблю!». И вот тут самое главное ... не упустить момент и ответить: «Дорогой, я тебе помогу!»

* * *

Еще года полтора назад ее не было. Вообще. То есть абсолютно. И никто не плакал по ней, мол, нет ее с нами-и-и-и-и. И как же так, она ведь вообще не жила на этом свете-е-е. И цветочков не нюхала, и на облака не смотрела, и с подружками в кино не бегала. И никто не грустил без нее, без ее улыбки, без ее милых глазок, без ее крошечных пальчиков. И никого не ужасала мысль, что она возможно никогда и не появится, не родится. А сегодня она ЕСТЬ. Смеется, плачет, играет в свои резиновые «ляли» и мячики, купается и пахнет молочным ванильным коктейлем. И требует, чтобы мир крутился вокруг нее, все быстрее и быстрее. Ах, что это значит, ее не было и даже могло бы не быть?! Страшно-то ка-а-а-ак. Но будут у тебя и шипы и розы, и где-то в тени деревьев негаданные свидания.

Через тернии – к звездам

Если мужчина говорит: «Ты моя звездочка, ты мое солнышко» - не верьте. Или, по крайней мере, не верьте, что статус «солнышка» вы сохраните более двух-трех лет. За эти годы вы вовсе не станете хуже, даже напротив, вы научитесь управлять автомобилем, начнете изучать английский язык и похудеете на 5 кг. Но в глазах вашего мужчины ореол вокруг вашей светлой головы будет все быстрее тускнеть и меркнуть. Ибо к хорошему быстро привыкают. Привлекательно новое, неизвестное. И даже если это новое хуже по качеству, чем уже испытанное старое – эмоция интереса решает все. Вчера вы были новой планетой, а сегодня ваши излучины, впадинки и холмики, хоть и привлекательны по-прежнему, но ИЗВЕСТНЫ. Захват новых солнечных систем – для мужчины дело первостепенное, не пугает даже риск полного фиаско. Что там его ждет в других галактиках, такое же безоблачное небо и незамутненные реки, как на родине, или же кратеры и безвоздушное пространство? Об этом он в первый момент не думает. Об этом «на берегу» могут размышлять только самые умные и жизнью битые астронавты. И тут главное не затосковать, не стать «женой астронавта», протягивающей руки к безмолвному небу, к уплывающему кораблю. Поймите, хоть из кожи вон – ничего не изменить. Вы можете стать звездой Голливуда, он только ухмыльнется. Так что – расслабьтесь. Спокойно посещайте курсы английского. Можно читать интересные книги, пить вино, научиться управлять вертолетом, однажды прогуляться по тихому осеннему лесу, где так чудесно пахнет хвоей. И когда через много лет, постаревший, уставший и одинокий он вдруг «приземлится» в знакомой спальне, снимет свой шлем, отряхнет лунную пыль со своих сапог, с удивлением посмотрит на вас и скажет сакраментальное: «Ты мое солнышко», улыбнитесь обворожительно и ... продолжайте обсуждать по телефону детали предстоящих съемок в остросюжетном фильме, где вашим партнером на площадке будет несравненный Киану Ривз.

P.S. И все эти годы, ни в коем случае не плачьте по ночам от обиды и желания нежности. Иначе появятся морщинки вокруг глаз, и вы не пройдете кинопробы.

Ленин

Рядом с Храмом, который был разрушен в годы построения коммунизма, а сегодня постепенно восстанавливается, расположено бывшее здание местного парткома. Над входом в церковь прописаны: «Иисус Воскресе», над входом в партком рубленым петитом «Ленин жив!». В моем детстве я ходила в школу имени Павлика Морозова, а жила неподалеку от церкви, воздвигнутой во имя Николая Чудотворца. Уже тогда меня смущали некоторые параллели: кудрявая головка Володи Ульянова, обрамленная пятиконечной октябратской звездочкой и младенец Иисус с нимбом над головой на церковных иконах ... Ничего нового не придумать! Использовалось классическое клише. У христиан – почитаемые мученики за веру, чьи имена увековечиваются в молитвах. У коммунистов – мученики за идею, чьи имена называются улицы и целые города. Лик Христа в каждом храме и памятник Ленину в каждом городе. Очереди к святым мощам сменили вереницу людей у мавзолея, стремящихся взглянуть на нетленное тело вождя. Евангелие от Луки и «Капитал» от Карла Маркса. Крестики на шее и значки на лацкане пиджака. Таинство крещения и ритуал вступления в ряды партии. (В первом случае отречаешься от сатаны, во втором – от Бога). Да и цели созвучные: путь к счастью. Однако, «по делам их узнаете вы их».

Счастье по-русски

Вы не знаете, как на японском звучит слово «счастье»? Вот и я не знаю. А иначе можно было бы понять, чем жив японец, и к чему стремится его задрапированная кимоно душа. Вот что

для русского является вселенской гармонией – прозрачно, достаточно выделить корень слова сЧАСТЬе. Если вы русский, то в одиночку достичь вожденного чувства вам не дано. Сидеть в позе лотоса в ожидании чуда – не наш путь. Если вы русский – ваш удел соприЧАСТность. Наша нирвана – уЧАСТие. В чем-то, по отношению к кому-то. Нам важен процесс, а не конечный результат. Эгоцентризм, не принесет вам желаемого, если вы русский, даже соуЧАСТник преступления будет счастливее вас. Разве японский Бог мог бы отдать себя на растерзание из любви к тем, кто его предал и убил!

Общность, соборность, приЧАСТие, как единственный бесприигрышный вариант достижения просветленности, если вы хотя бы частично русский.

Леденец и сосулька

Вообще-то леденец нужно было бы назвать сосулькой, и наоборот! Ведь сосулька на самом деле не для того, чтобы ее сосать. А конфета на палочке вовсе не из льда. А чего стоит слово «погост»! Грубо говоря, это место, где зарывают трупы. Но чуткое ухо услышит в этом слове не больше не меньше – глубокие размышления о жизни и смерти. Корень тот же что и у «гостиницы». То есть место, где останавливаются гости. Все мы гости на этом свете, все не вечно...

А слово зависимость – главное здесь «вис». На первый взгляд это то, без чего ты не можешь жить, а прислушаешься – неправда! Это то, без чего жил бы ты просто замечательно, не виси это у тебя на шее. И ведь это нечто порой в буквальном смысле ведет тебя к виселице. Или слово воздух. Невидимый глазу состав, который нельзя потрогать руками, чтобы убедиться в его существовании. Но при этом он везде, без него невозможна жизнь. Кто бы сомневался! Как Святой дух, делающий душу живой, стихи одухотворенными, поиски истины духовными.

Незнакомцу

Нежно рукою
Гладишь котенка по шерстке
Я глаза закрываю,
от удовольствия тая
Вот бы с ним поменяться местами!
Об одной привычке
Привычка читать книги – невозможно ее побороть.
В детстве ее нам прививают, как нечто важное и ценное.
Но до чего же хочется в другой раз варварски сжечь на костре все известные книги.
И, наконец, сказать то, что еще никто никогда не говорил, выразить то, что никто еще не обдумал.

Но всякий, кто имеет привычку читать, точно знает, что последнее невозможно.

Последний день уходящего лета

Ренегат. Он проданся осени, копирует ее дождь и слякоть, рвет с деревьев листья, и подобострастно улыбаясь своей хозяйке, бросает их ей под ноги. Но почему же такая грусть? Он еще помнит жаркие летние ночи и солнечные дни.

Теперь и прежде

Все, что «теперь» совсем скоро станет «прежде». Но то, что «прежде» уже никогда не будет «теперь». Цени свое «прежде», пока оно еще рядом, пока оно живет и дышит, пока оно тебя слышит, пока оно совсем еще «теперь».

Прислушиваемся к словам

Интересно, что слова иногда «обрастают» несколькими смыслами или даже утрачивают первоначальное, основное свое значение. Но чуткое ухо способно уловить смысловые истоки.

Например, слово «негодяй». В словаре Ушакова оно толкуется, как «подлый, низкий человек». Но прислушайтесь! Оно недвусмысленно указывает, что «негодяй» - это тот, кто «никуда НЕ ГОДИТСЯ». Такой человек, словно просроченный продукт, не пригодный к употреблению. Человек, не имеющий предназначения - пустышка, безликое ничто. Осознание собственной ничтожности – что может быть разрушительней для человеческой души?! Вполне возможно, что именно такие люди издавна совершали самые низкие поступки. Им нечего терять. Ни самоуважения, ни признания со стороны других, ни дела, ради которого стоило бы жить! Остается одно - причинять вред окружающим. А иначе их существования вообще бы никто и никогда не заметил. И надо отдать должное негодьям, они доказали, что для того, чтобы совершать подлости они все же годятся. Но это единственное, что им доступно. Невозможность самовыражения, созидания. Это и есть ад. Негодяи обретают его уже при жизни.

То, что раздражает

Необоснованные претензии.

Пыль, которая берется не известно откуда, и скапливается на всех поверхностях. Вытираешь ее – а к вечеру она возвращается.

Мысли о смерти. Вот сегодня я есть, а завтра, возможно, я исчезну. Куда? И главное – стоит ли в таком случае тратить драгоценное время на ликвидацию этой чертовой пыли?

То, что полезно

Все, что полезно, как правило, плохо пахнет, не особенно приятно на вкус и безумно скучно. Тогда как вещи вредные, или по крайней мере, не несущие большой пользы организму, зачастую ласкают взгляд, манят ароматами, зовут прикоснуться. Попробуйте как-нибудь заменить сочащийся соком и канцерогенами шашлычок на полный витаминов и девственно безвкусный шпинат.

Мои туфельки

Туфельки женщины хранят много пикантных историй. У них независимый вид, острые на каблук, они способны развернуть свою хозяйку на 180 градусов и процокать прочь от погрузившего поклонника. А еще туфелька может кокетливо соскользнуть с ноги ровно в полночь, когда карета превращается в тыкву.

Статистика

Как выяснили новозеландские ученые, люди за рулем серебристых машин попадают в серьезные аварии на 50% реже. Машины белого, желтого, серого, красного и синего цвета имеют примерно одинаковый уровень риска. Особенной опасности подвергаются те люди, которые садятся за руль черных, коричневых или зеленых машин, потому что их риск попасть в аварию и получить серьезные травмы повышается в два раза. Статистика только считает, а стоило бы действовать - перестать выпускать черные «Бумеры» и зеленые «Вазы». Представляете – кругом одни серебристые авто! Хотя... скучно будет, как в раю.

О пуговице

Сколько раз замечала: мужчины, застегивающие рубашки на все пуговицы по своей природе интимофобы. Они боятся теплых слов, мимолетных прикосновений, серьезных отношений. Не выдержав, я однажды подошла к такому вплотную и... расстегнула верхнюю пуговицу его красной брутальной рубахи. Он опешил. А я до сих пор смущаюсь своего дурацкого поступка. И вот уже два дня не подхожу к телефону и избегаю его писем в своем почтовом ящике.

О словах

Читаю у Достоевского: «Он допил последние подонки». По видимому, то, что оставалось на дне бутылки. Остатки, так сказать. И вдруг прозреваю – «подонки» - это человек, который оказался на самом дне. Куда обычно оседает всякая грязь. Иногда полезно внимательно прислушиваться к словам.

То, что занято

Занято порой поговорить с самим собой. Удивительно интересные вещи узнаешь в результате такого диалога. Недавно я спросила саму себя: «Не пора ли повзрослеть? Для начала прекратить ждаться. Ведь и ежу уже понятно, что в таком возрасте приличнее иметь воспоминания, а не чаяния и надежды. Второй шаг – вместо очередной пары туфель на 20-сантиметровых шпильках, купить себе устойчивые «танкетки». Дальше – больше! Сделать над собой усилие и помыслить не о рождении очередного ребенка, а о внуках. Затем убрать подальше томик стихов Ахматовой, заменив его на «Ветхий Завет». В позывные сотового набрать «Славься отечество», начать по утрам делать зарядку, по вечерам отказаться от бокала «Мартини». И самое главное – перестать влюбляться!». И услышала внятный ответ: «Слушай, иди ты со своими предложениями, знаешь куда....»

Однажды

В слове «однажды» кроется грядущая интрига. Вроде как текла жизнь однообразная, ничем не примечательная, пока не наступило это самое «однажды». Тут-то все и началось! Кто-то однажды пол-ночи не спал, вспоминая обидный и незаслуженный отказ, задремал под утро, а потом проснулся с хорошим настроением, да и написал бессмертное: «Я вас любил, любовь еще быть может...». Кто-то совершенно случайно лишь однажды купил лотерейный билет, так, не особо веря в удачу, и выиграл миллион долларов! А кто-то однажды выпил лишнего и сел за руль... Впрочем, это слишком печальная история. Но то, что любую историю можно запросто начать с этого самого «однажды» - факт. Попробуйте сами и вы в этом убедитесь.

Значит ли, что «однажды» может наступить лишь однажды? То есть всего один только раз? Что момент этот неповторим и уникален? Если верить Гераклиту, то так оно и есть. Нельзя войти в одну и ту же реку парочку раз подряд. Ибо пока ты обсыхал, сидя на берегу, та вода уже утекла, солнце ушло за горизонт, а сам ты повзрослел на 10-15 минут. Коллега вышел покурить? Попрощайся с ним навеки, из курилки вернется кто-то иной.

Хотя кто-то справедливо может с Гераклитом поспорить, ведь, в принципе, если не вдаваться в такие вот тонкости в виде куда-то утекающей воды, то некоторые вещи можно делать многократно. Например, наступать на одни и те же грабли и каждый раз получать заслуженный и (самое забавное) абсолютно неожиданный удар по голове. Можно быть два раза замужем и оба раза счастливо. Можно стать трехкратным олимпийским чемпионом, или многодетной мамой.

Наверное, как всегда правда где-то посередине. Что-то безусловно можно повторить намеренно или бессознательно много-много раз, но самые серьезные и необратимые вещи с нами случаются все же ЛИШЬ ОДНАЖДЫ.

Лишь однажды мы РОЖДАЕМСЯ и УМИРАЕМ. А в этот короткий промежуток между двумя мгновениями, мы однажды понимаем какое это чудо — ЛЮБОВЬ!

О литературе

Если книга написана, значит кому-то это нужно. Даже если это всего один человек. И даже если это не читатель.

<http://beliakov.net/zibert/index.html>

Виктор Чигинцев

МОСТ В СИБИРЬ

**«Я скажу
о крае шире:
Зауралье —
это мост.
От Урала
до Сибири,
Он заходит
В полный рост», -**

Писал о соседней Курганской области поэт Леонид Куликов. Если расстояние между двумя областными центрами условно принять за «мост», то его длина составит 258 километров. Накануне Дня железнодорожника я преодолел это расстояние в компании машиниста электровоза, копейчанина Андрея Шванна и его помощника Игоря Минина. То есть, они вели тяжеловесные грузовые составы туда и обратно, а я прокатился до крайних точек виртуального моста.

Когда горит зеленый свет...

Какие мысли и впечатления посещают праздного пассажира в путешествии из Челябинска в Курган? Встреча с Транссибом рождает в груди всплеск добрых эмоций и трепет патриотических чувств. Ведь прокладку магистрали в начале XX века сравнивали с открытием Америки. Транссиб показывает человеку край без края — сибирские просторы. И вся-то российская жизнь за Уральским хребтом жмет к железнодорожной артерии, протекает синхронно рабочему ритму великой магистрали.

На станции Челябинск стоят электровозы. Они не пытят, как в недавнюю старину паровозы, но дробно выстукивают ритмы электрических сердец. Небо на востоке высвечивается радужьем огней. Над стадионом «Локомотив», где шумит праздник в честь Дня железнодорожника, кипят краски небесного спектакля огней. Но лица членов экипажа спокойны, а

мысли сосредоточены на предстоящем рейсе. Кажется, весь эфир над станцией пронизан устными приказами, распоряжениями, командами, инструкциями. Постоянно звучит радиосвязь. Язык железной дороги имеет специфику и понятен только специалистам.

До станции Курган следовало довести «двойной состав» порожних вагонов числом 150 и длиной 3 километра. Железную колонну судов замыкал второй электровоз. Миновав пригородные станции, на прямой, доступный быстрому ходу путь выбирались до полуночи.

«Челябинцы, просыпайтесь!»

На раскаленную за день землю, не остуженную легкой прохладой летнего вечера, опустилась ночь. За окнами электровоза проплывали огни полустанков и деревень, мельтешила пляска ночных полутонов, мерцали в лунном серебре разлитые вдоль магистрали озера.

Заступившим на вахту машинистам предстояло вести состав, а мне, дабы продолжить свои обязанности на следующий день (докучать машинистам вопросами, выслушивать ответы, щелкать затвором цифрового фотоаппарата, словом, добывать материал и впитывать дорожные впечатления) следовало подумать об оставшихся коротких часах ночного отдыха. Но электровоз оказался «ночлежкой» никудышной. Дизайн кабины, размещение оборудования, агрегатов, два скромных креслица здесь были приспособлены для ответственной работы машинистов, но никак не для приятных сновидений.

Ерзая на снятых с кресел задней кабины, постеленных на полу подушках сидений, боками сонного тела ощущал жесткий перестук колес на стыках рельсов, могучий гул двигателей электровоза. Случайного пассажира эти неудобства утомляют, а машинистам приходится утомляться в течение каждых рабочих суток. По сути, «за рулем» они проводят по две недели в месяц. Гремящая, дрожащая, гудящая кабина напоминает (в такую жару) сауну, а кондиционер на рабочем месте не предусмотрен. Впрочем, у машин нового поколения он имеется. И комфорта в современных машинах побольше. От полнейшего утомления спасает Дом отдыха локомотивных бригад, имеющихся в каждом конечном пункте «рабочего плеча». В уютной, обслуживаемой приветливыми доброжелательными сотрудниками курганской гостинице, можно подкрепиться в столовой, принять душ и три обязательных часа спать в чистой постели.

Кажется, только закрыл глаза, как безмятежный сон разбудила команда: «Челябинцы, просыпайтесь...!»

Вокруг экватора? Легко!

И снова машинист электровоза с 20-летним стажем Андрей Шван бодр, энергичен, подтянут. Работать на железную дорогу он пришел после окончания техникума. Два курса проучился в институте, да что-то с получением высшего образования «не срослось». Но далеко не каждый обладатель институтского диплома награждается именными карманными часами с символикой РЖД и почетным знаком «1 млн. километров – без брака». Последнюю награду Андрей Генрихович получил семь лет назад, так что железнодорожных верст на его счету столько, что нашу Землю по экватору можно обогнуть более 30 раз. Не меньше стальных верст и на счету помощника машиниста Игоря Минина.

Сегодня состав «легкий», потому что порожний. Его вес всего-то 3480 тонн. Обычно, сближаясь на рельсах магистрали, с гулом проносятся параллельно друг другу два железнодорожных «снаряда» весом 6 тысяч тонн каждый. Земля под ногами качается.

В одной из точек маршрута увидел в небе тяжелый грузовой лайнер. По шоссе, обгоняемая поездом, шла колонна большегрузных фур. И все делали одно дело: пилот самолета и водители фур доставляли грузы из точки А в точку Б. В этот миг могло показаться, что вся-то жизнь в большой стране посвящена одной цели – доставке грузов. Салют самолету! Привет автомобилю! Да здравствует поезд! Видов транспорта много. Все везут пассажиров и грузы. По земле и под землей, по воде и под водой, в воздушном пространстве и в космическом просторе. Транспорт – один из «китов», на котором зиждется жизнь.

Город на Транссибе

Помнится, в Белоруссии кондуктор трамвая или троллейбуса объявляет: «Осторожно, двери закрываются!» В России диспетчер железнодорожной станции сообщает: «Локомотив осаживается...» Оставив проплывшие за окном станции Шумиха, Щучье, Каясан, Юргомыш и многие другие, наш поезд остановился на красный свет а поселке Козырево. И до станции Потанино «осаживался» добрых три часа. Еще раз убедился: на железной дороге никто не бежит, все ходит шагом, размеренно. Здесь действует пословица: «Поспешай медленно!» Серьезно все, что связано с железной дорогой. Пока нашему поезду предоставили «посадочную полосу», время рабочих суток улетело безвозвратно. Похоже, понятие «нерабочее время» пока окончательно «не осаживали» состав, у машинистов не существует.

Автор этих строк сделал «открытие»: в структуре Южно-Уральской железной дороги трудятся сотни копеечников. В их числе помощник дежурного по депо Мизаил Рискин, фельдшер здравпункта Светлана Платонова, машинисты Виктор Пименов и его сыновья, династия Виктор и Андрей Дернесы, Владимир Вишняков, Евгений Куценко, Сергей Бородин и многие-многие другие работники железной дороги с копеечной пропиской. Да и могло ли быть иначе в городе, стоящем на Великой транссибирской магистрали!

**«Копейский рабочий», № 119
(16850), 6 августа 2010 г.**

Анна Богданова

ЖЕНЩИНА В «РУССКОМ СТИЛЕ» ДАСТ ХУЛИГАНАМ ОТПОР

В нашем обществе есть устоявшееся мнение, что спортом заниматься надо начинать с раннего детства, особенно боевыми искусствами. Порой у некоторых вызывает удивление и даже усмешку истории, когда человек в довольно зрелом

возрасте с нуля приходит в спортзал и начинает тренироваться наряду с молодыми. Яркий тому пример - Ирина Рейнгольдовна Штейнке, которая в свои 50 с хвостиком пополнила ряды «воительниц» в оренбургской секции русского стиля рукопашного боя.

- АиФ Оренбург: Ирина Рейнгольдовна, судя по фамилии у вас немецкие корни. Откуда Вы родом?

Ирина Штейнке: Я родилась в деревне, расположенной на границе Челябинской области и Казахстана, куда мою бабушку эвакуировали во время войны с Украины. Отец в то время работал сварщиком на Сакмарской ТЭЦ. Ему предложили перебраться в Оренбург. Родители подумали и решились на переезд. Какое-то время им вместе с двумя детьми приходилось ютиться в вагончике, но вскоре нам дали квартиру. Вот так мы стали оренбуржцами.

- АиФ Оренбург: Кто Вы по профессии?

И.Ш.: В школе я обожала географию, была постоянным участником турслетов, поэтому выбрала профессию, связанную с любимым предметом - инженер-картограф. В стране было всего два института, где обучали этой специальности - в Москве и Новосибирске. Мой выбор пал на столицу. После учебы я вернулась в областной центр, поскольку отсюда организовывали экспедиции. Здесь живу и работаю по сей день. И профессию свою очень люблю.

Путь «Воина»

-АиФ Оренбург: А со спортом в молодости дружили?

И.Ш.: В студенческие годы я с группой

товарищей ходила в «дикие» пешие походы и участвовала в сплавах на большие расстояния. Это всегда было безумно интересно, хотя порой и опасно. Помню, как-то осенью мы сплавились по Катунь. Где-то в верховье реки наши самодельные плоты перевернулись, все попадали в воду. Благо на берег выбрались живыми и здоровыми, но сушиться пришлось целый день. А еще был случай не из приятных в походе на Алтай, когда за нами увязалась группа парней. Молодые люди были явно агрессивно настроены, а в нашей команде было всего-то двое ребят... После долгих разговоров и выяснения отношений, пришлось отдать преследователям гитару. Только на таком условии они отпустили нас с миром.

- АиФ Оренбург: Почему вы решили заняться рукопашным боем? Казалось бы, не самый лучший выбор для столь хрупкой женщины...

И.Ш.: Тут нет особых тайн. Хотела научиться навыкам самообороны, укрепить свой дух. Кроме того, поддерживать себя в хорошей форме без физических упражнений невозможно. А тут в автобусе увидела объявление о наборе учеников в секцию русского стиля рукопашного боя по системе «Воин», где ждут независимо от пола, возраста и уровня подготовки. Недолго думая, набрала указанный номер и пришла в спортзал. На тренировках мне понравилось с первого занятия. Тренер Виталий Анатольевич дает хорошую нагрузку и

разнообразные приемы, терпеливо объясняя каждому непонятные элементы. На каждом занятии я узнаю что-то новое – как вырваться из крепкого захвата, выбить нож из рук противника и увести от себя удар... Конечно, не всё пока получается, но я стараюсь не отставать от других. Хочется освоить как можно больше! Положительный эффект от моего нового увлечения заметили друзья. Я стала увереннее в себе, активнее. Глядя на такие перемены, две мои подруги даже захотели придти к нам на тренировки.

Одна команда

- АиФ Оренбург: Стеснения не было? Все ж таки на тренировки ходит в основном молодежь.

И.Ш.: В секции царит настолько дружелюбная атмосфера, что каких-либо проблем с общением у меня не возникало. Я работаю в паре как с девчонками, так и с парнями. Одним, словом мы - одна команда.

- АиФ Оренбург: Вы занимаетесь больше трех месяцев. Есть успехи?

И.Ш.: В начале февраля вместе с коллегами по секции сдавала аттестацию на первую сту-

пень. Чтобы «экзаменовать» нас, в Оренбург приехал один из основателей «Воина», президент Всемирной ассоциации Отечественных боевых искусств Сергей Тыщенко, который сейчас тренирует в Самаре. Мне предстояло продемонстрировать все, чему я успела научиться за этот небольшой срок. Готовилась активно, хотя в декабре пришлось пропустить не одну тренировку из-за рабочих командировок. Без замечаний, конечно, не обошлось.

Но заветный шеврон и диплом я все-таки получила. Спасибо тренерам и ребятам за поддержку!

- АиФ Оренбург: Что пожелаете нашим читателям?

И.Ш.: Найти дело своей жизни. Только когда человек действительно чем-то «горит», она обретает смысл. Я себя уже нашла.

**«Аргументы и факты - Оренбург»
15/02/2013**

ЮБИЛЕЙ: И НЕТ ЕМУ ПОКОЯ...

Сегодня отмечает своё 65-летие один из самых известных людей города.

Спросите у любого прохожего: «Вы знаете Олега Кирша?», и вам ответит 99 процентов: «Конечно знаю!» Такая популярность среди земляков - следствие многих причин, в сумме составляющих его жизнь.

Олег Николаевич родился в 1949 году в Коркино. Как он сам говорит, в зоне. Его родители были трудармейцами - в годы войны из европейской части Советского Союза немцев отправляли на восток, формировали трудовые отряды - и размещали в лагерях с комендатурами. Люди работали, их дети учились, но о своих передвижениях, а тем более поездках они должны были спрашивать разрешение. В Коркино таких зон было несколько, - здесь лишь незадолго до начала войны разведали и приступили к промышленной добыче бурого угля, рабочих рук не хватало, а уголь был нужен военным заводам в Челябинске. Лагерь, где жила семья Кирш, находился там, где сейчас раскинулся восточный борт разреза (в те годы разрез не был таким огромным, вокруг

«ямки» стояли бараки и зоны переселенцев и трудармейцев. А потом и военнопленных).

Отец, Николай Александрович Гейбах, был отправлен в трудармию прямо с фронта в 1942 году. А до войны жил в Ленинграде. В Коркино он участвовал в строительстве стекольного завода. В 1943 году завод был открыт, и отец проработал там всю свою трудовую жизнь. Был стеклодувом, принимал участие в открытии производства ёлочных украшений. Мама, Мария Генриховна Кирш, с Украины, из Донецкой области. Она всю жизнь отработала в инфекционном отделении розинской больницы. В Коркино, в зоне, они познакомились, создали семью. Когда разрешили покинуть лагерь, получили квартиру на Розе. У Олега были две сестры, одна умерла в младенчестве, другая - уже взрослой.

Олег закончил восемь классов школы №11, поступил в горно-строительный техникум. Ещё в школе увлёкся игрой в духовом оркестре - попал в руки талантливого человека, тоже сосланного в Коркино, Василия Егоровича Заматохина. В техникуме это увлечение не

бросил, собрал ребят и стал руководителем оркестра. После окончания техникума уже сам стал мастером производственного обучения. Восстановить и возглавить оркестр его пригласили во Дворец имени Кирова (сейчас - ДК «Горняк»). Пришлось и в музыкальной школе поработать - тоже с духовым оркестром. Он там создал небольшой коллектив из детей - воспитанников детского дома.

В 1977 году Олег Николаевич перешёл из техникума на работу во Дворец. В годы перестройки начался ремонт Дворца, в это время Кирша заметил директор разреза Иван Антонович Афонин - и пригласил на должность директора Дворца.

- Иван Антонович сыграл в моей жизни огромную роль, я его запомнил как человека, очень много сделавшего для города, достаточно назвать большой спортивный комплекс, бассейн, шахматный клуб, - говорит Олег Николаевич.

О реконструкции Дворца - главного в городе учреждения культуры Олег Николаевич вспоминает с воодушевлением: что заменили, что построили заново. В 2004 году его попросили возглавить профилакторий разреза. «Хоронить» это замечательное место отдыха и оздоровления тоже пришлось Киршу: Челябинская угольная компания прекратила финансирование как непрофильного актива, штат распустили. Сейчас Олег Николаевич работает главным

инженером водоканала. По его словам, это помогает ему, как депутату, лучше понять все тонкости городского коммунального хозяйства и формирования городского бюджета.

Вот таков, если коротко, трудовой путь нашего местного бунтаря. Писать критические статьи, выступать на собраниях избирателей он активно начал в перестроечное время, когда больше свободы получили люди и СМИ. Его материалы в газетах всегда отличаются конкретной, смелой критикой (не случайно кто-то пытался поджечь дверь его квартиры. Да и нападки за критику были не только словесные, но и физические...). Однако эти угрозы и действия не заставили замолчать. Качество строительства дорог, экология нашего города и её разрушение - эти и многие другие болевые точки развития Коркино не оставляют его равнодушным. Уже второй созыв Олег Николаевич - депутат Совета Коркинского городского поселения. Если с чем-то не согласен - никто и ничто не остановит, он высказывает своё мнение, что называется, невзирая на лица. Встречается со своими избирателями, слушает их предложения и критику, старается помочь.

На снимках из семейного архива О.Н. Кирша - его родители, Мария Генриховна и Николай Александрович

«Горняцкая правда», 27.03.2014

Сергей Бородин

ПУТЕМ СВЕРШЕНИЙ И ПОБЕД

Альтгаузен Сергей Оттович. Сергей Альтгаузен родился 6 октября 1937 года. Заместитель директора НИИ им. академика Н.Н. Бурденко РАМН, директор Дирекции строящегося комплекса зданий и сооружений НИИ им. академика Н.Н. Бурденко, заслуженный строитель Российской Федерации.

У каждого человека – своя судьба, порой преподносящая ему жестокие уроки жизни, начиная с самого раннего возраста. Казалось бы, появившемуся на свет в солнечном Крыму в семье российских немцев Серёже была уготована лёгкая и радостная жизнь. Однако радостная прелюдия его жизни была очень непродолжительной: в 1941 году его родители, которым исполнилось к тому времени всего лишь 38 лет, были репрессированы, как и все советские немцы. Семья Альтгаузенов, проживавшая на тот момент в Москве на Чистых прудах, была выселена в Омскую область. В октябре 1941 года отца забрали в трудармию в Челябинск с разрешением перевезти туда и семью. Родственные связи были безвозвратно потеряны, поскольку семья жила в Челябинске без права выезда из города. В паспорте у них стояла печать, накладывавшая ограничения на любые их перемещения. Наличие этой печати не позволило брату Сергея, который был старше его на пять лет, уехать даже на учёбу.

Первым из семьи получил освобождение Сергей в 1954 году, когда ему выдали новый паспорт, в котором печать поражения в правах уже не стояла. К этому моменту ему было 16 лет. После школы Сергей поступил в Челябинский политехнический институт, закончив его с отличием в 1959 году. После института три года работал в стройуправлении на Челябинском трубопрокатном заводе. Способного молодого человека быстро заметили, в результате чего он был назначен начальником строительного участка.

В армию Сергея Оттовича призвали в 1962 году. Лейтенант Альтгаузен служил в ракетных войсках стратегического назначения, обеспечивая строительство ракетных комплексов. Местом службы ему была определена станция Карталы Челябинской области, где на строительстве ракетного комплекса он прослужил 7 лет. За отличную службу ему было присвоено звание капитана, минуя звание старшего лейтенанта.

В 1972 году он был переведён в Москву, в организацию, занимавшуюся проектированием военных объектов за рубежом. Строительство таких объектов велось в 38 странах, в которые экспортировалась советская военная техника. Для Ирака, в частности, проектировали командный пункт Саддама Хусейна. Приходилось часто ездить в длительные служебные командировки. Выезжал на строящиеся объекты и в Монголию, и во Вьетнам, и в Лаос, и в Чехословакию, и в ГДР. Трудиться в местах командировок приходилось много и напряжённо. К примеру, за два года работы в Ливии его группой было спроектировано 13 объектов.

Звание полковника Сергею Оттовичу было присвоено в 1980 году, а в 1986 году он получил назначение на должность заместителя директора ЦПИ МО, где разрабатывались

проекты жилья для военнослужащих, объектов социальной инфраструктуры военных городков, а также отрабатывались нормативы бытового обустройства военных поселений. После землетрясения в Спитаке был направлен на восстановление разрушенного хозяйства Армении, где трудился с декабря 1988 по май 1990 года. Затем, как специалист по сейсмостойким сооружениям, был командирован на Камчатку. В дальнейшем обеспечивал обустройство выводимых из Германии войск в местах их новой дислокации.

Демобилизовавшись в 1993 году, в ноябре того же года был принят на должность заместителя директора в НИИ нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко. Благодаря богатому профессиональному опыту Сергея Оттовича, полученному на объектах военного строительства, за два года удалось в основном отстроить здания института: 12 ноября 1998 года было сдано первое диагностическое отделение, 2 января 1999 года – стерилизационное отделение, и уже 1 апреля 1999 года была сделана первая операция, после которой состоялось торжественное открытие нового комплекса зданий института.

В дальнейшем директор института поставил перед Сергеем Оттовичем задачу по изысканию возможностей возведения на территории института отдельного здания радиологического центра. С этой задачей он блестяще справился: в марте 2005 года было завершено строительство подземного радиологического центра общей площадью 1700 кв. м., представляющее собой заглубленное двухуровневое сооружение с бетонными монолитными ограждающими конструкциями, полным инженерным обеспечением и подземными переходами, соединяющими это здание с другими корпусами института. В результате, в апреле 2005 года врачи Центра радиологии приступили к плановому лечению пациентов.

Юлия Константиновна, жена Сергея Оттовича, всегда была надёжной поддержкой в его непростой жизни. Сын 1970 года рождения, закончив Московский авиационный институт, в настоящее время занимается коммерческой деятельностью. Подрастают две внучки. Сергей Оттович увлекается филателией, собрав великолепную коллекцию отечественных почтовых марок, выпускавшихся в нашей стране с 1918 года вплоть до сегодняшнего дня. Любит проводить время на уютной семейной даче, с удовольствием занимаясь садом и огородом. Нравится слушать хорошую музыку, включая русские романсы и душевные песни советского времени.

Сергей Оттович Альтгаузен, преодолев все сложные перипетии своей нелёгкой судьбы, сегодня с полным правом гордится множеством созидательных свершений своей жизни.

ОСОБНЯК, КАК АЛЬТЕРНАТИВА БАРАКУ

Визитная карточка: У моего собеседника немецкая фамилия в огранке французского звучания – Роберт Бастерс. Начальник ПК «Копейское строительное управление». Первый раз рука ЧК «достала» Бастерсов в Поволжье, второй – в Средней Азии, где еще до войны глава семьи занимался разведением гусениц тутового шелкопряда. Вторично справили «новоселье» на Урале, в Коркино, куда пришло известие о гибели деда на «стройке коммунизма».

Ступени карьеры Роберта Владимировича обычны и понятны: школа, строительный факультет института, мастер, начальник участка, главный инженер, руководитель управления. Убедившись в разрушительной силе беззакония, строитель Бастерс избрал своей профессией созидание. Жена тоже строитель, дочь – студентка педагогического университета. С 1978 года семья проживает в поселке Старокамышинск.

- Из солидных строительных учреждений Ваше управление, Роберт Владимирович, осталось единственным. Некогда их было в городе четыре. Что скажите по этому поводу?

- Нет денег, нет инвестиций, и это обстоятельство тревожит. Копейск стремительно приближается к вековому, здания стареют и разрушаются. Недавно пришлось в буквальном смысле спасать помещение спортзала техникума легкой промышленности. Разрушается Дворец угольщиков, требуют ремонта и реконструкции Дворец имени Кирова, Дом кино, производственные здания. А школы, крыши? Всюду протечки. Если в течение ближайших пяти лет ничего не предпринимать, начнется необратимый процесс. Вот привели в порядок мягкую кровлю средней школы №1, завершили внутренний ремонт туберкулезной больницы, и на душе стало легче.

- Что представляет собой возглавляемое Вами управление?

- Предприятие едва моложе города, ему более 70 лет. Еще в тридцатых годах прошлого века возводили шахты, строили жилье. Наряду с угольными объектами сооружались предприятия оборонного комплекса, сельскохозяйственного назначения, в том числе заводы «Пластмасс», «Сигнал», птицефабрики «Челябинская», свиноплекс «Красногорский» и многое другое.

Строительная индустрия пережила кризис и сейчас на подъеме. К сожалению, Копейск в этом плане «отдыхает». Но будем надеяться, что дождется своего часа и наш город. Посмотрите на Южноуральск – там процветает коттеджное строительство. По крайней мере, творческая мысль наших архитекторов продолжает пульсировать, а мы, строители, готовы воплощать их творческие замыслы в жизнь.

- Как выживаете в дотационном городе?

- В нашем коллективе трудится триста человек. Основная производственная база, как

и управленческий офис, находится в Старокамышинске. Имеем свой завод-полигон, где выпускаем железобетонные изделия. В свое время он был списан по причине стопроцентного износа и передан нам. Мы его реанимировали. Построили новый цех, газовую котельную, обеспечиваем и себя и город бетонными изделиями. К сожалению, не все копейчане знакомы с ассортиментом нашей продукции. У нас же есть все: от фундамента до крыши – и по цене ничуть не дороже, чем в областном центре. Управление находится на полном самообеспечении: производственная база, завод ЖБИ, растворобетонный узел, транспорт, механизмы. Это помогает выживать в сложных финансовых условиях, когда мы должны и нам должны.

- И много должны?

- В плане налогообложения и растущей, как снежный ком, суммы пени, мы должны порядка 10 миллионов рублей. И столько же должны нам. Отдайте нам наше, и мы рассчитаемся по долгам. То, что зарабатываем, идет на заработную плату и налоги. В результате не обновляем производственные фонды, а оборудование и механизмы стареют.

- Роберт Владимирович, если появятся деньги на строительство жилья для копейчан, живущих на горных отводах...

- ...будем строить с удовольствием. Бараки – пещеры тоталитаризма. Моя сокровенная мечта – избавить город от барачного наследия, переселить людей из лачуг и землянок в жилье, достойное человеческого звания. Мы можем и умеем строить. И достаточно быстро: по два дома в квартал, восемь – в течение года.

- А каков фронт работ сегодня?

- Недавно сдали долгострой – дом на улице Энергетиков, что стоит неподалеку от новой церкви. Здесь весьма удобно поставить еще один дом, позволяют коммуникации. Но нужны средства. Завершили ремонт первой очереди областного тубдиспансера. Здание постройки пятидесятих годов, если говорить о внутреннем ремонте, то помещения преобразились

и сейчас там начинается лечебный процесс. Построили 35-квартирный дом во дворе проспекта Славы. Горько говорить, но не хватило денег на обустройство детского дома. И деньги-то небольшие, два миллиона рублей, но их надо изыскать. Ведём строительство 82-квартирного дома в поселке ремонтно-механического завода. Значительная часть квартир в нем предназначена для переселенцев с горных отводов. Занимаемся реконструкцией ферм птицефабрики «Челябинская». Строим новые предприятия, офисы, гаражи. Раньше бюджетная сфера сто процентов, сейчас тридцать. Чтобы выживать в этих условиях, на месте топтаться не приходится. Время от времени мы размещаем в газете объявления со словами «требуется». Тревожит, что в кадровом отношении у строительной сферы нет подпитки, не готовим смену. Экономика региона, как и всей страны, находится в начале большого рывка. Грядет дефицит рабочих профессий, в том числе и строительных.

- Вспоминается прочитанный давным-давно роман Фолкнера «Камни его ро-

дины». Там, за океаном, строительный бум в частном секторе, люди строят свои особняки, процветает ландшафтная архитектура. Похоже, что начинает строиться и Россия. Всюду в окрестностях Челябинска, где позволяет роза ветров, вырастают частные замки, коттеджи, родовые поместья. Все это впечатляет...

- К примеру, только 20 процентов британцев живут в загородных домах. Россия, вырвавшись из идеологических пут и окунувшись в стихию свободного предпринимательства, тоже стала строиться. И этот процесс по мере экономического оздоровления общества, роста благосостояния населения, развития кредитования и ипотеки будет стремительно развиваться. Я убежден: наступит время, когда останутся в прошлом землянки и бараки, россияне переселятся в красивые и просторные загородные дома. Земли для строительства особняков хватит всем.

**«Копейский рабочий» (№25),
от 10 февраля 2004 года**

АДОЛЬФ ЛЮДВИГОВИЧ НИДЕККЕР **(1881 - 1953)**

Адольф, самый младший сын Людвиг Филлиповича, родился 23 марта 1881 года (по старому стилю). Вырос в Орске, жил с матерью в отдельном доме, который содержал старший брат Александр. По воспоминаниям старожилов был весельчаком и балагуром. Обзавёлся семьёй рано, женившись на немке Екатерине Андреевне Шнейдер, (Katharina Schneider). Остепенился, и уже в 1912 году входил в список присяжных заседателей Оренбургского окружного суда по Орскому уезду. Революция привела его в Харбин, после ликвидации «эмигрантской» части старого города в 21 году перебрался в Сибирь. В 25-ом году вернулся в Орск, где из братьев в то время проживали Александр - разоренный старик в Форштадте, Август и Эдуард, проводивший много времени в Оренбурге и готовившийся к переезду.

Адольф переезжает в Коканд, чему немало способствовала старшая сестра Софья Людвиговна, ещё до революции звавшая младшего брата к себе в Среднюю Азию. Там выросли его дети, дочери Адольфа повыходили замуж, сын стал военным и служил в Туркестанском крае. С началом репрессий против русских немцев в 1941 был выселен в Сибирь, несколько лет в холодном бараке привели к астме и полному истощению организма. Плюс постоянные гонения из-за имени и по национальному признаку. В 1946 жена перевозит его к «обрусевшим» дочерям в Ош, где в 1953 он и скончался, пережив своего сына на два года. До самой смерти Адольф состоял, как «немец», на учёте в комендатуре и не обладал

свободой передвижения.

В семье Адольфа Нидеккера было четверо детей, три сестры и брат Александр. Саша закончил военное училище и до войны служил в г.Фрунзе. В 1941 «загребел» в трудовую армию в Челябинск. После войны вернулся во Фрунзе, работал в этом городе, также состоял на учёте в комендатуре, а в 1951 умер от рака. Насколько я знаю, потомства не оставил.

Дочери Адольфа вышли замуж.

Мария стала Кирилиной.

Софья - Белоусовой (у нее одна дочь - Тамара).

Эмилия - Чайко (у нее дочь - Эмма).

Дочерей тоже уже нет в живых. У Эммы Анатольевны четверо детей - Маргарита (1965 г.р.), Надежда, Лидия, Георгий. После смерти Эмилии Чайко в 1979 году, заботу о её внуках взяла на себя бездетная Мария Адольфовна, которую они стали называть бабушкой. До 1991 года жили в г.Ош. Недавно, от потомков Августа поступили сведения, что Эмма Анатольевна перебралась с сыном Георгием в Кинель под Самару. У меня мало сведений об этой ветви Нидеккеров. Знаю ещё, что после замужества Лидия стала Гришиной. Фотография Адольфа (слева сверху) была подарена Копьеву, дочь которого, Раиса Васильевна - жена Эдуарда Людвиговича.

Дети Адольфа Людвиговича

191? – 1951 – Александр Адольфович

Внучка Адольфа – Эмма Анатольевна Чайно (193? – 200?)

НЕМЕЦКИЙ ПОРЯДОК

Первые немецкие поселения в Орском уезде появились в начале 1890-х годов, в городе же семьи колонистов обосновались уже в 1868 году, переселившись из Самарской губернии. А еще раньше, в начале XIX века, были в Орской крепости командиры батальона и коменданты, служившие в военном ведомстве. Так, известен фон Винклер, направленный в 1800 году комендантом крепости. А в 1859 году командиром пятого батальона и исполнявшим должность коменданта был полковник Зендергарст.

Судя по метрическим (церковным) книгам, в 1870 году в Орске уже проживали многочисленные потомки колониста из Самарской губернии Л. Нидеккера, купца 2 гильдии. Эта семья оставила заметный след в истории города. Нидеккер имел дочь и семерых сыновей, четверо из которых родились в Орске. Переезд в наши края был вызван не только наличием родственников в Оренбуржье, но и перспективой развития города, его экономического и торгового роста.

Старший сын Александр имел паровую мельницу в три этажа, прособдир и сундучное производство. Он же создал в городе первое торгово-промышленное объединение и торговый дом «А. Л. Нидеккер и К». В 1904 году был агентом страхового общества «Россия» в Орске, сделал многое для развития экономической жизни города.

Один из Нидеккеров, Отто Людвигович, был военным. Одним из основных его дел было сооружение участка железной дороги Оренбург – Орск и строительство станции Орск.

В годы Великой Отечественной войны в трудармиях разных городов побывали Рудольф, Адольф и другие члены семьи Нидеккер. Внук Нидеккера, Георгий Георгиевич, гвардии рядовой, воевал с 1942 года под Сталинградом, на Курской дуге, под Ригой. Был трижды ранен, имел правительственные награды, в том числе медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

В Орске проживало несколько семей Мац. Александр Иоанович имел ресторан, гостиницу и золотиносный прииск в уезде. Дом по улице Шевченко, 44, являющийся архитектурным памятником стиля модерн (постройка 1915 года), принадлежал Фридриху Мацу. Он также являлся владельцем единственной в Орске электростанции на 82 лошадиные силы (постройка 1912 года), пивного завода и лимонадного цеха. Р. Штейнке имел самую большую в городе токарно-слесарную мастерскую, где изготавливались чугунные кованые ажурные решетки для торговых домов и купеческих особняков.

В историю Орска и уезда вошел А. Драйер, генерал-майор. С 1886 года он был назначен на должность неперменного члена Оренбургского крестьянского присутствия и Орского уездного по крестьянским делам присутствия, а с 1894 года – председатель Орского уездного съезда и одновременно председатель уездного по воинской повинности присутствия. Проявлял большую энергию на службе, решал многие крестьянские вопросы. Кавалер орденов Святой Анны III степени, Святого Станислава II степени, Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени.

В войну в тыловой Орск были направлены мобилизованные советские немцы в трудармию. Первые эшелоны прибыли в конце 1942 года. Размещали их в поселке Крекинг в бараках и землянках. В основном жили тут женщины, в том числе и немцы, которые постоянно проживали в Орске еще с начала XX века. Первое время женщины работали землекопами, грузчиками, разнорабочими, овладели строительными специальностями плотника, бетонщика, каменщика, печника и др. Состояли они в строительном тресте № 1 Главнефтестроя. Их руками построен завод № 228 (ныне подразделение НПЗ им. Чкалова – ОАО «ОНОС – РуссНефть»), многие жилые дома в поселке Нефтяников. Только двое из нескольких тысяч орских трудармейцев были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»: В. Бенгель и Р. Штро. В 1968 году бывшая трудармейка В. Гинкель получила звание заслуженного строителя РСФСР.

Только в 1956 году трудармейцы были сняты со спецучета, ушло в прошлое моральное давление и унижение многих честных тружеников. В 1989 году в Орске была учреждена городская организация Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительного общества советских немцев «Возрождение». До этого в городе уже работал клуб «Фройндшафт», где и по настоящее время успешно выступают с концертами взрослый хор и детский «Югенд». Хор «Фройндшафт» накопил огромный опыт, вышел на профессиональный уровень, с 1996 года носит звание народного хора.

Ежегодно в сентябре в Оренбуржье проводятся дни немецкой культуры. Дважды такой фестиваль проходил в Орске, здесь были гости не только из области, но и из Самары, Тольятти.

В 1989 году в Орске проживало 7,5 тысячи немцев, а на конец 2007 года в области числилось 17 тысяч жителей немецкой национальности.

AUS DEM LEBEN VON HEINRICH GRIGORJEW – EPP

Er wurde am 28. Oktober 1915 in der Familie des Bauern Heinrich Epp geboren. Die Familie lebte damals im Wald, nahe der Stadt Slawjansk, wo sein Vater von 1914 bis 1917 als Forstwart seine Arbeitsdienstpflicht erfüllte. Da er im Wald geboren wurde, verhielt er sich mit besonderer Liebe zur Natur.

Wie traumhaft ist es hier im Walde,
es atmet sich so leicht, so tief.
Geheime Zauberkräfte walten
in dieser Fabelwelt, die schlief.
Wie schön ist es in diesem Walde,
im Schoß der lachenden Natur,
wo viele Kräfte sich entfalten,
und alles singt in Moll und Dur.

Sein Heimatort ist das Dorf Nikolajewka, Rayon Konstantinowka, Gebiet Donezk. Das Dorf wurde um die 80-er Jahre des 19. Jahrhunderts von deutschen Mennoniten gegründet. Er schrieb viele Gedichte über dieses Dorf.

Die weiten Steppen wiegen meine Träume,
Sie drangen tief in meine Seele ein.
Sie trieben mich voran wie gute Freunde...

Mit sieben Jahren ging er zur Schule. Sein Lieblingslehrer war Heinrich Langemann. Er unterrichtete Deutsch und Literatur. Im Gedicht «An unseren Lehrer» sind ihm folgende Zeilen gewidmet:

Selbstlos machst du deine Sache...
Führst beharrlich deine Kinder
in das Reich der Kenntnis ein.
Lehrst sie denken, lehrst sie zimmern,
lehrst sie gute Menschen sein.

Heinrich Epp lernte nämlich an einer deutschen Schule. In der 6. Klasse schrieb er sein erstes Gedicht. Es war ein Frühlingsgedicht.

Nach der Beendigung der Siebenklassenschule ging er in das Nachbardorf New York., wo er die Mittelschule beendete. Seine Gedichte wurden in der Zeitung «Jungsturm» veröffentlicht. Als die Kollektivierung im Lande begann, musste Heinrich Epp in dem Kolchos arbeiten. Das machte ihm aber keine Freude, und er ging nach Brjansk, wo er als Deutschlehrer arbeitete. Im Oktober 1938 wurde sein Vater von der NKWD abgeholt. Der Vater starb im Gefängnislazarett. Das war ein harter Schlag für den Sohn.

1938 wurde er Fernstudent an der deutschen Fakultät des Moskauer Instituts für Fremdsprachen namens Maurice Thorez. Während des Krieges schied er aus dem dritten Studienjahr aus. Sein Lebensweg führte ihn von Orjol nach dem Osten, in die Stadt Schumicha, wo er als Leiter des Saatgutsspeichers beim Versicherungsfonds arbeitete. Eines Tages wurde Heinrich Epp zur NKWD gerufen. Zum ersten Mal fühlte er, dass er ein Deutscher, dem man nicht vertrauen konnte. Er wurde verhört und sollte über seinen Lebenslauf erzählen. Dabei blieb es.

Im Jahre 1942 wurde er in die Trudarmee einberufen. Man brachte ihn in die Stadt Slatoust im Ural. Hier musste er im Baubetrieb arbeiten. Darüber schreibt er in seinem Roman «Der Lebensmorgen»:

«...Um sechs Uhr erklang der Weckruf des

Diensthabenden. Aufstehen! Schnell zogen sich alle an, wuschen sich im Waschzimmer und holten sich das Frühstück von der Kantine – eine Suppe. Der Brigadier Iwanenko, ein junger Bursche aus der Ukraine, verteilte das Brot. Jeder bekam 200 Gramm. Danach marschierte die Brigade zur Schmiedehalle des Hüttenwerkes, die etwa 20 Minuten von der Baracke entfernt lag. Die Trudarmisten sollten eine neue Halle anbauen. Mit Zuschlaghammer und Keil fraßen sie sich in die hartgefrorene, steinige Erde, um die Baugrube für die Halle auszuheben. Die großen Erdschollen zerschlugen die Arbeiter mit Pickel und Brecheisen. Für Harry war das eine ungewohnte und schwere Arbeit. Er arbeitete mit Schapiro, und sie ächzten abwechselnd mit dem Zuschlaghammer. Der Brigadier stellte nach einiger Zeit jedem einen erfahrenen, stärkeren Mann zur Seite. Das ging besser, aber bis zur Mittagsstunde hielt Harry kaum durch. Nach zwölfstündiger Arbeit und dem Abendessen sank er todmüde und zerschlagen auf seine Pritsche. Ihm schmerzte jeder Muskel, seine Hände waren voller Blasen. Die Barackenluft war stickig von Schweiß, Machorkarauch und Bauchwinden...»

Im Gedicht «Wandlungen» schreibt er über diese Zeiten:

Der Hunger war stets mein Begleiter.
Ein Glück noch, dass es Wasser gab.
Doch von der wässrigen Balanda
machten die müden Glieder schlapp.
Ich lernte treue Freundschaft schätzen.
Mein Leben prägt ein neuer Sinn.
Ich glaube an die Herzensgüte,
der restlos ich ergeben bin.

Man beförderte Heinrich Epp zum Brigadier der Baugruppe, später arbeitete er als Buchhalter und Hauptbuchhalter, Revisor und Oberbuchhalter in der Bauverwaltung. Das Schicksal war ihm hold.

Im November 1944 heiratete er. Er dankte der Fortuna, die ihm oft zur Seite stand. Er hatte zwei Söhne und eine Tochter.

1947 erfuhr Heinrich Grigorjew (Epp), dass ein Erlass erschien, nach dem alle Lehrer aus der Trudarmee entlassen werden sollten, um in die Schule zurückzukehren, denn es mangelte sehr nach dem Krieg an Lehrern. So kam er im September 1947 wieder in die Schule.

Was ihn bis Ende 1955 besonders quälte, war die Kommandantur, wo er sich jeden Monat anmelden musste. Das war sehr demütigend. Er konnte es kaum übers Herz bringen. Das Schicksal führte ihn wieder mit einem ordentlichen Menschen zusammen. Das war der Kommandant Andrejew, der ihm sogar Ausreisebescheinigung gab. Er fuhr mit seiner Familie auf Urlaub nach Jalta. So frei und wohl fühlte er sich noch nie!

Im Jahre 1965 lud ihn Maxim Klen ein, bei ihm in der deutschen Mittelschule, die er leitete, zu arbeiten. Er tat es mit großer Freude. Hier war es für Heinrich Grigorjew (Epp) besonders interessant, denn er konnte nicht nur Deutsch, sondern auch deutsche Literatur unterrichten. Das war wunderbar! Davon

könnte er nur träumen! Mehrere Jahre leitete er an der Schule mit erweitertem Deutschunterricht den Klub für Internationale Freundschaft namens Ernst Thälmann.

1976 ging er mit 60 Jahren in die Rente. Jetzt hatte er genug Zeit und begann wieder Gedichte und Novellen zu schreiben, die in deutschen Zeitungen in Russland und Deutschland, im Almanach «Morgenstern» erschienen. Die Novellen «Christus ist auferstanden», «Am Rande des Abgrundes», «Die launische Liebe», «In jungen Jahren», «Nelly», «Die Hand des Schicksals», «In neuen Zeiten» und zwei Romane «Aus dem Leben eines Opersängers» und «Der Lebensmorgen» wurden veröffentlicht. Er könnte sich glücklich fühlen.

Einer nach dem anderen tragische Ereignisse trafen Heinrich Epp. Mit 39 Jahren ist sein Sohn Jewgenij verschieden. Im Alter von 51 Jahren ist der zweite Sohn Wladimir gestorben. 1989 traf ihn wieder ein harter Schlag. Es starb seine Frau, mit der er 46 schicksalsvolle Jahre verlebt hatte. Sie war eine gute Mutter und seine treue Freundin. Als während des Krieges um Stalingrad heiße Kämpfe tobten, und die Gefahr drohte, die Faschisten die Wolga überqueren könnten, versammelte man in der NKWD alle Deutschen der Stadt und warnte sie, dass man alle weiter nach Sibirien aussiedeln könnte. Seine Frau Nina sagte dann: „Wohin man dich auch verschickt, stehe ich dir immer zur Seite. Wohin die Nadel, dorthin auch der Zwirn“.

Er widmete ihr im Gedicht «Uralisches Geheimnis» folgende Zeilen:

Ich habe die keckste
der Frauen gefunden.
Sie schlägt und kuriert
meine seelischen Wunden.

Der Verlust seiner Familienmitglieder hat ihm viel Schmerzen gebracht, und seine Schwiegertochter, seine Enkelin und natürlich sein schöpferisches Schaffen brachten ihm den einzigen Trost. Und er wollte, solange es ihm seine Gesundheit noch erlaubte, den Menschen Freude, Erkenntnisse und seelische Wärme bringen:

Ja, alles, das ist Leben.
Mein Wunsch ist ganz bescheiden:
Ich will nach Frieden streben,
will für den Frieden streiten.

Aus Perm, wo er die letzten Jahre lebte, streute er seinen lieben Leuten viele Sternchen in ihre Häuser.

Wenn er daran dachte, wie viele Russlanddeutsche hinter Stacheldraht lebten und unter dem Gewehr zur Arbeit gehen mussten, wie hundert Tausende vor Hunger, Kälte und unmenschlich schwerer Arbeit starben, besonders im bitterkalten Norden beim Holzfällen, da könnte er sagen, dass er unter einem glücklichen Stern geboren war. In Slatoust arbeiteten viele Deutsche, sogar in Maschinenbaubetrieben, aber niemand unter dem Lauf des Gewehrs. Also sie hatten Glück, und Heinrich Epp war auch einer der Glücklichen in dieser Stadt. Nicht umsonst heißt diese Stadt Slatoust, die zu seiner zweiten Heimat wurde.

Ich liebe dich in diesen Bergen,
die mich erinnern an die Schweiz,
für deine ruhmgekrönten Werke,
für deinen landschaftlichen Reiz.

Heinrich Epp ist im Alter von 91 Jahren in Perm gestorben. Er ist nicht in seiner Heimat begraben. Vieles, Unermessliches hat er verloren, aber die Zeit war nicht verloren. Im Rückblick auf seine alte Heimat im Gebiet Donezk dachte er an den Verlust der Gemeinschaft der Deutschen. Die Zeit war für ihn und andere Deutsche das Gefäß der Ereignisse.

В. Вачаева, главный хранитель норильского музея

ИХ ПРИГЛАСИЛА ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, А ПОСАДИЛ ГЕНЕРАЛИССИМУС СТАЛИН

Сегодня блестящему норильскому рентгенологу Карлу Денцелю - 85 лет.

Историческая справка. Карл Денцель родился 3 января 1917 года. Окончил Одесский мединститут. В 1941 году по национальному признаку (немец) вместо фронта отправлен в трудовую армию в Челябинск, оттуда этапом - в Норильск. 40 лет работал в системе норильского здравоохранения. После реабилитации в 1957 году - главный рентгенолог города, заведующий рентгенологическими отделениями в онко- и противотуберкулезном диспансерах. За мечательный диагност, которому безоговорочно доверяли и специалисты, и пациенты. Консультировал больных в любое время суток. В 1983 году ушел на пенсию, удостоившись звания «Отличник здравоохранения РСФСР» и медали «Ветеран труда». Умер в 1993 году.

Интервью с Денцелем записано десять лет назад, публикуется впервые. Встреча происходила дома у его дочери Ирины, на ней присутствовал доктор Серафим Знаменский.

- Карл Карлович, как давно ваши предки перебрались в Россию?

- Они приехали из Германии по договоренности с русской императрицей Екатериной, в девичестве немецкой принцессой Софьей Фредерикой Августой. Ей принадлежит идея переселения ста тысяч немцев на территорию России.* Расчет был такой: поднять в России отсталое сельское хозяйство. Не удалось, немцы обосновались небольшими колониями в Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии и на Украине.

Мои родственники попали в Запорожскую область. Дед наш был очень зажиточным. Мой отец, кроме крестьянского дела, иногда преподавал в школе, хотя и не оканчивал гимназии. Его образования вполне хватало, чтобы учить детей начальных классов.

- О национальности вспомнили в начале войны?

- Я был мобилизован как военврач 3-го ранга, но на фронт не попал, потому что всех немцев вывели из состава действующей армии. Меня отправили в Челябинск, а в 1942 году «изолировали». Решением Особого отдела я был осужден за участие в антисоветской группировке с намерением совершить диверсию - взорвать прокатный цех, который начал строиться только через год после моего ареста.

В Норильлаге было много «челябинцев». Доктор Людвиг, тоже немец, попал в Норильск чуть раньше, с ним я познакомился еще в Челябинске.

- Как вас встретил Норильск?

- Здесь меня поместили в 9-е лаготделение, где сидели китайцы, японцы, немного вьетнамцев и немцы. Там я был до забастовки 1953 года. Потом наш лагерь перевели на место 6-го лаготделения (на промплощадке), а в наш - остаток каторжан, и назвали его 5-й Горный.

Когда я попал в Центральную больницу лагерь (ЦБЛ), передо мной встал выбор: стать доносчиком или уйти из санчасти. Доносчиком я не стал, и меня списали на строительство техникума. Там я работал длительное время. Конечно, в лагере было очень тяжело. Помню ощущение абсолютной несправедливости. Я уже работал в 7-м лаготделении, когда пришли, чтобы арестовать прибалтийцев. Один из них болел воспалением легких, и врач-латыш сказал: «Я этого больного не отдам, ему еще нельзя ходить». Это был доктор Прушанский. Его расстреляли вместе с отобранными в стационаре.

Когда умирали заключенные, никто даже не обращал на это внимания. Одно время я работал на Каларгоне. В какой-то из дней погода была активированная, очень холодно, и у лошади, на которой возили воду, началось кровотечение. Мы ее вчетвером или даже

вшестером втащили в сушилку и пытались спасти. Не смогли. Это была трагедия, а когда умирали люди, это трагедией не считалось. Потом хозобслуга сама на себе воду возила.

- Одно время в ЦБЛ работала Евфросинья Керсновская. Вы были с ней знакомы?

- Керсновская - волевая женщина. Последний раз я ее видел в Ессентуках. Она жила одна в домике-землянке. Ее обслуживали как инвалида поочередно какие-то девушки. Она содержала огород и, несмотря на перелом шейки бедра, лежа на здоровой стороне, одной рукой копала землю лопатой. В лагере она оформила иллюстрациями диссертацию эстонского врача Леонарда Бернгардовича Мардны.

- С какими еще примечательными людьми столкнула вас судьба в Норильлаге?

- С Ольгой Елисеевной Бенуа из рода знаменитых художников Бенуа, она рисовала в центральной больнице с натуры. Вспоминаю Георгия Жженова на сцене театра на Нулевом пикете, куда меня, еще заключенного, проводил Владимир Венгеров (впоследствии он руководил норильским театром и всей нашей культурой), к тому времени освободившийся. Был ассистентом известнейшего хирурга Виктора Алексеевича Кузнецова, прибывшего в ЦБЛ в 1943 году. В больнице был приемный покой, где я обычно дежурил ночью. Тогда делали рентген и сразу же оперировали.

- А Урванцева вы знали? Мне кажется, по темпераменту вы с ним чем-то похожи?

- Николай Николаевич Урванцев приходил к нам в ЦБЛ на вечеринки. Очень выдержанный человек. А к Елизавете Ивановне Урванцевой я относился без симпатии. Смотрит неморгающими глазами, а потом за спиной говорит: «Карл Карлович - как этот стол. Говори - не говори: У него 20 лет срока, и он ничего не слушает». Спрашивала у всех: «С кем он живет?»

Здесь Денцеля поддержал его коллега доктор Знаменский:

- Урванцева была администратором. Вспоминать ее - значит портить себе настроение. С ее точки зрения, дали тебе 20 лет, значит, все эти 20 лет, согласно распоряжению, ты не должен испытывать никаких желаний, чувств (доктор Денцель пользовался успехом у женщин и иногда вырывался на свободу, проползая под колючей проволокой. Чтобы охрана не заметила его на снегу, он заворачивался в простыню. - Ред.). Мы должны были быть примерными и стараться ей угодить. Однажды кто-то написал в газету письмо с предложением назвать строящуюся в Оганере больницу именем Урванцевой, а мы ее как врача не знали, знали как надзирателя.

- После освобождения, наверное, пришлось слышать много неприятного?

- Плоды пропаганды и агитации оставляли свой след в людях. Однажды покупаю книгу в магазине. Прошу ее завернуть и слышу от продавщицы: «Хоть бы людям доставались

книги, а не зекам».

Беседу вновь продолжил Карл Денцель:

- В лагере вместе с нами сидел Павел Евдокимович Никишин, основатель патологоанатомической службы в Норильске. До заключения он работал в Академии наук, знал Павлова. Это был хороший человек, но его сыновья - они все были крупные чины, полковники - отказались от него. В Норильске он пытался восстановить свое славное имя, читал лекции, вел сестринские курсы. Но это ему не помогло. Помню, был вечер для вольнонаемной интеллигенции, а уже освободившихся Никишина и Семена Наумовича Манькина (до ареста - директора Одесского института микробиологии) туда не пригласили. Никишин страшно переживал. Это был добрый человек. Его друг умер во время гражданской войны и перед смертью умолял Павла не оставлять осиротевшую семью. Он стал им ближе отца. В реабилитации ему отказали: В конце 50-х в горздравотдел пришло письмо от вдовы друга. Она просила пойти на

кладбище и прокричать над могилой Никишина: «Павел! Ты реабилитирован».

- После того, как ГУЛАГ а не стало, многие захотели вернуться на родину?

- После освобождения я работал рентгенологом в поликлинике на Нулевом пикете. Жена приехала ко мне в первый раз после освобождения в 1955 году, а осталась через два года. Я бы мог уехать после реабилитации в 1957 году, но решил остаться в Норильске. Очень многие так поступали...

* Немечкая слобода была в Москве уже к середине 17-го века. Приток иностранцев в Россию усилился при Петре I и его преемниках. Однако основная масса немецких колонистов появилась в России в последней трети XVIII-го - начале XIX-го вв.

«Заполярная правда»

<http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20020104.htm> 04.01.2002

БОЛЬГЕР ФРИДРИХ ДАВИДОВИЧ

Родился 12 апреля 1915 года в городе Рейнгардт Саратовской области в крестьянской семье. Окончив школу крестьянской молодежи поступил учиться в зооветеринарный техникум г. Красный Кут Саратовской области, но не окончил его и поступил в педагогический институт г. Энгельса. После окончания учительствовал сначала в школах Немецкой республики, а затем в Казахстане. Преподавал немецкий язык и литературу, в казахских школах - еще и русский язык. В годы Великой Отечественной войны работал землекопом, нормировщиком на стройках оборонной промышленности г. Челябинска. Последний год службы в труд. армии был начальником отдела труда и заработной платы стройуправления. В послевоенное время - бухгалтером потребкооперации, инспектором Госбанка. В конце 50-х работал литсотрудником газеты «Социалистический труд» Таврического района Омской области.

С 1962 года связал свою судьбу с Алтаем, по июнь 1971 гг. был заведующим отделом культуры газеты «Роте Фане» в г. Славгороде. Стихи начал писать в 1936 году, будучи студентом. Писал не только стихи, но и юморески, шванки, рассказы, переводил стихи Маяковского, Маршака, Тихонова, Твардовского, Исаковского и других. Первые публикации были в газетах «Красная молодежь», «Известия», журнале «Борец», участник более сорока коллективных сборников стихов и рассказов, выходивших в разное время на немецком языке в Алтайском книжном издательстве, в издательствах «Казахстан», «Прогресс», в Германии, Австрии. В переводах на русский язык его стихи публиковались в «Алтайской правде», «Сибирских огнях», «Неделе», Литературной России» и других изданиях.

Награжден медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1983).

Член Союза писателей СССР с 1963 года. Последние годы жил и работал в г. Славгороде Алтайского края. Умер в 1988 году.

Отдельные издания

1. Стихи: перевод с немецкого. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1971. - 48с.

2. Я - человек: перевод с немецкого. - Барнаул: Алтайское книжное издательство,

1974. - 128 с.

3. Новый день: Стихи. Перевод с немецкого. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1978. - 96 стр.

Отдельные издания на немецком языке

1. Гулливер у лилипутов: детская книга. - Энгельс, 1936.

2. Ибо ты человек: стихи. - Барнаул, 1966. - 96с.

3. Сердце поэта: стихи и проза. - М., 1973. - 144с.

4. Мой лучший день: стихи. - Барнаул, 1982.

5. Отчий дом: стихи и проза. - Барнаул, 1985. - 112с.

6. Каменный мальчик: рассказы и сказки. / Для среднего школьного возраста/. - Барнаул, 1989. - 32 с.

Больгер Ф.Д. - составитель и редактор

1. Книга для тебя. - Барнаул; Славгород, 1978. - 134с.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

1. В Алма-Ате. Стихи. //Алтайская правда. 1973. 22 декабря.

2. В едином строю. Стихи немецких поэтов Алтайского края (Ф.Больгера, А.Крамера, В.Шпаара, М.Вебера, Э.Каценштейна). //Алтай 1964 №2. С.62-66.

3. Весенний дождь. Стихи. //Алтайская правда. 1974. 23 марта.

4. Время зрелости. //Фройншафт. 1978г. 10 июля. На нем. языке.

5. Всегда быть с солнцем заодно. Стихи немецких поэтов Алтайского края Больгера, Гердта, Крамера, Шпаара; предисловие Клейна. //Сибирские огни 1963. №12. С.65-70.

6. В Заксенхаузене; Вторая молодость. Стихи. /Пер. с нем. Ф. Яновской. //Сибирские огни. - 1983. - №12. - С.121.

7. Вторая молодость; «Стихи - это цветочная пыльца...» Стихи. Перевод Г.Володина. //Алтайская правда. 1965. 10 апреля.

8. В Мавзолее; Бесконечность; Пусть не поверят; Облака. [Пер. Ю. Грунина, Ю. Кушака]// - // Лирика. Стихи алтайских поэтов. Барнаул, 1964. С.10, 17-20.

9. В Мавзолее; Пусть не поверят. Стихи. Пер. Ю. Кушака. - //Алтай 1964. - №2 (29), С.62-63.

10. «В том высоком горю я огне...»; У камина; Осень; Жизнь; Жаворонок. Стихи. Пер. Ю.Кушака. //Неделя, 1964. - 19 июля.- С.5.

11. «Глянь - ласточка поет!...» /пер. с нем. Б. Пчелинцева. //Огонек - 1990. - №28. С.8.

12. Давай сбежим... Стихи. Пер. Ю.Кушака. //Литературная Россия, 1968 - 12 января., с.9.

13. Двуетьность. Пер. В. Хорват. //Литературная Россия», 1971. - 24 сентября, с.15

с портретом.

14. Дождь; «Буря в степи меня застиг...»; В купе вагона. Стихи. Пер. с нем. Г. Володина. //Алтай. - 1975.- №1. - С.91-92.

15. Дерево памяти. Стихи. /Пер. с нем. Л. Мерзликина, Л. Вышеславского, Г. Володина, В. Шевченко, М. Юдалевича, В. Соколова //Алтай - 1985. - №1. - С.80-82.: портр.

16. Дятел; Снег; пряжа вечности; Жаворонок. Стихи. Пер. Ю. Грунина. //Алтай 1967, №1, - С.11-12.

17. Живая рана: Экзамены. Рассказы. [Пер. с нем. Авт.] //Далекие журавли. - М., 1980. - С.139-149.

18. «Затапливая в сумерках камин...»; Осень; Пряжа времени; Гуси; У дороги. Стихи. Пер. Ю.Кушака, Ю.Грунина. //Вечер поэзии. Барнаул, 1968. - С.18-22.

19. «Затапливаю в сумерках камин...». Стихотворение. //Барнаул 2006. №2 с.55.

20. Из новых стихов: Крадется по кустам зеленый шепот...; Что для счастья человеку надо?; Мы любим уезжать; У Аральского моря. Стихи. //Молодежь Алтая. 1974. 16 февраля. И песнь души... Стихи. /Пер. с нем. А. Корчуганова, Г. Володина //Алтай 1982 - №2. - С.49-50: портр.

21. Из осеннего цикла: Дождь; Пряжа времени; Осень. Стихи. Пер. Ю.Грунина. //Сибирские огни, 1967, №7, С.104-105.

22. Исповедь; Ревизор; Девичья память; Кумушки. Стихи. Перевод В. Сергеева. //Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом. Информационный бюллетень. - Барнаул, 2005. - апрель №4. С.35-39.

23. Исповедь. Стихи. Пер. с нем. В. Сергеева. //Литературная Россия. - 1974. - 19 июля (№29). - С.3.

24. Мой друг. Стихи. //Алтайская правда. 1969. 22 июля.

25. Мой край; На заре; Дождь; Строки; Весна; «Крадется по кустам зеленым шепот...» / пер. с нем. Г.Володина //Антология алтайской поэзии. - Барнаул, 2000. - С.37-41. (Библиотека «Писатели Алтая»; Т.2).

26. Мой Октябрь; У могилы неизвестного солдата; Зеленые горы Карпаты; У Аральского моря; В алма-Ате; «По весне - лишь небо за-синееет...». Стихи. /Пер. с нем. Б. Пчелинцева, А.Сергеева, А.Володина //Мой Казахстан. - Алма-Ата, 1978. - С.13-20.

27. «Мы любим уезжать...»; Наше море; Перо; На пределе; На рассвете. Пер. Г. Володина. //Литературный алтай. Том второй. Проза, поэзия. - Барнаул, 2007. С.36-39.: крат. биограф. справка. (Библиотека журнала «Алтай»).

28. На заре. Стихи. //Алтайская правда. 1975. 12 апреля.

29. Наше море; Прощанье; Лучший день - впереди. Стихи. /Пер. с нем. Г. Володина //Золотое озеро. - Барнаул, 1976. - С.15-18.

30. Наше море. Стихи. //Алтайская правда. 1974. 1 мая.

31. Облака; Снег; Март; Дятел. Стихи. Пер. с нем. Ю. Кушака. //Литературная Россия, 1965, 3 декабря, С.12-13.

32. Октябрь; На заре; «Я наступил на майский венчик звездный...»; Сорняк; «Взгляните лес, что за рекой...» Стихи. Пер. В. Сергеева, Ю. Грунина, Г.Мантлера. //Алтай №1969 №3, С.71-73

33. Осеннее. Стихи. Крат. биограф. Справка. //Алтайская правда. 1991. 9 февраля. С.9.

34. Покорители небес. Стихи. //Алтайская правда 1963. 17 августа.

35. Покорители небес; Полдень. Стихи. [Пер. Л.Чикина, Ю. Грунина. Предисл. В.Клейна]. - // Сибирские огни, 1963, - №12. - С.с.65-66.

36. Поэзия предтечам безымянным; Поэты. Стихи. //Алтайская правда. 1973. 7 июля.

37. Поэты /Авториз. Перевод с нем. Б. Пчелинцева. //Литературная Россия. - 1976. - 16 января (№3). - С.5.

38. То же //60 лет советской поэзии. - М., 1977. - Т.3. - С.316-317.

39. То же// Дружба народов. - 1978. - №6. - С.202.

40. «Пусть время мчится...»/ пер. с нем. Б.Пчелинцева, Ф.Яновской //Алтай. - 1988. №4. - С.95-96. - Краткая биография, портрет.

41. Пятнадцать сестер: Венок сонетов / Пер. с нем. С.Каширина. //Алтай 1982. - №4. - С.87-89: портр.

42. Радость странствий. Стихи. //Алтайская правда. 1969. 26 июля.

43. Родимый дом /Пер. с нем. Ю.Грунина. //Сердце матери. - Барнаул, 1979. - С.206.

44. Руки. Пер. В. Куприянова. - //Литературная Россия, 1973, 2 февраля, С.16.

45. У камина; Осень; Жизнь; Жаворонок. Стихи. //Неделя. 1964. 19 июля. С.5.

46. «У меня есть глаза...»; «Вечность»; «Мы любим уезжать...»; Наше море; Перо; На пределе; «Когда сосед прикинется бродягой...» / пер. с нем. М.Юдалевича, Ю.Грунина, Г.Володина. //Библиотека «Писатели Алтая». - Барнаул, 1998. - Т.1: Справочный том. - С.30-36. - Крат. Биограф.

47. «У меня есть глаза...»; «Потерялась мама на людной улице...»; «У лжи короткий век...» Стихи. /Пер. с нем. М.Юдалевича. //Алтайская правда. 1985. 13 апреля.

48. У могилы неизвестного солдата. Стихи. /Пер. с нем. В. Сергеева //Братский круг. - Барнаул, 1982. - С.15.

49. Штаны; Воротничок; Костюм. Пер. Иванова. //Шмель 1969. №3 С.4.

50. Экзамены. Пер. М. Бахрак. //Будем знакомы, друзья. М., 1967, С.17-22

51. Я люблю горы; У дороги; Поэт; Руки; «На мягкой, на травной постели...»; Бамбук; Зимняя ночь; Жаворонок. Стихи. /Пер. с нем. В. Швыряева //Созидание. - М., 1981. - С.13-21.

52. Я не щадил себя; Поющие лошади. Стихи. Пер. с нем. В.Шевченко, В.Соколова // Неостывшая память: поэты Алтая о великой Отечественной войне. (Альманах Август, 1994 №2.) С.12-13.

53. Я - Человек; Поступь дня; Бамбук; Март; Голубка; Две оси. Стихи. Пер. Ю. Грунина, В. Хорват. //Алтай, 1965. - №1, С.61-65.: портр.

54. Schmied; Die Mutter; «Das dichters Herz...»; «Поэт всем сердцем ненавидит ложь...»; Голубка; Апрель; «Я наступил на майский венчик звездный...»; Кузнец; «Когда сосед...». Стихи. Перевод с немецкого В.Сергеева, Ю.Грунина, Г.Володина. //Новое время. - Гальбштадт, 1995. - 11 апреля. : порт. - Нем., Рус.

55. Wunder aller Wunder; Mit dir beginnt das Heimatland. Стихи. //Zeitung fur Dich. - 1995. - 7 апреля (№14). С.20. Порт., Биограф. справка на нем. языке.

Литература о жизни и творчестве

1. Больгер Фридрих Давидович //Алтай - литературный. - Барнаул, 1987. - С.3.

2. Больгер Фридрих Давидович [1915-1988 гг.: Некролог] //Алтайская правда. - 1988. - 23 июля: портр.

3. Больгер Фридрих Давидович //Литературный Алтай (конец XIX - начало XXI вв.): справочное издание. /сост. Н.Т. Герцен, В.А. Шнайдер. - Барнаул, 2006. - С.17-20: портр.

4. Больгер Фридрих Давидович //Писатели Алтая: биобиблиографический справочник / сост. М.Г. Вохрышева, Л.С. Панкратова. - Барнаул, 1967. - С.19-20. Портр.

5. Больгер Фридрих Давидович //Писатели Алтая: биобиблиографический справочник / сост. М.Г. Вохрышева и др., - Изд. 2-е, испр. И доп. - Барнаул, 1974. - С.7-9.

6. Больгер Фридрих Давидович //Писатели Алтая: биобиблиографический справочник / сост. М.Г. Вохрышева и др., - Изд. 3-е, испр. и доп. - Барнаул, 1990. - С.19 - 21.

7. Больгер Фридрих Давидович //Писатели Алтайского края: Биобиблиогр. Слов./АКУНБ им. В.Я.Шишкова, Сост. А.М. Ковалева и др., - Барнаул, 2007.. - С.44-46

8. Больгер Фридрих Давыдович (1915-1988): Краткая биограф. //Библиотека «Писатели Алтая». - Барнаул, 1998. - Т.1.: Спр. Том. - С.30-36.: портр.

9. Движение за автономию: провинциальные мечты. - М., Готика, 1996 - 300с. (есть сведения о Больгере Ф., в т.ч. фотография).

10. Каценштейн Э.Э. «Ибо ты - человек...»: К 75-летию со дня рождения немецкого поэта Ф.Больгера. //Алтайская правда. 1990. 27 апреля: портр.

11. Каценштейн Э. Пусть песня сердце переполнит. - //Алтайская правда, 1965. - 10 апреля.

12. Каценштейн Э. Пусть песня сердце переполнит: (К 60-летию Ф.Больгера) //Алтай.- 1975. - №1. - с. 90-91.

13. Каценштейн Э. Навстречу новому дню: (К 60-летию Ф.Больгера) //Алтайская правда. - 1975. - 12 апр.

14. Каценштейн Э. Жизнь для людей: Исполнилось 70 лет сов. нем. Писателю Ф.Д.Больгеру //Алтайская правда. - 1985. - 13 апр. 11 Кригер Е.Э. Значение творчества немецких писателей Алтая в сохранении родного этноса //Deutsche Kleine Zeitung = Маленькая немецкая газета. -

2001. - №3 С.1-2.: фото.

15. Овсянникова О. Алтайское Беловодье /О.Овсянникова, В.Свинцов. - Барнаул: А.Р.Т., 2007. - 71с. - Из содерж.: [Ф.Д.Больгер]. - С.17.

16. О награждении Больгера Ф.Д. Почетной грамотой Президиума Верховного совета РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 окт. 1985г. //Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1985. - №44. - СТ.1540. - С.1101.

17. То же. // Алтайская правда. - 25 октября, 1985г.

18. Соколова Г.И. Больгер Фридрих Дави-

дович //Энциклопедия Алтайского края. - Барнаул, 1997. - Т.2. С. 79-80: портр.

19. Хронология книжных фарватеров: год вступления в Союз писателей СССР - России (постановки на учет в Алт. краев. писат. орг.) и даты жизни поэтов, прозаиков, драматургов [в т.ч. Ф.Больгера] /подгот.. О.Овсянникова // Барнаул. - 2006. - №3. - С.142-143.

20. Шпаар В. «Кую, как молотом, пером...»: (к юбилею Ф.Д.Больгера) //Новое время. - Гальбштадт, 1995. - 11 апреля: портр.

21. Юдалевич М. Стремясь проникнуть в суть: [О книге «Я - человек»] //Алтайская правда. - 1974. - 15 июня.

Виктор Чигинцев

СТРОКА РАБКОРА

Не стерлись из памяти соотношение: 40 на 60 процентов. Так было в советско-партийные времена, когда печатному органу требовались 40 процентов публикаций за подписью штатных сотрудников и 60 процентов – за подписью внештатных, желательно рабочих корреспондентов. Повторюсь: так было определено свыше газетной наукой, чей строгий регламент диктовался в самом ЦК КПСС.

Газеты были «рабочими»

Говоря современным языком, такого соотношения требовал партийный имиджгазет, которые сплошь были «рабочими»: «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий», «Копейский рабочий». Печать была партийно-народной. И все мы были литсотрудниками, корреспондентами, газетчиками, стесняясь слова «журналист».

Помнится, один из главных редакторов, исполнительный и думающий работник, втолковывал: «Какой ты журналист? Ты – газетчик. А журналист – это тот, кто в журнале работает». Планка журналистской профессии была очень высокой, и карабкаясь на ее недостижимую вершину, мы довольствовались словами «корреспондент», «внештатный корреспондент».

«Копейский рабочий» исключением не был. Ее всегда окружали добровольные помощники. Она воспитала плеяду рабочих корреспондентов, в том числе известных, как Татьяна Шерстобитова, Борис Стерлинг, Василий Голощапов, Иван Унтерберг и другие. Они, работая на производстве и в учреждениях, зная жизнь изнутри, ценились высоко, оброчно говоря – на вес золота, являясь боевым арсеналом советской журналистики. Многие обладали поистине «золотыми перьями».

Пятое мая был Днем советской печати

Мы создали музей редакции, полагая, что опыт предшествующих поколений будет полезен тем газетчикам, кто приходит на смену. Молодые переступают порог редакции и успешно работают. Журналисты – «товар» штучный, и для огранки их таланта опыт старших работ-

ников жизненно необходим. Вот и зашел, как говорится, на огонек старый рабочий корреспондент Иван Андреевич Унтерберг. Принес в музей творческое наследие, подшивку личных публикаций, призванную стать музейным экспонатом. Еще принес пачку почетных грамот, которыми лучшие внештатные авторы газеты принародно награждались в честь Дня печати. В советское время профессиональный праздник работников печати отмечался 5 мая. Некогда учредители праздника «плясали от ленинской газеты «Искра». Сейчас «пляшут» от петровской газеты «Ведомости».

Иван Андреевич, как и все газетчики, обладает даром общения. Мы невольно вспомнили о том «тоталитарном» времени, о котором почему-то гложет ностальгия. Иван Унтерберг старше меня на одно поколение. Он прожил трудную, но достойную жизнь.

Школьная тетрадка в линейку. В ней сотни названий газетных сообщений, информационных, заметок. Тетрадка = их своеобразный каталог. Вот заголовки: «Лучший проходчик», «Человек долга», «Трудовая победа», «Добрые традиции», «Вести с «Красной горнячки» и т.д. Везло шахтам, их коллегам – рабочие корреспонденты не обделяли их вниманием. Как жила шахта? Только ли тоннами добычи и метрами проходки? Что обсуждали коммунисты на своих собраниях? Как горняки отдыхали? Газета была заинтересована в том, чтобы на всех предприятиях работали свои летописцы. Иван Унтерберг был один из них.

Газетный летописец и бывший трудармеец

Родился он на исходе первой четверти прошлого века. Свершилась революция, умер ее

вождь, огромная страна строила социализм. Село Гларус, Подлесновского района Саратовской области – малая родина, которой лишили в 1941 году, упразднив автономию немцев Поволжья. В вагонах-теплушках привезли на Алтай, в райцентр Залесово. А вскоре юного помощника бухгалтера конторы «Заготживсырье» мобилизовали в трудармию. Местом «службы» оказался шахтерский Копейск. Жизнь в барачно-земляном поселении со всеми атрибутами ГУЛАГа. Наставник Иван Ломашинский помогал осваивать ремесло и терминологию: электросверло – баран, соединительная муфта – лягушка, вагонетка для перевозки лесоматериалов – коза. Пареньку-комсомольцу Ване Унтербергу шел 17-й год. Несмотря на строгий режим поселения, через год его командировали на Алтай, в Залесово для сбора теплых вещей, необходимых фронту.

«Я пришел в деревню ночью, а слух-то разлетелся, что появился такой-то, вспоминал Иван Андреевич, - Ночью, посчитав за дезертира, пришли меня арестовывать. Пять человек, в том числе милиционер и девушка-секретарь местной комсомольской ячейки. Но документы были в порядке, пришельцам пришлось извиниться...»

После командировки сильно травмировался в шахте. После излечения под землю больше не спускался, из трудармии комиссовали. «Шла война, уголь приравняли к боеприпасу, а мы, репатриированная молодежь немцев Поволжья, были патриотами и желали ско-

рейшей победы», - написал Иван Андреевич в автобиографии для редакционного музея.

Руководство шахты одобрило решение остаться в трудармии и отправило на работу в отдел нормирования. Но не было приличной одежды, чтобы появляться на службе. И тогда пареньку выписали хлопчатобумажный костюм и американские ботинки.

Вся жизнь прошла на шахте, менялись только ее названия. Да должности Ивана Андреевича звучали по-разному: бурильщик, нормировщик, хронометражист, газомерщик, десятник, мастер-взрывник, инженер по организации труда.. Имел права электрослесаря второй руки, машиниста комбайна и ... удостоверение внештатного корреспондента газеты «Копейский рабочий».

Работал и учился: школа рабочей молодежи, горный техникум, университет марксизма-ленинизма, общественные нагрузки. Три года заочно учился в филиале Свердловского горного института. Избирался делегатом областного слета рабселькоров, секретарем парторганизации ветеранов войны и труда. Став членом партии в «хрущевскую оттепель», состоял в ней до распада СССР.

Иван Унтерберг один из тех, кто окрылен газетной строкой. Он знает, как вдохнуть жизнь в белый лист бумаги, как рождается газета сегодня. И в День печати «по старому стилю», я крепко жму руку товарищу по перу.

**«Копейский рабочий», (№66)
от 5 мая 2007 года**

Георгий Боровлев

НАСТАВНИК ПО ЖИЗНИ

С необыкновенным человеком Фридрихом Фридриховичем Нихельманом судьба свела меня в конце пятидесятых годов прошлого столетия. Проработал я под его началом неполные четыре года, а в памяти он остался как добрейший человек, настоящий профессионал, высокообразованный гражданин. Даже увещевая провинившегося, он обязательно вставлял чуточку юмора, чтобы нарушитель понял, что не все в жизни потеряно. Для меня Федор Федорович – так мы его называли в обиходе, остался одним из лучших руководителей.

Когда листал свою компьютерную книгу редактор-составитель, я понял, что в ней собраны не только научные исследования и доклады с проведенных конференций, диспутов, бесед за «круглым столом», но и нашлось немало места биографиям, коротким рассказам, газетным очеркам, статьям и информациям о людях немецкой национальности.

Многим из них пришлось отбывать недозаканную повинность в трудовых армиях, где условия работы и проживания по свидетельству части мобилизованных были ужасающими. Но раз это армия, т.е. большое скопление

народа, то она, естественно, должна вести борьбу на трудовом фронте, конечно, не с боевым оружием в руках, а с орудиями труда. Вот поэтому им приходилось онемелыми пальцами и ладонями брать лопаты, ломы, кайла и тачки на строительстве важных объектов, приближая своим неистовым трудом час долгожданной Победы.

Не буду утверждать, но мне кажется, что Ф. Нихельман избежал участи трудармейца. Он из числа тех немцев, которые всей душой приняли идеи социализма, своим сознательным трудом делали все, что было в их силах для укрепления мощи страны Советов. Поэтому в Великую Отечественную войну Федор Федорович с оружием в руках встал на ее защиту. Мне не довелось увидеть Федора Федоровича при всех боевых наградах. Его друзья-товарищи по работе рассказывали, что их у отставного капитана Красной Армии было немало.

Слышал также и то, что Федор Федорович был отозван из рядов защитников Отечества в 1942 году по известному Указу-приказу И.В.Сталина с должности переводчика штаба полка или дивизии.

А до этого он с группами захвата ходил в

тыл врага, участвовал во взятии «языка» на оккупированной территории. На допросах с помощью офицера Нихельмана выявлялась численность и место сосредоточения главной мощи противника. Туда потом наносились главные удары, там одерживались победы.

За смелость и мужество, героизм награждали разведчиков, не забывая при этом тех, кто способствовал их успеху. Не обделен был вниманием-наградами и Федор Нихельман за свой вклад в успешно проведенные операции.

Осенью 1941 года, когда советских немцев убрали из армии, Нихельман был направлен в Челябинскую область.

Я уже когда-то писал о том, что в конце сорок второго и начале сорок третьего годов трест «Коркинуголь» прилично приотстал с добычей топлива. План, что называется, трещал по швам, из-за чего руководству предстояло объясниться с самим Иосифом Виссарионовичем. Об этом стало известно за две недели до телефонного разговора с Верховным. Все оставшиеся дни до отчета шел интенсивный анализ причин неудачной работы коркинских горняков.

- И действительно, - говорил сам бывший управляющий сотруднику коркинской газеты Ивану Полякову, - звонок был в два часа ночи из Москвы. Я только и успел сказать: «Слушаю Вас, товарищ Сталин», на что в ответ услышал: «Меня нечего слушать. Нарком обороны вашей работой недоволен» и он повесил трубку. Через два месяца пришел приказ об освобождении от должности управляющего этим трестом.

Я к чему вспомнил этот эпизод из далекого прошлого, когда появился офицер, да к тому же, наверно, с партбилетом, то кого же еще отправлять, как не его на отстающее производство? Могли быть и другие варианты появления бывшего фронтовика в разрезном транспортном цехе, который занят был вывозом горной породы в отвал паровозной тягой. Потом уже после войны начали осуществлять перевод внутрикарьерного транспорта на электровозную тягу. Тут уж своим талантом блеснул Федор Федорович.

Дело в том, что первоначально горные электровозы поставляла Германская Демократическая Республика. В числе первых постигать их устройство в Германию направили Ф. Нихельмана. Ему, представителю великого Советского Союза, владеющего немецким языком, двери были открыты не только на заводе, где производилась сборка машин для России, но он посетил и заводы-изготовители крупных и важных узлов локомотива. Поэтому Федор Федорович, как дотошный человек, командировочные затраты отработал сполна: толково, доходчиво закоренелым паровозникам вдалбливал знания и принцип действия современных, мощных и чистых машин, в которых иные машинисты работали в галстуках.

Приезжали немецкие конструкторы, эксплуатационники из Германии на вскрышной разрез, изучить методы работы советских горных

железнодорожников, рассказать изменения в конструкциях выпускаемых локомотивов. Везде и всюду их сопровождал в качестве переводчика Федор Нихельман.

С этим легендарным человеком судьба меня свела на Коркинском вскрышном разрезе №1 треста «Коркинуголь» в мае 1959 года. После окончания шестимесячных курсов меня в числе других направили на участок первой электротяги помощником машиниста электровоза.

Узнав, что я являюсь одним из этой группы комсомольцем, сравнительно недавно демобилизованным из армии, Федор Федорович, как член парткома предприятия, рекомендовал руководству электротяги направить меня на работу в комсомольско-молодежную бригаду Эдуарда Махинькова, который работал в смене машиниста-инструктора Ф.Ф. Нихельмана. Так я сразу нежданно-негаданно познакомился и начал трудиться плечом к плечу с этими знатными на разрезе людьми.

В мою бытность на вскрышном разрезе №1 круглосуточно таскали породу на отвал 16-19 железнодорожных составов с разведанных пластов каменного угля. Непосредственными руководителями электровозников были четыре машиниста-инструктора.

Федор Нихельман, заполучив меня в свою смену, при первой беседе попросил подробно рассказать о себе, об образовании, которое у меня тогда было на уровне восьми классов, кем работал до армии, в каких войсках служил, как намерен повышать свой общеобразовательный уровень. Не обошел вниманием и жилищный вопрос. Я сказал, что живу с женой и дочкой в коммунальной двенадцатиметровой комнате.

- Будешь, Георгий Ильич, хорошо работать, участвовать активно в жизни комсомольской организации нашего депо и продолжишь свое образование в вечерней школе, жилье расширим, - пообещал мне тогда Федор Федорович.

Честно говоря, я и этим двенадцати квадратам был рад, потому и не поверил обещаниям. По имени отчеству меня называли впервые, и я даже не знал, как к этому относиться. И это сделал мой непосредственный руководитель. Поэтому я начал стараться. Участвовал во всех субботниках по сбору металлолома, поступил в девятый класс ШРМ (школа рабочей молодежи), писал заметки в стенгазету.

Первой наградой моей активной деятельности было присвоение звания ударника коммунистического труда приказом по вскрышному разрезу №1 с вручением свидетельства за подписями начальника предприятия, секретаря парткома, председателя профкома, секретаря комсомола, врученное на общеразрезовской раскомандировке.

Не забыл свое обещание и Федор Федорович. После окончания девятого класса моя семья получила двухкомнатную квартиру. Этот вопрос в электротяге решился «просто», так как у нас работал старшим машинистом участник Великой Отечественной войны, майор запаса Иван Богданов, являвшийся председателем ко-

миссии профкома по распределению жилья на предприятии. Подумать только, кто заведовал такой ценностью как жилье. Не руководитель предприятия, не председатель профкома, а машинист электровоза со своей комиссией решал, кому дать квартиру, а кому отказать.

Ну, а участники войны Нихельман и Богданов без особых проблем вырешили мне двухкомнатную, учитывая, наверно, тот факт, что мой отец сложил голову на фронтах войны.

Конечно, авторитет Нихельмана в руководящих кругах разреза был огромен, а в рабочей среде – тем более. Ему довелось поработать еще на паровозах, которые также вывозили породу на отвал. А когда вскрышные работы начали уходить на нижние горизонты, паровая тяга стала с трудом вытаскивать горную массу из глубины «ямы». Возникшую проблему могли решить только с помощью электровозов. Одним из инициаторов их внедрения был Ф.Ф.Нихельман.

Такие машины выпускала в то время Германская Демократическая Республика. Федор Федорович одним из первых поехал туда с делегацией комбината «Челябинскуголь» в качестве переводчика. После этого ездил в ГДР как представитель заказчика.

Он видел, как в Германии собирали электровоз, потом его демонтировали в присутствии Нихельмана, укладывали узлы и агрегаты в деревянную тару и отправляли по железной дороге в Коркино. В первом депо их разгружали, и немецкие специалисты монтировали электровозы с нашими слесарями на вскрышном разрезе №1. Федор Федорович присутствовал как переводчик, иногда подносил требуемые детали, которые, может быть, и сам укладывал в деревянную германскую тару.

Потом начались курсы переучивания паровозников на новый вид транспорта. И опять Нихельман оказался в ролях и преподавателя, и экзаменатора, и председателя аттестационной комиссии, и машиниста-инструктора.

Я попал в депо на все готовенькое. Все уже было отлажено, на каждую операцию имелась разработанная инструкция, когда были побиты прежние рекорды. Все дружно работали, соревновались, придирчиво смотрели друг за другом, чтобы не превышали скорость на железнодорожных путях в яме, то есть в разрезе.

Иные лихачи не прочь и на временных переносных железнодорожных путях пренебречь ограничением скоростного режима, рвануть наперегонки, «оторваться» от следующего

параллельным курсом груженого состава. Что греха таить, были и сходы подвижного состава. Останавливалась работа экскаватора, электровоза. Путьцы в срочном порядке бежали на аварию. Создавалась комиссия, выяснялись причины схода с рельсов груженых или порожних вагонов. Простой был вынужденный. За превышение скорости наказывали строго, даже с отстранением от права вождения электровоза на определенный срок.

Но жизнь двигалась вперед. Федор Федорович меня «засватал» в партию, первым дал мне свою рекомендацию на вступление кандидатом в члены КПСС.

Думаю, что по его подсказке, как члена парткома разреза, меня избрали в состав комитета комсомола предприятия.

Жил бы я и не тужил на вскрышном разрезе №1. Не скрою, что мечтал, конечно, о карьере машиниста электровоза. Но, увы. Строгая медицинская комиссия забрала по зрению и рекомендовала руководству отстранить меня от подвижного состава.

Переживал я, переживало руководство. Но так как я любил транспорт, мне предложили работу слесаря по ремонту электровозов. Потом закончил десять классов, поступил на заочное отделение Уральского государственного университета. Комсомольцы Коркинского экскаваторового ремонтного завода избрали меня комсоргом. Потом пригласили меня на работу в газету «Горняцкая правда». Откуда направили заместителем редактора в газету «Кыштымский рабочий», затем бюро обкома КПСС утвердило мою кандидатуру редактором пластовской газеты «Знамя Октября». Откуда меня завербовали возглавить газету «За трудовую доблесть» Челябинского тракторного завода.

Стыдно признаться, но за все эти годы я не смог найти время встретиться с Федором Федоровичем, моим наставником, давшим сбыться всем моим мечтам и желаниям. Не знаю, когда закончился его сверхтрудный путь на этой земле. Ведь все знали, что много-много лет Федор Федорович, можно сказать, был полуслепой. Но ни у кого не повернулся язык сказать, иди отдохни, Федор Федорович. Слишком он много сделал для предприятия и для людей. А себе я никогда не прощу свою черствость. И меня даже не может утешить тот факт, что мы с ним регулярно обменивались поздравительными открытками по праздничным датам.

Простите меня, Федор Федорович.

Виктор Чигинцев

ПАМЯТИ ДЯДИ САШИ

Когда я узнал о смерти Александра Ивановича Тиссена, болью сжало сердце. Многое вспомнилось. И то, как более четверти века назад принес в областную газету «Комсо-

молец» зарисовку о нем. И то, как на синем льду гонял с его подопечными мальчишками шайбу. И то, как с женой Эммой Андреевной они угощали меня душистым медом из своих

ульев, поили крепким чаем. И вот его не стало. А я пишу эти строчки и думаю. Побольше бы нам таких людей. Тогда был бы наш город садом, парком и голубые елочки, которые он так любил, не рубили бы на потеху одной новогодней ночи. И мальчишки, которых он тоже любил самозабвенно, рвались бы из темных, скучных подворотен на спортивные площадки с синим льдом.

Эту зарисовку, которую мы сегодня перепечатаем из журнала «Советский шахтер» (1985 год, № 9), была сопровождена рубрикой «Советский образ жизни». Этот образ он исповедовал всю свою жизнь. И дай Бог, чтобы наш «российский образ» не был хуже.

... Возвращаясь однажды с работы, увидел Александр Иванович Тиссен, как на заснеженном пятке болота, заваленном разным хламом, мальчишки гоняли консервную банку. И такая взяла досада: больше, как на мусорной свалке, ребятам и играть негде. Несколько дней спустя по распоряжению городского архитектора, поддержавшего просьбу детского сектора профкома, уже отмеряли участок около улицы Островского. Участком и было это старое болото.

С этого и началось. На месте свалки сначала потрудились бульдозер, а к весне стали возить землю. Когда почва оттаяла, Тиссен попросил поселковых пенсионеров, с кем работал в шахте, съездить в питомник за липами. Уже нет в живых П. Роута, Ф. Мельникова, Г. Кика – тех, кто привез и посадил тогда липы. А память осталась. Прекрасные выросли деревья.

...В общем, на пустыре закипела работа. Но людей не хватало. Требовались помощники.

Комсомольский патруль вывел с клубного вечера подвыпивших парней. На другой день с ребятами из патруля «рассчитались». За первой стычкой последовала вторая, третья. Александр Иванович узнал об этом случайно, от своего соседа Кости Зуева.

Призвав на помощь школу, родителей, участкового, забияк успокоили. Этот случай помог А. Тиссену сблизиться с самыми отчаянными ребятами поселка – Сашей Ямбаевым и Витей Шубиным. «Заводилы» оказались любознательными, смелыми и, в общем-то, совсем не агрессивными. Они скоро привязались к «дяде Саше», помогли провести первую поселковую спартакиаду. Победителем ее в настольном теннисе стал тогда Саша Ямбаев. Хорошие помощники получились из ребят и в других начинаниях.

Не все сначала получалось гладко. То требовалось убрать ветхий сарай, мешавший разбивке сквера, и тогда хозяин затевал тяжбу. То ретивый обыватель угрожал привлечь Тиссена к ответственности – дескать, заставляет детей трудиться на стройке. А однажды кто-то спилил несколько лип. Всего-то семь дней пролежал Александр Иванович в больнице – семь лип спилили. Тогда его друзья, старые шахтеры, сказали: «Не беспокойся, Саша. Липы вон какие, стройные. Охотничьи шесты,

видимо, кому-то понадобились. Найдем мы этого человека». И сдержали слово. Через два месяца, в день открытия охоты, они привели с ближнего озера молодого мужчину. В руках он держал шест ... из липы. Охотник престал перед товарищеским судом поселка, выплатил большой штраф.

А в дневнике Тиссена появилась запись: «Дела у нас пошли хорошо». На территории в два с половиной гектара на глазах удивленных жителей возникал настоящий город юных друзей дяди Саши. Строительство шло по двум направлениям: сквер-дендрарий и спортивный комплекс. О том и другом следует сказать особо.

Сейчас посмотреть на этот удивительный сквер приезжают со всех концов Копейска. Только здесь можно увидеть 40 видов деревьев и кустарников, 15 разновидностей трав. Растет садовая спаржа, алеют гроздья рябины, полыхает огнем осина, роняет листья ясень, карагач, дикий абрикос, светятся на солнце голубые ели.

- Вот этот дуб-крепыш, - рассказывал Тиссен, - вырос из желудя того самого дуба, под которым еще в старом Симбирске любила отдыхать семья Ульяновых.

Саженьцы деревьев доставлялись сюда со всех концов страны. Голубые ели, например, с Кавказа. Пять лет выращивал у себя в огороде елочки Александр Иванович. Сейчас они украшают не только сквер, но и весь город. Семена кедра дочь Тиссена Лилия привезла из Иркутска, где училась в педагогическом институте. Растущая здесь сосна – из Уфы, сирень – из Куйбышевской области...

Летом сквер устилает травяной ковер, украшенный изумительной красоты цветами. Тот, кто занимался цветоводством, знает, какой это тяжелый труд – выращивать их. Добрая помощница Тиссену – супруга Эмма Андреевна. До трех тысяч корней цветочной рассады выращивает она ежегодно. Хотя в последнее время пошатнулось здоровье, на предложение мужа отдохнуть она говорит: «Люди привыкли к цветам. Как же без них?» То же самое и в письме Николая Шафера из армии: «Здоровствуйте, дядя Саша! Часто вспоминаю наш парк. Закрою глаза и вижу: цветет парк, а по вечерам в нем полно ребят...»

Дневники Александр Иванович ведет давно. Из стопок тетрадей наугад беру одну – она оказалась за 1972 год. Именно в этом году он вышел на заслуженный отдых, а скверу-дендрарию и спортивному комплексу исполнилось более десяти лет.

В дневниках россыпи имен. Разные имена, разные характеры. Много пришлось повозиться с Валерием С. Сейчас он уже взрослый, хороший семьянин и работник. А если вспомнить, что было лет шестнадцать назад... Редкий урок досиживал до конца – выгоняли из класса. Стоял вопрос об исключении из школы. А тут еще за драку подростка поставили на учет в детскую комнату милиции, осудили на год лишения свободы условно. Спасли Валеру дядя

Саша и хоккей. Хороший нападающий вышел из парнишки. И вот сначала ради коньков с клюшкой, ради победных шайб он стал терпеливо посещать школу, училище, во всем слушался тренера дядю Сашу. А потом это стало характером. Сергей П. тоже стоял на учете в детской комнате милиции – за кражу велосипеда. Седьмой и восьмой классы оканчивал уже в вечерней сменной школе. Какого труда стоило устроить несовершеннолетнего Сергея на машиностроительный завод! Когда все документы были оформлены, парень вдруг отказался идти на предприятие. Приняли его в ремонтно-строительное управление, в бригаду плотников. Через три месяца ушел. А дяде Саше сквозь слезы объяснил: «Надоело стоять на коленях строгать полы!..» Пошел Тиссен к строителям. Объяснил, что парень растет без отца, а мать пьет, что нужен иной подход.. Перед уходом в армию Сережа сказал Тиссену: «Спасибо, Вам, дядя Саша, за все. Я уже взрослый, а Вы нужны другим».

Многих, очень многих ребят сделала настоящими людьми школа Тиссена. Много на его счету добрых дел. Построили спортивный комплекс «Союз», большой, светлый, в два этажа. Рядом – хоккейная коробка и стадион с подсобными помещениями. В комнате для

проката более ста пар хоккейных, беговых и фигурных коньков. У хоккеистов добротная спортивная форма. В состязаниях всегда участвуют три команды разных возрастов. Судят тоже сами ребята.

В хозяйстве комплекса есть колодец с запасом воды, специальная емкость, оборудованная подогревом. В любые морозы лед здесь отличный. Гордость мальчишек – трактор Т-25 со специальной тележкой – хорошее подспорье в их строительных делах.

До войны А. Тиссен учился в педагогическом институте. Война нарушила планы. Школу, в которой работал, сменил на забой, институт – на шахту. Выдающийся швейцарский педагог-демократ И.Г. Песталоцци писал: «Мои дети ежеминутно должны были видеть, что мое сердце льнет к ним, их счастье есть мое счастье, их радость – моя радость». Слова эти не о родных детях, а о воспитанниках Песталоцци. И не случайно я прочитал их в дневнике Тиссена. Не зря, видимо, говорится, что где бы не работал человек, чем бы не занимался – стержень его души остается неизменным!

**«Копейский рабочий»,
3 декабря 1994 г.**

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Круглый стол «Поликультурное пространство города Копейска. Диалог этносов». Отчетная конференция, посвященная завершению выставочного проекта «История немцев-копейчан, внесших существенный вклад в материальную и духовную жизнь общества»

В Копейске проживает более 75 национальностей, в том числе значительное число этнических немцев. Они появились на территории Южного Урала в период Отечественной войны 1941 – 1945 гг., это были трагические страницы как в жизни всего советского народа. До нападения на Советский Союз в государстве существовала и процветала Автономия немцев Поволжья. Их предки (выходцы из немецкоговорящих государств Европы) приехали в Россию по приглашению императрицы Екатерины II в XVIII веке для заселения и укрепления вновь приобретенных территорий Российской империи.

Такова предыстория наших предков, их потомки, наши родители, попали в Копейск в качестве политзаключенных, их заочно обвинили в измене Родины на основании печально известного указа от 28 августа 1941 года. Пережив страшные и унижительные годы трудармии за колючей проволокой, они вновь наделись обрести свою Родину. Но даже после окончания войны им запрещено было возвращаться к себе домой, в те места, где они проживали до войны. Но выбор у вчерашних заключенных-трудармейцев был небольшим, они могли уехать в такие же отдаленные места СССР (в Среднюю Азию, Казахстан, в Алтайский

край и т.д.). Большинство мужчин немецкой национальности, работников шахт, предпочли вызвать к себе свои семьи в 1946 – 1947 гг. в Копейск, которые вынуждены были во время войны владеть нищенское унижительное существование как изгои общества. Еще одним камнем преткновения стало незнание русского языка подневольных переселенцев, это было следствием территориальной самоизоляции и самодостаточности немецких колоний – поселений, располагавшихся локальными зонами на территории России, Украины, Северного Кавказа, Причерноморья до 40-ых гг. XX века. Многие вновь прибывшие в наш город люди были вчерашними крестьянами и большая часть их говорила исключительно на немецком языке.

В условиях новой реальности поликультурного пространства и вследствие общей пережитой трагедии российским народом войны с Германией, российские немцы в новых реалиях вынуждены были все реже говорить на родном языке, что впоследствии негативно сказалось на языковой культуре немецкого этноса.

В конце 80 – начале 90-ых годов XX века значительное количество немцев-копейчан переехали в Германию, причиной того стала целая цепь причин объективного и субъек-

тивного характера, одной из которых стало нежелание Российского правительства решить проблему полной реабилитации немецкого народа и позволить ему вернуться на Родину в Поволжье.

Тем не менее, потомки российских немцев сегодня дисперсно проживают во многих районах России. В Копейске проживает значительное число представителей немецкого народа. Уже 15 лет в городе существует Немецкий культурный центр «Теплый дом», в нем нашло пристанище и отдохновение значительное число немцев, прежде всего те, кто идентифицирует себя с немецкой культурой. В «Теплом доме» они имеют возможность изучать культуру своих предков, многие только в центре узнают историю своего народа, они начинают гордиться не только своими ближайшими родственниками, но обретают возможность больше узнать о лучших представителях немецкого народа: Кюхельбекера, Фонвизина, Витте, Шнитке, Александра Гейма и др.

2011 год был ознаменован в Копейске как год добрососедства и территория комфортного проживания этносов. 3 ноября был осуществлен совместный пилотный проект НКЦ «Warmes Haus» и городским краеведческим музеем, была открыта выставка, сформированная из предметов, документов и других артефактов – реликвий семей немцев – копейчан. Выставка носила символическое название «Тихая жизнь». Предметы бытовой культуры рассказали жителям Копейска и гостям шахтерского города историю, которая до поры была исключительно культурным достоянием семей. Эти «молчаливые свидетели» истории обогатили культурное пространство нашего города. Копейчане узнали об особенностях празднования христианских праздников «Рождества» и «Пасхи». В витринах демонстрировались уникальные документы Конфирмации (инициации взросления) конца XIX – начала XX веков, которые выдавались подросткам в немецкой автономии Поволжья в католических и лютеранских храмах. Эти уникальные документальные образцы истории сегодня хранятся в семьях Майер и Феллер.

Изумительные фотографии из уникального фотоальбома пронесли через всю свою жизнь старейшая жительница нашего города Ядвига Генриховна Дик – Валентинова (1919 года рождения). В ее фотоальбоме хранятся уникальные снимки красавиц рубежа прошлых

столетий, это ее юные тетушки. Не менее интересны фото с видами Крыма, Берлина с благопожелательными надписями на лицевой стороне открыток начала XX века и красивым каллиграфическим почерком на немецком языке с обратной их стороны. Маленькая Ядвига, покидая свою Родину, Западную Украину (в 30-ых годах начался процесс выселения немцев с коренных мест проживания) настояла на том, чтобы родители положили в скромный скарб именно этот альбом. Сегодня мы можем любоваться красотой полиграфической продукции прошлого столетия.

Не менее интересен и уникален фотоальбом Фишера Отто Константиновича. В нем хранятся снимки русского лазарета периода Первой мировой войны. Это наследие дяди и тетушки, которые приютили у себя маленького сироту в 1918 году, родители Отто Константиновича погибли в гражданскую войну. 15 января 2012 года он отпраздновал свое 99-летие, с этой уникальной датой рождения его приехали поздравить представители «Теплого дома». Так уж случилось, что кровные родственники его уже покинули этот мир, потому связь с немецкой диаспорой для Фишера сродни родственной. Такие люди, их жизненный путь, является примером для нас. Его жизненный путь – это типична история российского немца, который верой и правдой служил своему Отечеству. В выставочной экспозиции на почетном месте в витрине экспонируется трудовая книжка Отто Константиновича, датированной 1939 годом. Как все советские граждане он был призван в Красную армию как раз в канун Великой отечественной войны, воевал в 1941 году на Ельнецком направлении Брянского фронта. В октябре по указу от 28 августа 1941 года был отозван в Москву, где проживал со своими приемными родителями, и транзитом был отправлен в трудовую армию на строительство Бакалстроя (будущий Челябинский металлургический комбинат), на Потанинский кирпичный завод.

Украшением выставочной экспозиции стала фотовыставка Александра Нахтигала, председателя областного немецкого культурного центра. Это фотолетопись немцев-трудармейцев, чей труд приближал победу над общим врагом – фашистской Германией.

Автор выставочной экспозиции искусствовед Ирина Вейс.

(28.01.2012 г.).

Елизавета Воробьева

НЕМЕЦКИЕ ТРАДИЦИИ МЕТАЛЛУРГОВ

Многие жители и работники ЧМК согласны: лучшего места с исторической точки зрения для Немецкого культурного центра, чем Металлургический район, не найти.

Челябинская областная общественная организация «Немецкий культурный центр» «родилась» 30 апреля 1989 года. Своим появлением она обязана группе бывших трудармейцев – строителей Челябинского металлургического комбината, среди которых Герта Факанкина, Амалия Миллер, Густав Гофман, Александр Леонгардт, Губерт Витлиф и другие. Общество выросло из клуба друзей газеты «Neues Leben», которая была центральной газетой советских немцев. Сравнительно скромная задача «газетного клуба» – информировать соотечественников о шагах по восстановлению исторической справедливости в отношении репрессированных со временем переросла в большее – рассказать людям об истории одного из советских (а теперь и российских) народов, воспитать у потомков российских немцев уважение к предкам, привить им национальную культуру, научить языку.

Символическое место

Сейчас Немецкий культурный центр располагается в здании Римско-Католической церкви. Проект живописного сооружения создал инженер-архитектор Франц Везингер в 1992 году. Храм рассчитан на двести пятьдесят мест и по форме напоминает глыбу природного кристалла. Нужно сказать, что основные строительные работы проделали управление капитального строительства «Челябметаллургстроя», фирмы «Стройтекс» и «Востокметаллургмонтаж». Кстати, «Челябметаллургстрой» в своё время построил и Челябинский металлургический комбинат, а «Востокметаллургмонтаж» является одной из подрядных организаций, сотрудничающих с ЧМК. По словам председателя правления Немецкого культурного центра Александра Нахтигала, активисты приложили руки к тому, чтобы здание церкви получилось именно таким, какое оно сейчас, а не меньше. В 1998 году католическая община, включавшая в себя не только немцев и поляков, но и представителей других народов переехала из старого молитвенного дома, который уже не вмещал всех верующих, в новую церковь. В 1999 году коллега настоятеля храма отца Вильгельма Палеша отец Райнгард Франитца привёз в подарок челябинским католикам из Германии электронный орган. Бронзовые колокола были подарены церковной католической общиной баварского города Штарнберга. По инициативе Римско-Католической церкви и Немецкого культурного центра на прихрамовой территории в 2004 году был открыт мемориальный комплекс трудармейцам. Именно в этом месте во время Великой Отечественной войны располагался лагерь трудармии № 3. Проект статуи Христа создал австрийский скульптор Винценс Шрайнер, модель для отливки – его челябинский коллега Александр Волков, а изготовили её на Каслинском заводе художественного литья, который входит в ОАО «Мечел». Белый цвет фигура имеет за счёт покрытия специальным устойчивым красителем. Ещё один элемент

мемориала – терновый венец из колючей проволоки был изготовлен на заводе «Теплоприбор». Кроме того, под алтарём захоронена часть останков Неизвестного Трудармейца.

Кстати, мемориал на месте захоронения трудармейцев на коксоотвалах ЧМК – это тоже инициатива Немецкого культурного центра. В 1990 году усилиями активистов эти земли были выведены из сельскохозяйственного оборота, поставлен памятник. С тех пор это место стало главным для поведения Дней памяти погибших в годы репрессий.

В помещении Немецкого культурного центра располагается библиотека, которая была собрана с помощью организации «Союз помощи немцам за границей». Много литературы принесли и сами члены немецкой диаспоры. Здесь художественная литература на русском и немецком языках, учебники, энциклопедии, книги памяти. Организация издаёт газету «Уральские немцы». Кроме того, много материалов есть в интернете на сайте www.rusdeutsch74.ru.

В центре хранится уникальная скульптура Святого семейства. Она была подарена супруге последнего генсека КПСС Раисе Горбачёвой во время одного из официальных визитов в Италию. От неё скульптуру получил академик Дмитрий Лихачёв, в то время – председатель правления Советского фонда культуры. От него святое семейство попало к председателю Челябинского областного отделения фонда Кириллу Шишову. В итоге она досталась Немецкому культурному центру – победителю конкурса на лучшее национально-культурное объединение.

Не боятся быть собой

- Чем же занимается организация сегодня?

- Главные направления для нас, как и всегда – это старики и молодёжь. Вопрос с преодолением последствий Великой Отечественной войны и реабилитацией репрессированных российских немцев так и не решён, – говорит Александр Нахтигаль. – К сожалению, для многих людей слова «немец» и «фашист» до сих пор являются синонимами. После войны немецкие семьи старались скрыть от детей их национальность и историческую память. В итоге связь поколений разорвана. Молодёжь, которая сейчас приходит в центр – это внуки немцев-трудармейцев, но они не чувствуют своего родства с тем, что было. Нужно всё начинать заново, объяснять, что немцем быть не стыдно и не страшно. Многие наши старики до сих пор боятся своего прошлого, вдобавок, им обидно, что трудовой и фронтовой подвиг российских немцев фактически вычеркнут из исторической памяти. Недавно я купил книгу «Военная история Урала», где о тех, кто строил становой хребет промышленности в годы войны, нет почти ни слова. Просто замалчиваются очевидные общепризнанные факты, и это горько осознавать. Мы же стараемся собрать по крупицам все знания, и поделиться

с тем, кто захочет их взять.

Поддерживают стариков не только морально. С помощью гуманитарных организаций Германии для ветеранов трудармий из Челябинска и области уже не в первый раз устраивается лечение в санатории, многие получают гуманитарную помощь от Правительства Германии. Чествуют их и в День Победы, и в День памяти и скорби и 28 августа, в день, когда в 1941 году был принят указ о выселении немцев из Поволжья. Работает центр совместно с теми организациями, которые занимаются историческим примирением российского и немецкого народов. Например, к 60-летию Победы прошла конференция российских и немецких ветеранов. Они обсудили главную проблему нашего времени — как добиться того, чтобы военная трагедия прошлого больше не повторилась, приняли обращение «В XXI век без оружия и войн». В 2011 году представители Немецкого культурного центра в составе российской делегации участников и малолетних жертв Великой Отечественной войны, посетили Германию, участвовали в памятных мероприятиях, посвященных 70-летию начала войны.

За годы было налажено тесное сотрудничество с Союзом немцев за рубежом и московским отделением Института имени Гёте. Эти организации обеспечили центр методическими пособиями по изучению немецкого языка, литературой, оргтехникой.

Представители культурного центра принимают активное участие в акциях историко-культурных акций, в составе делегации области участвуют во всех съездах советских немцев и трудармейцев.

Стало доброй традицией отмечать немецкие семейные праздники – Рождество, Пасху, а также даты, связанные с памятными событиями немецкой и российской истории. Состоялось несколько фестивалей немецкой культуры, в том числе и на площадке ДК ЧМК. Музыкальные традиции российских немцев развивают ансамбль «Кристалл» из Копейска и ансамбль «Эдельвейс» из Коркино.

Язык объединяет и помогает

Работа с молодёжью связана с языковой программой Немецкого культурного центра, которая называется «HalloNachbarn Neu». Проводится она с 1993 года совместно с Институтом имени Гёте. Изначально была рассчитана на немцев, которые собрались уезжать на историческую родину. Со временем на курсы стали брать и тех российских немцев, которые собираются остаться в России и хотят изучить немецкий язык для общения в семье, в диаспоре, а также понять свои корни. Сейчас на бесплатные уроки немецкого приглашают всех желающих – не только немцев, но и представителей других народов России.

- Курс рассчитан на два года, но для тех, кто хочет повышать свой уровень предусмотрено продолжение, - рассказывает куратор

курсов Алевтина Слабышева. – В этом году Гёте-институт предоставил нам обновлённые учебники, составленные немецкими методистами, направлены на то, чтобы люди не просто учили грамматику, а могли говорить на немецком в повседневной жизни. Язык со временем изменяется, развивается, мы учитываем это, проводим семинары для наших преподавателей с тем, чтобы они могли научить курсистов именно живому языку, на котором говорят в современной Германии. На курсах мы рассказываем о разных праздниках, моментах немецкой истории, обмениваемся рецептами национальных блюд. Одним словом, наши курсисты проживают целую интересную и насыщенную жизнь. Мы очень благодарны учителям за труд. Они – настоящие энтузиасты своего дела, работают с душой. Хотелось бы поблагодарить и газету «Челябинский металлург» за помощь. Нам важно найти российских немцев именно на Челябинском металлургическом комбинате, ведь с ним связана вся история немцев на Урале.

Немецкий культурный центр выражает благодарность одной из самых первых учителей и методистов, сотрудничавших с организацией, Розе Пищиковой. Сейчас ушли на заслуженный отдых двое замечательных преподавателей Галина Данилова и Людмила Степура. На данный момент с курсистами успешно работают преподаватели Вера Голубкова, Юлия Гужова, Нина Шастова. В проекте трудились и помогали ему развиваться учителя «немецкой» гимназии № 96 Светлана Никитина, Галина Синицына, Ирина Сафронова, Екатерина Миронова.

Сейчас в стенах родного учебного заведения они заняты новым проектом – «Sprach-диплом». Выпускники, подтвердившие свои высшие знания языка и получившие его, получают право напрямую поступать в любые немецкие вузы. Кстати, с гимназией № 96 центр сотрудничает со дня своего основания. Директор Юрий Пинеккер входил в состав первого правления организации. Ученики гимназии № 96 не раз становились победителями областного и федерального этапов конкурса знатоков немецкого языка.

Так что, как показывает жизнь, знать язык Шиллера и Гёте выгодно.

- В Советском Союзе главным иностранным языком, который учили, был немецкий, - говорит Александр Нахтигаль. – Думаю, к этому нужно возвращаться и сейчас, ведь изучив немецкий язык, человек получает не только гуманитарное знание, но и доступ к передовым европейским технологиям. Когда я учился в Гамбурге на специальных курсах, то видел, что людей, желающих учить немецкий, много по всему миру. Вместе со мной учились представители Колумбии, Турции, Ирана, Франции, Таиланда, Греции и многих других стран. И, на мой взгляд, неправильно говорить о немецком языке, только как о языке Германии, ведь он – язык одного из народов России. Наш центр входит в состав «Ассамблеи народов Челябинской области», сотрудничает с дру-

гими национально-культурными центрами, поддерживает мероприятия, направленные на общение между разными народами, которые вместе живут в нашей огромной стране. Именно межнациональным отношениям народов России в XX-XXI веках посвящена книга, над

которой я сейчас работаю. В ней собираюсь о почти тридцатилетнем опыте работы нашего Немецкого культурного центра. Так что, мы не останавливаемся, развиваемся и ждём у себя всех, кому интересны немецкий язык и культура.

Лидия Панфилова

ПОНАЕХАЛИ ТУТ!

Проблемы межнациональных отношений ждут своего решения

Сегодня на Южном Урале насчитывается свыше ста национальностей. Нуждается ли национальная проблема в специальном регулировании или достаточно положиться на традиции совместного проживания представителей разных народов – об этом размышляет председатель правления Челябинской областной общественной организации «Немецкий культурный центр» Александр Нахтигаль.

— **Александр Яковлевич, многие считают, что Челябинская область находится далеко от центра России с его социальными и экономическими противоречиями, люди у нас веками жили рядом, у них добрососедские отношения и делить, им по сути, нечего.**

— Отсутствие национальных конфликтов не может быть мерилом состояния межнациональных отношений. К тому же Южный Урал давно перестал быть благополучным в этом отношении местом. В Челябинской области, как и везде в российском обществе, нередки проявления ксенофобии, национализма, ключевая фраза, определяющая отношение к представителям других национальностей, – «понаехали тут».

— **В чем причина обострения национальных отношений?**

— Одна из главных причин в том, что с распадом СССР на свалке истории оказался и полезный опыт по укреплению межнационального мира. Разрушена старая пропагандистская машина, растерян научный потенциал, а ничего нового не создано. Работа по сохранению национальной культуры, языка, традиций в основном ведется силами национальных общественных организаций, практически без поддержки государства. С одной стороны, здорово, что у нас есть энтузиасты, делающие большое дело, по сути, за бесплатно, а с другой, такая дешевая национальная политика очень дорого обходится государству. В перечне потерь «Торнадо», пронесшийся над Миассом, кровавая разборка в армянском ресторане в Верхнеуральске, избивание руководителя корейского центра Василия Пака...

Масла в огонь межнациональной розни подливает пресса. Несколько лет назад я провел опрос среди студентов одного из челябинских вузов. На вопрос, формируют ли СМИ негативное отношение к некоторым народам,

48,5 процента ответили «да», 20 – «нет», 31,4 затруднились ответить. И действительно, рассказывая об очередном конфликте с участием представителей других национальностей, наши СМИ подчеркивают национальность некоторых участников, особенно если они с Кавказа, и умалчивают степень участия русских. Тем самым внушается мысль: те, что с Кавказа, чужие, не похожие на нас. А вот о том, что сделали эти «чужие» для процветания Родины, узнать порой невозможно. Вы не услышите от школьных педагогов или музейных работников информации о том, что русский художник Айвазовский имеет армянские корни, русский писатель Фонвизин – немецкие, писатель Бабель был евреем и так далее.

Тема отдельного разговора – законы, затрагивающие интересы национальностей. Это законы о языке, о национально-культурных автономиях и другие. Мягко говоря, они далеки от совершенства. Концепция национальной политики РФ до сих пор не принята.

В последнее время появилась традиция перемещать решение межнациональных вопросов в плоскость теоретических обсуждений и таким образом как бы уводить общество от решения реальных проблем. А жизнь с ее межнациональными обострениями остается на уровне милицеских сводок. Естественно, и оценка этим фактам дается тоже на бытовом уровне: в межэтнических стычках видят проблему шашлычников, хулиганские разборки, дележ рыночного пирога, но только не пробелы, допущенные государственными органами разного уровня в области национальной политики.

— **Где же выход?**

— Надо капитально ремонтировать подход государства к национальной политике, пересматривать принципы, на которых она строится. Главной ошибкой специалисты считают сохранение понимания национальности как

биологического наследования некоей суммы качеств, никак не связанного с действиями, которые побуждали бы народ учить родной язык, общаться с культурой предков, улучшать социальную среду обитания. Если следовать этой «биологической» трактовке понимания национальностей, то любой малочисленный народ, проживающий на территории РФ, является второстепенным и не имеет перспектив для сохранения своей национальной самобытности уже в силу своей малочисленности. Официальная пропаганда, конечно, говорит о равенстве, но на самом деле это не так.

Между тем стремление сохранить свое национальное достоинство – естественное желание любого народа, и у каждого должен быть выбор. Если человек по крови украинец, но ощущает себя русским, то никто не может ему запретить быть таковым. Но если татарин хочет оставаться в рамках своей национальности, он должен иметь возможность развиваться именно в этом направлении, то есть получать образование на родном языке, читать книги на этом языке, посещать театр, смотреть ТВ. У большинства народов России такой возможности нет. Национальный язык в лучшем случае остается языком семейного общения. Хотя потомки российских народов, проживающие в Австралии, Франции, Финляндии и других странах, когда приезжают к нам на конгрессы, свободно изъясняются на родном языке. Там в обществе царит атмосфера уважения к национальным традициям, созданы условия для сохранения национальной самобытности.

— **В России принята федеральная программа по возрождению российских немцев, а вы много лет возглавляете Немецкий культурный центр. Помогает ли эта программа в работе по сохранению национальной самобытности?**

— К сожалению, принятие программы по возрождению культурной и социально-экономической базы российских немцев – в большей степени заслуга правительства ФРГ, которое выделяет бюджетные средства для поддержки российских немцев. Российская же сторона свои обязательства выполнила лишь на 6 процентов. И даже эти скромные деньги в основном идут на хозяйственные нужды. Современная котельная – это, конечно, хорошо, но вряд ли это поможет российским немцам сохраниться как этнической общности, прекратить их отток из России.

Если мы действительно хотим приступить к решению этой задачи, надо начинать с признания ошибок. Самый забытый из всех законов – о реабилитации репрессированных народов, подписанный Ельциным. Несмотря на существование этого закона, представители десятков народов, в том числе российские немцы и их потомки, остаются в сознании нашего общества как предатели и пособники врага. Народы не могут быть преступниками, а если говорить конкретно о немцах, то государство должно признать факт незаконной ликвидации республики немцев Поволжья в

годы Великой Отечественной войны. Признать факт репрессий и их чудовищный масштаб. Признать незаконными и отменить все акты Верховного совета СССР и постановления правительства в отношении советских немцев и других народов. Провести серию просветительских мероприятий (создание фильмов, передач, книг по заказу правительства РФ), в которых рассказать о подвиге тех же трудармейцев, учредить День трудармейца. Разобравшись с историей, можно перейти к дню сегодняшнему: организовать изучение языка, активизировать работу с молодежью, продолжить развитие партнерских отношений с германскими организациями. Цель этой работы – вернуть российских немцев в общество российских народов, признать их роль в истории российского государства.

— **Какие, по-вашему, главные задачи должно решать государство в сфере национальной политики?**

— Это объединение усилий государства и гражданского общества. В России, в том числе и в нашей области, действуют десятки общественных национальных организаций, которые накопили бесценный опыт по пропаганде межнационального согласия и дружбы народов. К сожалению, этот опыт государственными органами не востребован. Уверен, что все законодательные акты должны проходить широкую общественную экспертизу.

— **Какой орган должен, по-вашему, это осуществлять?**

— У нынешнего Министерства регионального развития РФ, на которое свалили эти проблемы, вопросы государственной национальной политики стоят в самом конце после жилищно-коммунального хозяйства. Да и президент уже сказал, что федерального министерства национальностей у нас не будет. Нам нужен орган с широкими полномочиями, который мог бы оценивать действия федеральных структур в области межнациональных отношений и влиять на их работу. Думаю, неплохо было бы создать такие органы и на региональном уровне. Возможно, это были бы управления наподобие юридических. Все принимаемые законы предварительно проходили бы здесь экспертизу на предмет учета национальных особенностей. Кроме того, сотрудники этих управлений мониторили бы состояние национальных отношений и информировали об этом власти.

Уверен, если бы в стране и в регионах был такой орган, можно было бы избежать национальной напряженности во многих регионах. У нас бы появилась перспектива, мы бы знали, как выстраивать отношения таким образом, чтобы жить в мире, сохраняя национальное своеобразие каждого члена сообщества. Как, например, в Германии, где государство обеспечивает право представителей других национальностей на самоидентификацию. Учитывая, что в стране миллион турок, в городах строят мечети, в школах вводится изучение турецкого языка.

Да что говорить о Европе, даже у наших соседей в Тюмени есть комитет по работе с национальностями, в его составе 17 сотрудников, есть солидный бюджет, отработана система получения грантов, а для Дома дружбы выделен прекрасный Дворец культуры. У нас

же в Челябинске Дом дружбы – это несколько комнат в Доме культуры для слепых. Тревожный символ, характеризующий отношение общества к межнациональным проблемам.

(2011)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Историю любого народа пишут его представители. Так уж в нашей жизни бывает, что национальность, становится даже именем человека. Не раз приходилось в жизни сталкиваться с тем, что когда ищешь какого-то специалиста, тебе говорят, что вот по такому-то адресу живет немец, обратись к нему. И тебе уже не надо никаких других рекомендаций: раз немец, значить все будет сделано по высшему разряду.

Как важно, чтобы эта традиция сохранилась.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О бывшем военном летчике

Рудольфе Лигновском

Эта статья об удивительном человеке. Рудольф Лигновский – бывший военный летчик. В 1987 году, когда ему исполнилось 34 года, он, дослужившись до майора, по болезни вышел на пенсию и поселился в Калуге. Стал работать референтом общества «Знание». Потом был заместителем директора Калужского института социологии (КаИС), пресс-секретарем городского головы, заместителем директора Калужского хлебокомбината. И даже успел поработать политическим технологом. В день Петра и Павла, 12 июля 2015 года его не стало...

Рудольф родился в 1952 году в Челябинской области в трудовом лагере для советских немцев. Его отец – Иван Яковлевич Лигновский, поволжский уроженец – по причине национальности оказался на долгие годы за колючей проволокой. Мама – Александра Николаевна – была уральской казачкой. Влюбившись в заключенного, она добровольно стала делить со своим мужем все тяготы

лагерной жизни. Вначале родилась Валентина, потом Лидия. Рудольф был третьим ребенком в семье. Еще в грудном возрасте вместе со всей семьей мальчик оказался в Каргале. Туда их решили перебросить с Урала.

Кстати, оба деда Рудольфа были репрессированы на рубеже 20-30 гг. Дед по немецкой линии – за то, что был банкиром. Дед по русской линии – за то, что был белоказак. Впоследствии оба деда были официально реабилитированы. Рудольф показывал эти документы. Запомнилась строчка «Причина смерти – расстрел»...

На самом деле фамилия немецких предков – фон Лигниц. Приставка «фон» обозначает статус барона. «Славянизация» фамилии произошла, когда из Гамбурга еще в XVII веке предки переехали в Австрию. Один из пращуров служил при дворе австро-венгерских императоров. Ему было, в частности, доверено сопровождать семейство Мацартов в гастролях по Европе. В немецкой линии есть также род Гам. Именно эти предки основали город Гамбург.

До шести лет Рудик не видел никаких других пейзажей кроме пыльных улиц между бараками и вышек с пулеметчиками по периметру. В 1958 году их лагерь расформировали и, с поражением в правах, Лигновских выпустили на свободу. Они так и остались в Казахстане. Старшая сестра и по сей день живет в Алма-Ате. Она известный политолог, профессор.

А Рудольф мечтал о небе. В десятом классе он спросил у знакомого летчика: «Какие самолеты летают выше всех и быстрее?» «Самолеты ПВО», – был ответ. И после школы он поступает в Армавирское летное военное училище. Это был самый первый набор. Рудольф сдал экзамены, прошел все медицинские тесты. Видимо, это и заставило приемную комиссию приподзакрывать глаза на этническую принадлежность его отца. Уже будучи в Калуге Рудольф вступил в общество русских немцев «Видергебурт» («Возрождение»). Одно время он подумывал уехать вслед за родителями в Германию. В 1996 году за советом поехал в Оптину пустынь к отцу Илию. На вопрос Рудольфа «Стоит ли мне ехать за границу?» старец ответил: «У Бога границ нет». Рудольф решил остаться на Родине.

Получив лейтенантские погоны, Рудольф сразу же назначается летчиком-инструктором. Вначале он служил в Азербайджане, потом в Киргизии. Ему доверяли обучать иностранных курсантов: соколов Садама Хусейна, воздушную гвардию Муаммара Каддафи, ребят из Эфиопии, Вьетнама, Кубы.... Мало кто знает, но помимо повышения нашего престижа в мире, обучение иностранных летчиков приносило нашей Родине сотни миллионов долларов дохода.

...Язва желудка поставила крест на летной карьере. Рудольф отнесся к этому философски. «У меня начинается новый этап в жизни», – говорил он.

Для нового этапа своей жизни Рудольф выбрал Калугу. С работой он определился быстро – общество «Знание». Однако, нужно было решить еще одну задачу – найти новых друзей. Поскольку Рудольф увлекался социологией, он просто пришел на почту и спросил: «Кто в Калуге выписывает журнал «Вопросы социологии?» Оказалось, что помимо него еще три человека – Андрей Кириллович Зайцев, Юрий Абрамович Барклянский и Головкин (ред.: имя и отчество автору статьи не известны). Именно эти люди в 1990 году позвонили Рудольфу в КИИС. Рудольф также искал своих единомышленников по статьям в калужских газетах. Если автор интриговал его своими текстами, то Рудольф с ним связывался.

В обществе «Знание» Рудольф в 1988 году создал устный журнал «Молодость». Тогда на волне гласности под любую известную личность можно было собирать огромные залы. Рудольф приглашал таких людей, одно имя которых уже возбуждало интерес. Бывший председатель КНБ СССР Семичастный, композитор Гладков, Элла Панфилова, Шохин, известные артисты и еще много других лиц и до сих пор остающихся на слуху. Все они после первого же разговора с Рудольфом с радостью ехали в Калугу.

Рудольф обладал редкой харизмой. В любой среде сразу же признавался его авторитет. Он всех спонсировал какой-то мощной и веселой энергией. И мужчин и женщин, и взрослых и детей, и русских и иностранцев.

В КаИСе в 1990 году прошел первый международный семинар консультантов по управлению. За организацию его отвечал Рудольф. Участники приехали из Голландии, Бельгии, Израиля, Великобритании, ЮАР... Все остались в полном восторге от мероприятия и русского гостеприимства. После этого началось многолетнее сотрудничество КаИС с зарубежными консалтинговыми компаниями.

Второй этап жизни закончился в середине нулевых, когда Рудольф все чаще стал болеть. Третий оказался последним...

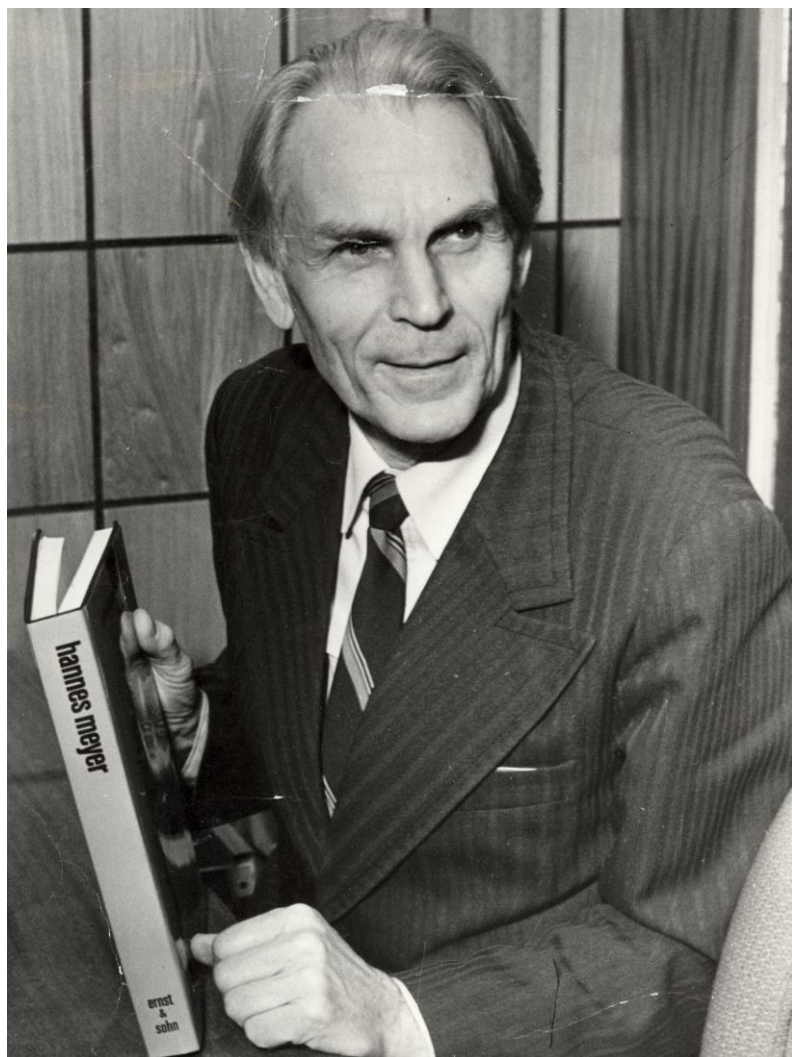
В дом Рудольфа можно было прийти в любое время. Он так искренне радовался! Разговор почти сразу же переходил на философские темы. По ходу Рудольф изобретал целые теории. Щедро цитировал любимых им Михаила Булгакова и Владимира Высоцкого. Очень точно давал полезные житейские советы.

Он мог бы стать русским Антуаном де Сент Экзюпери. Добрый, как всегда все понимающий и немного грустный. Мы все без Рудольфа были бы другими. Он нас брал за руку и тянул вверх. В небо, которое он так любил. Он помог нам обрести нашу сущность. Он был так убедителен, что ему верилось сразу. Он всегда всех хвалил. Ни разу не осудил никого. Рудольф умел гордиться близкими ему людьми. И нам хотелось соответствовать.

Человек жив, пока о нем помнят. Мы не забудем тебя, Рудольф.

<http://www.rusdeutsch.ru/Nachrichten/8807>

Бременский музыкант Иван Иванович Менгель

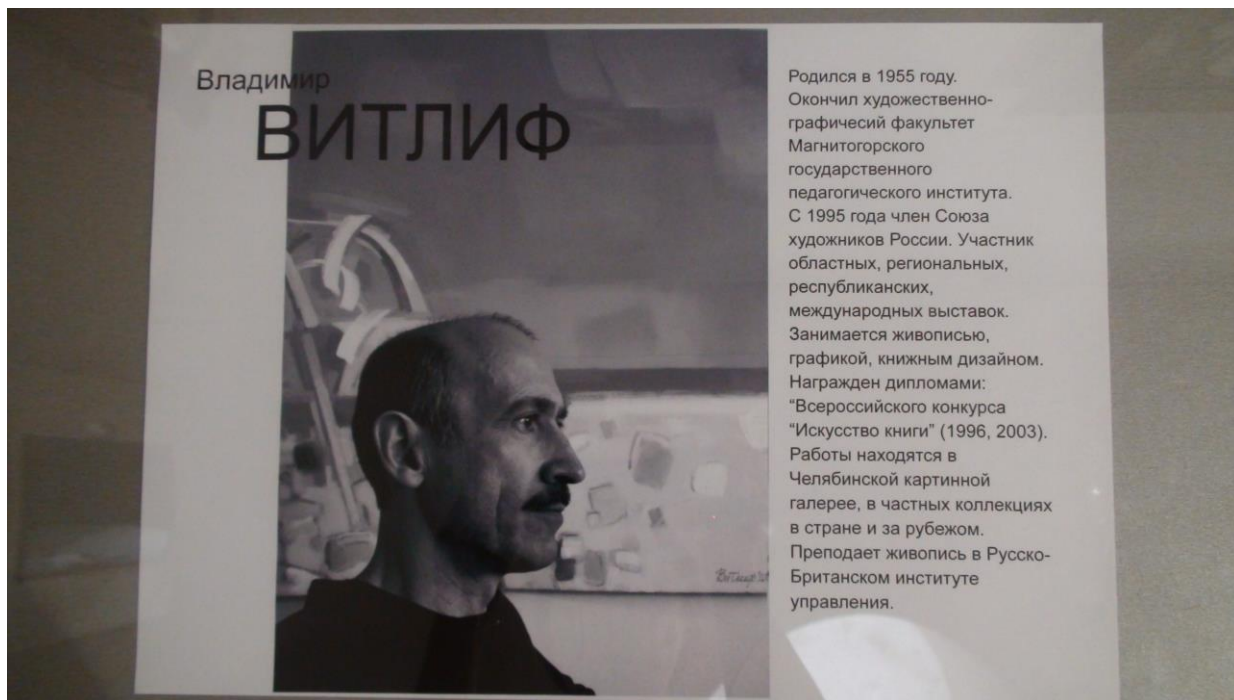

Народная артистка СССР Валентина Леонтьева и ее
 "бременские музыканты" в телевизионной передаче
 "От всей души" из города Копейска.

Владимир Губертович Витлиф

Выставка Владимира Губертовича Витлифа

Ирина Штаух

Александр Миллер

Педагог Том Иванович Шлей, директор школы № 96 (Челябинск)

Ростислав Гепп («Ариэль»)

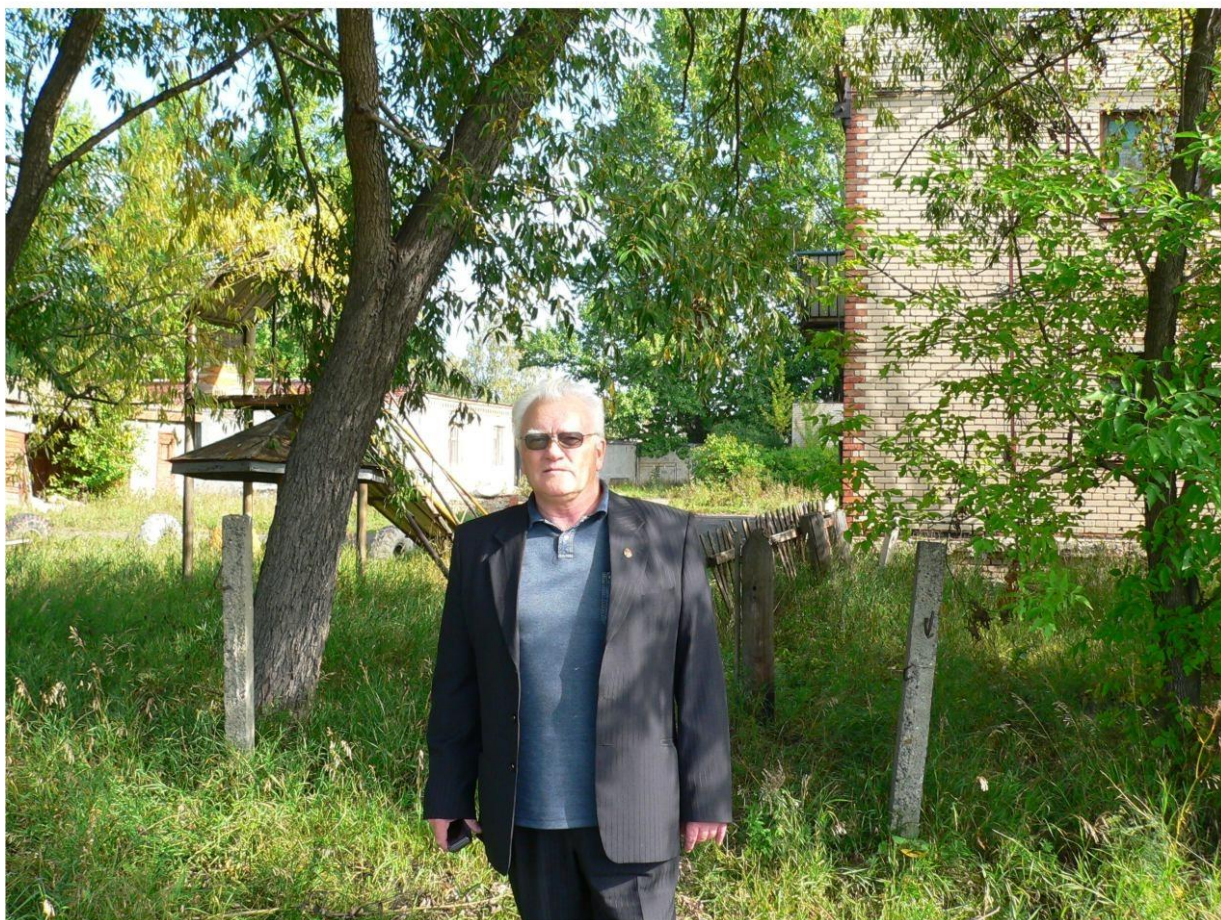
Ростислав Гепп

В. Гринимайер в родных местах

В. Гринимайер в родных местах

Мюллер Альфред Эрнстович

С губернатором П. Суминым на строительстве ледового дворца «Молния»

Фридрих Липс

Александр Миллер – Душа «Эдельвейса»

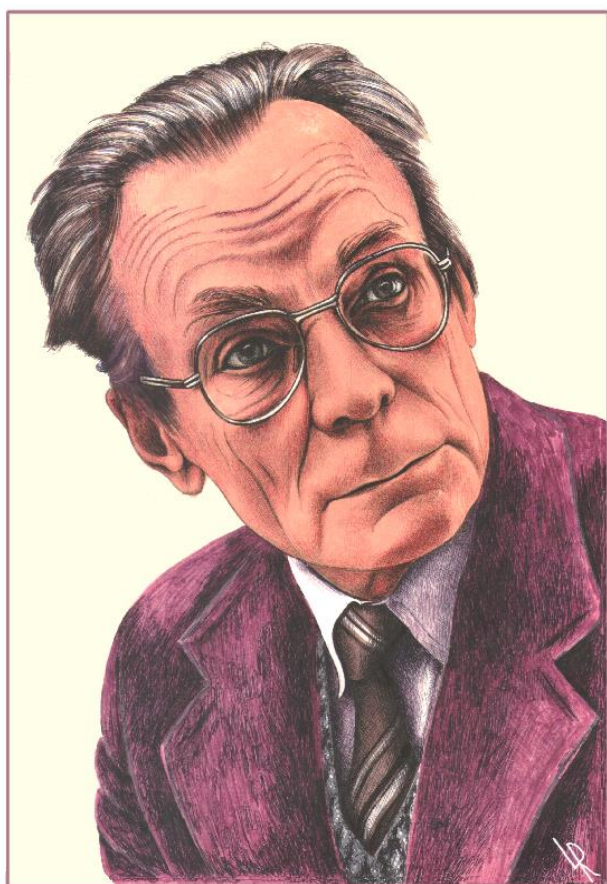
Семья

Путь в счастливую жизнь

**Роберт Адольфович Лейнонен (Копейск),
инженер, писатель, поэт, художник и фотомастер**

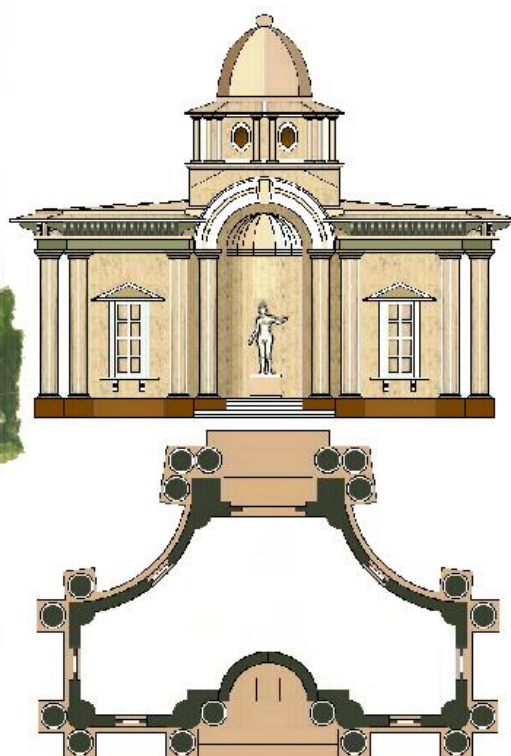

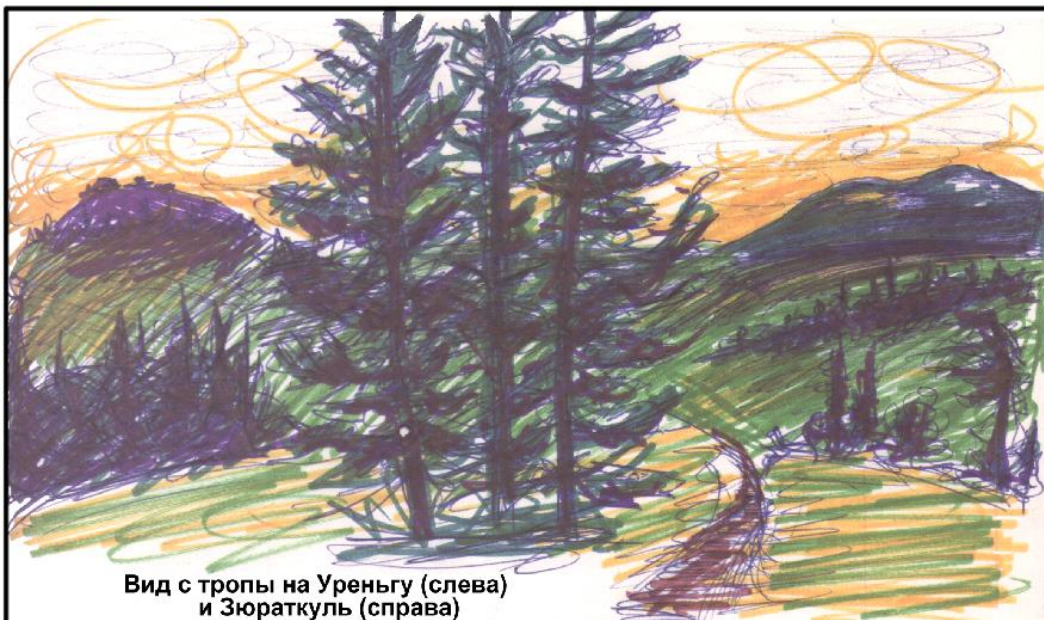
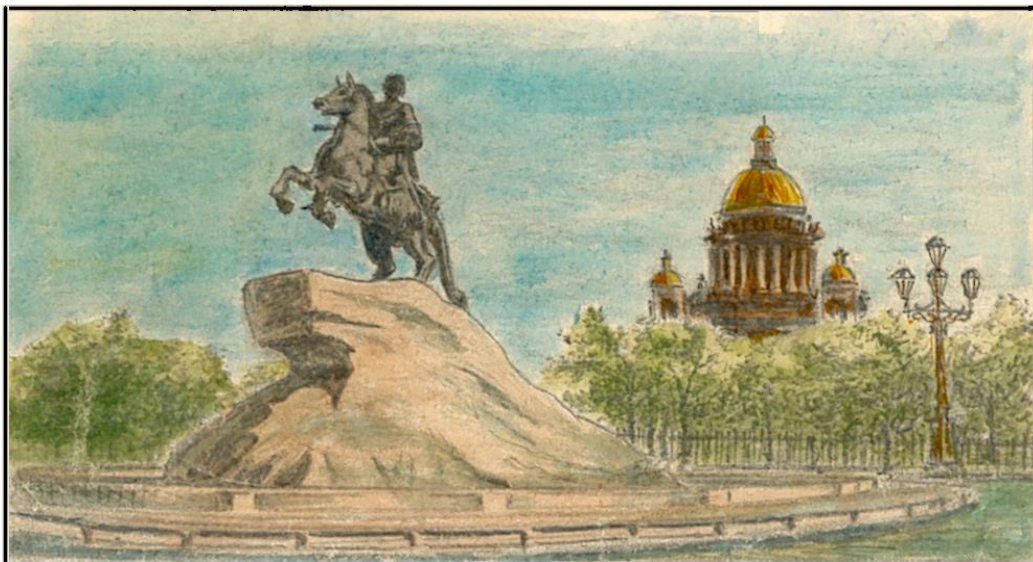
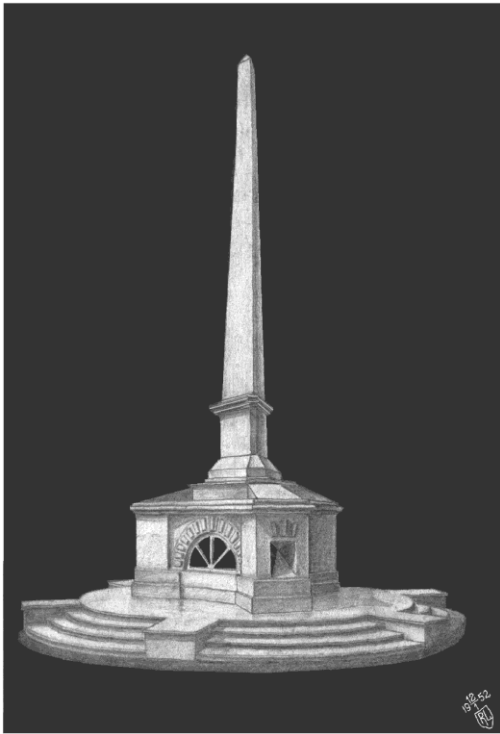
Работы Роберта Адольфовича Лейнонена

Мой проект павильона
в классическом стиле
1952 год.

Р

Вид с тропы на Уреньгу (слева)
и Зюраткуль (справа)

Глава Копейска начал реконструкцию сквера

Глава Копейска посетил с рабочим визитом поселок 2-й участок и встретился с жителями. Поводом для встречи стал вопрос реконструкции сквера имени А.И. Тиссена - излюбленного места для прогулок и отдыха.

Отметим, что жители в начале этого года написали главе Копейского городского округа Вячеславу Истомину коллективное письмо, с просьбой помочь реставрировать главный сквер поселка. *«Спасибо главе Копейска за отклик на нашу просьбу. В этом году юбилейная дата – 95 лет исполняется Александру Ивановичу Тиссену, основателю этого сквера. Это центр нашего посёлка, в котором мамы гуляют с детьми, а ребята занимаются спортом и дышат свежим воздухом. Все деревья мы сажали своими руками, а зимой мы заливаем в сквере каток»*, - рассказала представитель Совета ветеранов Любовь Зайцева.

«Несколько лет назад мы провели здесь освещение, отсыпали дорогу по улице Некрасова, организовали маршрутное такси. Жители просят возродить сквер. Возле клуба «Союз» постепенно, шаг за шагом, идёт реконструкция. Сейчас в сквере появилась детская площадка, спортивные турники», - рассказал Вячеслав Истомин. *- Теперь необходимо провести работы по спилу деревьев, установить фасадную часть забора и убрать мусор, оставшийся от старых бараков. Также будут проведены работы по реставрации памятника Владимиру Ленину»*.

На территории сквера находится детский клуб «Союз». *«Администрация пообещала к новому учебному году навести в сквере порядок. В планах у главы помочь установить нам хоккейную коробку, у нас любят хоккей и коньки»*, - добавила руководитель детско-юношеского клуба «Союз» Татьяна Трапезникова.

Восстановление сквера им. Тиссена

Отто Фишер, трудармеец, старейший болельщик «Спартака»

Юрий Фридрихович Фоос , поэт Юрий Седов

Семья

Отец

Школьники

